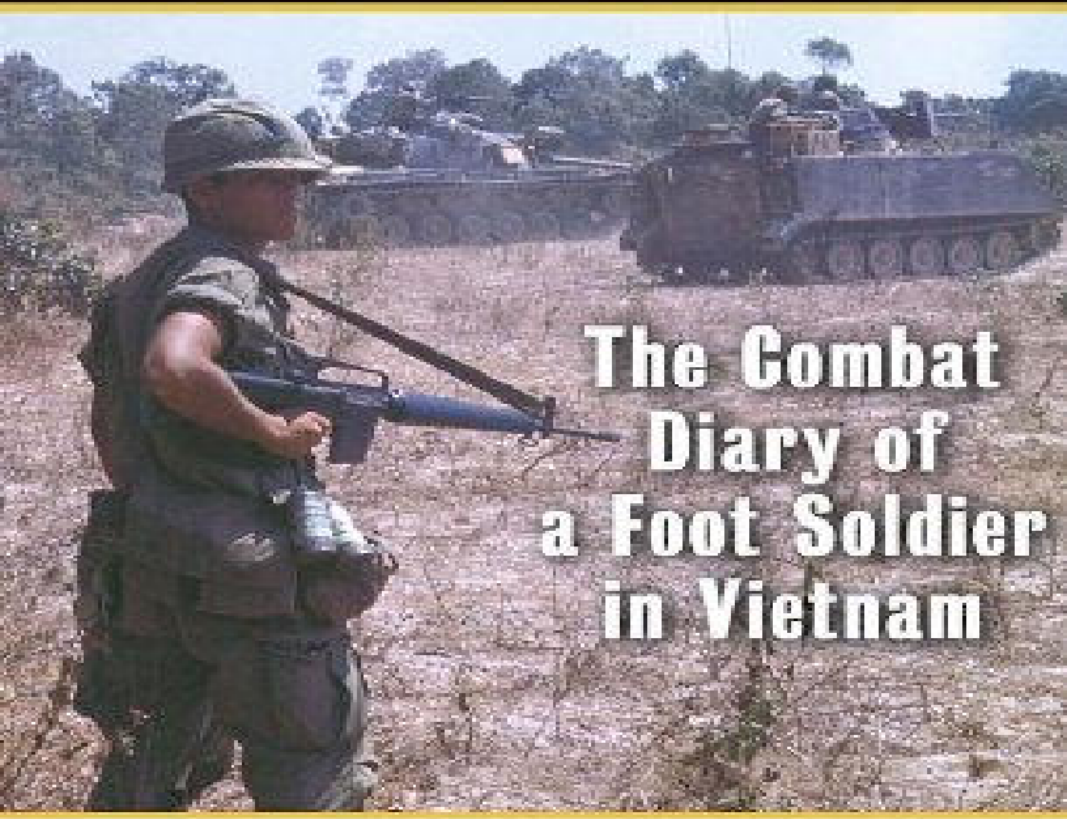
BLOOD TRAILS



The Combat Diary of a Foot Soldier in Vietnam

Christopher Ronnau

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кристофер Роннау служил во Вьетнаме в 1967-м году, книга написана в 2006-м на основе дневниковых записей. Месяц за месяцем описан срок службы, весьма подробно и живо.

- Кристофер Роннау
  - ОТ АВТОРА
  - ЯНВАРЬ
  - ФЕВРАЛЬ
  - МАРТ
  - АПРЕЛЬ
  - ПОСТСКРИПТУМ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

Кристофер Роннау
КРОВАВЫЕ СЛЕДЫ
Боевой дневник пехотинца во Вьетнаме

Посвящается моим маме и папе, конечно же. А также всем мамам и папам из клуба «Золотая звезда»[1], которым пришлось хуже, чем мог представить себе любой солдат, будь то в Первую, Вторую или Вьетнамскую войну.

ОТ АВТОРА

Моя военная служба во Вьетнаме — мой повод для гордости. Я очень благодарен своему дневнику, который вёл в Индокитае. Он стал одной из наиболее дорогих мне вещей.

Дневник помогает моим воспоминаниям о Вьетнаме сохранять связь с реальностью. На каждом слёте «Чёрных Львов», что мне доводилось посетить, явно проступали признаки синдрома ложной памяти. Десятилетия разъели наши воспоминания, и мои тоже, до такой степени, что мы не соглашаемся друг с другом так часто, что если бы вы послушали наши разговоры, то усомнились бы, что мы говорим об одной и той же войне. Без письменных дневниковых отчётов о своей жизни, я наверняка не вспомнил бы о множестве событий 1967 года, а многие другие помнил бы ошибочно.

К сожалению, мой дневник напичкан унизительными прозвищами различных расовых групп, а также негативными замечаниями о гомосексуалистах. Mea culpa. Это результат моего недостаточного социального развития в те времена. Так в те времена выражались солдаты в возрасте от восемнадцати до двадцати одного года. К счастью, я вырос и изжил такого рода мысли и выражения. Я не пережил бы, если бы мои дети услышали от меня подобные слова. Они никогда их от меня не слышали.

Я не стал вычищать негативные отзывы из текста, потому что это было бы не точно с исторической точки зрения. Если это кого-либо оскорбит, то злого умысла тут нет, примите мои извинения.

Некоторые имена в моей книге изменены.

ЯНВАРЬ

Для меня Вьетнам прошёл не впустую. Я многое оттуда вынес. Там я повзрослел. Впрочем, заранее я всего этого не знал, что приглушало мой энтузиазм, так что когда настало время отправляться, я этого не сделал, по крайней мере, не сразу. Раньше в моих поступках было больше порыва. Мне не нравился гигантский монолит под названием коммунизм и, подобно ястребам в правительстве, я верил в теорию домино бывшего президента Эйзенхауэра. Если одна маленькая страна в юго-восточной Азии рухнет перед Красной Угрозой, остальные последуют за ней, падая, словно костяшки домино, и горе тому, кто попадёт в этот ряд.

Желая внести свой вклад, я завербовался в армию. Под влиянием того, что можно назвать грандиозным приступом запредельной глупости, я записался лишь после того, как получил гарантию зачисления в пехотную часть. Я недальновидно опасался, что несколько троек и двоек, что я умудрился получить в городском колледже Лонг-Бич, могут ограничить мою службу конторской работой или ещё каким-нибудь местом на заднем плане. Это мне не подходило. Я хотел увидеть бой.

В «Унесённых ветром» компания наивных и невежественных подростков отправилась с плантации Эшли Уилкса «Двенадцать дубов», чтобы вступить в армию Конфедерации. В пути они издавали восторженные боевые вопли и предвкушали боевую славу, которая непременно должна была вскоре последовать. Так же и я не хотел пропустить войну, дать ей пройти мимо меня. Я записался в пехоту, чтобы увидеть сражение. Так я рассудил своим незрелым разумом. Это был не слишком хорошо обдуманный план.

После четырёх месяцев начального обучения и дополнительного курса пехотных тренировок армия стала выглядеть более реалистично. Дата моего убытия в боевое подразделение повлияла на мой прежний образ мыслей, и я уже совсем не так горел отправиться точно вовремя. В конце концов, надвигающиеся события временно остановила моя сестра. Она взяла студенческие билеты в Роуз-Боул, как раз на мою дату отправки, Новый Год-1967. Мы посмотрели, как «Пердью» разгромил «Южную Калифорнию».

«Южная Калифорния» в Роуз-Боул стоила того, чтобы ради неё уйти в самоволку, такое пропускать нельзя. Я рассчитывал, что армии так отчаянно нужны свежие силы, что они не посмеют меня посадить. Худшее, что они смогут со мной сделать —

отправят во Вьетнам, а это и так должно было случиться. Когда автобус привёз меня на базу морской авиации Окленд-Аламеда, никто и не заметил, что я опоздал на три дня.

Там размещались тысячи джи-ай, ожидающих отправки. На несколько дней нас поселили в гигантском складе, где не было ничего, кроме рядов металлических коек и стульев. Это было ужасно скучно. Большая часть пребывания там стала упражнением в проверенном временем армейском обычае «поторапливайся и жди».

Нам, впрочем, обновили прививки, прогнав сквозь двойной строй медиков с пневматическими шприцами-пистолетами. Они одновременно кололи нас в обе руки, пока мы проходили между ними. Когда всё кончилось, моя медицинская карта гласила, что я готов противостоять тифу, гриппу, бубонной чуме, оспе, холере, столбняку и жёлтой лихорадке. Как люди могут жить в стране, где столько болезней? Кому такое придёт в голову?

Шприц-пистолет при срабатывании издавал громкий свистящий звук, и оставлял отчётливый рубец, который болел, словно ожог от медузы. Процедура была несколько раздражающей. Один парень так дёргался, что получил укол в подмышку. Мы все взвыли от хохота.

После обработки нас отправили на военно-воздушную базу Трэвис неподалёку от Окленда, штат Калифорния. Над головой там проносилось так много самолётов, что вскоре мы, как и грязно-серые чайки, которые там были повсюду, просто перестали обращать на них внимание. Как и большинство военнослужащих, отправляющихся во Вьетнам, мы летели коммерческим рейсом. Я попал на рейс «Континентал Эйрлайнс» семь-что-то-семь, со стюардессами и обедом. Гражданских пассажиров в самолёте не было, и кино тоже не показывали. Перелёт был столь утомительным и таким длинным, более двадцати часов, что один фильм нас всё равно не спас бы. Потребовался бы как минимум весь Каннский фестиваль.

Через несколько часов полёта мы приземлились для дозаправки в Гонолулу, где нам разрешили выйти из самолета на сорок минут, чтобы размяться и пройтись по закрытой части аэропорта. Досадно было побывать в раю и не иметь возможности им насладиться. Я не видел ни одной достопримечательности, не попробовал морепродуктов, и даже ничего не выпил. Это было прискорбно. Апофеозом моей поездки на Гавайи стало удачное сбитие мухи в писсуаре аэропортового туалета. Однако теперь я мог отвечать утвердительно, когда кто-нибудь спросит, был ли я на Гавайях. Только не просите показать фотографии.

На полпути между Гавайями и Вьемнамом пилот сообщил

нам по громкой связи забавную новость, что в честь нашего прибытия местные вьетконговцы уничтожили из миномётов посадочную полосу в Плейку, куда мы должны были прибыть. Соответственно, наш рейс временно перенаправлен на Филиппины. Мы направлялись на военно-воздушную базу Кларк неподалёку от Манилы, чтобы там дождаться, пока полосу не починят.

Когда мы приземлились, двое неприветливых военных полицейских вошли в самолет, чтобы сказать нам, что мы можем оставаться в самолёте или выйти и дожидаться в ангаре. «Курить запрещено», — громко гавкнул тот из них, что повыше, — «И не разбредаться нахер, чтобы нам вас потом не искать». Спускаясь по металлическому трапу, невозможно было не заметить изящный, величественный самолёт-шпион А-12 «Блэкбёрд», стоявший рядом с нашим. В это время высокий полицейский добавил, явно не подумав: «И не фотографировать, потому что этого самолёта не существует, так что ни хера не должно быть никаких его фотографий». Его слова потонули в щелчках фотоаппаратов, столь частых, как будто в ангаре завёлся сверчок.

Четырьмя часами позже мы взлетели, направляясь на авиабазу Таншоннят. Они не сумели привести полосу в Плейку в состояние, пригодное для приёма пассажирских самолётов за столь короткое время. Мы летели в III корпус в зоне Сайгон вместо II корпуса в зоне Центральной Возвышенности. Меня это разочаровало. Я наделся попасть в 1-ую кавалерийскую дивизию, а она стояла в зоне II корпуса. Вся слава принадлежала 1-ой дивизии. О ней всегда говорили в новостях и в газетах. Такого не должно было случиться. Вот так запросто, несколько ВК с миномётом не нашли себе лучшего занятия в пятницу вечером и навсегда изменили наши судьбу и будущее так, что нам никогда не этого постичь. Возможно, те из нас кому суждено было быть убитым или раненым, или напротив, почти не увидеть сражений, теперь перемешались из-за этой ночи, о которой мы все скоро позабудем. Очень удачно было начать с такого загадочного события, предвестника причудливой сути наступающего года.

Почти рассвело, когда мы приземлились во Вьетнаме. Воздух у выхода был очень влажным и очень горячим, так что мне пришлось задержать дыхание на секунду и прикинуть, действительно ли я могу дышать в такой атмосфере. Место казалось столь же комфортабельным, как сталеплавильная печь. Люди на земле вели себя так, как будто всё было в порядке, и они вполне привыкли. Мысль о том, что ещё долгое время придётся обходиться без кондиционера, разве что генерал Уэстморленд пригласит меня на ужин, засела у меня в голове.

На нижних ступеньках трапа стюардесса со светлыми волосами до плеч подбадривала нас: «Пошустрее, мальчики, поторапливайтесь на войну!» Её комментарий выглядел немного легкомысленным. Она выглядела староватой для стюардессы, лет на тридцать, но всё равно она была дружелюбной, бойкой и по-настоящему складной. Ей, должно быть, платили боевые за все её шуточки и замечания, которые она отпускала во время полёта, не съездив никому по физиономии. Я тут же в неё втрескался и в душе желал, чтобы она поехала со мной.

Таншоннят в 1967 году был самым загруженным аэропортом мира, куда каждый день прибывало больше рейсов, чем куда-либо ещё. Оживление было видно повсюду, пассажирские и военно-транспортные самолёты выгружали свежее пушечное мясо и принимали старое. Гладкие реактивные истребители проносились туда и сюда, захватывающе было на них смотреть. Несколько неожиданно было видеть, как «Супер Сейбр» F-100 взлетает, испуская десятифутовый хвост пламени так близко от нас, что можно поджарить на нём пастилку. Я думал, что мы прекратили использование F-100 после Корейской войны. В журнале я как-то читал, что война обходится в миллион долларов в час. Вид всех этих самолётов и языков реактивного пламени привёл меня к мысли, что, пожалуй, эта сумма могла быть верной. Остальная часть аэродрома, на которую не предъявляли прав летательные аппараты с неподвижным крылом, была усыпана вертолётами. Они, казалось, вели себя подобно бабочкам и садились, где им нравится.

С взлётной полосы нас загрузили в выцветшие жёлтые автобусы, более пыльные, чем дилижансы времён Дикого Запада. Наш водитель сидел на своём месте неподвижно, глядя на рулевое колесо взглядом столь бессмысленным, что можно было подумать, что он умер перед нашим приездом или что ему всё надоело в прямом смысле до смерти. Он, наверное, не пошевелился бы, даже если «Радио Сити Рокеттс»[2] начали бы танцевать в его автобусе. Он не произнёс ни слова. Так прошёл для него год в зоне боевых действий. Я этого ещё не понимал, но больше половины военных, участвовавших в войне, занимались вспомогательной работой, которая усыпила бы даже страдающего самой жестокой бессонницей.

Обстановка в автобусе была древней. Толстая проволочная сетка, натянутая поверх окон, никак не помогала. Теоретически она должна была помешать местным жителям забросить внутрь автобуса что-то, что могло нам повредить, прежде чем мы зарегистрируемся в качестве официальных участников военных действий.

Внезапно, фигура в чёрной пижаме появилась из темноты и побежала по земляной насыпи ко мне и к автобусу. Голова человека была накрыта одной из этих белых конических шляп, так хорошо знакомых мне по теленовостям. Ситуация меня встревожила. Я был близок к панике. Волосы у меня на спине встали по стойке смирно, а сердце забилось учащённо. Прежде, чем я успел закричать об опасности, нападающий достиг края аэродрома прямо за моим окном. Тут я заметил, что он несёт два тюка белья, удерживая их на концах длинного шеста у себя на плечах.

Я украдкой огляделся, не заметил ли кто моей реакции. Никто не заметил. Я изо всех сил старался выглядеть крутым. Трудно выглядеть крутым, когда сидишь в автобусе. На своей первой встрече со смертью, со старой прачкой, идущей на работу, я чуть не наложил в штаны. Даже если бы она попыталась огреть меня своей кипой белья, проволочная сетка на окне должна была меня спасти. Сейчас это всё выглядит глупо, но в тот раз я здорово понервничал.

По ухабистой дороге автобус доставил нас в Лонг Бинь, мощный военный комплекс примерно в пятидесяти милях к северо-востоку от Сайгона. Это была наша крупнейшая база во Вьетнаме. Нам сказали, что каждый дюйм дороги, по которой мы ехали, находился под контролем, и что в этих краях нет никакой вражеской угрозы. Я даже удивился, почему в таком случае нас спереди и сзади сопровождали два джипа с установленными на них пулемётами.

Первым делом после временного зачисления в ряда 90-го резервного батальона в лагере Альфа стало, конечно, оформление бумаг. Бумаги на обмундирование, бумаги на питание, бумаги о прививках и бумаги о смене адреса. Нам всем выдали по цветной открытке, изображающей дюжего джи-ай, который с примкнутым штыком стоял возле земного шара и намеревался затоптать огонь, охвативший Юго-Восточную Азию. Нам приказали написать нашим матерям ободряющие новости, что мы добрались благополучно и всё хорошо, как будто авиаперелёт был самой опасной частью нашей поездки, и теперь всё пойдёт как по маслу.

Как только жизнерадостные открытки были собраны, мы переключили наше внимание на бланк доклада о потерях, то есть на бланк «кого-нам-известить-когда-вам-оторвёт-яйца».

К моему удивлению, я оказался единственным во всей группе, кто поставил галочку, указывающую, что никому не следует сообщать в случае, если меня ранит. В голове у меня возникла картина, как моя бедная мама получает сообщение о том, что её малыша ранило, но не поясняющее ни вид, ни тяжесть ранения,

ни даже то, где меня лечат. Она, без сомнения, позвонила бы в Пентагон, до полного изнеможения выслушивала бы от безымянных клерков, что они никогда обо мне не слышали, или что у них недостаточно полномочий для разглашения какой-либо информации без справки, которую я должен подписать в случае, если они сумеют меня найти. Я не мог подвергать её таким испытаниям.

Командующий нами сержант попытался посулить мне всевозможные беды насчёт моего решения не поддаваться панике и не оповещать весь мир, если мне выстрелят в задницу горохом из трубки. «Давай, тебе надо сюда кого-нибудь вписать», — увещевал он меня. Он не мог понять мою точку зрения, хотя я старательно пытался её объяснить, и под конец обругал меня с предупреждением: «Если ты окажешься в коме или погибнешь или ещё что мы всё равно сообщим твоим ближайшим родственникам, хочешь ты этого или нет». Сержанту не удалось меня переубедить, но у меня от него разболелась голова. Мне сильно полегчало, когда я закончил с этим парнем и покинул его канцелярские чертоги.

Мы сдали американские доллары и получили вместо них бумажные деньги, которые мы прозвали деньгами для «Монополии». Это были разноцветные банкноты два на четыре дюйма, на ощупь они были как настоящие доллары, но назывались военно-платёжными сертификатами, ВПС.

На банкотах любого достоинства изображалось лицо одной и той же безымянной женщины, с короткими светлыми волосам, жемчужными серьгами, в той же позе, что у королевы Елизаветы на канадских долларах. Никто не смог её опознать. По-видимому, она была просто вашингтонской девчонкой, которой случилось переспать с кем-то из Бюро гравировки и печати. ВПС в двадцать пять центов являл собой необычайно яркое красно-бело-синее типографское изделие, больше всего похожее на билет в цирк или на родео. Американские монеты у нас тоже забрали. Теперь мы не могли даже перекинуться в карты на четверть доллара со скуки.

У меня, помимо зелёных долларов, была ещё пачка чеков «Американ Экспресс». Они заставили меня их тоже обналичить. Сейчас я задним числом понимаю, что очень глупо было брать дорожные чеки на войну, это одна из тех дурацких вещей, которые может сделать лишь американец. Нам также предложили возможность обменять часть наличности на местную валюту. Их денежная единица называлась донг. Так было напечатано на банкнотах, но все называли их «пиастры». Курс в то время составлял 118 пиастров за доллар.

Большинство из нас взяли половину на половину. Наши

военные магазины принимали только ВПС. Вьетнамские торговцы хотели пиастры. Однако, большая их часть готова была принять ВПС, тщательно их пощупав, поглядев на свет и прикинув, сколько они будут стоит, если американские военные когда-нибудь покинут город.

После бумажной работы прошло три категорически отстойных дня, скучных с большой буквы «С». Мы выходили на построение четыре раза в день, и нам объявляли имена тех, кого определили в то или иное подразделение. Эти люди затем отправлялись к месту своего назначения.

В остальном мы просто сидели и ждали. Просидеть в палатке три дня, дожидаясь — это вам не на пикник сходить. Так долго я не ждал даже Второго Пришествия.

Были какие-то работы и караульная служба, но мне всё никак не удавалось заполучить какое-нибудь задание для спасения своей жизни. В три часа утра моего пребывания в лимбе я бродил туда-сюда по гравию возле палатки. Один из сержантов оказался понимающим человеком и предложил мне стать часовым, с чем я радостно согласился. Мне и ещё одному парню по имени Винсент выдали винтовки М-14 и по шестьдесят патронов и отправили охранять укрепление из мешков с песком возле главных ворот с 0400 до 0800.

Шоссе №1, также известная, как Безрадостная Улица, пролегала прямо перед нашей позицией в нескольких футах от нас. По ней бежал прерывистый поток велосипедов, мотоциклов и маленьких грузовичков, которые мелькали мимо нас на произвольной скорости. В промежутках было тихо.

Около 0600 часов всё было совершенно спокойно, Винсент пошёл в столовую на завтрак и оставил меня одного. Положение стало опасным. Я не имел ни указаний, ни соображений, как вести себя в любой из бесчисленных ситуаций, что могли возникнуть. Я оказался предоставлен сам себе, а местность моментально стала угрожающей. Тени начали шевелиться, и появились звуки, которых я раньше не замечал. Переключатель на моей винтовке встал в положение автоматического огня раньше, чем Винсент успел намазать маслом свой бутерброд.

За несколько минут до 0700 у быстро приближающегося школьного автобуса лопнула задняя покрышка, и машину занесло боком в сторону моего бункера. В воздух взвилась целая буря камней и гравия. Водитель лишь слегка притормозил, выровнял автобус на дороге, нажал на газ и исчез, так и не узнав, насколько он меня взбодрил и насколько близок я был к тому, чтобы обстрелять его немытый автобус.

В 0800 я сменился с караульного поста и возвратился в ряды

безработных. Небольшая хитрость зачислила меня в строительную команду, располагавшую достаточным количеством лопат и тачек, чтобы построить ещё одну плотину Гувера. Мы прошагали на стройплощадку, где немедленно получили день отгула, потому что цемент, который мы должны были заливать в фундамент, не привезли.

В тот день я обнаружил на базе несколько забегаловок, которые армия содержала для развлечений и для прибыли. Там была музыка, пиво и игровые автоматы. Я никогда эти автоматы не любил, но мне нравилось глушить пиво «Хэммс», глядя, как другие проигрывают свои деньги одноруким бандитам.

Через несколько часов после наступления темноты я уже порядочно набрался. Когда начали сыпаться миномётные снаряды, я вышел наружу поглядеть. Вот это зрелище! Великолепная демонстрация огневой мощи, когда снаряд за снарядом обрушивался на базу в полумиле от меня. Сверкали яркие вспышки, за ними следовал глухой грохот. Не похоже было, что какой либо из них может упасть близко ко мне. На этой стадии игры я все ещё ориентировался на окружающих. Никто вокруг меня не мчался сломя голову в бомбоубежище, пропуская вперёд женщин и детей и всё такое. Я тоже оставался на месте. Когда всё закончилось, я пошел спать.

На следующий день в одном из множества неразличимых металлических ангаров некий невидимый клерк пытался одолеть неприступную гору бумаг, которая медленно росла, словно гриб, на вершине его старого деревянного стола. Между глотками растворимого кофе и затяжками «Мальборо», он разделил большую кучу на несколько меньших кучек и разложил их на несколько металлических поддонов. Вуаля! Теперь я служил в 1-ой пехотной дивизии.

Настало время залезть в грузовики, которые грузились в рейс по шоссе №1 в штаб дивизии в Ди Ан. Доехали мы быстро, со скоростью 50 миль в час, с множеством резких манёвров, дабы объехать медленно ползущие повозки и велосипеды по обеим сторонам дороги. Подобная любезность не распространялась на трехколёсные велотележки, которыми управляли исключительно мудозвоны, испытывающие тягу к смерти. Они проскакивали через колонну между грузовиками, шныряя вправо и влево, не обращая внимания на то, что их судьба будет предрешена, случись им ошибиться хоть капельку. Наш водитель даже не притрагивался к тормозам, когда они выскакивали сбоку, перестраивались перед нами, а затем обгоняли едущий впереди грузовик с другой стороны. Чистое безумие.

Поездка также дала мне обширное представление о жизни в

трущобах. Вот что получается, когда тысячи фермерских семей переселяются в нео-урбанистические районы без земли и без работы. По сторонам дороги тянулись ряды облезлых шлакоблочных домов без дверей. Голуби сидели в незастеклённых окнах. Дети без присмотра играли в пугающей близости от проносящегося транспорта. Ветер трепал белье, развешанное над кучами навоза, который тут был повсюду. Дворы были маленькие, пустые и неухоженные, нигде я не видел ни одного цветка. Цветок не съешь. Повсюду свиньи и собаки. В некоторых дворах собак было больше, чем детей, и собаки порой выглядели чище. Казалось, что мы сражаемся за гигантскую восточную Тихуану.

Мы прибыли в Ди Ан, проехав мимо вывески, гордо несущей на себе девиз дивизии «Не бывает невыполнимых заданий, не бывает чрезмерных жертв. Долг превыше всего». Вскоре мы вновь занялись ожиданием в огромных дозах, только тут мы зачастую ждали, построившись, как будто что-то должно было произойти. К закату, во время построения, которое, как мы надеялись, было последним за день, что-то произошло.

Тощий человечек с нашивками капрала и папкой официальных на вид бумаг подошёл и заговорил к командовавшему нами унтер-офицеру. Унтер медленно покачал головой и мрачно посмотрел на капрала, как бы говоря, что тот не прав. Капрал подошёл к стою, попытался сделаться выше, чем был на самом деле, и закричал: «Здесь есть кто-нибудь с 91-Браво?» Мы все замерли. Можно было услышать падающий лист. «Парни, среди вас тут есть медики?» — снова закричал капрал. Опять никто не ответил. «Раз, два, три, четыре», — отсчитал он, шагая вдоль строя и указывая пальцем в лицо первым девятерым. «Отлично, парни, вы теперь медики», — объявил он. Затем он объяснил, что из какого-то подразделения вышибли дерьмо, и они потеряли много своих медиков. Теперь им нужно пополнение. Девять человек — которые теперь ругались, проклинали всё и взывали к небесам — получили приказ лезть в стоявший неподалёку грузовик.

— Вот дерьмо! — пробормотал, заикаясь один из девятерых, — Я не какой-то там чёртов медик!

Но он всё равно оказался в грузовике. Я стоял в строю двенадцатым и был этому определённо рад.

Это событие стало самым диким и безответственным решением, что мне приходилось видеть в армии за всё время. Я просто не мог поверить. Я был бы меньше потрясён, если бы капрал приколол мне на плечи звёзды и объявил меня генералом. Трудно себе и вообразить, каково это — лежать с простреленным

горлом и получить медицинскую помощь от врача, который учился на автомеханика. Это должна была бы быть шутка. Но это была не шутка. Таковы армейские порядки. Из водителя грузовика делают повара, а из повара — водителя грузовика, а потом удивляются, почему еда всё время опаздывает, а когда приедет, то оказывается несъедобной.

Появился ещё один джи-ай, без папки, который тоже обратился к унтер-офицеру. Затем он повернулся к нам и спросил «Рядовой Роннау здесь?» К счастью, оказалось, что этот парень — Боб Ривз, один из моих лучших школьных друзей. Он служил шифровальщиком в 121-м батальоне связи и провёл во Вьетнаме уже несколько месяцев. Когда я понял, что это Боб, мне сразу полегчало. Услышав своё имя, я уж подумал, что он сейчас назначит меня пилотом вертолёта или командиром танка. Боб рассмеялся, когда я рассказал ему историю с медиками, но не похоже было, чтобы он сильно удивился.

Боб устроился лучше всех, кого мне довелось встретить. Он жил в сорокаместной палатке вшестером с пятью другими парнями. У них было освещение, электричество, много москитной сетки и небольшой холодильник. Они даже завели домашнюю собаку по имени Трэвис.

В школе Боб был любимцем девушек, высоких красивый шатен с карими глазами. У него всегда была подружка. Вьетнам не стал исключением. Одалживая джип, он регулярно посещал близлежащую деревушку, где встречался с третьей дочерью местной крестьянки. По-видимому, он не мог выговорить её имя, а она уже устала его учить. Так или иначе, они сошлись на том, что он будет звать её Трес. Боб потягивал номер три.

Недавно он получил посылку с печеньем и вещами от моей мамы, которой был, очевидно, очень благодарен. Как и большинству солдат, ему тут было тоскливо, и он скучал по большому миру.

— Я бы лучше остался без еды, чем без почты, — сказал он мне.

Мы прошлись по той части лагеря, где жил Боб, чтобы всё посмотреть. На обратном пути мы встретили идущего навстречу джи-ай. Когда мы разминулись, Боб шёпотом сообщил мне, что парень, которого мы только что видели — один из тех, что подхватил неизлечимый триппер. Его держали на карантине и не должны были отпустить домой, чтобы зараза не распространилась по всем Соединённым Штатам. Эту болезнь называли чёрной гонореей.

Я был потрясён и обернулся, чтобы глянуть ещё разок. Этот парень был легендой. Любая лекция о венерических заболеваниях

упоминала о его неизлечимом триппере и вреде неупотребления резинок. Увидеть его было всё равно, что увидеть Каспера-привидение и узнать, что он существует.

Нам также говорили, что выделения, вытекающие из члена этого парня, были не обычной гнойной жидкостью, обычно сопровождающей гонорею. Они были густыми, чёрного цвета, словно отработанное моторное масло. Таким образом, отлить для этого солдата было всё равно, что выссать осколки бритвенного лезвия. Мораль была в том, чтобы беречь свой член, использовать презерватив и всё такое. А если вы хотите прокатиться без седла, то делаете это на свой страх и риск.

В тот вечер мы пили пиво и смеялись до глубокой ночи. Веселее проводить время во Вьетнаме мне ещё не приходилось.

На следующий день восьмерых из нас назначили сопровождать колонну грузовиков из Ди Ан в Бьен Хоа и обратно. Сперва нас послали в оружейную за оружием. Клерк выдал каждому из нас по винтовке М-14. Это были неподъёмные железяки, не слишком сложно устроенные по сравнению с М-16, которые мы рассчитывали получить, раз уж мы наконец вступили в ряды дивизии.

Клерк оказался шутником из южных штатов, который, прежде, чем выдать винтовку, непременно пытался угадать, откуда каждый из нас родом. Такое у него было хобби. Во мне он предположил уроженца Новой Англии, потому что на мне не было и намёка на загар. Потом он сузил выбор до Вермонта, потому что я высокого роста. Вот незадача. Все остальные его предположения тоже были мимо. Про себя он сказал, что его родина — Джорджа, как он это сам произносил. Он поглядел на меня бессмысленным взглядом, когда я спросил, далеко ли это от Атланты.

Мы получили по одному пустому магазину, но не получили патронов. Магазин создавал впечатление, что оружие полностью снаряжено, но боевые патроны нам выдавать не полагалось. Такие у него были инструкции.

За углом посреди комнаты была сложена беспорядочная куча взрывчатых предметов высотой в пять футов. В ней были гранаты, мины, миномётные снаряды и даже противотанковая ракета, торчащая на вершине кучи, словно гигантская свечка на праздничном торте. Всё это барахло выглядело неуместно среди ровных рядом винтовок и аккуратно сложенных ящиков с патронами. Клерк сказал нам, что это контрабанда, которую отобрали у джи-ай, отбывающих из Ди Ан в большой мир. Одному Богу известно, что они собирались делать со всей этой ерундой на улицах Америки. Сомневаюсь, что сами это знали, или вообще

имели внятные мысли на этот счёт.

Через полчаса мы взяли свои винтовки, и наш конвой направился в сторону Бьен Хоа. Поездка по сельской местности стала приятной переменой обстановки. Наши двух-с-половиной-тонные грузовики были пустыми, если не считать двух человек в кузове каждого. Нам и впрямь ни к чему были патроны для охраны груза, которого не было. Ситуация начала приобретать здравый смысл.

Большая часть пути пролегала по грунтовой дороге на равнине. Построек мы видели немного, пока не добрались до предместия Сайгона. Там мы проехали завод по переработке сахарного тростника, от которого вся дорога смердела, как дохлая лошадь, на протяжении примерно мили. Вывеска банка «Чейз Манхэттен» на мгновение поверг меня в ностальгию. От вида двух солдат АРВН (армии Южного Вьетнама), идущих по улице, держась за руки, ностальгия моментально умерла, и я смотрел на них, словно потрясённый ребенок. Мой напарник испустил целый шквал замечаний насчёт гомиков и пидоров, отчего мы оба громко рассмеялись. Я не помню его точно его шуточек — они были теми же, что обычно и звучали довольно забавно. Водитель смеялся вместе с нами, и сказал, что здесь мужчины иногда держатся за руки или ходят, обняв друг друга, даже если они не педики. От его слов я задумался, держатся ли за руки ВК или северовьетнамские солдаты. Может, так и было, но я как-то не смог себе этого представить.

В Бьен Хоа водитель головного грузовика остановился перед армейским ангаром и зашел внутрь с папкой бумаг. Вскоре он снова появился на ступенях у входа в сопровождении лейтенанта. Они говорили между собой, листая бумаги. Затем водитель вприпрыжку помчался обратно к машине, выставив вверх указательный палец и вертя им в воздухе, указывая нам разворачивать машины. Мы уезжали. Он завел мотор и мы последовали за ним в Ди Ан. Наше задание, в чём бы оно ни заключалось, было выполнено.

Вечером я, как обычно, пошёл в гости к Бобу выпить холодного пива. В этот вечер, в отличие от предыдущих, устраивалось организованное развлечение. Красный Крест собирался показать нам кино на большом уличном экране. Мы перетащили наше пиво в зону просмотра и квасили весь фильм — «Невада Смит»[3] со Стивом Мак-Куином.

Единственное, чем я занимался в Ди Ан — периодически стоял на земляном плацу перед нашими палатками, где сержант гулким голосом зачитывал, кто должен убыть в какую роту и батальон нашей дивизии. Если ваше имя называлось, вас

отправляли в ваше новое подразделение.

В центре плаца на два фута возвышалась цементная колонна, вкопанная в землю. При каждом зачитывании один везучий джи-ай мог использовать её в качестве сиденья и сидел во время церемонии. Всякий раз этот джи-ай рано или поздно обнаруживал металлическую пластинку, прикреплённую к одной из сторон колонны. Это была памятная табличка о рядовом Джеймсе Рэе Гриффи из Харви, штат Иллинойс, которого в январе 1966 года точным выстрелом убил снайпер. Гриффи в то время было всего девятнадцать лет, он провёл во Вьетнаме всего несколько дней и даже не получил назначения в подразделение. Стабильно каждый раз после обнаружения таблички сидящий вставал и медленно отходил в сторону, таращась на колонну.

Рядовой Гриффи стал, должно быть, одной из первых американских потерь и погиб в то время, когда ещё существовала практика ставить памятники в честь павших. Позднее, если бы мы ставили таблички в честь каждого парня, которого упаковали в мешок и отправили домой в мраморный сад, то южная часть Вьетнама выглядела бы так, словно её завернули в фольгу.

Наконец, и мне сообщили, что моим подразделением станет рота «С» в батальоне 2/28, также известном, как «Чёрные Львы». Их постоянный базовый лагерь находился в Лай Кхе на шоссе №13, немного севернее Сайгона на территории III корпуса.

Путешествие из Ди Ан в Лай Кхе получилось забавным. Две дюжины наших набились в грузовой отсек двухмоторного винтового самолёта «Карибу». Сидений не было. Мы сидели на полу и цеплялись за что попало, чтобы нас не вытрясло из самолёта. Пилоты не закрыли задние грузовые двери. Они были открыты нараспашку. Я совершенно уверен, что это нарушало какие-то лётные правила, и шутливо намекнул на это парню постарше себя, который на вид был командиром экипажа.

— Малыш, мы во Вьетнаме, тут нет никаких правил, — такой он дал мне ответ и хихикнул. Скоро мы привыкли к открытым дверям и наслаждались видами, которые заслуживали внимания. Видимость была такой хорошей, что мы могли видеть, наверное, на сто миль. Под нами, насколько хватало глаз, раскинулись зеленеющие джунгли. Порой зелень прорезали извилистые реки. Я решил, что самая большая из них была рекой Сайгон. Довольно часто мы видели широкие полосы полей и рисовых плантаций, нарезанные на квадраты и прямоугольники, прямо как фермы в Штатах. Где-то далеко горел огонь, над ним на несколько сотен футов в небо поднимался столб угольно-чёрного дыма. Как потом оказалось, почти каждый раз, когда я летел на вертолёте или самолёте, на горизонте был виден дым. Я рассудил, что это

нормально. В зоне боевых действий, по-видимому, всегда что-то где-то должно гореть.

Первым делом в Лай Кхе стал пятидневный курс в школе боевой подготовки, которую все называли «школа джунглей». Это было обязательно для тех, у кого ВУС (военно-учётная специальность) могла включать в себя боевые действия. Я имел специальность 11-Браво, что означало пехоту. Большая часть из нас в школе относилась к пехоте. Встречались и другие обозначения ВУС, все они состояли из числа и буквы. Механизированная кавалерия называлась 11-Эхо, военная полиция 66-Альфа, некоторые медики — 92-Браво, и ещё несколько других, которых я не знал. Всегда можно узнать у солдата, что он делал во Вьетнаме, спросив, какая у него ВУС.

Вывеска над воротами школы джунглей гласила: «Обучение предоставит вражескому солдату максимум возможностей отдать жизнь за свою страну».

На ведущей к школе тропинке я встретил Герберта Бека, знакомого мне по учёбе в Форт-Гордоне в штате Джорджия. Он попал в роту Альфа. Герб крайне мало походил на военного. У него был лишний вес, румяные детские щёчки, и ему никогда не удавалось стоять навытяжку вне зависимости от того, насколько накрахмалена была его форма.

Мы радостно друг друга приветствовали, как всегда делают в тех краях, увидев знакомое лицо. Некоторое время мы обменивались пренебрежительными замечаниями насчёт жары, москитов и страны в целом. Вскоре мы добрались до насущных вещей и принялись заверять друг друга, что мы-то уж наверняка вернёмся домой без малейшей царапины. Мы оба были уверены, что это почти очевидный факт.

Как только мы расселись на деревянных скамьях, на нас немедленно повалила информация. Мы, несколько десятков неофитов, ознакомились со сборкой и разборкой различных видов советского и китайского оружия. Мы увидели мины и ловушки. Мы узнали множество вещей, которые надо или не надо делать. Мы услышали от инструкторов всякие преувеличения относительно жизни в III корпусе и пересказы различных душераздирающих событий, многие из которых уже тогда выглядели надуманными.

Сержант Фуэнтес был приятным парнем, но иногда его было сложно понять. Мой школьный испанский находился в лучшем случае на среднем уровне. Фуэнтес, впрочем, внушал куда больше доверия, чем сержант Ла Гуардиа, которого мы прозвали сержант Лазанья. Лазанья был смуглым, всегда выступал без рубашки, и у него над сосками виднелись татуировки «сладкий» и «кислый». Я

почему-то не могу вообразить его читающим лекции в Гарварде или хотя бы в Лонг Бич.

В тот же день нам всем выдали целую тонну снаряжения — рюкзаки, фляги, пончо, подсумки и каски, но ни боевых патронов, ни взрывчатки мы не получили. Я расписался над пунктирной линией и мне вручили мою личную М-16, сказав запомнить её номер, 179619. Он звучал немного в рифму, но в остальном ни имел никаких особых признаков. Я бы предпочёл номер, совпадающий с моим номером телефона или домашним почтовым индексом. Это была бы действительно приятная психологическая поддержка, потому что, хоть я и наткнулся на пару друзей из Штатов, но всё равно более чем изрядно тосковал по дому.

Ночью мы лежали на своих койках в просторной сорокаместной палатке. Не бог весть что, но в целом достаточно комфортно. Хотя формальное обучение на тот день окончилось, ночью мы получили ещё пару практических уроков жизни во Вьетнаме. Около полуночи батарея 155-мм гаубиц, стоящих неподалёку от нашей палатки, внезапно открыла огонь. Все шесть орудий стреляли разом, грохот стоял оглушительный. Вспышка из шести стволов была столь яркой, что свет проникал сквозь брезент и освещал пространство палатки так, что можно было читать книжку. Все сорок человек вскочили как по команде, вертя головами во все стороны и пытаясь понять, не попали ли мы под крупную атаку. На вторую или третью ночь лишь немногие просыпались после начала обстрела. Урок номер один: если хочешь спать в зоне боевых действий, то надо привыкать. Тут не то, что в колыбельке рядом с мамочкой.

С рассветом наше обучение продолжилось, когда мы обнаружили, что из палатки пропали два пистолета и нож. Урок номер два, некоторые подлые джи-ай украдут даже остывшую какашку, если она не прибита гвоздями. Мне приходилось смотреть за вещами и охранять своё имущество.

Лай Кхе когда-то была процветающей французской каучуковой плантацией, и до сих пор многие акры там занимали высаженные ровными рядками деревья. Они были тонкими, без веток на стволе, но с пышной кроной широких тёмно-зелёных листьев на вершине, распущенных наподобие гигантского зонтика. Крайние листья соприкасались с листьями соседних деревьев, формируя гигантский навес в сорока-пятидесяти футах от земли. Он задерживал большую часть солнечного света и создавал внизу обширное прохладное пространство почти без наземной растительности. Бриз, частенько задувавший под зелёный навес, создавал у земли освежающий эффект аэротрубы.

Десятки старых французских колониальных домов стояли неподалёку от заброшенной плантации. Дома относились к деревне Лай Кхе и населяли их в основном вьетнамцы. Остальная часть деревни состояла из бесчисленных лачуг, построенных из листовой жести, фанеры, листьев каучукового дерева, ржавого железа и прочего мусора. Вокруг всей деревни тянулись заборы из разных видов металлической сетки и колючей проволоки. Для жителей деревни действовал комендантский час. После заката они обязаны были находиться в деревне и оставаться там до рассвета.

Со всех сторон деревню толстым слоем окружали подразделения 1-ой дивизии. Там был аэродром с вертолётной эскадрильей и склад вооружений. Станция медицинской помощи, военный магазин и штаб располагались ближе к центру лагеря, а бронетанковые подразделения, автопарк и артиллерийские батареи чуть подальше. Пехотные части формировали самый внешний слой, по периметру. Тонкое кольцо стрелковых ячеек и укрытий окружало лагерь на все 360 градусов, отделяя базу от ничейной полосы снаружи. Ничейная полоса к востоку и югу от периметра состояла из густых джунглей, которые подступали на несколько метров к стрелковым позициям на сторожевой линии. Территорию перед позициями густо покрывали колючая проволока, сигнальные фальшфейеры и мины. Из-за кишащих там беспокойных обезьян часовые становились нервными и стреляли куда попало. От фальшфейеров обезьяны поспешно разбегались с воплями. Мины отправляли их прямиком в большой небесный зоопарк.

Ничейная полоса к северу и западу от периметра доставляла меньше беспокойств. Там был небольшой склон от укреплений к реке Муй Тхинь, огибавшей лагерь с этой стороны. Река была всего метров пять шириной и лишь в паре мест достигала двадцатипятиметровой ширины. В таком виду она вряд ли имела военное значение, как преграда для наземной атаки. Однако, между рекой и линией укреплений почти не было растительности. Там не нужны были ни мины, ни ракеты. Весь этот участок представлял собой сплошной стрелковый тир. На другой стороне реки джунгли были столь же плотными, как штабель кирпичей.

Клочок земли на западном краю базы, известный как огневой рубеж, использовался в школе джунглей для упражнений в стрельбе. Мы провели большую часть дня, осыпая этот раздолбанный участок противотанковыми ракетами и гранатами. Мы расщепляли деревья и сносили лианы длинными очередями 50-го калибра. От трассирующих пуль то тут, то там загорались

небольшие пожары. Мы все отлично провели время. Когда я уже начал думать, что мои уши сейчас отвалятся, Лазанья дал знак прекратить огонь и сделать перерыв. Естественно, никто из нас оказался достаточно умным, чтобы захватить беруши. Мы вообще не думали, что можно оглохнуть.

«Хлоп, хлоп, хлоп!» — выстрелы из АК-47 раздались с огневого рубежа, и пули подняли небольшие облачка пыли, врезавшись в землю у нас под ногами. Все отскочили в разные стороны. Вот такое охренительное гостеприимство к новым соседям! Я впервые оказался под обстрелом.

— Снайпер, снайпер, снайпер! — вопил Фуэнтес, нырнув в укрытие. Затем он начал выкрикивать приказы, выпуская слова настолько быстро, насколько это возможно для человеческих сил. К сожалению, он говорил по-испански и звучало это как истерика у Рики Рикардо из сериала «Я люблю Люси».[4] К этому моменту мы все растянулись плашмя на земле, желая поглядеть, как наш инструктор справится с этим импровизированным заданием. Мы по-прежнему видели себя больше сторонними наблюдателями, чем участниками военного конфликта, так что мы просто лежали на земле, как будто смотрим по телевизору кино про войну.

Чарли с Огневого Рубежа был тут хорошо известен. Он частенько постреливал из укрытия после того, как группа стрелков заканчивала упражнение, и пытался кого-нибудь зацепить. За несколько месяцев до того он стрелял с позиции чуть восточнее и убил парня из роты «С» во время раздачи почты в проезде между ротными палатками. Как мне эту историю пересказывали, снайпера и его жертву разделяли примерно три сотни метров. Снимаю шляпу перед снайпером, это был либо очень хороший выстрел, либо очень удачный. Я с такого расстояния не попаду ни во что размером меньше мусоровоза. Было бы здорово, если кто-нибудь пошёл и прикончил его, но там валялось столько неразорвавшихся боеприпасов, что только слабоумный отправил бы за ним пеший патруль. Мы, впрочем, предпринимали попытки отстреливаться.

Наши сегодняшние усилия возглавил Лазанья, который, успокоив Фуэнтеса, открыл огонь из М-60. Ещё один преподаватель из школы джунглей использовал М-16. Вскоре подъехал джип с установленным на нём М-60 и самой длинной патронной лентой, что я когда-либо видел. Она лежала на полу джипа кучей размером с пятигаллонное ведро. Они использовали её всю. Мой вклад в нашу национальную оборону в тот день состоял из нескольких залпов моего фотоаппарата «Кодак Инстаматик». Перед тем, как покинуть Калифорнию, я воспользовался зелёной и коричневой краской от сборной модели

самолета, чтобы придать фотоаппарату камуфляжную раскраску. У меня получились хорошие снимки этого эпизода.

На следующий день мы учились ставить мины «клаймор». В один прекрасный момент сержант Уилсон, ещё двое джи-ай и я оказались за небольшой насыпью, где присоединили детонатор к проводу, который тянулся на сорок метров к «клаймору». Уилсон как будто бы кивнул, когда я спросил, не надо ли взорвать мину, так что я её взорвал.

— Ёбаный мудак! Кто тебе сказал это делать? — завопил Уилсон мне в лицо. Он орал, что другие солдаты могли ещё ставить мины и что я их, возможно, их всех убил. Потом он сорвался с места и умчался.

Эти секунды, казалось, длились вечность. Меня охватило отчаяние. Моё сердце упало, моё тело обмякло. Меня окружила тьма. Я не мог пошевелиться, чтобы выглянуть из-за насыпи. Я просидел там целые световые годы, пока не вернулся Уилсон с остальными. Они отошли от мины до подрыва, и никто не пострадал. Мне хотелось проблеваться. С самого начала я переживал из-за возможности случайно ранить или убить кого-нибудь из своих. Когда столько подростков имеют при себе столько оружия, это обязательно должно было с кем-то произойти. Мне не хотелось, чтобы это был я, я больше беспокоился о том, чтобы никого не задеть, чем о том, что меня самого могут подстрелить. Почему, я не знаю.

Позже в тот же день нас снова обстрелял Чарли с Огневого Рубежа. Мы уже почти собрались уходить, так что, в принципе, мы просто ушли. Для представительности мы небрежно выпустили несколько пуль в его сторону. Чистая показуха.

Дома, в Штатах, учителям в колледжах с трудом давалось решение о несдаче экзамена. Это означало, что студент терял освобождение от призыва и отправлялся в далёкие джунгли, где, возможно, погибал. В нашей школе всё было наоборот. Все её успешно оканчивали и могли отправляться в джунгли, где, возможно, погибали. Никто не проваливался на экзаменах, даже я со своим дурацким, подростковым инцидентом с подрывом клаймора. Церемония выпуска была весьма краткой, собственно, заключалась она в рукопожатии. Мы даже не получили какого-либо диплома. Один из сержантов, которому случилось быть рядом, пожал нам руки и пожелал успехов на прощание. Я даже не помню, кто это был, по-видимому, Фуэнтес, но точно не Уилсон. Большинство инструкторов уже сидели в своих палатках и пили пиво, когда мы разошлись.

Рота «С» располагалась в северо-западном конце периметра, рядом со стрелковым тиром, на расстоянии примерно городского

квартала от школы. Пока я шёл к расположению своей новой роты, слева от меня над джунглями появился вертолёт «Хьюи». Когда я его заметил, он летел на высоте примерно в двести футов. Промчавшись в сторону аэродрома в Лай Кхе и пролетев надо мной, он снизился примерно до сотни футов. За ним тянулся густой дым и небольшое пламя прорывалось у основания главного винта. Остекление с правого борта было выбито. Второй пилот смотрел прямо на меня, но не шевельнул ни единым мускулом на лице и ни капли не изменил его выражения. Вертолет скрылся из виду за высокими деревьями мишленовской плантации. Не последовало ни грохота взрыва, ни огненной вспышки, что, по-видимому, означало удачную посадку и счастливое завершение полёта.

В штабе роты бумажной возни оказалось на удивление мало. Клерк поставил галочку возле моей фамилии и сказал забрать своё снаряжение в соседнем помещении. Это он мне особо подчеркнул. Потом мне надлежало доложиться штаб-сержанту Шарпу. Моей следующей остановкой стала оружейная, шлакоблочная постройка с железной дверью, бетонным полом и без окон. Внутри стоял длинный прилавок. Двигаясь вдоль него, служащий выдал мне штык, мину «клаймор», дюжину коробок с патронами для М-16 и такое число магазинов. Нам говорили, что каждый пехотинец должен носить с собой, по меньшей мере, триста патронов. Я шёл вдоль прилавка, словно в столовой, только вместо еды набирал предметы для убийства людей.

Моей последней остановкой стал отдел с гранатами. Служащий предложил мне выбрать, какие нравятся. Мне полагалось носить не менее четырёх штук, одна из которых должна была быть дымовой. Она могла быть любого цвета, кроме красного. Остальные могли быть любого типа на мой выбор. Он с гордостью указал на со вкусом оформленную стойку, демонстрирующую многочисленные виды гранат, среди которых были гранаты с белым фосфором, слезоточивым газом, термитные, лимонки времён Второй Мировой войны, и новомодные осколочные «Тип 26». Новая осколочная граната имела гладкие очертания и походила на яйцо, как её и прозвали. На ней не было крупных квадратных насечек, как у лимонки, зато внутри неё находилась надрезанная и смотанная проволока, которая при взрыве разлеталась на куски. Теоретически они были более смертоносны. Зайти на склад вооружений оказалось всё равно, что сходить на шопинг в «Блумингсдейл»[5], только дешевле. Я взял дымовую гранату, потому что так полагалось, парочку лимонок, чтобы выглядеть, как Джон Уэйн в «Песках Иводзимы»[6], и слезоточивую гранату, потому что я думал, что это

круто. Такие есть только у полицейских. Вскоре после выхода из оружейной я получил ещё две лимонки в подарок от одного парня в своём взводе. Он сказал мне, что считается, что ты идёшь налегке, если не несёшь, не считая дымовой, как минимум четыре гранаты, не важно, какого типа — лимонки или «яйца».

Как я считаю сейчас, если вокруг тебя люди раздают ручные гранаты, то у тебя либо по-настоящему дерьмовая работа, либо у тебя по-настоящему дерьмовое окружение. У меня было и то и другое. В какой-то момент я должен был бы осознать суровую реальность этих мест и не слишком весёлые времена впереди, но так этого и не сделал. Для меня всё было как большая поездка на природу.

Сержант Эл Шарп, который должен был стать моим непосредственным начальником во Вьетнаме, встретил меня в расположении роты. Он командовал 3-им отделением 1-го взвода роты «С» 2-го батальона 28-го полка 3-ей бригады 1-ой пехотной дивизии, моим постоянным местом службы. Шарп происходил из какого-то штата в Аппалачах или ещё откуда-то с Юга. Он показался спокойным и сдержанным на слова. Он редко говорил не о делах, но был дружелюбен и вежлив, если к нему обратиться. Его немногими отличительными чертами были маленькое лицо, частая неуловимая улыбка и особый южный выговор. Шарп был профессиональным военным, я не уверен, что он окончил школу, но по здравомыслию он был доктором наук. Во взводе его любили, потому что он не заводил любимчиков. Он раздавал неприятные задания типа караульной службы или сжигания дерьма всем в равных дозах. Что такое караульная служба понятно и так. Что такое сжигание дерьма, я не знал, но боялся спросить. Чуть позже я получил личный урок по этой теме.

Сержант первого класс Фэйрмен был командиром взвода. Шарп указал мне на него, когда тот стоял рядом со штабом роты примерно в пятидесяти футах от меня. Ростом он был чуть ниже среднего, с красноватым лицом, и мне он показался неприветливым. Я прикинул, что он вдвое старше меня и, пожалуй, старше всех военнослужащих роты.

В 1-ом взводе не было своего лейтенанта, потому что их в то время не хватало, и никто явно не торопился заполнить вакансию. Командир и все остальные считали Фэйрмена способным командовать взводом, не нуждаясь в офицере. Это мнение никогда особо не менялось, и большая часть моей службы в 1-ом взводе прошла без офицера. Фэйрмен воевал в Корее и участвовал в боях у Порк-Чоп-Хилл[7]. По имени его звали Мэнсил, и я вас уверяю, я никогда не отпускал по этому поводу никаких комментариев. Я бы скорее согласился перетащить самого

тяжёлого парня в роте через минное поле, чем пошутить насчёт имени Фэйрмена и посмотреть что получится. Мне потом пришлось бы ходить с задницей в гипсе.

Услышав наш разговор, Фэйрмен поднял взгляд и сурово смотрел на меня несколько секунд, не произнеся ни слова и даже не кивнув. Мне показалось, что ему и дела не было до того, кто я такой, но он хотел запомнить моё лицо на случай, если его когда-нибудь вдруг попросят опознать моё тело. Очевидно, оттого, что он знал, что если он не сможет опознать тело, то будет чёртова куча бумажной писанины, а ему это ни к чему.

Ряд прямоугольных бараков стоял вдоль ротного проезда. В каждой постройке жило два взвода, примерно двадцать человек. Бараки были построены из старых снарядных ящиков на плоском цементном основании. Полы были деревянными, также как и стены на высоту примерно в четыре фута. Дальше до самой железной крыши стенами служили ширмы. Ширмы сдерживали натиск варварских орд насекомых, которые налетали каждую ночь. Посему, личный состав обращался с ширмами, как с полотнами Рембрандта. На них нельзя было натыкаться, прислоняться к ним и вообще каким-либо образом их тревожить. Крыша из листового железа должна была защитить нас от дождей, даже несмотря на то, что спать под ней в хороший ливень было всё равно, что уснуть рядом с полковым барабаном, в который усердно колотит обкуренный подросток.

Каждому полагалась койка с металлическими пружинами и тумбочкой. Другой мебели не было, не было ни электричества, ни водопровода, ни общего пространства кроме центрального прохода. Двое или трое парней располагали грязными матрасами толщиной дюйма в три. Я так никогда и не узнал, где они их взяли. Условия проживания, таким образом, можно описать, как в лучшем случае спартанские. По счастливой случайности, мне досталась койка в самом конце барака. Это стало приятной неожиданностью, позволяющей надеяться получить чуть больше уединения. Теперь храпящие и пердящие джи-ай будут находиться только с одной стороны от меня вместо полного стерео. Я решил не спрашивать, что стало с парнем, занимавшим мою койку до меня.

Мой новый дом стоял в дальнем конце проезда относительно штаба роты и периметра базы. Он был построен, чтобы выглядеть точно так же, как все остальные бараки. Армия преуспевала в единообразии. Однако, наш отличался большим деревянным пропеллером, прикрученным над входной дверью. Этот сувенир был добыт во время вылазки в индейские земли, когда взвод отправился спасать экипаж разведывательного самолёта «Сессна»,

который ещё иногда называют «ищейкой». Его либо сбили, либо он рухнул из-за поломки недалеко от базы, экипаж не пострадал. Самолёт не подлежал ремонту, и его сожгли после того, как открутили пропеллер в качестве своего рода трофея.

Военнослужащие взвода приняли меня скорее вежливо, чем с воодушевлением. Приветствия состояли из кивков головой и отдельных прохладных рукопожатий, словно меня встречали в каком-то сомнительном месте вроде тюрьмы или преисподней. Радиотелефонист Лопес чётко выразил это словами: «Мы рады, что ты с нами, но жаль, что ты сюда попал».

Меня представили Джерри Хайту и Стэнли Джилберту — пулемётчику и помощнику пулемётчика соответственно. Хайт, всегда и со всеми учтивый, встал, когда мы подошли к его койке. Вытерев капельку слюны с нижней губы, он обтёр руку об штаны и протянул её мне. Его лицо сморщилось в широкой улыбке. Он, впрочем, был как пустое место, выполняя свою работу день за днём и не привлекая к себе внимания. Не то, чтобы его не любили, просто он там был. Он много улыбался и ухмылялся, и всегда ухитрялся при бритье оставить клочок щетины на подбородке.

Прослужив во Вьетнаме девять или десять месяцев, Хайт подобрался ближе к отправке домой в целом виде, чем любой другой солдат во взводе. Предыдущий пулемётчик, Джим Джолли, отправился домой несколькими неделями ранее, похожий на доску для дартс, потому что ВК взорвали «клаймор» возле его пулемёта во время операции «Эттлборо». Хайт унаследовал должность пулемётчика.

Джилберт был новичком. Хорошо сложенный, мускулистый паренёк из Декстера, штат Миннесота, со светлыми, пшеничного цвета волосами, он вырос на ферме, которой его семья владела много поколений. В двадцать один год он был на год старше меня, но во Вьетнаме провёл всего на неделю больше. Сразу после прибытия он стал помощником пулемётчика. Он был вежливым, но молчаливым, и не очень любил рассказывать о себе. Из него буквально клещами пришлось тянуть рассказ про его семейную ферму. Собственно, он был таким замкнутым, что наши разговоры обычно не простирались за рамки необходимого. Таким образом, мы так и не сблизились. То есть не настолько, насколько обычно бывает у двух парней в одной пулемётной команде, делящих одну стрелковую ячейку на настоящей войне. Тут мне не повезло.

Его семья продавала правительству ингредиенты для изготовления яичного порошка и сухого молока. Я любил подкалывать его насчёт того, что он продаёт то дерьмо, которое

мы едим в столовой. Ему это не нравилось, и он пытался меня игнорировать. Бедняга Джилберт, его заморская командировка означала, что он обречён на год косоглазия. Перед отправкой во Вьетнам армия выдала ему новую пару армейских очков. К сожалению, в рецепт вкралась ошибка, а он не успел исправить её до отправки за океан. Вроде бы в Штатах были рождественские каникулы, и окулист с военной базы уехал в отпуск. Очки, впрочем, были бесплатные. Джилберт был необычайно косоглаз, что могло озадачить того, кто его не знал. Когда он первый раз на меня посмотрел, его лицо так исказилось, что, казалось, либо у него приступ, либо он собирается на меня наброситься.

После знакомства я навёл порядок в своей тумбочке, потом разыскал пару гвоздей и вколотил их в стену, чтобы получилась подставка для винтовки. Мне показалось странным, что никто кроме меня этого не сделал. Винтовки либо прислонялись к чему-нибудь, либо валялись на полу.

Помещение было унылым. Не было ни картинок, ни фотографий из дома. У нескольких человек висели дембельские календари. Все знали свою дату отправки домой. Ровно год со дня прибытия во Вьетнам. Календари представляли собой размноженные на мимеографе изображения голой, хорошо сложенной женщины, разделённой на 365 пронумерованных кусочков. Каждый день вы закрашивали один из них ручкой или цветным карандашом. На большинстве календарей соски означали два и три дня до отъезда. Не надо пояснять, где находилось число 1.

Чуть попозже я вышел покурить. Мои запасы «Винстона» из дома давно закончились, и я опустился до курения всего, что имелось в продаже в военном магазине. Сигареты с фильтром расходились быстро, так что я дымил «Лаки Страйком». Вчерашний «Кэмел» на вкус был, как кусок коры с дерева, но я всё равно его курил.

Болтаясь по округе, я наткнулся на большую палатку метрах в пятидесяти от нашего барака. Внутри все койки пустовали, кроме одной. Её занимал изголодавшийся по общению парень из Нью-Йорка с сильным бруклинским акцентом. Его руки были по плечи в бинтах. Он со стоном встал, чтобы поприветствовать меня и пояснил, что его взвод, миномётный, ушёл на какое-то задание, а ему разрешили остаться, потому что его раны ещё болят. Он недавно получил несколько неглубоких осколочных ранений во время миномётного обстрела. Он показал мне полароидные снимки из больницы и указал на красные пятна на бинтах. Теперь кровь выглядела, как засохшая коричневая грязь. На полу возле его койки валялось несколько миномётных мин. Поняв по

выражению моего лица, что я новичок и не привык к таким вещам, он пнул одну из них ботинком, так, что мина прокатилась через всё помещение и со стуком врезалась в тумбочку.

— Видишь, они не взорвутся, — рассмеялся он.

Потом он показал мне сертификат на «Пурпурное сердце». Ещё два таких, и он будет освобождён от полевых заданий. «Такое правило», — объяснил он, — «Три „Пурпурных сердца“ и ты больше не обязан ходить в джунгли и получаешь постоянную работу в тылу. Если повезёт, тебя тоже ранит, как меня».

Он выглядел таким радостным насчёт всего этого, что я уже начал подозревать у него какое-то необнаруженное ранение в голову, но потом решил, что у него просто такой характер. Когда я ушёл, уже смеркалось.

Как обычно, на следующий день мы поднялись в 0530. Пружинная койка оказалась приемлемо удобной и, к моей радости, опасения проснуться с проткнутым лёгким или другим ранением оказались напрасны. Рота «С» пребывала в боевой готовности. Операция «Седар-Фоллс» разворачивалась в «Железном треугольнике», так что необходимо было держать какие-то силы на заднем плане в резерве. Если бы какое-нибудь наше подразделение вляпалось в горячее дерьмо, как мы это называли, мы стали бы их аварийной командой. 11-й разведывательный полк и 173-я парашютно-десантная бригада находились под оперативным управлением Большой Красной Единицы[8], так что мы должны были быть готовы помочь им при необходимости. Большинство парней весь день слонялись без дела, ожидая срочного вызова на помощь. Нескольким отделениям полагалось нести караульную службу на периметре. Одно особо везучее отделение, моё, в то утро отправлялось в патруль за пределы лагеря. Это была обычная практика, чтобы ВК не установили чего-нибудь поблизости от базы.

Я был готов идти. Должно было быть интересно увидеть джунгли вблизи, к тому же настоящее патрулирование за плечами помогло бы мне влиться в команду и почувствовать себя своим среди парней. Мне стало бы легче осознать, что я на действительно один из них. В добавление к моему обычному снаряжению, я нёс две 100-патронных пулемётных ленты, по одной на каждом плече, так что на груди получилась латунная буква X. С ними я чувствовал себя крутым, настоящим солдатом, и мне хотелось бы, чтобы мои родители или Боб Ривз могли увидеть меня. Вслух я этого не говорил, конечно, но старался держаться прямо и вести себя беззаботно, чтобы все видели, что ничего нового для меня тут нет.

По дороге на патрулирование мы остановились возле

столовой, также построенной из старых деревянных снарядных ящиков. Паренёк по имени Дэн Хьюиш сказал мне оставить винтовку снаружи в длинной деревянной стойке с прорезями примерно на сотню винтовок. Большая часть прорезей были пусты, потому что 3-е отделение на тот момент было единственным вооружённым подразделением. Остальные, кого не запрягли в патруль, могли позволить себе роскошь не тащить оружие в столовку, или, при желании, вообще не ходить на завтрак.

Снаружи было темно и холодно. Заря только поднималась, создавая слой влаги, который должен был исчезнуть с первым лучами солнца. Внутри стоял пар. Голые лампочки, свисающие с потолка, вносили вклад в жару и неуютность помещения столовой. Хьюиш сказал мне, хоть я его и не спрашивал, где взять поднос и как встать в очередь. Хьюиш происходил из Юты, но мормоном не был. А если и был, то наверняка оказался бы одним из так называемых джек-мормонов, тех, которые соблюдают в лучшем случае половину правил. Чаще всего он был в хорошем настроении, казался говорливее остальных, не стеснялся привлекать к себе внимание, любил создавать шум, и, похоже, считал, что новичков вроде меня надо давать словесные указания. Он был прав.

Хьюиш, по крайней мере, с пониманием отнёсся к ситуации и не пытался заставить меня ощущать себя непрошеным гостем, вроде прокажённого или «тифозной Мэри»[9]. Некоторые парни относились к новичкам с крайним презрением. На новичков смотрели свысока, потому что они совершали глупости и их убивало. Их опасались, потому что окружающих иногда тоже убивало заодно. Их склонность учинять кровавую резню самим себе проистекала от незнания и неопытности. В школе джунглей нам говорили, что более половины потерь составляют парни, пробывшие во Вьетнаме менее трёх месяцев. В ближайшие недели меня одаривали всё новыми и новыми историями о неумышленных самоубийствах новичков, одно глупее другого. Истории эти, как полагаю, должны были стать мне назиданием.

Больше всего из недавних новичковых историй мне запомнилась та, что случилась с новым штаб-сержантом в роте «С», злосчастным сержантом Морганом, который провёл во Вьетнаме всего десять дней. Его сделали командиром отделения в 1-м взводе. Когда он, благодаря своему званию, но никоим образом не опыту, вёл патруль за реку, они заметили мину-ловушку из двух гранат, висящих на дереве на разной высоте. Сомнительные и опасные ловушки обычно не разбирали, а подрывали на месте. Эту они рассчитывали уничтожить, взорвав

«клаймор» напротив неё. За несколько секунд до взрыва «клаймора» стоящему в полный рост сержанту несколько раз кричали и предупреждали, чтобы он залёг и прижался к земле, за что-нибудь спрятавшись. Его предупреждали, что даже если «клаймор» направлен в другую сторону, осколки всё равно могут отлететь назад к нему.

Проигнорировав советы, Морган взорвал «клаймор», стоя в полный рост. Кусок пластикового корпуса отлетел назад и угодил ему в горло. Осколок рассёк сержанту сонную артерию или ещё какой-то важный сосуд, так что несчастный сержант истёк кровью, прежде, чем его успели перенести обратно через реку. У него остались жена и дети. Печальная история.

В столовой за прилавком ротный повар, специалист 4-го класса Джонс, усердно трудился и яростно потел. Маленькие ручейки влаги ползли по его лицу, на мгновение вспыхивали в свете ламп и срывались с подбородка. Несколько неукротимых капель упали на гриль и выкипели там до смерти. Некоторые приземлялись в опасной близости от груд омлета и жареной картошки.

Джон, наиболее выдающийся из ротных поваров, был своеобразным типом. Он потел всегда, даже когда было прохладно. Кое-кто говорил, что он потеет даже под душем. Его белая футболка выглядела, как ходячее меню. Можно было посмотреть на внешний слой пятен и понять, что он готовил последний раз. Он очень переживал и волновался насчёт своего вклада в боевые успехи, и лез из кожи вон, чтобы как следует накормить роту. Иногда он готовил, пристегнув к поясу пистолет 45-го калибра, просто на всякий случай. Я не могу себе представить, чтобы ВК штурмовали столовку, но если вдруг, то он был готов. Никому не разрешалось шалить с его конфорками. Я всё опасался, что он встанет слишком близко к газовой плите, пистолет нагреется и в конце концов отстрелит ему ногу.

Все любили Джонса и ценили его усилия. Соответственно, несмотря на тот факт, что мы армии и ругаться — наше право, закреплённое Конституцией США, мы особо не ворчали насчёт еды в пределах слышимости Джонса. Кроме того, чувство благоразумия подсказывало, что когда вы едите казённую еду, будь то в школе, тюрьме или в армии, не надо злить повара. А если вы это сделаете, то будете получать кормёжку ещё более говняную, чем та, что дают нашим военнопленным в Ханой-Хилтоне[10].

Самое лучшее в столовке было то, что личному составу не приходилось нести никакие наряды по кухне. Мы нанимали местных вьетнамцев за сумму, которая нам казалась рабским

заработком, а им — улыбкой судьбы, доллар или два в день. Система работала исправно вопреки убеждению многих старых сержантов, что если джи-ай не дежурят по кухне, то Земля скоро открутится со своей оси и врежется в Солнце. Как оказалось, еда была вполне приемлемой. Я имею в виду — как вообще можно изосрать завтрак? Бекон всегда будет на вкус, как бекон. Булочки удавались повару особенно хорошо, даже несмотря на то, что маленькие чёрные точки в них были не зёрнами мака, а мелкими букашками, набившимися в миксер с тестом. Так случалось каждый раз, но меня это не напрягало. Я просто намазывал побольше джема, который должен был стать действенным противоядием. Яичницу из порошка нельзя приготовить глазуньей, но она, по крайней мере, на вкус была примерно такой, какой ей полагалось быть. Другое дело — восстановленное из порошка молоко, оно стало самым крупным разочарованием для любителей молока. На вкус оно было, как сок каучукового дерева и его следовало бы запретить Женевской конвенцией. Второй раз я его уже не пил.

К счастью, если не принимать в расчёт молоко, то все вредоносные качества порошковых и восстановленных продуктов перевешивались моей потребностью в топливе. Похоже, я постоянно имел отрицательный энергетический баланс. Приходилось бороться за поддержание своего веса. Соответственно, я съел бы даже порошковую тыкву, если бы её нам однажды приготовили.

В промежутках между приёмами пищи в столовой еду не подавали. Если вы пропустили обед из-за задания, вы либо ходили голодный, либо ели пайки из своей тумбочки. Однако, вы могли взять в столовке холодный напиток. Это было необходимо, чтобы предупредить обезвоживание и тепловые удары. Обычно там на столе в углу стояли два хромированных семигаллонных бачка, полных льда и таинственной сладкой жидкости. Предлагались всегда два цвета — зелёный и фиолетовый, но это были не лайм и виноград. Зелёный и фиолетовый. Хуже, чем «Кул-Эйд»[11]. Никто точно не знал, что это за напиток, даже Пентагон. Мы называли его джунглевым соком. Он был очень сладким, очень едким и оставлял изжогу. Я всегда после него полоскал рот водой, потому что опасался, что он может разъесть эмаль на зубах. Тем не менее, я выпил целые галлоны этой дряни за то время, что был на грани смерти от обезвоживания и был благодарен за то, что он у нас есть.

После завтрака мы направились к границе лагеря и началу моего первого патрулирования. Узкая тропинка тянулась от расположения роты к линии укреплений сквозь лабиринт кустов.

Разросшиеся корни и ветки торчали на тропинку, пытаясь ухватить нас за ноги. С первыми проблесками дневного света чёрные громады превратились в серые тени. Мы шли умышленно медленно. Иногда мы заходили в безнадёжный тупик и дожидались, пока посветлеет. Мы ждали, словно звезда в новой бродвейской постановке, что не выходит на сцену, пока занавес полностью не поднимется. Шарп не хотел выводить нас на ничейную территорию, пока солнце окончательно не встанет и мы не будем видеть, что там на другой стороне.

— Чёрт, это же ядро! — сказал я, поднимая с земли лежащий рядом с тропинкой грязный восемнадцатифунтовый шар. Никто не выразил ни малейших признаков интереса. Все видели их уже много раз. Джилберт, второй новичок, не смог бы проявить меньше интереса. Он покосился на меня и полностью проигнорировал ситуацию. Я задумался над историей этих древних снарядов. Они выглядели, как ржавые яйца динозавров. До нас вьетнамцы сражались с французами, японцами и китайцами. Мы не изучали историю Вьетнама, так что я не знал про других врагов, с которыми тут воевали, но знал, что они были. Запальное отверстие ядра глядело на меня, словно глазок на картофелине. Может ли эта штука взорваться, если я буду дальше вертеть её в руках или уроню? Ну, хорошо, игры кончены. Я аккуратно положил ядро на место и двинулся дальше. Мне казалось, что это крутая находка.

Перед тем, как мы вышли за периметр, Шарп построил нас, чтобы проверить один из элементов снаряжения, который мы все должны были носить при себе. В тот раз это оказались дымовые гранаты. У каждого нашлась одна. Эти неожиданные опросы то и дело проводились во взводах и отделениях. В следующий раз он мог проверить, что у каждого есть мина «клаймор» или требуемое количество осколочных гранат или патронов. Идея этих неожиданных проверок заключалась в том, чтобы убедиться, что среди нас нет сачков, и что все несут положенное количество снаряжения.

Пока шла проверка снаряжения, я заметил у стоящего рядом парня по фамилии Голамбински и по прозвищу Соня, фосфорную гранату на поясе. Все называли их «вилли-питер»[12], и мне не хотелось идти рядом с теми, кто их носит. Мы все слышали истории, как в эти штуковины попадает пуля и граната срабатывает, выжигая пол-отделения. К тому же, если обычная граната весила примерно фунт, то «вилли-питеры» тянули на четыре фунта каждая. Голамбински был ещё более тощ, чем я. Бросить такую гранату для него всё равно что толкать ядро. Потребовался бы Кинг-Кинг, чтобы зашвырнуть её достаточно

далеко и не обгореть самому при взрыве. Я незаметно сместился к концу строя, подальше от Голамбински.

То же самое касалось и тех, кто нёс огнемёт. Не надо быть нейрохирургом с богатым воображением, чтобы представить себе, какое барбекю получится, если пуля или раскалённый осколок пробьёт один из чёрных баллонов с загущенным керосином. Чёрт, я пару раз видел, как это происходит в кино. Как может человек в здравом рассудке не трястись, шагая рядом с этим парнем? К счастью, патруль проводился лишь силами отделения, так что насчёт огнемёта беспокоиться не приходилось. Их брали только на взводные или ротные патрули.

Вода в реке доходила до груди и была холодной, как грудь ведьмы, что стряхнуло остатки сна со всех отстающих. Начать вылазку в мокром, чавкающем белье было неприятно. И вообще патрулирование оказалось трудным делом. Земля промокла от ночного ливня, отчего на поверхности образовался толстый слой грязи, который замедлял движение и засасывал ботинки. Дорогу нам преграждала густая растительность, через которую нам приходилось прорубаться. Потребовалось пять часов, чтобы пройти жалкие три километра туда и три обратно. Пройденное расстояние составило неполные четыре мили.

По пути мы пересекли ещё несколько ручьёв, где вода доставала некоторым низкорослым парням до подбородка. В отличие от реки рано утром, где было неприятно холодно, эти оказались освежающими. Так как мы все вспотели и перегрелись, вода нас приятно остудила. Шарп решил, что один из ручьёв слишком глубок, чтобы переходить его вброд. Вместо этого он предпочёл срубить стоявшее рядом сухое дерево так, чтобы оно упало через ручей. Его план сработал на отлично и мы перебрались на другую сторону. На мой взгляд, стук мачете раздавался слишком громко, отчего я занервничал. Я боялся, что враг может услышать нас и испытал большое облегчение, когда дерево, наконец, рухнуло и мы могли покинуть это место.

Помимо шума при рубке дерева и не особо переживал, находясь в джунглях. Вероятно, оттого, что остальные солдаты шли совершенно спокойно. Я начал проникаться их настроением. Как я теперь понимаю, большинство патрулей не стоили и пригоршни бобов, потому что мы не встречали ни противника, ни других опасностей.

На обратном пути к лагерю Лопез запутался ногой в растяжке одной из самых жестоких ловушек, изобретённых человеком. Она была устроена так, что четырёхфутовый кусок колючей проволоки хлестал поверх дороги на уровне глаз, словно ветка дерева, которую отогнули и отпустили. Лопес шёл передо мной. Хьюиш, шедший позади меня, заметил эту штуку и крикнул Лопесу, чтобы тот остановился, что тот и сделал. Затем Хьюиш отцепил проволоку от ботинок Лопеса, так что Лопесу пришлось стоять сначала на одной ноге, затем на другой. Я и понятия не имел, что происходит. После мы все отпускали шуточки на этот счёт.

Метрах в ста впереди, в небольшой низине показалась река. За ней стояли оливково-коричневые укрепления, прикрывающие подступы к Лай Кхе. День прошёл успешно. Мы все шагали походкой всё более развязной и менее согбенной по мере приближения к безопасности. Шарп, возглавлявший колонну, остановился и прислонился к дереву. Когда мы проходили мимо, он невозмутимо смотрел на нас, словно Цезарь, принимающий парад своих победоносных легионов. У меня осталось впечатление, что он пересчитывал нас по головам, чтобы убедиться, что никто не отстал по дороге.

Эта сцена казалась слишком умиротворённой, чтобы Хьюиш мог её снести. Он преспокойно принялся собирать с берега реки неразорвавшиеся миномётные снаряды. Миномётные батареи в Лай Кхе по ночам регулярно прочёсывали джунгли вокруг базы, чтобы никто к нам не подобрался. Некоторые снаряды не срабатывали и валялись вокруг периметра базы. Поступок

Хьюиша был лишь слегка завуалированной попыткой всех позлить, и она вполне удалась. Несколько парней начали ему кричать. Я не мог понять, что Лопес говорит по-испански, но его слова звучали неодобрительно. Все двинулись дальше, кроме Шарпа, которые стоял на своём месте, непоколебимый, как всегда. «Отставить, Хьюиш, оставь мины на месте» — приказал он. Хьюиш пояснил, что если бы он не зачистил местность от боеприпасов, то их подобрали бы ВК, сделали бы из них мины-ловушки и кого-нибудь подорвали бы. Шарп отклонил его военную логику с фермерской простотой: «Раз мы не хотим, чтобы нас подорвали прямо сейчас, то мы их оставим в покое». Хьюиш подчинился и все двинулись дальше.

Когда мы возвратились, оказалось, что рядом с нами были ВК, целое отделение. Их заметила воздушная разведка. Я так и не понял, насколько близко от нас они были, и была ли информация передана сержанту Шарпу, пока мы еще находились в джунглях.

Мимо проходил Герб Бек, он шёл стричься. Фэйрмен требовал, чтобы каждый был пострижен так, как будто перенёс химиотерапию. Он уже выговаривал мне, что я начинаю выглядеть, как сраный хиппи. Он произнёс это со страстью, почти без промежутков между словами, так, что всё фраза стала практически одним словом. Бек сообщил мне, что в Лай Кхе постричься можно у Чанга и Титс. Он пробыл в Лай Кхе не дольше моего, но откуда-то знал вещи, мне неизвестные. Парикмахерская занимала одну комнату в белом оштукатуренном здании с синими ставнями в центральной части Лай Кхе, известной, как Перекрёсток. Там даже висела большая деревянная вывеска надписью «Перекрёсток» синими буквами на белом фоне. Остальную часть здания занимал военный магазин.

Чанг и Титс держали парикмахерскую и стригли клиентов. Это были не их настоящие имена, но так мы все их называли. Чангу было под сорок и он слегка сутулился после многих лет парикмахерской работы. Ещё он был чуток полноват. Даже небольшой избыток веса тут был необычен, и я предполагал, что он питается регулярнее, чем любой другой вьетнамец, что мне доводилось встречать. Что же касается Титс, то, пресвятые угодники, её груди были просто громадными по вьетнамским стандартам. Она реально выделялась среди более плоских, чем блин, женщин своего народа. Она была моложе, чем Чанг и сексуальнее, чем сам грех. К сожалению, как и у многих местных жителей, её блузки были без пуговиц спереди и с высоким воротником, так что не было ни единого шанса подглядеть. Мы не знали, в каких отношениях она с Чангом.

Стригли они приемлемо. Даже слепой не сможет испортить

военной стрижки. Никого не беспокоила *её* длина до тех пор, пока она оставалась достаточно короткой. Они стригли меня пару раз, пока Чанга не был убит в бою у Бау Банг. Он оказался вьетконговским шпионом, и его тело нашли в окопе после перестрелки. Титс уже не вернулась в парикмахерскую. Понятное дело, стричься всё равно приходилось. Чанга и Титс заменили двое парней, они были тощими, не имели прозвищ и выглядели слишком старыми, чтобы входить в какую-нибудь вооружённую группировку.

Имена Чанг и Титс мало напоминают те погоняла, которые мы обычно использовали. Люди, за который мы воевали, были «косые», «косоглазые», «динки» а иногда даже «залупоголовые». Последняя кличка отражала больше ненависти и злости, чем остальные. Обращение «рисоеды» на этом фоне выглядело почти вежливым. Слово «гук» было чистым лидером среди джи-ай и использовалось чаще, чем все прочие вместе взятые. Клички были чисто расовыми, не военными и не политическими. В расовом смысле все жители Востока были гуки. В политическом смысле слово «гук» было двусмысленным, подобно слову «богги»[13] во времена Второй Мировой. Оно означало что-то непонятное. Если вы говорите, что по тропе движется гук, это просто означает местного, но не указывает, свой он или враг. Если местный несёт АК-47, так что вы понимаете, что он враг, вы не скажете, что идёт гук, а скажете, что идёт ВК. Однако, допустимо было называть ВК гуками, если речь шла об однозначной ситуации, когда все участники беседы понимают что в данном случае гук — это ВК, например, в перестрелке.

Возможно, вьетнамцы оказались культурнее нас, потому что они вроде бы не использовали для нас унизительных расовых терминов. Если бы у них были такие слова, я бы их слышал. С другой стороны, американцы ухитряются награждать уродскими именами практически любого противника, с которым воюют.

Нести караульную службу на периметре было занятием мирным, спокойным и временами забавным. Во Вьетнаме произрастало несколько десятков видов орхидей, но в секторе роты «С» можно было увидеть лишь единичные цветы. Некоторые выглядели экзотически в сравнении с теми, что мой папа выращивал возле дома, но я понятия не имел, как опознать в цветущем растении орхидею. Хоть цветов на нашем участке было и немного, но рептилий нам досталось более, чем достаточно. Вокруг нас кишели нервные мелкие ящерицы, которые улепётывали на огромной скорости, стоило им заметить собственную тень. Находясь в безопасности, они визжали высокими голосами, который звучал, как крик «Нахуй!» Чаще

всего они произносили это два раза подряд: «Нахуй, нахуй!» Логично, что мы прозвали их «ящерицы нахуй».

В тот день нам тоже нашлось развлечение. Оно объявилось в виде самолёта А-1 «Скайрайдер», огромного одномоторного винтового штурмовика, пролетавшего на малой высоте над джунглями недалеко от линии укреплений. Эти допотопные самолёты могли нести столько боезапаса, что их прозвали летающими мусоровозами. Когда самолет медленно пролетал перед нами, примерно в полутора километрах, мимо него мелькнул яркий красный трассер. Красными были американские трассеры. Трассеры коммунистических стран, в теории, были зелёными. Это ничего не значило. Выстрел был сделан одним из врагов, по-видимому, из трофейной американской винтовки.

«Скайрейдер» развернулся, нырнул в неторопливое, ленивое пике и сбросил целый вагон бомб на место выпуска трассера. Мы все возликовали. Самолет облетел участок несколько раз, а к небу вырос рваный столб дыма. Когда пилот утомился и собрался улетать, взлетел другой трассер, который вызвал ещё один шквал сброшенных бомб и новый всплеск ликования. Всё повторилось ещё раз, пока трассеры не прекратились и «Скайрейдер» не улетел. Американские налогоплательщики только что потратили кучу денег на попытки прикончить одного-единственного парня. Очень весело было посмотреть.

Вечером один из командиров отделений, сержант Джим Конклин, начал бредить. Он уже день или два страдал от лихорадки, потливости и болей в мышцах. До той поры ему не удавалось снискать особого сострадания. Во Вьетнаме надо было быть действительно больным, чтобы откосить от службы по медицинским показаниям. Мелочи типа обмороков, метеоризма и прыщей не считаются. Однако, теперь, когда Конклин оказался non compos mentis и нёс всякую чушь, его пришлось отправить в медпункт. Нельзя было ставить в ночной караул того, кто болтает в полный голос, потому что думает, что он в парикмахерской в Омахе обсуждает с соседями новости. Конклин отсутствовал всего пару дней. Когда он вернулся, то не имел даже приблизительного понятия, что с ним произошло. Как я узнал позже, бред у парней с сильной лихорадкой был не таким уж редким явлением во Вьетнаме.

Наше следующее задание проводилось прямо в Лай Кхе и началось в 0400 часа. Нас рано разбудили и сказали собирать снаряжение и идти на завтрак. Для меня это оказалось двойным невезением, потому что в предыдущую ночь не хватало людей для караульной службы на периметре и некоторые из нас спали всего лишь по два-три часа. Хорошая новость заключалась в том, что в

столовой подавали пресловутый бефстроганов на тостах, самое известное блюдо в истории армии. Его называли ГНЛ — «Говно На Лопате», потому что со времен Второй Мировой многие джи-ай обходили его стороной. Что же касается меня, то мне эта штука нравилась. Её готовили довольно редко из-за низменных вкусов моих сослуживцев.

К сожалению, через три минуты после нашего входа в столовую снаружи остановилась колонна грузовиков и джипов. Лейтенант Джадсон, наш начальник штаба, вошёл и объявил, что завтрак окончен, и мы все должны выйти и погрузиться в машины. Его слова вызвали недовольный шум, потому что большинство из нас не закончили есть, а многие даже и не начали. Шум не ускользнул от внимания Джадсона, но ничего хорошего из этого не вышло. Он буквально зарычал, что если кто-то из нас ещё голоден, то ему будет предоставлена привилегия доесть по дороге к стойке для грязных подносов, при условии, что он будет двигаться не слишком медленно. Затем он напомнил, что альтернативный способ утолить голод — просто дождаться следующего приёма пищи. По-видимому, еда была добавлена ко сну в списке второстепенных, необязательных занятий для пехоты.

Мы доехали до Лай Кхе и окружили её. Другие подразделения вошли в деревню для массированной операции по её перетряске, наподобие тех, что проводятся у нас в тюрьмах для поисков спиртного, наркотиков и прочей контрабанды. Такие операции проводились на регулярной основе , чтобы предупредить накопление в деревне оружия или взрывчатки. Командование не могло игнорировать такую возможность, чтобы в конце концов не получить крепость внутри крепости. Чаще всего всё заканчивалось поимкой похмельных джи-ай, отсыпающихся там после пьянок и блядок. Деревня теоретически считалась запретной зоной после наступления комендантского часа.

Фэйрмен поставил меня возле сетчатого забора с зияющей в нём дырой и пошёл прочь.

— А что мне делать, если какие-нибудь джи-ай здесь полезут? — закричал я. Он мне ничем не помог.

— Задержать их, — бросил он через плечо, даже не обернувшись. Я задумался, что это могло означать. Попросить их остановиться, драться с ними, стрелять по ним? Воображение нарисовало скверную картину, как через дыру лезет огромный чёрный парень, выросший в чикагском районе Кабрини-Грин[14]. Он не остановится из-за какого-то белого рядового, который машет руками и кричит «стой». Он меня просто раздавит. Я не имел чётких указаний и не хотел там находиться. Через шесть

часов, Фэйрмен вернулся и сказал, что рейд окончен. Он даже не спросил, видел ли я кого-нибудь, а я никого не видел. Я истолковал это так, что если бы я заметил того парня из Чикаго, то дал бы ему пройти.

Когда мы вернулись в роту, я узнал, что арестовали женщину, прятавшую 2700 долларов, предположительно сборщицу налогов ВК. Она вроде бы была проституткой. Ещё нашли одну М-16 и несколько неопознанных джи-ай привычно смылись через забор с колючей проволокой на западной конце деревни.

Бек появился с очередным визитом. Мы поговорили, а затем направились к ротному клубу выпить газировки. Пива мы взять не могли. Они не продавали пиво до наступления вечера, чтобы солдаты не квасили весь день. Мы перекурили, и Бек спросил, не хочу ли я пойти в Диснейленд. Опять он знал что-то неизвестное мне. Диснейлендом называли местный квартал красных фонарей, полный проституток бордель во вьетнамской части Лай Кхе. Он располагался прямо посередине нашей базы. Им управляла армия. Она устанавливала правила заведения, например, когда ему открываться и закрываться, и когда рядовой состав или офицеры могут или не могут его посещать. Даже женщин там на венерические заболевания проверяли наши доктора. Вот так работали мои налоги.

Идея Бека с тот момент показалась стоящей, так что я согласился. Шёпотом, как будто мой ангел-хранитель мог меня подслушать, я сообщил Беку, что я католик, и чтобы он никому не смел рассказывать о нашей маленькой вылазке. После посещения католической начальной и средних школ я приобрел безграничное чувство вины, которые сестра Мэри Годзилла вбила в меня деревянной линейкой по пальцам. Я собирался свершить не просто мелкий проступок, но смертный грех, так что мне предстояло найти священника для исповеди или ещё какой-нибудь сделки по списанию грехов до того, как я снова попаду под обстрел. В соответствии с Балтиморским Катехизисом, если бы я умер, не исповедовавшись в этом грехе, то отправился бы прямиком в ад, по всей вероятности, на ракетных санях.

Бек знал, куда идти и провёл меня. Заведению было далеко до изысканности, хотя там на потолке висели электрические светильники и стоял музыкальный автомат, наигрывающий рок-н-ролльные мотивы. Играл он не слишком громко. Помещение было беспорядочно обставлено разношерстными столами и стульями, где многочисленные джи-ай пили и общались с местными девушками.

Через миллисекунду после того, как мы сели, к нам присоединились две девушки.

— Ты купить мне сайгонский чай? — сказали они хором. Чашечки безалкогольного чая величиной с напёрсток продавались тут по несколько долларов и позволяли поддерживать прибыльность предприятия за то время, пока посетители пили и болтали перед тем, как выбрать себе женщину. Не так уж много парней, едва войдя, тут же спускали штаны и кидались напропалую трахаться за деньги. Это была разновидность предварительной игры, как я полагаю. По мне наш разговор был настолько нелеп, насколько это вообще возможно. Это было явно хуже, чем любая неуклюжая, смущённая попытка пригласить девушку на свидание, что мне доводилось слышать в Америке. И потом, я не предлагал девушке свидание, я предлагал ей секс: «Привет, полагаю ты не будешь против, если я тебя чпокну?»

К тому же нелепости добавляло то, что она была азиаткой. В Калифорнии я не был знаком ни с одной девушкой, которая не была бы белее, чем «Чудо-хлеб»[15]. Теперь я оказался лицом к лицу с женщиной, столь экзотичной, что я даже не мог понять, старше она меня или младше. Потом она спросила, не хочу ли я с ней «хороший бум-бум».

К счастью, или к несчастью, меня спасла длинная рука закона. Прежде, чем мы успели завершить переговоры о цене, двое 66-Альфа — военных полицейских — прибыли, чтобы нас выгнать. Наступило время вечерней смены. С этого момента и до закрытия заведением стало офицерской территорией. Весь рядовой состав должен был освободить помещение, так чтобы высшие чины могли бы потягивать своих блядей в уединении. Если бы в клубе Вест-Пойнтских жён однажды узнали об этой традиции, у них бы коллективно сорвало крышу. Ну что ж, пускай я и не потрахался, но, по крайней мере, я нашёл место. Неплохо для начала.

Бек и я разошлись по своим подразделениям. Вернувшись в свой барак, я узнал, что один из солдат, которого я даже ни разу не видел, в тот день закончил свою командировку и отправился домой. Теперь двое парней спорили, у кого больше прав унаследовать маленький тощий матрас, который остался от уехавшего.

Один из этих двоих, Джон Сиверинг, крупный и мощный, телосложением напоминал футбольного полузащитника. Волосы у него были песочного цвета, а лицо скорее дружелюбное, чем угрожающее. Второй, Кларенс Ортис, был ниже ростом, со смуглой кожей и гавайского происхождения. Хоть он и был меньше, но мне он казался более опасным. Видимо, оттого, что его генофонд был ближе к Вьетконгу, чем у любого из нас. Ортис говорил на гавайском пиджин-диалекте, который я временами

понимал с трудом. Некоторые слова казались непостижимыми, а он не трудился их пояснять. Это было всё равно, что слушать код Навахо[16].

Сиверинг начал снимать матрас с освободившейся койки.

— Кто тебе это дать? — спросил Ортис тоном скорее обвиняющим, нежели вопросительным.

— Что? — сказал Сиверинг, — Он мне его оставил.

— Нет! — ответил Ортис, хватая матрас с другого конца, — Он сказал это мой!

Перетягивание матраса за оба конца длилось, может быть, полминуты, затем ситуация резко обострилась, и оба пехотинца одновременно принялись тузить друг друга кулаками. Удары выглядели жёсткими, достаточно жёсткими, чтобы пробить дыру в гипсовой стене. Драка закончилась быстро, оба бойца лежали на полу, вымотанные и жадно глотающие воздух. Ничья. Я не могу вспомнить, кому из них достался приз.

Моя первая ночная вылазка в джунгли состоялась на следующий день. Роту снова отправляли участвовать в операции «Седар-Фоллс». Так что с первыми проблесками рассвета грузовики привезли нас на лётное поле Лай Кхе, где два десятка вертолётов из 1-го авиабатальона стояли в несколько рядов, с работающими моторами и вращающимися пропеллерами.

Я начал понимать армейский жаргон. Вертолёт, перевозящий солдат, назывался «слик». Слики имели двух бортовых стрелков и могли вместить десятерых таких, как мы, набитых внутрь со всем нашим снаряжением. Некоторые из этих джи-ай-такси также несли контейнеры с ракетами. «Кабанами» или «ганшипами» называли вертолёты с креплениями для нацеленных вперёд пулемётов и ракет. Они не перевозили солдат, но были набиты боеприпасами и использовались, как летающие вооружённые платформы. Словом «даст-офф» обозначали медицинский эвакуационный вертолёт, который мы чаще называли «медэвак». Спереди и по бокам на них были нарисованы большие красные кресты на белом фоне. На мой взгляд, кресты выглядели, как мишени, что было неправильно. ВК и СВА (армия Северного Вьетнама) уже много раз показали, что сбить медицинский вертолёт, полный беззащитных раненых, даже находящихся без сознания, вполне укладывалось в их понятия о морали. Их это совершенно не смущало.

Шум на лётном поле стоял оглушительный. Шарп подал сигнал рукой, мы все побежали мимо вертолётов, и 3-е отделение набилось в один из них. Мы бежали пригнувшись, чтобы нам не снесло головы, хотя главный винт вращался в пятнадцати футах над землёй. С земли поднималось столько пыли, что невозможно

было уберечь от неё глаза и что-нибудь разглядеть. Пока я там служил, я ни разу не слышал, чтобы кого-нибудь на самом деле ударило главным винтом, но, уверен, такие случаи происходили. Когда вертолёты отрывались от земли, они иногда покачивались, отчего одна сторона винта приближалась к земле, иногда достаточно близко для чьего-либо обезглавливания. Позже, во время службы во Вьетнаме, я видел, как один из Чёрных Львов зашёл под хвостовой винт, который расположен гораздо ниже, чем главный. Картина казалась тревожной, но тут же оказалась забавной, как только мы поняли, что обошлось без серьёзных травм. Удар оставил глубокую вмятину на его каске и на несколько минут лишил его способности соображать. К счастью, сильно он не пострадал и его рассудок быстро вернулся к норме, что, впрочем, не особенно много значило, учитывая, что он служил в пехоте.

Внутри вертолёта условия оказались стеснёнными. С восемью людьми на борту вертолёт бы, собственно, полон. С полным отделением из десяти человек он уже был набит. Сблизи я заметил, что у Шарпа в одной из гранат на поясе застряла пуля. И у Голамбински была застрявшая пуля в каске с правой стороны. Эти двое уже в чём-то поучаствовали. К сожалению, я не спросил их, откуда эти пули и упустил пару историй, вероятно, заслуживающих внимания.

На касках было немало надписей. У Лопеса она гласила «Предаю свою судьбу ветру», у кого-то ещё «Рождённый проигрывать». Ещё у одного парня на каске были перечислены месяцы, которые он вычёркивал один за другим. Многие католики в роте писали инициалы «И.М.И» — Иисус, Мария и Иосиф. Интересно, что армия дозволяла эти порывы индивидуальности, тогда как в любом другом вопросе она их усердно вытравливала. Тем не менее, в моё время в роте «С» на касках не было ни значков пацифизма, ни листиков марихуаны. Я остановился на том, что написал «Conlan Abu». Это гэльское выражение означало «Всегда победоносный» и изображалось на гербе моих ирландских родственников со стороны мамы, клана Мур.

Многие парни придавали своим каскам индивидуальность, засовывая предметы под ленту. Самым распространённым предметом была маленькая, прозрачная, пластиковая бутылочка с репеллентом от насекомых. Потом шли спички, сигареты, запасные чеки для гранат, магазины для М-16, и — конечно же — козырные тузы. Всё это барахло на мой взгляд выглядело, как мишень для удачного попадания в голову, так что я ничего таким способом не носил. Если снайпер наметит себе одного из нас,

пускай это будет кто-нибудь другой, я не я.

Лопес перед погрузкой открутил антенну с рации, чтобы не выколоть кому-нибудь глаз. На ночной вылазке мы несли больше снаряжения, включая общественную собственность. В неё входили, помимо прочего, мачете, лопаты, тяжелые аккумуляторы для раций, размером с сигаретную пачку, и блоки пластичной взрывчатки. Мне, в качестве моей доли общественной собственности, дали таскать противотанковый гранатомёт в добавление к моим обычным двум пулемётным лентам. Мы не носили гранатомёт на каждое патрулирование. Шарп решал, когда их брать, и чаще всего их брали, если мы направлялись на территорию, где могли оказаться бункеры. Гранатомёты использовались для их разрушения. Слава Богу, наш противник не имел танков, чтобы стрелять по ним. Гранатомёт был лишь чуть больше двух футов длиной, весил примерно десять фунтов, и, к счастью, имел ремень для переноски.

Двигаясь замыкающим, я оказался последним, кто влез в вертолёт и получил место около двери, которая оставалась открытой. Хоть я никогда и не летал на этих летающих яйцевзбивалках, я не переживал. Раз все остальные это делают, это должно быть безопасно.

Мы летели на высоте примерно в пять тысяч футов. По всеобщему мнению, на расстоянии мили от земли мы могли не опасаться одиночных выстрелов с земли. К тому же, когда мы летим так высоко, они не станут тратить на нас патроны, надеясь на единственный из миллиона шанс нас сбить. В ближайшие несколько минут мы могли расслабиться. Как только я это понял, лететь стало вполне комфортно. Гул винта пульсировал, словно билось материнское сердце, отчего почти все, кроме меня, ненадолго вздремнули. Я не спал, потому что виды внизу были для меня новыми и интересными. На джунгли открывается гораздо лучший вид с низко летающего вертолёта, нежели с летающего высоко «Карибу», на которых я путешествовал ранее. Джунгли, над которыми мы пролетали, похоже, уже порядочно обработала артиллерия и авиация. Повсюду виднелись воронки. Отдельные хорошо обработанные участки выглядели, как необитаемая лунная поверхность. Некоторые дыры имели шестьдесят футов в ширину и тридцати в глубину. Деревья без листвы были повалены, указывая вершинами от центра взрыва. Тысячи сорванных ветвей лежали беспорядочными кучами вокруг воронок. С воздуха они выглядели, словно гигантские бирюльки. Как можно выжить в подобном месте?

Постепенное снижение вернуло всех от снов к действительности. Каждый отсоединил от винтовки магазин,

убедился, что он полон патронов, и вернул его на место. Это повторялось вновь и вновь, нервно, много раз. Я тоже так делал. Заключительная часть снижения над зоной высадки была столь же плавной, как падение в шахту лифта. Некоторые из нас к этому времени уже стояли снаружи вертолёта на полозьях, глядя вниз на пропитанное водой рисовое поле, окружённой джунглями.

С высоту трёх футов, или около того, я спрыгнул и погрузился по бёдра. Более тяжёлые парни ушли глубже. Майк Соя, огромный огнемётчик из Чикаго, вообще исчез. Соя был достаточно приятным парнем, но слишком крупным и суровым. Я был уверен, что у него в машине на зеркале заднего вида висят плюшевые кубики, а драки по барам он считает легальной формой проведения досуга. Когда он погрузился, его каска закачалась на поверхности. Через полсекунды он вынырнул, разразившись целым шквалом злобной ругани, я не очень понял, на кого. Я был так озадачен, что даже не могу сказать, говорил ли он по-английски, или по-польски, с натужными гортанными звуками.

Мы выбрались из воды на дамбу, где нашли ровную насыпь, уходящую в джунгли. Стоило нам сделать пару шагов, как впереди разорвалась пятисотфунтовая бомба. Я думаю, до неё было всего метров семьдесят пять, и нас бы убило взрывом и осколками, не будь густых зарослей между нами и бомбой. На мой взгляд, это придавало совершенно новое значение выражению «близкая воздушная поддержка». От сотрясения я потерял равновесие. Только схватившись за ближайшее дерево, я не упал от трёх новых взрывов, последовавших подряд один за другим. Воздух перед нами стал ощутимо горячим. Смертоносные осколки, которые мы слышали, но не видели, свистели в воздухе. Мы залегли в поисках укрытия. Каждый из нас сумел найти основание достаточно толстого дерева, кучу земли или что-то ещё, что оказалось бы между ним и взрывом. Мы следовали политическому совету президента Джонсона, что иногда, когда события выходят из-под контроля, лучшей стратегией будет «скорчиться, как осел в сильную бурю и подождать, пока всё не успокоится».

Шальные осколки залетали в кусты и кроны деревьев, отчего те шумели и сотрясались, сбрасывая тучи покрывавшей их пыли. Иногда казалось, что кусты и деревья как будто взрываются. Вот круто, подумал я тогда. Бомбардировка продолжалась почти час. Она могла затихнуть на несколько минут, а затем мы над самыми деревьями видели пламя пролетающих перед нами справа налево «Фантомов», потом следовали новые взрывы и визг осколков. К

счастью, чаще всего перед налётом мы слышали громкий скрежещущий звук реактивных двигателей за пять-десять секунд до сброса бомб. Шум предупреждал нас и давал время, если достаточно быстро двигаться, найти укрытие. Но всё равно трудно поверить, что никого из нас не задело.

Из-за того, что мы находились так близко от бомб, они казались больше и опаснее, чем были на самом деле. Один заход был сделан так низко, что я мог прочесть мелкие цифры на фюзеляже и увидеть лицо пилота. Самолёт сбрасывал бомбы размером с «Фольксваген». Повсюду трещали рации. Повсюду горели дымовые шашки различных цветов, указывая бомб-жокеям, куда им сбрасывать или не сбрасывать свой груз. Мне страшно хотелось зажечь одну такую, и я усердно искал глазами кого-нибудь из командиров отделений или взводных сержантов, кто выглядел бы так, как будто собирался приказать кому-нибудь зажечь дымовую шашку. Не сработало. Моя помощь в этом вопросе не требовалась.

В тот день рота «С» использовала для указания своего местонахождения все цвета, кроме красного. В тактико-оперативном районе 1-ой дивизии наш командующий, генерал Депью, постановил, что этот цвет будет применяться только для обозначения противника. Передовые разведчики на одномоторных «Сесснах» и наблюдатели на вертолётах сбрасывали красные дымовые гранаты и ракеты на вражеские позиции. С воздуха красный дым означал «сбрасывай свои бомбы сюда». С земли он означал «беги спасай свою сраную жизнь, сейчас сюда упадёт бомба». В теории наземные войска могли использовать этот цвет, только, если их позиция прорвана, и они вызывают авиаудар или артиллерийский огонь на себя, что называлось «последний оборонительный рубеж». Я думаю, мы не оперировали такими терминами, потому что ни одна душа в роте «С» не носила с собой красных дымовых гранат.

Генерал Депью, говорят, был интересным человеком, и очень жаль, что мне не довелось с ним встретиться лично. «Напалм» было одним из его любимых слов. Не раз мне рассказывали, как он произносил его в ответ на вопросы своих подчинённых, как им решить какую-нибудь насущную тактическую проблему, возникшую в ходе битвы или боестолкновения. Он считался солдатом из солдат и среди нас, находившихся на нижних ярусах тотемного столба, заслужил известность своей фразой «Джи-ай, на которого напали, становится командиром дивизии, потому что все ресурсы дивизии — в его распоряжении». Так что теперь мы были «один за всех и все одного».

Во Вьетнаме все дивизии, включая и нашу, до прибытия

Депью носили нарукавный шеврон установленного образца, выполненный в оливковом цвете, чёрном и различных оттенках серого. Все остальные цвета исключались по соображениям маскировки. Депью отверг эту идею и вернул наш первоначальный шеврон с единицей, красной, как пожарная машина. Я служил в Большой Красной Единице, а не в Большой Серой. Генерала Депью высоко ценили во всей дивизии. О большинстве других командиров нельзя сказать то же самое.

Кто-нибудь знал, почему авиация вела бомбардировку? Я нет. В дальнейшем так повторялось раз за разом, полное неведение, мы не знали, что происходит в текущий момент и не могли этого узнать впоследствии. Мне это было неприятно. Может быть, разведывательный самолёт что-то заметил перед нашей высадкой. Может быть, по нам стреляли на подлёте. Может быть, это меры предосторожности. Мне говорили, что в штабе предпочитают при возможности провести профилактическую бомбардировку. Парой месяцев ранее, во время операции «Эттлборо», высадившихся без предварительной бомбардировки встретил единственный ВК, который выстрелил нашему головному, Гарсии, между глаз и исчез. Пуля разнесла Гарсии затылок и парню, идущему вторым, чуть не выбило глаза кусками горячего мозга, разлетающегося на сверхзвуковой скорости. Я не знаю, получил ли он «Пурпурное сердце» за ранение человеческой шрапнелью.

Как внезапно всё началось, так оно и прекратилось. Авианалёт закончился. Рота «С» двинулась в джунгли с заданием искать-и-уничтожать. Целью «Седар-Фоллс» была зачистка территории в пятьдесят квадратных миль, известной, как «Железный треугольник», располагавшейся немного к северо-западу от Сайгона. Дорог в этой местности особо не было, американские войска в течение последнего времени не уделяли ей много внимания, и теперь она превратилась в огромную зону снабжения для противника. В первый день операции наши войска заняли главную деревню, Бен Сук, подтянули вертолёты «Чинук» и вывезли всех жителей, всё их имущество и даже домашний скот. Затем деревню сровняли с землёй. Это было сделано для того, чтобы после нашего ухода вся территория считалась зоной свободного огня и периодически прочёсывалась артиллерией, чтобы противник не вернулся. Так всё выглядело в теории.

Армейское командование в Бен Сук проявило непривычную мудрость и сочувствие, когда жители деревни попросили отсрочить выселение, чтобы они могли забрать личные вещи и ценности, которые они спрятали или зарыли в землю вокруг деревни. Такова была обычная мера безопасности, чтобы уберечь ценные вещи от вьетконговских сборщиков дани, грабителей и

добрых старых вороватых соседей. Что необычно для армии, график был сдвинут, чтобы люди могли собрать свои сокровища. Несмотря на отсрочку приговора, перемещение было проведено чётко. Никто в 1-ой дивизии не хотел бы услышать, что про нас говорят у костра в новой деревне, где бы она ни находилась.

Мы прочёсывали остальную часть «Железного треугольника» вместе со 173-ей десантной бригадой и 11-м разведывательным полком. Никакие крупные подразделения АРВН не привлекались. Им даже вообще не сообщили про план «Седар-Фоллс», пока она не началась. Ходили слухи, что среди командования в Сайгоне опасались, что если АРВН узнают про операцию заранее, то они всё сдадут Вьетконгу.

Около полудня мы нашли склад риса. Пять тонн припасов в мешках были сложены на деревянный настил, приподнятый на сваях на два фута от земли, чтобы рис не промок. Толстые бамбуковые столбы поддерживали ржавую железную крышу, чтобы уберечь мешки от дождя. Постройка, размером примерно с гараж на одну машину, не имела стен. Трудно было поверить, что там не водятся никакие животные, способные прогрызть мешки, чтобы добраться до риса. Мы приблизились к складу с великой осторожностью, желая знать, чьи невидимые глаза следят за нами и будет ли он сражаться за свой рис. Судьбе было угодно, чтобы склад никто не охранял, но он был заминирован. Американская граната-яйцо с вынутой чекой лежала между двух мешков. Капитан Паоне, командовавший ротой, вытащил её и заменил чеку новой, из тех, что имел с собой. Все носили запасные чеки именно для этой цели.

Пока рис осматривали высшие чины, мы заняли позиции по сторонам. Большинство уселось на землю, чтоб дать ногам отдохнуть. Я прислонился к дереву, закрыл глаза и попросил Тайнса, одного из гранатомётчиков нашего взвода, разбудить меня, когда будем уходить. Он спокойно и методично, с едким сарказмом, распёк меня сверху донизу и с обеих сторон. Нет, мне не полагается спать, словно бревно. Моя работа — оставаться начеку, наблюдать за своим сектором джунглей, замечать любые признаки опасности и быть готовым на них среагировать. Это командный спорт, и участвуют все. Сейчас не время давить подушку. Очевидно, он был прав, так что я согласился, даже не пикнув в знак протеста.

Кен Тайнс, из Лос-Анджелеса, был единственным чернокожим в отделении. Кожа у него была чуть темнее среднего, видимо, оттого, что на базе он большую часть времени ходил без рубашки. Он частенько носил каску сдвинутой набок, отчего вид у него становился дерзким и залихватским, хотя на самом деле Тайнс

был осторожным и рассудительным. Я прислушивался к его словам. Остальные тоже. Другое расовое меньшинство в роте, гаваец Ортис, похоже, был лучшим другом Тайнса. Они оба служили гранатомётчиками, носили М-79, стрелявшие 40-мм гранатами. Как ни странно, это оружие не имело предохранителя. Чтобы уберечь его от случайного выстрела, большинство гранатомётчиков на патрулировании держало казённик открытым.

Армия некоторое время экспериментировала с гигантским 40-мм дробовым патроном, разработанным для использования в М-79. Каждый патрон содержал двадцать семь свинцовых шариков 32-го калибра. Они реально применялись, но потом были отозваны по неизвестной причине[17]. Тайнс тайком сохранил несколько штук и всегда держал один в стволе гранатомёта, наготове. Всякий, кто попытался бы напасть на Тайнса в патруле, тут же узнал бы, что его ответный выстрел — скверное дело.

После осмотра рисового склада в поисках спрятанного оружия или документов, мы уложили в середину кучи мешков блоки С-4, пластичной взрывчатки. Запалив шнур, мы кинулись прочь. Когда мы залегли в ожидании, я немного нервничал, представив себе пятидесятифунтовые мешки риса, дождём осыпающиеся на нас с неба. Я прямо видел, как мешок приземляется мне на позвоночник. Секундой позже склада не стало. Особенной воронки не получилось, но местность затянули пар и дым. Сколько таких находок нам предстоит сделать, чтобы заставить их проголодаться? Мы двинулись дальше.

Ещё через пару часов поисков риса, мы остановились на ночлег. В то утро я забыл наполнить свои фляги и начинал чувствовать себя высушенной изюминой. В течение дня я стеснялся попросить у кого-нибудь воды, потому что не хотел, чтобы меня называли тупым ослом. В Лай Кхе у нас не было водопровода. Питьевую воду мы набирали из тысячегаллонной металлической цистерны на колёсах, припаркованной на грунтовой площадке возле столовой. Теоретически, когда мы видели утром её после завтрака перед уходом на задание, её вид должен был разбудить нашу память и напомнить нам наполнить наши фляги. К сожалению, в то утро я оказался недостаточно сообразителен, чтобы сложить два и два и смекнуть, что надо набрать воды прежде, чем уйти в патруль.

Найти воронку с некоторым количеством серой воды на дне было легко. Я соскользнул на десять футов вниз по её грязному склону и пил, как бешеная собака. Вода имела сильный металлический привкус, все равно, что лизать алюминиевую облицовку, но всё равно освежала. Я лакал её, пока желудок не

раздулся и не стал мне мешать. Как я подумал, вряд ли я ещё когда-нибудь так проколюсь с флягами.

На каждой ночной позиции, как только солнце садилось, за дело принимались лопаты. Мы копали так много, как будто состояли в профсоюзе американских шахтёров. Если после первых ударов лопатой слышалось усердное пыхтение, это означало приличную землю. Потоки ругательств означало землю, твёрдую, как скала, или толстые корни. Тем не менее, мы окапывались каждую ночь. Спали мы рядом с нашим ячейками, не в них самих. В качестве простыни мы использовали пластиковые пончо. Им не полагалось служить мягкой подстилкой, просто они частично отделяли нас от влажной земли и ползающих насекомых. Поскольку пончо производили шум, ими пользовались только в относительной безопасности больших ночёвок. Пончо не применялись в ночных засадах и на постах прослушивания, когда нас было мало, мы были изолированы и требования к тишине были более чем категорическими. Мой рюкзак отлично справлялся с ролью подушки.

Фэйрмен поставил меня в пару к Джеку Альваресу, мексиканцу из Калифорнии. Он был сообразительным, опытным и во всех отношениях хорошим солдатом. Соответственно, ему вот-вот должны были дать в подчинение собственное отделение и повысить до сержанта. Если Фэйрмен доверил бы ему учить меня что и как, ему пришлось бы понадеяться на невербальные способы общения, потому что Альварес редко что-то говорил.

Когда ячейки были готовы, мы предприняли попытку вырубить часть растительности перед нами, чтобы легче было заметить врага, прежде, чем он успеет подкрасться к нам вплотную. Мы также установили два «Клаймора». Так делали каждую ночь у каждой ячейки. Самые опасливые парни снимали гранаты со своих разгрузочных жилетов и укладывали их аккуратным рядком возле пончо, чтобы легче было до них добраться. Эта часть церемонии была необязательной. В тот я раз я так не сделал, потому что про это не знал. Потом, когда узнал, то всё равно не делал. Мне пришло в голову, что мои гранаты должны оставаться пристёгнуты к жилету на случай, если вдруг придётся срочно хватать вещи и быстро менять позицию или сматываться.

Как гласит поговорка, «можно сделать правильно, можно неправильно, а можно по-военному». Мы, конечно же, делали по-военному — делили ночную вахту на час бодрствования и час сна. Примерно к 1930 уже стояла непроглядная темень. Альварес лёг спать, а я начал свою первую вахту, свесив ноги в ячейку. Через несколько минут я вытащил сигарету и чиркнул своей

«Зиппо», тут же поняв, что сотворил глупость. Соскользнув в ячейку, я притаился и ждал, когда ВК, увидевшие сигнал моего прожектора, начнут по мне стрелять. Этого не произошло.

Утром никто ничего не сказал, но я видел пару «новичковых» взглядов со стороны одного-двух парней. Фэйрмен ничего не узнал. Если бы он узнал, то поберёг бы свою глотку и взялся бы сразу за пистолет. Это была одна из тех мелких ошибок, которые все делают в начале службы. Впоследствии они исчезают. Или вы сами исчезаете.

Следующий день принёс нам два приятных сюрприза. Первое — когда мы в поле, нам не надо вставать в 0500 или в другую рань, мы спим до восхода солнца. Нет смысла вставать, пока не станет достаточно светло, чтобы что-то делать. Второе — повар Джонс прилетел на вертолёте, доверху полном омлета, бекона и горячего кофе. «Это чудесно», — сказал я Альваресу. Тот в ответ пробубнил мне что-то по-испански. У меня сложилось впечатление, что мы будем есть в джунглях такие завтраки каждое утро. Позже впечатление сменилось на то, что командование дивизии устроилодля нас специальное угощение, потому что операция «Седар-Фоллс» почти закончилась и прошла успешно. Пока я там служил, нам больше ни разу не посылали горячий завтрак в поле.

После завтрака мы отправились на новую шестичасовую зачистку. Я и моя винтовка в тот день были ходячими ранеными. У меня на шее слева образовалась натёртость, окружённая мелкими болезненными нарывами. Во время вчерашнего марша болтающийся туда-сюда при ходьбе гранатомёт своим ремнём прорыл глубокую дыру в моей коже. Если бы я сегодня надел его на ту же сторону, то он постепенно вгрызся бы ещё глубже и перепилил бы мне яремную вену.

Другой медицинской проблемой стала моя левая рука, которая воспалилась. Я зацепился ей из одну из колючих лиан, называемых «подожди минутку», которая оставила на коже несколько неглубоких порезов. За ночь они разрослись в целую россыпь везикул. Из некоторых вытекал жёлтый гной, а другие сочились кровавой жижей. Вид был отвратительный и ощущения тоже. Мой план действий состоял в том, чтобы немедленно показать руку Доку Болдуину, взводному медику. Док мне нравился, он был забавным и остроумным. Живой и бойкий, он всегда улыбался. Внутри у него горела озорная искорка длиной в милю. Он отпускал больше саркастических замечаний и смешных шуточек, чем кто-либо в роте «С». В итоге Док сказал, что это у меня фрамбезия[18] и дал несколько пенициллиновых таблеток из большой бутыли. У меня не было никакого контейнера, чтобы их

хранить, поэтому я просто высыпал их в карман, словно мелкую сдачу. Док ещё добавил, что бактерии, вызывающие фрамбезию, весьма близки к тем, что вызывают сифилис. Таким образом, у меня может быть положительный результат теста на сифилис, если мне вдруг придётся проходить его для получения лицензии на вступление в брак у себя в Калифорнии. Я должен быть готов всё быстро объяснить. Вьетнам продолжал подкидывать приятные сюрпризы один за другим.

Мой винтовка, старушка 179619, в тот день тоже пребывала в печальном состоянии. Всего за одну ночь затвор приржавел в закрытом положении. Опять моя ошибка. Проблема заключалась либо в недостатке смазки, либо в недостаточно усердной чистке. Затвор не тронулся с места, хотя я стучал и колотил по нему различными частями своего снаряжения. Ничего страшного, в патроннике находился боевой патрон. Я утешал себя мыслью, скорее призрачной, что если я им выстрелю, от сотрясения затвор высвободится и вернёт моё оружие к жизни. К счастью, мне не пришлось проверять свою теорию. Моё смущение в этой ситуации было так велико, что я никому о ней не сказал и не попросил помощи. Меня несколько утешало, что я носил с собой пистолет. Перед моим отъездом из Калифорнии мой отец купил мне автоматический пистолет военного образца калибра .45. Многие парни носили пистолеты в добавление к винтовкам, хотя большинство из них получили пистолеты в армии, а не привезли из дома. Некоторые должности, например, медики и помощники пулемётчиков получали только сорок пятые, и не обязаны были носить винтовку. Однако, их подстрекали попросить ещё и винтовку, и большинство так и делало. Тогда они носили два вида оружия.

Дневное патрулирование оказалось не слишком плодотворным. Мы проблуждали несколько часов, но не нашли, в общем, ничего. Постепенно все роты батальона собрались на заранее установленной равнине площадью в несколько акров. Стаи вертолётов начали слетаться, чтобы забрать нас и отвезти домой. Поскольку перевезти надо было целый батальон, около шестисот человек, весь процесс занял примерно полтора часа. Мое отделение улетало в самом конце. Оказаться в числе последних было немного досадно, но имело свои преимущества. К тому времени, как мы вернулись в расположение роты, было уже слишком темно, чтобы высылать ночные патрули.

К счастью, мы успели к ужину. Еда, которую готовили в столовой по вечерам, была чертовски хороша, иногда просто великолепна, и всегда съедалась до последней крошки. Нам подавали блюда типа печёных бобов, тушёной говядины, жареной

курицы, и мяса с подливой. Были и гарниры — картофельное пюре, рис, макароны, консервированные фрукты и различные варёные овощи. Главным сюрпризом стал хлеб, который каждый день пекли в столовой. Он был очень вкусным и, в качестве бонуса, не содержал столько насекомого белка, как утренние булочки.

На следующий день мы потратили большую часть времени на вырубку буйной растительности, которая грозила поглотить наши бараки. Стебли пролезали в трещины между досками стен. Лианы ползли по стенам, цепляясь за ширмы в поисках входа внутрь. Пространства между постройками превратились в мини-леса. Может быть, начальство решило, что это плохо для пожарной безопасности. Может быть, они просто хотели, чтобы территория выглядела чистой, как военный лагерь. Или, может быть, они хотели предоставить нам фактический день отгула, не говоря об этом. Они не могли прямо сказать нам взять отгула. Всё должно было выглядеть по-военному. Так или иначе, задание нам пришлось по душу. Просто рай для лентяев. Количество потреблённой нами «Кока-Колы» и сигарет превзошло количество выкорчеванных растений.

Около полудня мы прервались на обед. Вместо того, чтобы направиться прямо к столовке, я пошёл к штабу дивизии поглядеть на военную добычу. Дивизия в ходе «Седар Фоллс» захватила боку[19] оружия и боеприпасов, и немало их было выставлено на обозрение в открытом дворе. Там лежали сотни и сотни винтовок, пулемётов и миномётов, а также ряды мин, ракет и тщательно выложенных штабелей вражеских ручных гранат. Впечатляющий улов. Многое из захваченного орудия было американского производства, которое противник добыл в ходе боёв или хитростью. Например, две безоткатных пушки, пятнадцать «бангалорских торпед»[20] и примерно дюжина раций PRC-25. Нигде не видно было ни одного пистолета, их все разобрали офицеры. Для съёмок понаехали бесчисленные гражданские фотографы. Очевидно, большие шишки из дивизии рассчитывали прикрыться с помощью благосклонных отзывов в прессе. Генерал Уильям Депью, командир дивизии, выпустил документ, в котором подчёркивалось, что хоть нам и не удалось уничтожить столько ВК, сколько в других подобных операциях, но мы захватили гораздо больше трофеев, чем ожидалось, и нам всем следует собой очень гордиться.

После обеда нас отправили охранять участок роты «В». Их самих отправили ещё куда-то. Эта работа оказалась раем для ещё больших лентяев. В каждом укреплении нас сидело четыре или пять человек. Пол-ящика тёплого корейского пива лежало в грязи

рядом с нашей позицией. Само собой, мы его тут же выпили, и оно оказалось очень даже хорошим для иностранного пива. Слава корейцам! Мне уже доводилось попробовать вьетнамское пиво. На вкус оно было как моча мула.

Никто из нас никогда лично не видел в Лай Кхе корейских солдат. Однако мы знал, что они есть где-то во Вьетнаме, так же, как нам помогали, например, солдаты из Австралии. Президент Джонсон надавил на лидеров этих стран прислать сюда солдат, чтобы мы могли делать вид, что мы во Вьетнаме не одни, что мы на само деле часть грандиозного международного альянса, старающегося побороть Хо Ши Мина.

После обед один из нас слушал радио и стоял на посту, а все остальные спали. При дневном свете на периметре ни разу ничего не случалось, так что можно было позволить себе вздремнуть, пока хотя бы один человек хотя бы наполовину бодрствует и более-менее начеку. На самом деле, тут сгодится и дрессированный тюлень, если вы научите его носить каску и беспрерывно гавкать «Кто идёт?».

Ближе к вечеру, 3-е отделение назначили в засаду. Как это было заведено, рота «С» отсылала отделение по меньшей мере в десять человек в засаду, вне зависимости, выходили ли мы в джунгли, или находились в базовом лагере. Поскольку в роте насчитывалось не более десятка стрелковых отделений, ясно было, что ночные засады станут самым обычным делом в моём ближайшем будущем. Прождав, пока прибудет наша смена, мы потащились обратно через весь лагерь, и опоздали. Реку мы пересекли в 1940. Покидать периметр в полной темноте было полной глупостью.

Остатков дневного тепла не хватало, чтобы высушить нашу одежду. Из-за невидимых палок и лиан мы спотыкались или даже падали. Мы производили очень много шума. Страх перед неизвестностью не позволил нам зайти больше, чем на сто метров за реку. Я не знаю, насколько далеко нам приказали зайти, но мы этого не сделали. Никто ничего не обсуждал и не задавал вопросов, так что не на кого было бы всё свалить, если бы на следующий день нам начали бы задавать вопросы. Все знали, что происходит и закрывали на это глаза. Это был маленький молчаливый бунт, направляемый здравым смыслом. Так бывало раньше, и должно было быть и в дальнейшем.

К несчастью, когда мы решили остановиться, мы не знали, как выбраться из зарослей, покрытых колючками достаточно острыми, чтобы остановить техасского быка. Это было всё равно, что проспать ночь на мотке старой колючей проволоки. Такова была хорошая новость. Плохая новость состояла в том, что чудик,

возглавлявший патруль, сержант Конклин, расставил нас по обеим сторонам узкой тропы. Если наша засада кого-нибудь накрыла, мы бы стреляли через тропу друг в друга, словно польская расстрельная команда[21].

Никому из нас не удалось нормально поспать, так что мы ушли с первыми признаками рассвета. В терминах Второй Мировой войны ситуацию можно было бы описать словом «снафу»[22]. У нас более популярно было слово «фубар». [23]В ту ночь, когда мы направлялись в эту пропасть, я проклинал власть предержащих. Это из-за них всё превратилось в такой фубар. Теперь, когда всё закончилось, я подумал, что, может быть, мы и сами были виноваты, что насосались этим корейским пивом, тащились еле-еле, словно жирные слизни, и опоздали к положенному месту засады. Я заключил, что это на самом деле неважно.

Рота гудела, словно улей. Все стояли в полном снаряжении, включая толстые, тяжёлые бронежилеты, которых я раньше не видел. Солдаты грузились в приспособленные для перевозки людей грузовики, отправляющиеся в Ди Ан. Нам надо было поднажать, если мы хотели успеть переодеться в сухое до отправки.

Самая важная часть в перемене облачения — найди сухую обувь. Каждый из нас имел три или четыре пары обуви. Некоторые были старого типа, полностью кожаные. Другие — более современные, так называемые джунглевые ботинки, сделанные частично из кожи, частично из оливкового брезента, который должен был позволить ногам высохнуть более-менее быстро после того, как они намокнут. Два окантованных металлом отверстия размером в половину десятицентовой монетки на внутренней стороне служили для выхода влаги. У меня сложилось впечатление, что эти ботинки были разработаны специально для войны во Вьетнаме.

У меня было две пары брезентовых ботинок и две пары кожаных. Запасные ботинки обычно выставляли снаружи на солнечной стороне барака, чтобы они проветривались и сохли. Некоторые ботинки были не связаны контрактом. Их владельцы погибли, были эвакуированы, или вернулись в большой мир. Право собственности определялось именами и личными номерами, написанными изнутри. Если они оказывались неразборчивыми, или было темно, принадлежность определялась местом. Вы помнили, где именно среди рядов ботинок стоят ваши. Если вы сбились, но ботинки вам впору, то они ваши. Если нет, попробуйте другую пару. Я облюбовал себе одно место для ботинок, в северном конце заднего ряда. Однако, я был не

слишком разборчив, потому что когда я приехал в во Вьетнам, у меня было всего две пары обуви.

После перемены одежды и обуви настало время сменить мою долю общественной собственности. До сих пор она состояла из двух пулемётных лент и противотанкового гранатомёта. От гранатомёта надо было отделаться. Он был громоздкий, и ремень врезался в шею. Мой тщательно продуманный план заключался в том, чтобы спрятать гранатомёт в тумбочке под грязным бельём. Затем я выйду на задание, неся четыре ленты для М-60, и буду вести себя, как будто всё время их носил. Я надеялся, что если Шарп захочет, чтобы кто-нибудь носил гранатомёт, он даст его кому-нибудь, кто несёт не так много, как я. План сработал. Больше я никогда не таскал гранатомёт, и никто не спрашивал меня, что стало с тем, который я носил раньше.

На складе нам выдали во временное пользование бронежилеты, которые я прозвал перегревожилетами. Они имели больше дюйма толщины и весили семь или восемь фунтов. При этом они удерживали столько тепла, что бессмысленно было носить их, прыгая по джунглям. Мы надевали их только на моторизованные марши, когда набегающий воздух в открытых грузовиках уберегал нас от перегрева. Бронежилеты эффективно останавливали медленно летящие осколки или пули, выпущенные издали, но не могли уберечь от пули из АК-47 с короткой дистанции.

Колонна в тот день отправлялась на шоссе №13. На нашем участке шоссе служило главной дорогой, соединявшей нас с Ди Ан и Сайгоном, который находился примерно в пятнадцати милях к югу. Если проехать примерно тридцать пять миль на север, дорога исчезала в Камбодже. Мало приятного было знать, что из-за частых несчастных случаев на дороге — среди них выстрелы снайперов, мины и засады — она заслужила прозвища «Громовая дорога» и «Кровавая тринадцатая». Сколько мне доводилось ездить по Громовой Дороге, каждый раз страх, что прямо под поверхностью дороги может прятаться мина, никогда не покидал моей головы. Примерно такое же мрачное ощущение я иногда испытывал, купаясь на глубине в Тихом океане, что под поверхностью воды прячется что-то, что может всплыть и укусить меня.

Как мне казалось, осколок от мины непременно должен был угодить мне в пах. Как будто я боялся, что у врагов есть волшебные мины, которые пробивают грузовик под любым углом, и в конце всегда отрывают мне мои интимные части. Страх перед подобной перспективой был распространённой фобией среди джи-ай. Впоследствии, если на эту тему много говорили, то я

начинал ощущать дискомфорт там внизу, до тех пор, что-нибудь на дороге меня не отвлекало.

Ожидая отправления, мы обсуждали хорошо всем известную историю, пожалуй, даже легенду джунглей. Якобы чтобы подорвать нашу мораль, враги будут стараться в первую очередь подрывать в конвоях снабжения грузовики с пивом. Кто знает, правда ли это? Правда, большая часть дороги была закатана в асфальт. Однако, попадались гравийные участки и кое-где грунтовые. Эти участки могли похвалиться ямами размером с ванну. Поездки становились жёсткими.

Поторапливайся и жди. Нас подгоняли, чтобы мы шевелились быстрее, мы шустро собрались, набились в грузовики и потом просидели там три часа, а солнце молотило по нам, словно в барабан. На дне кузова лежал слой мешков с песком, которые должны были поглотить взрыв и осколки от мин. Месяцы, и, возможно, годы постоянного полива дождём и высушивания на солнце превратили их в натуральные камни. Нам полагалось стоять на них на коленях лицом наружу, высунув винтовки. Стоять на булыжной мостовой было бы удобнее. Я чувствовал себя, как малыш, хнычущий, что слишком долго приходится стоять на коленях в церкви святого Бартоломью.

Во время ожидания нас заставили практиковаться в том, что мы должны делать во время засады. У нас было несколько планов, разработанных на случаи, если дело пойдёт по тому или иному сценарию. Если нас атаковали, но нас грузовик продолжает движение, каждому полагалось бросить одну гранату, а затем бегло стрелять во всё и вся. Если наш грузовик повреждён и остановился, то мы должны были бросить одну гранату, вылезти после того, как она взорвётся и построиться на земле по обоим сторонам грузовики. Мы отработали это несколько раз, пытаясь сделать так, чтобы по центру оказался пулемётчик, по одному гранатомёту с каждой стороны от него и по крайней мере по одной М-16 между каждой из этих позиций и по краям линии. Это очень напоминало строй, которым нам полагалось двигаться во время патрулей силами отделения.

Выпрыгивать из грузовика и бежать на боевую позицию в полном снаряжении и в бронежилете на жаре было нелёгкой задачей. Мы повторили это несколько раз. Потом уже никто не возражал против того, чтобы его оставили в грузовике поджариваться наподобие пирога. Возможно, в том и заключался смысл отработки действий при засаде, чтобы мы заткнулись. Полуденная жара больше всего ощущалась в кабине грузовика. Наш водитель жаловался громко и часто. В конце концов, мимо проезжал джип, а водитель как раз потерял самообладание и

открыл дверь, намереваясь выскочить. Удар джипа изувечил дверь и сломал нашему злосчастному водителю ногу. Мы только рты раскрыли. Водитель джипа любезно остановился, чтобы раненого можно было погрузить и доставить в медпункт. Новый водитель для нашей машины появился, как мне показалось, из ниоткуда.

Когда мы выехали, уже стало не до шуточек. Ехали мы быстро. Тучи светло-коричневой пыли поднимались за каждым из двух наших грузовиков. Пыль налипала на наши потные лица и руки, отчего мы стали похожи на компанию обвалянных в муке отбивных. Чернокожие выглядели, как будто над ними поработал гримёр-дальтоник.

По пути мы видели дома, магазины и заправки со знакомыми названиями, типа «Галф» или «Тексако». Местное дорожное движение было плотным, попадалось много американских машин 40-х и 50-х годов на чрезвычайно лысой резине.

Часто встречались красивые молодые девушки, которые носили традиционные халаты «ао-дай», окрашенные в яркие цвета и свободно развевающиеся на ходу. Многие пешеходы носили сандалии с подошвой, вырезанной из автомобильной покрышки, которые все называли «сандалиями Хо Ши Мина». Взрослые нас игнорировали, что мне показалось обескураживающим. Они, похоже, не признавали в нас солдат, которые пришли помогать им защищать свою страну и рисковали для этого своими жизнями. Они не махали нам, не улыбались нам и даже почти не смотрели на нас. Они выглядели равнодушными и апатичными. Меня это неприятно поразило.

Другое дело дети, с ними было море веселья. Они бежали к обочине дороги, крича «чоп-чоп». Таким образом они просили еду. Мы бросали им банки из пайков, а дети боролись за них, так же, как зрители на бейсбольных матчах бросаются на вылетевший за пределы поля мяч.

Самое безумие наступало, когда мы проезжали начальную школу. Мы запускали в поле с дюжину банок еды. Вся школа, сотни детей, тут же вскакивали, крича со всей мочи, и мчались во всех направлениях, чтобы схватить банку. Получалась такая суматоха, что можно было надорваться. За детьми бежали учителя, с красными лицами, и из ушей у них валил пар — так они орали, размахивая руками и пытаясь восстановить порядок.

Обмены еды на веселье наподобие этих, впрочем, были не так уж распространены. Большую часть ненужной нам еды мы раздавали по одной банке людям, которых встречали на фермах или дорогах. Я был тронут, увидев, сколько человек во взводе вместо того, чтобы выбросить ненужную банку белого хлеба или

бобов, таскали её с собой лишь для того, чтобы отдать её очередной истощённой старухе, которая просто нуждалась в калориях. Док Болдуин всё время собирал выброшенные пайки для этой цели. Порой он носил десяток банок в пустых мешках из-под песка, свисающих с его рюкзака.

Одной из причин, по которой пайки не доедались, был их ограниченный выбор. Имелось всего с полдюжины различных блюд: ветчина с яйцом, рубленая свинина в подливе, рубленая говядина в подливе, бобы с сосисками, бобы с фрикадельками, и — мой фаворит — ветчина с лимской фасолью. В поле вам приходилось есть одно и то же три-четыре раза в неделю. Всё приедалось. У большинства джи-ай было несколько блюд, которые они просто не могли переваривать, и больше никогда не стали бы есть почти при любых условиях. Многие парни приспособились поправлять еду соусом «Табаско» или другими непортящимися приправами из дома.

Ко времени приёма пищи чаще всего я был настолько голоден, что съел бы и задницу мула. Особенно справедливо это было для случаев, когда из-за суеты я не успевал поесть раз или два до того. В ветчине с лимской фасолью было больше жира, чем в остальных консервах, за что я их и любил. Чаще всего не было возможности остановиться, чтобы разогреть еду, и жир застывал слоем на поверхности. Не желая терять калории, я размешивал жир с ветчиной и фасолью и поедал содержимое банки холодным.

Помимо главных блюд в каждом ящике с пайками были и дополнительные. Различные комбинации маленьких баночек с фруктовым пирогом, ореховым рулетом, персиками, фруктовой смесью и грушами. Последние считались наиболее желанным блюдом. Ещё в пайках было много банок, содержащих более дешёвую и менее вкусную еду типа хлеба или крекеров. К ним, однако, полагались маленькие баночки желтого сырного соуса, арахисового масла и ли джема, чтобы выходило более съедобно. Эти добавки придавали пище некоторое разнообразие, но недостаточное для того , чтобы джи-ай не уставали есть одно и то же снова и снова. В конце концов многие солдаты начинали презрительно называть пайки «крысами»[24].

Невероятно, на некоторых банках стояли даты времён Второй Мировой войны. Большая часть арахисового масла была 1942 года. Я не верил своим глазам. Еда четвертьвековой давности. Она была старше меня, но съедобной. Никто ей не отравился. Некоторые парни говорили, что у старых консервов появляется странный металлический привкус, особенно у жёлтого сырного соуса. Я не могу этого подтвердить. По-моему, соус был отличный. Я любил сыр во всех видах и при любых

обстоятельствах так сильно, что ел бы и щебёнку, если залить её расплавленным чеддером.

Наша колонна доставила нас в Ди Ан. Это оказалась огромная, хорошо укреплённая база. Пехота, бронетехника, артиллерия и многотысячный обслуживающий персонал занимали несколько десятков квадратных миль. Там стояли сотни ангаров, деревянных бараков и шлакоблочных зданий. Рота «С» должна была расположиться на ночь на поле для софтбола внутри лагеря. Его окружали бараки, полные тыловых войск, и поле должно было быть одним из самых безопасных мест во всём Вьетнаме.

Большая Красная Единица называла себя «войсками круглосуточной готовности». Это означает, что мы до тошноты скрупулёзно следовали нашему общему подходу и изо всех сил старались быть готовыми к чему угодно. Примерно так — «лучше перестараться, чем потом пожалеть». В длительной перспективе это было хорошо. Это означало, что меньше парней поедут домой в накрытом флагом многоразовом металлическом ящике В ту ночь эта концепция зашла чуток далековато. Несмотря на наше месторасположение, мы установили оборонительный периметр, отрыли ячейки у них на софтбольном поле, установили «клайморы» и выставили 50-процентный караул на ночь. Наша деятельность привлекла всеобщее внимание и вызвала хохот, когда зеваки поняли, чем мы заняты. Мой «клаймор» был нацелен на трёх джи-ай, которые сидели на террасе в садовых креслах, пили пиво и ржали над нами. Они думали, что мы — кучка ненормальных параноиков.

Окопавшись, мы сели и посмеялись над собой. Мы устали, зато находились в безопасности. Кто-то рассказал историю, что Вьет Конг назначил вознаграждение в пятьдесят долларов за каждого Чёрного Льва, потому что они всегда наготове, как и в эту ночь, и трудно на них наброситься и убить в больших количествах. Мне хотелось, чтобы эта история оказалось правдой. Моё эго росло от ощущения себя таким опасным, что за мою голову назначено вознаграждение. Однако, это могла быть очередная неудержимая полевая легенда. Впоследствии я время от времени слышал такую же новость о вознаграждении за почти все возможные виды войск во Вьетнаме, от «Зелёных беретов» из Специальных Сил до спасателей из бассейна в Бьен Хоа. Все хотели казаться крутыми опасными парнями.

На следующий день рано утром мы выдвинулись на несколько миль по дороге в Лон Бинь. Наше место стоянки находилось прямо возле базы на ничейной территории. База Лонг Бинь была громадной. Ди Ан рядом с ней казалась карликом.

Расположиться на её периферии было всё равно, что оказаться на окраине Чикаго. Внутри базы была всё та же военная ерунда, которую я видел на других базах, плюс ещё некоторые необычные удобства, как то: поле для гольфа, боулинг, несколько бассейнов олимпийского размера и рестораны. В военном магазине продавалось столько же всего, как и в магазинах в Америке. Это место было мечтой для тыловых войск.

Местность, где расположилась рота, выглядело географически странным. Ровные участки чередовались с низинами и небольшими холмами. Некоторые участки были высохшими, без растительности, они сменялись рощами тридцатифутовых деревьев. Всё это выглядело необычно, как будто Богу трудно было принимать решения в тот день, когда он сотворил этот кусок Земли.

Меня и специалиста 4-го класса Тома Джеймисона отправили дальше вперёд, примерно на сотню метров к небольшой возвышенности, чтобы устроить наблюдательный пост. Если рота не перемещалась в течение дня, мы иногда высылали двух парней наблюдать за обстановкой перед позициями роты. Это называлось «наблюдательный пост». Мы с религиозным упорством делали то же самое и ночью. Однако, поскольку эти двое не могли много увидеть в темноте, и только прислушивались к происходящему перед позициями, их называли «постом прослушивания», а не наблюдательным постом. Нам полагалось изображать экономную систему раннего предупреждения. Тем не менее, чтобы предупредить остальных в тот день мы должны были орать во всё горло или стрелять в воздух, потому что рацию нам не выдали, что для наблюдательного поста было странно.

По дороге к нашей наблюдательной позиции, я нашёл блестящий хромированный цилиндрик размером с фонарик. На нём была завинчивающаяся крышечка. Очередная новичковая ошибка с моей стороны — я машинально поднял его. Он мог оказаться чем угодно, даже миной или ловушкой. Я подумал об этом уже после того, как поднял находку. Не имея ни малейшего представления, что это может быть, я показал её Джеймисону.

— О, с этим не балуются, — сказал он, забросив предмет за ближайший пригорок. Он тоже не знал, что это. Я так обрадовался, найдя военную игрушку, а он испортил мне всю радость. Он был неприятным и довольно унылым, когда не пил.

Джеймисон выбрал место на вершине небольшого пригорка, и мы попытались окопаться. Инструкция указывала нам вырыть стрелковую ячейку. За тысячу лет солнце спекло землю в этом месте в камень. Используя лопату, как кирку, мы провозились несколько часов. После каждого взмаха от земли отлетал кусочек

размером с пятидесятицентовую монету. Мы приближались к центру Земли по дюйму в час. Я считал, что нам следует признать поражение и сдаться. Джеймисон настаивал на исполнении приказа. Он был старше по званию. Все были старше по званию. Он впоследствии стал сержантом, а затем случайно ранил сам себя и отправился домой на носилках.

Стояла жара, не было тени, чтобы укрыться, а солнце висело прямо над нами. В голове у меня стучало, а потовые железы перестали работать. Я прошёлся до ближайшего ручья, свалился на землю немного передохнуть и тут же выпил три кварты воды. Вернувшись к нашему котловану, я выпил ещё две кварты и даже не захотел в туалет. Пять кварт воды за двадцать минут и не поссать, это потрясающе.

От рытья лопаты затупились, наши темпы снизились, а яма глубже не стала. Судьба сжалилась над нами, когда прибежал посыльный, сказав, что командир передумал и не надо устраивать наблюдательный пункт. Всё равно, что губернатор позвонил и смягчил мой приговор[25]. Это было чудесно, можно было бросить копать и уходить. К тому же мне больше не пришлось проводить время с Джеймисоном. Он был реально зануда.

На следующий день патруль из двух отделений выдвинулся на 6300 метров за периметр Лонг Бинь. Шарп поставил меня головным в моём отделении. Как заведено, головной имел возможность вооружиться обрезом дробовика. Это был «Винчестер» армейского образца, 12-го калибра, известный, как «траншейное ружьё», реликт времён Первой Мировой войны. Его ствол был слегка обрезан в угоду обстоятельствам. По логике, он получался чуть короче, чем М-16 и не мешал размахивать мачете. К тому же легче было застрелись кого-нибудь левой рукой, если правой вы прорубались сквозь заросли и наткнулись на противника.

Солдат по имени Фред Киркпатрик, как мне казалось, ходил головным чаще всех остальных. Он был приятным, разговорчивым и чуть полноватым для чистокровного ирландца. Возможно, среди предков в его фамильном дереве попадались легендарные чёрные ирландцы[26]. Киркпатрик подошёл к вопросу дробовика чуть иначе, чем остальные. Обычно в голове ходили только стрелки, не пулемётчики, гранатомётчики или радисты. Фред был стрелком. Однако, стоя головным, он иногда менялся оружием с одним из гранатомётчиков и нёс гранатомёт, заряженный одним из 40-мм дробовых патронов.

Часть моих раздумий о выборе оружие заняли попытки понять, какие патроны в предлагаемом мне дробовике. Мелкая дробь или картечь? Из того, что я знал, там могла оказаться

каменная соль. С чем лучше всего охотиться на людей? К сожалению, я всё ещё до известной степени ехал пассажиром и даже не подумал спросить насчёт боеприпасов. В конце концов мой выбор в тот день остановился на винтовке.

Некоторые парни сматывали липкой лентой два магазина вместе, так, чтобы можно было быстро перезаряжаться, не копаясь в своих брезентовых патронных подсумках. Они делали это постоянно, даже когда они не шли головными. Я беспокоился, что запасной магазин постепенно забьётся мусором и оружие заклинит, если регулярно не чистить магазины. Не имея времени, чтобы делать это каждый вечер, я ходил преимущественно с одним магазином. Однако, в голове строя для меня наступала пора двойного магазина, так что я связал парочку вместе.

В армии нас учили заряжать двадцать патронов в каждый магазин. Случайно или нет, но именно это количество содержала одна коробка. Однако, общеизвестная легенда гласила, что полностью набитый магазин оказывает слишком большое давление на механизм. Это может вызвать отказ магазина в какой-нибудь критический момент, например, когда вам очень, очень, очень надо выстрелить. Соответственно, большая часть стрелков в роте «С», включая и меня, заряжали в магазин только восемнадцать патронов. Никто точно не знал, почему именно это число, а не, скажем, семнадцать или девятнадцать, но мы делали так. Все наши магазины были прямыми. Ни у кого из нас не было изогнутого, «магазина-банана», вмещающего тридцать патронов. Мы ими не располагали.

Первые полчаса моего пребывания на посту головного были абсолютно изматывающими, они высосали мои силы. Повсюду валялись неразорвавшиеся миномётные мины от многих лет «беспокоящего огня». Так было вокруг всех наших баз. Мне, как головному, вменялось в обязанность замечать снаряды и предупреждать парня, идущего за мной. Если они частично зарывались в землю или чем-то скрыты, моей работой было уложить на них листочек туалетной бумаги в качестве маркера. Пытаться прорубать джунгли перед собой, высматривать неприятности впереди и выискивать под ногами взрывчатку было более, чем нервотрёпкой. Стресс усугублялся от стука мачете, отчего я чувствовал себя столь же незаметным, как первый бьющий на мировом чемпионате по бейсболу. К счастью, чтение карты не относилось к обязанностям головного. Второй в колонне, чаще всего командир отделения, вёл навигацию и указывал головному, куда идти. Иногда и второй не читал карту, потому что ему полагалось сконцентрироваться на оказании непосредственной огневой поддержки головному, в случае, если

мы наткнёмся на ВК или СВА.

Изо всех сил я старался прорубаться сквозь растительность левой рукой, потому что мне гораздо спокойнее было держать оружие правой. Этот способ оказался малопроизводительным. Мой дух был высок, но плоть немощна. Требовалось несколько взмахов левой рукой там, где хватило бы одного хорошего удара с правой. На одной из хилых попыток изобразить левшу мачете отскочил от бамбукового стебля весьма скромной толщины и врезался мне в колено тупой стороной. Боль была шокирующей. В первую секунду я думал, что если я посмотрю вниз, то увижу свою коленную чашечку лежащей в грязи между моих ботинок. Какой бесславный конец, ранен и отправлен обратно в Штаты из-за неловкого движения.

К счастью, я даже не увидел крови, чем был очень обрадован. Будучи стеснительным, я очень беспокоился, что остальные подумают обо мне. Отсутствие крови помогло мне утаить свой промах и избежать потока замечаний и шуточек со стороны группы коллег. Позже в тот день моё колено посинело.

Патрулирование велось двумя колоннами, по одному отделению в каждом, двигающихся параллельно примерно в двадцати пяти метрах друг от друга. Одной из наших задач был поиск входов в туннели, ведущие в Лонг Бинь для совершения диверсий. Прокладывать две тропы одновременно выходило слишком шумно и медленно. На некоторое время Шарп перестроил нас в одну колонну, впереди шло другое отделение.

Идти головным было потрясающе до тех пор, пока меня не переставили замыкающим в самый конец колонны. Это было непередаваемо жутко. В половине фильмов, что я видел о Второй Мировой войне в Азии и на Тихом океане, по крайней мере одного парня в конце колонны всегда снимали, перерезав ему глотку. Пока мы шли, я чувствовал глаза, шарящие по моей спине. По коже продирал мороз, и волосы на затылке становились дыбом. Несколько раз я слышал позади шум и чуть не свернул себе шею, резко оборачиваясь, чтобы застрелить нападающего. Много раз я приближался к предпоследнему парню в колонне, Мак-Клоски, затем поворачивался и припадал на одно колено, высматривая в джунглях любые признаки движения. Когда колонна уже готова была меня потерять, я вскакивал и мчался вдогонку. День проходил, а я всё никак не мог привыкнуть к своему положению. Когда патрулирование окончилось, позиция замыкающего оставалась такой же жуткой, какой была вначале.

Ночь мы чаще всего проводили под открытым небом в безымянных точках, где мы останавливались и окапывались. Иногда место выбиралось из-за его стратегического расположения

или удобства обороны. Иногда — просто потому, что мы в нём оказались в ту минуты, когда село солнце. Как правило, каждую ячейку занимали два человека. Порой после того, как все распределялись по парным позициям, оставался один нечётный солдат. Его акции тут же взлетали. Все хотели его к себе. Ячейка, в которую он попадал, становилась трёхместной позицией. Это означало два часа сна на каждый час бодрствования вместо обычного соотношения один к одному. Время от времени с нечётным числом парней разбирались, оставляя пулемётную команду из трёх человек в одной ячейке. Так случалось не настолько часто, насколько мне этого хотелось бы.

Когда тебя будят каждый час — это пытка для суточного ритма. Это крайне неприятно, но переносимо. Часы бодрствования оказались кошмарной скукой, когда сидишь на краю ячейки, прислушиваясь и пытаясь протянуть как можно дольше, не глядя на часы. Нельзя спать, курить, читать, разговаривать и всё остальное. Можно есть, если еда не производит шума. Чавкать не рекомендуется. Я ел для развлечения, просто, чтобы чем-то заниматься. К сожалению, мой кишечник был не настолько велик, чтобы есть каждый второй час. В темноте я ad infinitum играл со своими пальцами, изгибая и складывая их всеми мыслимыми методами. В некоторые часы я тратил время, складывая силуэты вымышленных лиц или голов животных и представляя, как бы выглядела тень от рук, если бы у меня был прожектор и белая стена. Всё это время я следовал совету сержанта-инструктора с начальной подготовки — «быть тихим, как мышь, ссущая на вату».

Во время первым моих ночей в джунглях все мои мысли вращались вокруг страха. Каждый упавший лист или пролетающее насекомое шумели, как взвод Вьетконга, направляющийся к моей позиции специально с целью отрезать мне яйца. По прошествии нескольких ночей листья и насекомые стали звучать, как листья и насекомые. Снижение фактора страха позволило уровню скуки подняться до почти непереносимых высот. Оказаться вынужденным сидеть в темноте часами, ничего не делая, и не спать было хуже, чем китайская пытка водой.

Как-то ночью, когда мои пальцы устали, а живот был набит, я вырвался из застоя и начал вести дневник. Теперь мне было, чем заняться в карауле в джунглях. При свете луны, а порой просто звёзд, я писал всё время. Как я обнаружил, некоторые ночи были слишком тёмными, чтобы видеть написанное, но это меня не остановило. Можно было писать разборчиво, если не спешить и использовать метод Палмера[27], которому меня учили в начальной школе.

Я писал про всё, что происходило в тот день, кто что сказал, и даже рисовал схемы оружия и маленькие примитивные карты. Иногда при ведении записей мой разум начинал блуждать в поисках нужного слова или фразы. Так время пролетало ещё быстрее. Это было чудо. Простая идея вести дневник изменила самую скучную, тягостную и мучительную часть моей жизни во Вьетнаме, ночные дежурства, в приятное и расслабляющее развлечение. Конечно, надо было придерживаться полевых правил, так что бумага должна была быть бесшумной, никаких этих шуршащих и хрустящих пергаментных листов. После возвращения в Лай Кхе я приобрёл достаточно блокнотов, чтобы написать продолжение «Войны и мира».

Большую часть двух последующих дней мы провели в караулах в нашем лагере на окраине Лонг Бинь. Это было всё равно, что уикэнд. По совпадению, дни выпали как раз на субботу и воскресенье. По иронии судьбы, служба стала единственным периодом в моей жизни, когда дни недели не имели названий. Названия месяцев тоже ничего не значили, главное, что они проходили.

Меня поразили обычные для этого восточного рая заболевания под названиями «джунглевая гниль» и «траншейная стопа»[28]. Большинство солдат просто называли все кожные заболевания «джунглевой гнилью». Я не знаю, была ли это в моём случае одна патология в анатомически разных местах или разные заболевания. Существующая теория утверждала, что «траншейная стопа» — это поражение кожи, которое развивается от длительного воздействия влажности. Гниль вызывается грибком. На вид они похожи, кожа становится красной и раздражённой, а затем отслаивается. Больное место адски чесалось и выглядело устрашающе. Во Вьетнаме встречалась проказа, а поскольку в душе я был так себе солдат, это меня беспокоило, пока остальные не заверили меня, что ещё ни один джи-ай не подцепил проказу.

У медиков были маленькие квадратные жестяные коробочки с тем, что они сами считали волшебным белым порошком. Однако на меня он не подействовал. Доктор, на которого я наткнулся на одной из баз, сказал мне, что весь фокус в том, чтобы подсушивать больное место по ночам. Он предложил мне расстегнуть ширинку, впустить туда свежий ветер и даже вывесить причиндалы наружу. Часть с расстёгиванием ширинки для меня была приемлема, но не всё остальное. Я не мог позволить себе выглядеть, как извращенец, который вывешивает свой шланг напоказ, словно ловушку для мух. Как потом оказалось, гниль приходит и уходит по своему собственному желанию. Когда вы покидаете Вьетнам, она покидает вас.

Более насущной проблемой в то время для меня стал мой грандиозно распухший указательный палец. Он стал толще, чем большой и болезненно пульсировал. Все в отделении признали, что это классический случай бамбукового отравления, инфекции, вызываемой бамбуковой щепкой. Если мне повезёт, то вся рука у меня раздуется, словно труба, и потребуется обратиться в госпиталь за антибиотиками. К счастью, Док спас меня от этой участи пенициллиновыми таблетками. Джунгли — постоянное испытание для вашей иммунной системы. Если до вас не доберутся ВК, это сделают микробы.

ФЕВРАЛЬ

В воскресенье в тот уикэнд, что мы провели на окраине Лонг Бинь, меня зачислили в полуотделение, которое отправлялось охранять четырёх подрывников из инженерной части. Похоже, что чрезмерное изобилие миномётных снарядов, замеченное на последнем патрулировании, частично происходило со склада боеприпасов, взорванного диверсантами. Инженерная команда должна была собрать исправные снаряды. Мы сопроводили их и, пока они работали, охраняли их, стоя на расстоянии, которые нам представлялось безопасным. Они, должно быть, знали своё дело, потому что собрали снаряды по всей местности без единого подрыва. Они действовали, как будто считали себя бессмертными. Они даже не носили с собой оружие для самозащиты. Ровно в 1600 их рабочий день закончился, и мы вернули их на базу.

Ещё двух пехотинцев и меня после этого отправили дежурить на пост прослушивания. Взяв рацию, мы пробрались на семьдесят пять метров от лагеря сразу после захода солнца. Наш выход мы постарались рассчитать так, чтобы было ещё достаточно светло, и мы могли разглядеть, куда идём и что впереди. Мы собирались прибыть на пост сразу, как только станет слишком темно, чтобы нас можно было заметить, такая уловка. Мне впоследствии представилось много случаев попрактиковаться, потому что, как правило, каждый стрелковый взвод ставил пост прослушивания каждый вечер, когда мы находились в поле. К счастью, мы не выставляли такие посты в Лай Кхе.

Находиться на посту прослушивания было опаснее, чем просто сидеть в ночном лагере с остальными. На посту нас не защищала многочисленность, и если бы мы влипли в неприятности, никто не полез бы спасать наши задницы до рассвета. Мы предоставлялись сами себе. Вопреки опасности, я всё ещё придерживался мировоззрения Альфреда Э. Ньюмана[29]: «Что мне, огорчаться?». Я не оценивал ситуацию так серьёзно, как она того заслуживала и не слишком беспокоился. Я просто отстранялся и предоставлял другим переживать.

Надо было стараться соблюдать предельную тишину, а значит — никаких ячеек. Хотя мы иногда рыли ячейки для наблюдательных постов, мы никогда не делали этого на постах прослушивания. Три человека на посту были роскошью, потому что на пост прослушивания обычно ставили двоих. Вот так. Мы просто слушали, не идёт ли кто-нибудь. Через пять минут после начал каждого часа тот из нас, кто не спал, должен был одеть

наушники рации. Взводный радиотелефонист вызывал нас для проверки бдительности.

— Лима Папа Один, это один-шесть, доложить обстановку, приём.

Мы не отвечали. Если всё шло своим чередом, надо было нажать тангенту на микрофоне рации два раза, не торопясь. Это означало «всё отлично». Если мы столкнулись с проблемами, или поблизости показались ВК, ответом был одиночный щелчок. Это порождало серию коротких вопросов, на которые следовало отвечать: один щелчок — «да», два — «нет». В ту ночь обстановка у нас оставалась на два щелчка каждый час.

Мы оставались на посту прослушивания большую часть следующего дня, изображая наблюдательный пост. Солнце изжарило землю, когда мы вернулись в роту. Линия периметра была плоской и голой, по-видимому, там поработали бульдозеры. Наши ячейки находились, по меньшей мере, в тридцати метрах друг от друга, в два раза дальше обычного, потому что местность была открытая, с хорошей видимостью между всеми позициями. Также был хороший обзор вперед во всех направлениях, до самой границы зарослей.

С учетом открытой местности и хорошего обзора я был более чем озадачен, когда нашёл на дне своей ячейки мину-ловушку, сделанную из ручной гранаты. Сначала мне показалось, что это просто граната отцепилась у кого-то с пояса, и всё. Никто, однако, не терял гранат, и все, включая и Фэйрмена, настаивали, что дело серьёзное. Наша ячейка оставалась пустой на ночь, и, по-видимому, парни, охраняющие соседние ячейки, малость ослабили бдительность. Граната была почти полностью зарыта в землю рычагом вниз. Нельзя было понять, нет ли под ней ещё одной или не скрыто ли что-то ещё в земле, там, куда надо встать, чтобы добраться до гранаты. Некоторое время мы стояли там, обдумывая ситуацию. Джилберт косил, а Фэйрмен ругался. Затем мы вернулись к сути проблемы и стали обсуждать различные подходы и методы обезвреживания мины. Все они выглядели лотереей. Я про себя взвешивал — рискнуть всем ради спасения своей ячейки или схватить инфаркт или тепловой удар, копая новую. Осторожность победила. Хьюиш, который втайне мечтал стать подрывником, дал мне один из своих блоков С-4. Взрыв уничтожил гранату вместе с моей ячейкой, превратив её в широкую, но мелкую яму.

По всем признакам этот случай должен был стать поводом задуматься. Если они могли безнаказанно пробраться и устроить подобное, то почему они ещё не убили меня посреди ночи? Что их могло от этого удержать в ближайшем будущем? Ситуация

должна была бы встревожить меня гораздо больше. Однако, я, молодой дуралей, больше переживал о том, что придётся рыть новую ячейку, чем о том, что кто-то подложил мне адскую машину, которая могла бы оторвать мне ноги.

Фэйрмен после взрыва отирался поблизости, чтобы давать мне советы, насколько глубокой мне отрыть новую ячейку и сколько усердия вложить в проект. Затем он сменил курс и решил, что раз у меня нет ячейки, то я могу присоединиться к Уиллу Смиттерсу на посту прослушивания. Предложение выглядело пугающе. Смиттерс пробыл во Вьетнаме вдвое меньше меня. Мы оба были невежественными новичками. Нам предстояло отправляться на индейскую территорию, одним, ночью, и я за старшего. Что-то в этом сценарии явно было не так. Может, легче было бы меня просто застрелить?

Смиттерс был из молодого пополнения, симпатичный парень из Теннесси, шатен со всегда уложенными волосами, хотя я ни разу не видел, чтобы он пользовался расчёской. Так было даже после того, как он целый день носил каску. Рот у него частенько был полуоткрыт, как у рыб или у Джеймса Дина в кино.

Ночь прошла без событий, если не обращать внимания на мои нервы. Всё было совсем не так, как в предыдущую ночь. Поскольку меня назначили старшим, я не мог действовать вслепую. Я должен был обдумать, какой дорогой идти, где может найтись хорошее место для остановки, не произведём ли слишком много шума, и что нам делать, если мы заметим противника, или — что ещё хуже — он заметит нас. Ситуация определённо заставила меня поволноваться.

Мы потащились в путь, но не на требуемые сто метров. Метров через семьдесят мне показалось, что, хотя мы не так уж и далеко, но между нами и периметром столько плотной растительности, что мы фактически отрезаны от остальных. Ощущая себя оторванным и уязвимым, я принял командирское решение, что поскольку семьдесят метров — это почти сто, мы остановимся и устроим пост прослушивания прямо здесь. Смиттерс, похоже, не вполне признавал во мне командира, отчего я ещё настойчивее заявил, что знаю, что делаю. Для меня это была страшная ночь, даже несмотря на то, что все наши доклады состояли из двух щелчков. Когда она, наконец, закончилась и нам разрешили вернуться к роте, мне сильно полегчало. Признаюсь, я немного гордился, что руководил патрулём. Мне казалось, что я всё сделал правильно. Некоторые такие задания, типа идти головным или постов прослушивания, требовали лишь немного здравомыслия, силы воли и решительности, и никаких специальных навыков вроде чтения карты.

Одним из моих тайных страхов было то, что Фэйрмен может заставить меня ориентироваться по карте во время патрулирования. Мы бы закончили маршрут в Малайзии. Я не умел читать карты на пехотной подготовке в Штатах, а карты во Вьетнаме были ещё хуже, они были абсолютно непостижимы! Если там не стояла большая точка со стрелкой и надписью «Вы находитесь здесь», они находились выше моего понимания. К счастью, карту мне ни разу не давали.

В роте появился новый парень, сержант Родарте, профессиональный военный. Он только что перевёлся в армию с флота, потому что считал, что в армии будет больше возможностей для продвижения. Я не понял, осознавал ли он, что вакансии в армии открываются оттого, что люди, их занимавшие, оказываются убитыми.

Родарте был реально забавный парень, дружелюбный, с широким кругом интересов, и любил поспорить. Может быть, он отточил искусство спорить, когда подолгу плавал в море, не имея, чем заняться. Он был чуть полноват и, похоже, быстро уставал во время длинных маршей, неся всё снаряжение, которое нам полагалось нести. С учётом всего перечисленного, Док Болдуин дал ему прозвище «Стремительный». Это была полная противоположность к его внешнему виду. Нам всем это казалось смешным, и Стремительный, похоже, не возражал.

Примечательно, что Стремительный, как и я, почти не умел читать карту. Но, если меня учили ориентироваться по карте, но я в учёбе не преуспел, то их на флоте просто этому не учили. Может быть, он здорово разбирался в сигналах сонара или таблицах глубин, но в пехоте эти навыки ему не помогли бы. Учитывая, что он стал командиром отделения, это обещало значительные сложности. К счастью, он оказался достаточно умён, чтобы это понять, открыто признать и получить помощь от солдат своего отделения, например, от Кордовы, который провёл во Вьетнаме уже несколько месяцев и хорошо понимал карту.

С каждым проходящим днём я чуть-чуть больше чувствовал себя скитальцем, смирившимся со своей ролью, обречённым блуждать по этому маленькому клочку юго-восточной Азии без выраженной связи с внешним миром, пока мне не скажут, что можно ехать домой. Иногда я беру с собой свой бумажник с деньгами, если нам случается покинуть Лай Кхе на какое-либо время. Однако, большую часть времени он лежит в моей тумбочке. Он больше не ходит со мной в короткие однодневные патрули и ночные засады на той стороне реки.

Я больше не носил с собой ключи. Поначалу кольцо с ключами меня успокаивало. На нём висел брелок в виде

автомобильного номера в дюйм длиной, Ассоциация ветеранов-инвалидов прислала его нам за пожертвование. Номер на брелке совпадал с калифорнийскими номерами маминого «Фольксвагена-жука» и теоретически с ним потерянные ключи могли вернуться к нам, если бы нашедший бросил их в любой почтовый ящик. В начале лежащие в кармане ключи связывали меня с домом и прибавляли чувства защищённости. Теперь я ощущал себя в большей безопасности и не хотел потерять их. Так что он тоже оставались в тумбочке.

То же самое случилось с моим водительским удостоверением и другими документами. Потерять их во Вьетнаме было бы большой ошибкой. Одной из самых живучих легенд во Вьетнаме говорила о том, что если ВК узнают твой американский адрес, то отправят бомбу твоей семье. Эту историю рассказывали на начальной подготовке в Калифорнии, на дополнительном пехотном обучении в Джорджии, в школе джунглей во Вьетнаме и во всех аэропортах в промежутках. Более того, половина рассказчиков утверждала, что лично знает одну из жертв. Эта история была просто неудержимой. Конечно же, я передал предупреждение своим родителям, которые должны были быть начеку насчёт подозрительных посылок всё время, пока я служил за океаном.

Нашим следующим заданием стала вылазка на поиск и уничтожение. Вышла вся рота, но нашли мы немного. Сказать по правде, мы вообще ничего не нашли. Сказать совсем по правде, через некоторое время наш взвод даже не мог найти остальную роту. Я думаю, что лейтенант Джадсон сбил нас с курса. Иногда он оставался в тылу, как наш начальник штаба, а иногда выходил в поле в 1-ым взводом. К несчастью, в тот день он пошёл с нами и, должно быть, держал карту вверх ногами.

Наш взвод на несколько сотен метров оторвался от остальной роты, может быть, даже на километр. Серьёзность ситуации стала ещё более очевидной, когда тени вытянулись и мы ускорили шаг, чтобы соединиться с ротой. Радиообмен был непрерывным. То и дело зажигались дымовые шашки, чтобы обозначить, где мы находимся, пока мы пытались проложить дорогу сквозь заросли, стеной стоящие между нами и остальной ротой.

Пока мы продирались, у меня с жилета оторвало мой «Инстаматик» и противогаз. Хьюиш нашёл камеру и потом вернул её мне.

— Ты подарил Вьетконгу противогаз? — заревел Джадсон. — Чёрт тебя подери!

Мне стало совершенно ясно, что исход войны в юго-восточной Азии может измениться от единственной утраченной

части снаряжения. Что за болван! Этот парень потерял всю роту, по ошибке завел нас на полдороги к Бирме, и прицепился ко мне из-за вшивого противогаза. Я одарил его пустым взглядом. День был трудным и выматывающим. Большинство из нас, включая и меня, переживали приступ нахуй-синдрома. Мой взгляд ясно говорил: «Иди нахуй». Он отошёл, качая головой. К счастью, он не заметил, что пока он меня проклинал, я поскользнулся и воткнул ствол винтовки в землю, забив его грязью.

Вечером того дня, в засаде, Тайнс, Смиттерс и я занимали позицию на конце линии, среди кустов и травы, в нескольких футах от грунтовой дороги, прямо возле её изгиба. После ничем не примечательной ночи мы начали собираться. Все затянуло густым утренним туманом, отчего мы все немного промокли. Мой «клаймор» стоял в десяти или двенадцати метрах дальше по дороге, направленный за поворот. Я подкрался, чтобы забрать его. Когда я, нагнувшись, чтобы выкрутить взрыватель, глянул на дорогу, то увидел, что облако тумана расступилось, как воды Красного Моря. Взвод вьетконговцев шагал по дороге, направляясь в мою сторону, плечом к плечу, в шеренгу по четыре, шесть или семь шеренг. Они не рассредотачивались, как наши патрули, а шагали сомкнутым строем, словно на первомайском параде в Москве. Одетые в чёрное или в хаки, большая часть их носила на голове обвислые брезентовые шляпы, но некоторые шли с непокрытой головой. Многие, но не все, несли винтовки. Мне показалось, один парень держал топор. Они были кучей сброда, но выглядели определённо устрашающе. У меня не было времени их разглядывать. Я моментально решил спасать свою задницу настолько быстро, насколько возможно.

Лучше всего для описания меня подойдет слова «навалил в штаны». Оставив мину, я помчался назад, пытаясь удержать баланс между скоростью и бесшумностью. По-моему, я не преуспел ни в том, ни в другом. Я рассказал Тайнсу, что по дороге идёт целая куча врагов. Он очень пристально смотрел на меня полные две секунды, пытаясь найти лучшее разъяснение в глубине моих глаз. Ничего не говоря, он прополз к дороге и чуть не вывихнул себе шею, пытаясь разглядеть то, что за поворотом. Вернувшись, он подал мне знак не стоять, как идиот, а залечь, и затем шёпотом прокричал предупреждение следующей позиции.

Мы все смотрели на дорогу, замерев, и ждали с оружием наизготовку примерно полминуты. Все переглядывались в поисках того, кто понял, где враги. Они не материализовались. Тайнс поднялся и взял рюкзак.

— Идём, идём отсюда, — сказал он. Мы все последовали за ним без замечаний, включая сержанта Конклина, командира

засады.

Не желая приближаться к своему «клаймору», я дёрнул за провод и подтащил мину, словно рыбу. Слава Богу, она ни за что не зацепилась. Мы не то, чтобы прямо убежали, но определённо двигались быстрее, чем ходили обычно. Капитан выглядел слегка заинтересованным, но не слишком сильно. Насколько мне известно, наши планы на тот день никоим образом не поменялись из-за замеченных мной ВК.

Как оказалось, нашим планом на тот день стала зачистка на 5800 метров, на которой мы не нашли даже окурка. Самое смешное началось, когда поход закончился. Там поблизости не было ни ровных мест, ни рисовых полей, но командование решило, что мы должны получить снабжение с помощью вертолёта. Возможно, там было что-то полусрочное вроде батарей для раций или новых карт. Так или иначе, нам надо было вырубить посадочную площадку в пятьдесят квадратных метров. Половина роты стояла на охране, а остальные рубили всё подряд топорами и мачете, словно полоумные садовники.

Примерно через час ландшафтного дизайна мы получили участок, достаточно очищенный от растительности. Осталось единственная помеха для посадки вертолёта. Возвышаясь подобно великим египетским пирамидам, посреди нашей предполагаемой посадочной площадки стоял муравейник в шесть футов высотой и трёх футов толщиной у основания. Этот сталагмит состоял из какого-то секретного цементоподобного вещества, формулу которого знают только муравьи. Он был твёрдым и прочным, как бетон, и мог бы остановить танк. Мы по очереди молотили его топорами и лопатами, пока не посинели. Результаты были в лучшем случае незначительны. Муравьи лазили туда и сюда через дыру на вершине муравейника, и их деятельность к этому времени оживилась. Мы расширили дыру лопатой и запихали туда два «клаймора» и несколько кусков С-4. Хьюиш отрезал кусок запального шнура на тридцать секунд, так что у нас осталось достаточно времени отбежать и спрятаться. Я смеялся, пока бежал, вспоминая, как в детстве засовывал петарды в муравьиные норы, и думая, что на этот-то раз я точно одержу победу.

К моему удивлению, после оглушительного взрыва, когда рассеялся дым, оказалось, что муравейник по-прежнему стоит на месте. Он треснул пополам по вертикали, две половины стояли отдельно в виде торчащей из земли буквы V. Все муравьи исчезли, превратившись в лёгкую дымку. Потребовались усилия нескольких человек, чтобы свалить остатки, по одному за раз. Вуаля, посадочная площадка.

В ту ночь засадой командовал мистер Слепой Поводырь, Том Джеймисон. Очень хорошо, что мы закончили посадочную площадку, подумал я, она нам пригодится, чтобы улететь отсюда на медэваке ещё до конца патрулирования. Это был натуральный кошмар.

Покинув периметр, мы отошли примерно на тысячу метров по холмистой местности, заросшей шестифутовой слоновой травой, и прибыли на то место, где, как мы думали, должны были находиться. Расстояние показалось необычно длинным. В засадах мы обычно не отходили на целый километр от остальной роты. Как обычно, перед выходом командир отделения, Джеймисон, показал артиллерийскому взводу на карте наше предполагаемое место засады. Они, в свою очередь, отметили несколько мест на карте, куда мы могли вызывать артиллерийский или миномётный огонь, чтобы точно определить наше положение или управлять обстрелом врага, если попадём в неприятности. В ту ночь эти точки были обозначены женскими именами.

Когда мы расположились в засаде, Джеймисон запросил по радио один снаряд в точку Мейбл, в трёхстах метрах к югу от нас. БУМ! Снаряд приземлился в пятистах метрах к востоку. Джеймисон сверился с картой, крутанулся на 360 градусов, перевернул карту вверх ногами, повернулся ещё на 360 и запросил снаряд в Салли, триста метров к востоку. БУМ! Этот приземлился далеко к северу. Мы заблудились. К этому времени солнце село, а луна светила так тускло, что карту легче было бы читать по Брайлю. Таким образом, не было смысла дальше болтать по рации. Настало самое время ставить повозки в круг. Мы поднялись на вершину ближайшего холмика и расположились оборонительным треугольником среди высокой слоновой травы.

Это была уже не засада. Мы просто прятались. Заблудиться означало остаться без артиллерийской поддержки в случае нападения, без спасательных вертолётов, если нас ранит, и без возможности вызвать роту на помощь, если нас окружат. Мы крупно влипли.

От меня не ускользнула серьёзность ситуации, но ужас не вселился в моё сердце и я не дрожал в предчувствии, по крайней мере, в первую половину ночи. В часы дежурства я сидел, скрестив ноги, и писал в дневник, беспечный, как мистер Магу[30], хотя воображаемое ядро со свистом проносилось мимо, в дюйме от моей головы, снося неосторожных прохожих и толстые кирпичные стены, а я оставался невредим. Обычное дело. Я был невежественным дурачком.

Около полуночи уютная атмосфера моего гнёздышка среди слоновой травы начала испаряться, потому что слева

послышались приближающиеся шаги. Временами я слышал приглушённое позвякивание снаряжения. Шаги, однако, вскоре превратились в шорох многих пар ног, которые были так близко, что не было времени будить Джилберта и Смиттерса, остальных членов засады. Я тихо повернулся на 180 градусов, лицом внутрь треугольника, и переложил винтовку в левую руку. Теперь вьетконговцы приближались ко мне справа, двигаясь сквозь нашу позицию и не зная, что мы там. Всё так же медленно отходя назад и поднимая винтовку, я навел ствол с лицо первого идущего, их головного, и задержал дыхание, окаменев. В его глазах отражался лунный свет, и я рефлекторно прищурился, чтобы он не увидел отражения в моих. Когда он проходил мимо, в трёх футах передо мной, я словно застыл. Теперь моя винтовка была нацелена на второго проходящего. В течение примерно полуминуты целый взвод ВК прошагал мимо меня. Задним числом я мог оценить их численность примерно в десять человек.

В тот момент у меня не хватило ума пересчитать их. Они уже, наверное, добрались до другой провинции, прежде чем я смог выдохнуть и ослабить хватку винтовки. Я не знал, плакать мне, насрать в штаны или проблеваться. Я чувствовал позывы ко всему перечисленному. Случай был ужасный, просто ужасающий. Я думал, они сейчас меня убьют. Мой мозг перенапрягся, пытаясь что-нибудь придумать. О стрельбе по ним не было и речи. Для нас стало бы самоубийством, если бы они, оказавшись внутри нашего треугольника, стреляли в нас, а трое джи-ай — с них и друг в друга. Я думал быстро, ничего не придумал, ничего не сделал и это сработало. Я, словно мистер Магу, остался невредим, но уже больше не думал, как мистер Магу.

Когда мой час дежурства прошёл, я разбудил Смиттерса, но решил не рассказывать о том, что было. Это вызвало бы слишком много разговоров и слишком много шума. Утром, к моему удивлению, я обнаружил, что никто не слышал, как взвод ВК прошёл сквозь нашу позицию. Когда я осветил им ночные события, они выразили лишь умеренный интерес, как будто раз всё закончилось, то и говорить не о чем. Что за сборище тупиц! Их просто ни капельки не тронул этот определённо примечательный эпизод.

На следующий день ленивый двухкилометровый марш вывел нас к дороге, где нас подобрали прибывшие грузовики. К счастью, нам выделили достаточно времени на пеший поход, так что мы не отстали от графика, когда я задержал всю нашу колонну, налетев на муравьиный мегаполис. Это было гнездо величиной с баскетбольный мяч, шарообразное, с наружными стенками из ярко-зелёных листьев. Внутри жили тысячи кусачих красных

муравьёв. Гнездо висело на кусте футах в шести над землёй.

На них постоянно кто-то натыкался и ломал. Сегодня настала моя очередь. Гнездо лопнуло, словно Шалтай-Болтай и осыпало меня муравьями. Они повели себя скверно и принялись жалить меня, как будто я был муравьедом с длинным языком. Каска и винтовка упали на землю, потому что я судорожно вертелся, пытаясь освободиться от рюкзака, жилета и рубашки. Колонна впереди меня двигалась дальше, те, кто стоял рядом, предложили помочь. Где они были раньше?

Задержка получилась не слишком значительная, может быть, минута или две. Альварес вернулся посмотреть, что со мной случилось. К этому времени я уже надевал разгрузочный жилет и готовился идти дальше. Тем не менее, он выглядел недовольным, сердитым, покачивал головой в знак неудовольствия от задержки, и громко говорил, что однажды из-за меня мы все окажемся в жопе. Мне его поведение показалось несколько наигранным.

Вернувшись на обед в Лонг Бинь, мы получили горячую еду и холодное пиво, «Хэммс». В этом уголке мира пиво всегда было «Хэммс» или «Пабст Синяя Лента». Нам сказали не пить больше двух штук. Затем мы проследовали к южному концу Лонг Бинь, где нам предстояло расположиться на ночь. Несколько местных майоров и полковников зашли поручкаться с нашим новым командиром роты, капитаном Бёрком. Они были из G-2, разведывательной службы, и сказали, что ВК изо всех сил пытаются взорвать склад боеприпасов в Лонг Бинь. Поэтому они импортировали подразделения наподобие нашего для проведения дополнительных зачисток и устройства большего числа ночных засад. Затем прозвучало откровенное обсуждение участия АРВН в задачах, которые изначально должны были быть сугубо внутренними вопросами. Прискорбное положение дел. Этим парням вроде полагалось быть на нашей стороне.

Моей невезучей ролью в этой маленькой драме стала очередная ночь в засаде. Десять наших выдвинулись на пол-клика, где-то на пятьсот метров. Словом «клик» мы называли километр, примерно три тысячи футов. Мы устроили засаду в привычной манере. Около полуночи прискорбное положение дел превратилось в полный пиздец, потому что склад боеприпасов взлетел на воздух. От чудовищного грохота затряслась земля, в небо взметнулся исполинский огненный шар, вспыхнул там и сгорел. Боб Ривз почувствовал взрыв в Ди Ан, в нескольких милях оттуда.

Склад извергал новые и новые взрывы, разбрасывая красные, белые и оранжевые вспышки во всех направлениях. Повсюду летали раскалённые докрасна железки, осколки и трассеры.

Светящиеся миномётные и артиллерийские снаряды взлетали к небу, а затем медленно скользили обратно к земле, где взрывались от удара. Временами столько всего взрывалось одновременно, что нельзя было различить отдельные взрывы, они сливались в непрерывный раскатистый рёв. Как если бы кто-то собрал все серии «Победы на море»[31] на одной бобине и крутил их всю ночь.

Я чувствовал себя в безопасности. По моей оценке, мы находились примерно в километре, так что ничего опасного не могло долететь до нас, если только Бог в тот день не был особенно раздражителен. Кроме того, всякий ВК, имеющий в мозгу хотя бы одно полушарие, сейчас драпал со всех сил подальше от этого места, никоим образом не желая с нами встречаться. Непрерывное многоцветное световое шоу из взрывов и вторичных взрывов стало лучшим фейерверком, что можно себе вообразить. Жаль, что день был не четвёртое июля и ансамбль не играл марши Джона Филипа Сусы[32].

На следующее утро мы возвратились под звуки непрекращающихся взрывов, потому что пожар на складе обуздать не удалось. Уже сильно после обеда он начал утихать и постепенно догорел. Газета «Старз энд страйпс» сообщила, что огонь поглотил несколько грузовиков и небольших ангаров. Одного джи-ай сбросило с койки и он сломал себе руку. Сообщалось, что погибло «сотни тонн взрывчатки». По мнению газеты, это был «крупнейший склад боеприпасов в мире». Теперь он превратился в угольную яму.

Утренний патруль силами отделения результатов не дал. Мы обыскивали территорию вокруг Лонг Бинь в поисках входа в туннель. Все знали, что эти пидоры умеют рыть, как кроты, и что они могли использовать туннель, чтобы провернуть свой номер со складом. Я лично в этом сомневался и придерживался мнения, что у них нашлись помощники внутри лагеря. Это выглядело логичнее и проще.

Днём мы поменялись местами с других отделением. Они вышли на ещё одно безрезультатное патрулирование, а мы охраняли периметр. Когда спустились сумерки, мы опять вышли в засаду, прямо рядом с тем местом, где были предыдущей ночью. Мы даже толком не расположились, как Хьюиш, идущий замыкающим, заметил двух ВК примерно в пятидесяти метрах справа. Они тоже заметили его, и обе стороны бросились на землю, не сделав ни одного выстрела. Было принято решение проползти в близлежащие заросли и устроить засаду там, если ВК потом будут возвращаться этой дорогой. Мы ждали.

Из-за двух хьюишевых гуков я начал нервничать. Ни с того ни

сего оказалось, что мои личные жетоны, висящие у меня на шее, звенят, как огромный китайский гонг. Я снял их и повесил на ближайшее дерево, чтобы они не сигналили врагу при каждом моём движении. У всех тыловых парней на краях жетонов были резиновые окантовки, которые глушили металлический звон. Мы в поле таких не получили. Некоторые, чтобы избежать шума, сматывали жетоны липкой лентой вместе. Сняв жетоны, следующим движением я отстегнул слезоточивую гранату от жилета и прицепил её спереди к куртке. Жетоны я раньше я не снимал, но гранату перевешивал каждый раз, когда в засаде чувствовал нервную дрожь, а так было примерно четверть всего времени. Если бы мы попали под жестокий обстрел, и пришлось бы спасать жизнь бегством, мой план состоял в том, чтобы распылять газ за собой на бегу. При удачном раскладе враги закашляются, и снизят скорость, преследуя меня. Так или иначе, мои телодвижения той ночью не пригодились, и солнце встало без происшествий.

Когда утром мы уходили, я забыл про свои жетоны и безо всякого умысла оставил их на ветке. Потеря меня совершенно не тронула, и я никогда не пытался их восстановить. Подсознательно я, возможно, сам хотел их лишиться, и в какой-то степени обрадовался, когда это произошло. Я уже устал слушать историю о том, что если вас убьют, то какой-нибудь мудак в похоронной службе вставит вам одну из этих маленьких стальных пластинок между верхними передними зубами и треснет вам по челюсти, чтобы вклинить жетон между зубов. Так делали, чтобы навсегда гарантировать точное опознание тела. История утверждала, что так делали во Вторую Мировую, так делали в Корее, и продолжают эту славную традицию во Вьетнаме. Я не знал, правда это, или очередная легенда джунглей. Это звучало настолько отвратительно, что я был уверен, что мне будет больно, даже если я уже буду мертв. Честное слово, я скорее дал бы заклеймить себя калёным железом для идентификации, чем подвергнуться процедуре с жетоном в зубах. Кроме имени, личного номера, вероисповедания и рода войск, на жетонах указывалась группа крови. На моих первых жетонах с начального курса подготовки обозначалась группа крови A+. Когда я их потерял во время дополнительного курса и затем восстановил, меня таинственным образом перенесли в A-. Если бы я восстановил жетоны, находясь за океаном, трудно было представить, до чего я бы опустился, наверное, до обезьяньей крови.

В ротном клубе в Лай Кхе было радио, на котором время от времени ловили «Ханойскую Ханну». Она говорила по-английски

и с гордостью рассказывала нам, каким пехотным частям в этот раз надрали зад, сколько сбито вертолётов и какие авианосцы бороздят воды у Станции Янки и Станции Дикси[33] близ побережья Вьетнама. Она также объявляла, сколько американских военнослужащих погибло на предыдущей неделе. Иногда она даже называла несколько имён. Я думал, что было бы необычайно круто, если бы они нашли мои жетоны и потом объявили бы меня по радио убитым в бою. Я слушал, но, конечно, этого так и не произошло.

Командование было очень уязвлено своим фиаско со складом боеприпасов и потребовало от нас вывесить на крепостной стене несколько местных ВК, что означало патрули силами отделения с утра, патрули силами отделения днём, и засады силами отделения вечером. Это начинало надоедать. Сегодня официальные армейские любители слухов, разведслужба G-2, прибыли проинформировать нас, что ВК планируют взорвать стоящую неподалёку семиярусную высоковольтную вышку. Через неё в Лонг Бинь подавалось высокое напряжение, и она должна была стать первостепенной мишенью. Около полудня мы вышли к вышке и разведали места для хорошей ночной засады.

Остаток дня мы просидели вместе со всей ротой в месте нашего расположения в Лонг Бинь. Во время отдыха меня вдруг охватило предчувствие обречённости. Это было не обычное волнение или нервная дрожь, случающиеся иногда приступы общей нервозности, которые мы все испытывали тогда и впоследствии. Это было зловещее предчувствие. Я был искренне убеждён, что ВК придут той ночью. Должно было случиться что-то плохое. Я мог погибнуть в этой вылазке. Предчувствие было столь сильным, что не обращать на него внимания я не мог. Я боялся. Я не хотел идти, но был обязан. Я чувствовал беспокойство весь остаток дня и в начале патрулирования. Этот случай оказался моим единственным предчувствием собственной смерти за все проведённое во Вьетнаме время. Я благодарен судьбе за это.

Нам не хотелось подходить ближе, потому что основание вышки окружали противопехотные мины. Через час после того, как мы устроились, вышка была уже едва различима на фоне огней Лонг Бинь вдалеке. Небольшое умственное расстройство, недавно беспокоившее меня, волшебным образом развеялось. Во время первой часовой вахты, я изо всех сил боролся со сном. Я был поглощён битвой со своими веками, стараясь удержать их поднятыми, когда в кустах в нескольких футах от меня упал камень. Это моментально вернуло меня в реальность. Замерев, я ждал развития событий. Прилетел ещё один камень. Может быть, это прикалываются парни с соседних позиций? Нет, такого и

представить себе нельзя: вы не станете швыряться камнями, когда вы вас темноте окружают неуравновешенные тинэйджеры с автоматическим оружием. Потом у меня в голове немного прояснилось. Рядом с нами там находились ВК, и они пытались выявить наши позиции, вызвав огонь. Упал ещё один камень.

Какая-то фигура, пригнувшись низко к земле, приближалась ко мне по кустам справа. Наведя на неё винтовку, я до половины нажал спусковой крючок, потом вдруг решил остановиться и закричал: «Стой! Кто идёт?», вместо того, чтобы просто открыть огонь. Мой вопль оказался слишком громким. Ему следовало бы больше походить на шёпот. Приближающийся ко мне человек оказался Шарпом. Он сказал мне соблюдать тишину, спросил, не мы ли кидаемся камнями и заверил меня, что они тоже не кидаются.

— Сохраняйте спокойствие, думаю, мы тут не одни, — сказал он и пополз дальше, не оставив ни советов, ни инструкций. Я был настолько смятён тем, что лишь миллисекунда отделяла меня от убийства сержанта Шарпа, что ВК меня больше не занимали. Ощущение в животе было ужасным. Я никогда не смог его до конца забыть. Этот случай оживил воспоминания о подрыве «клаймора» в школе джунглей, отчего остаток ночи стал ещё более неудобоваримым, чем был и без того.

Во время следующего часа упало ещё несколько камней. Мы играли в игру на долготерпение и постепенно зондирование местности прекратилось. К концу я превратился в один комок нервов. На следующий день мы задним числом мы все решили, что разумно было не выдавать свою позицию выстрелами, но странно, что мы не додумались кинуть пару гранат. Кто знает, может быть, нам повезло бы. Ещё мы решили, что одержали в некотором роде победу, если G-2 не ошибались и ВК действительно приходили взорвать вышку, но не смогли этого сделать из-за нас.

Та ночь стала примером обучения без отрыва от работы. Многое из того, с чем мы сталкивались во Вьетнаме, становилось таким обучением. Нас не учили, как поступать в той или иной конкретной ситуации, к примеру, что делать, если ВК прячутся в кустах и кидают камни на вашу ночную позицию. Мы оказались достаточно сообразительными сохранять тишину, но недостаточно опытными, чтобы догадаться бросить гранату. Как и во многих других случаях, мы учились по ходу дела. Если бы такое произошло снова, мы бы уже подумали воспользоваться гранатами. Вот так выглядело обучение без отрыва в зоне боевых действий. Либо вас убьют, либо вы поймёте, что делать.

Мои нервы всё ещё были не в порядке от того, что я чуть не прихлопнул Шарпа. До того времени мы не пользовались паролями. А если пользовались, то чаще всего это было слово «душа» в качестве пароля и «брат» в качестве отзыва. Считалось, что ВК этого не знают. Возможно, стоило бы заводить пароли на каждую ночь, чтобы снизить возможность ошибок и исключить случайные выстрелы, если кому-то понадобится перейти в позиции на позицию в темноте. Хорошая мысль, но командовал не я. Шарпу и дела не было до того, настолько близко он оказался к досрочной отправке домой.

Когда показалось солнце, мы без происшествий покинули позицию и вернулись к роте, планов на остаток дня, похоже, не было. Когда начальство это заметило, они предложили отрыть ещё ячеек. У нас их было достаточно для всех, и они предложили их углубить. Мы согласились. Надо было подготовиться на случай, если «Гарлем Глоубтроттерс»[34] вдруг окажутся тут во время миномётного обстрела и им придётся укрыться в наших ячейках. Довольные, что мы чем-то заняты, всё равно чем, начальство оставило нас в покое.

Позже в тот же день состоялась сорокаминутная лекция про полевую санитарию, малярию, гепатит, и вензаболевания. Присутствие обязательно. Лекция оказалась такой скукой, что к концу я находился почти в коме. Чего им точно не стоило делать, чтобы оживить рассказ — показывать свой низкопробный фильм о венерических болезнях с невыносимыми язвами на гениталиях. После окончания я показал лектору свой член. Его глаза загорелись.

— Это джунглевая гниль, — сказал он, — Сообщите своему медику. У них есть такой порошок в маленьких баночках.

Я застонал и поблагодарил его за мудрый совет.

С посещением военного магазина мы пролетели, потому что он был уже закрыт. Тыловики, которые им заведовали, не работали после обеда. Неприятность обернулась благом. Вместо шопинга мы болтались по округе, и нашли помывочный пункт. Он состоял из цементной плиты с установленными по краям фанерками, обеспечивающими некоторую, но не полную приватность. Сверху висели огромные резиновые мешки, похожие на гигантские клизмы. Мы разделись, отвернули краны и приняли наш первый душ в момента выезда из Лай Кхе. День прошёл не впустую. Казалось неправильным снова одевать то же самое старое засаленное бельё, но всё равно было здорово.

Вместе со всей ротой мы вышли на тысячу пятьсот метров метров в относительно безопасную зону в зарослях и окопались на ночь. Как обычно, все установили «клайморы». Я раздобыл

фальшфейер, чтобы поставить его под свой «клаймор», как некоторые делали. Идея заключалась в том, что если гук снимет мою мину, чтобы украсть её или развернуть в обратную сторону, фальшфейер сработает и предупредит меня. Вьетнам изобиловал историями о «клайморах», развёрнутых в обратную сторону, так что при подрыве семьсот стальных шариков 25-го калибра летели в джи-ай.

Эту легенду джунглей я слышал много раз. Больше проблем создавали, как мне кажется, ошибки самих джи-ай, которые ставили мины не той стороной. Теоретически эти прямоугольные, открыто стоящие надземные мины походили на миниатюрные модели экранов из кинотеатров под открытым небом. Джи-ай, не задумываясь, ставили мину задом наперёд, потому что думали, что в нужную сторону надо направлять «экран». Соответственно, в качестве предупреждения, на минах с одной стороны была отштампована надпись, гласящая «Этой стороной к противнику».

На следующее утро, совершенно забыв, какую умную штуку я придумал с фальшфейером, я выкрутил взрыватель и снял мину. ПУФФ! Фальшфейер сработал, оставив ожоги второй степени на моей правой ладони и безымянном пальце. Ожог причинил такую боль, что я выронил мину. Конечно, вспышка фальшфейера на мгновение ослепила меня. Глядеть вниз в поисках мины и взрывателя было всё равно, что смотреть на сварку.

БУХ! От фальшфейера сработал взрыватель, который взорвался мне прямо в лицо, осыпав меня гравием. Опасаясь, что сейчас может взорваться мина, которая разорвёт меня тучей подшипниковых шариков, я бросился к своей ячейке и нырнул в неё головой вперёд. Фальшфейер шипел ещё несколько секунд и погас, так и не запалив мину. На дне своей ячейки и беззвучно молился, чтобы никто ничего не заметил, но услышал, как кто-то докладывает по рации о том, что срабатывают фальшфейеры, слышна стрельба и солдаты укрываются в ячейках. Звучало это так, как будто нас одолевает противник.

Вскоре показались Фэйрмен и капитан Бёрк. Нечего было и думать соврать или как-то вывернуться, так что я во всём признался деловым тоном, как будто не произошло ничего особенного. Капитан Бёрк недавно стал нашим командиром. Он сменил Паоне, который провёл в поле шесть месяцев и сменился в тыл. По-видимому, офицеры ротного звена проводили только полгода в гуще событий, а затем получали более безопасную работу на остаток года во Вьетнаме. Бёрк был профессиональным военным, лет двадцати пяти. Он имел любопытную привычку прицеплять наручные часы к петле рубашки возле левого края воротника. До тех пор он казался уравновешенным человеком,

серьёзно относившимся к важным вещам, но не слишком беспокоившимся насчёт повседневных мелочей. Ознакомившись с ситуацией, он повернулся и пошёл прочь без единого слова. Однако по пути капитан покачивал головой, как бы говоря, что я тупой осёл. Возможно, он уже начинал видеть во мне реинкарнацию Сэда Сэка [35]или Битла Бейли[36].

Предыдущим вечером Тайнс несколько раз говорил мне не забыть про фальшфейер с утра, когда я пойду снимать мину. Видимо, он опасался, что всё закончится тем, что случилось. Без сомнения, он никогда не слышал излюбленного высказывания моего отца о своих детях: «Вы можете приказывать Роннау, но много ему не прикажешь».

Фэйрман отреагировал несколько более оживлённо. Он чувствовал себя обязанным постоянно ругаться и притом орать во весь голос, чтобы все слышали. Это было частью его работы, и, можете мне верить, он с ней вполне справлялся. Видя недостаток сочувствия, я решил не упоминать про свой обожженный палец. Это лишь продлило бы мучения от нашей встречи.

Утро во Вьетнаме — дело нелёгкое, и тот раз не был исключением. Завтрак состоял из одного кофе. Конечно, после целой ночи без курения несколько первых сигарет я курил так жадно, как будто поедал их. Потом, словно по часам, начиналось туалетное движение. К сожалению, приходилось выходить за периметр. Мы не хотели раскладывать вонючие кучки внутри лагеря. Получилось бы неприятно, если бы нам пришлось бы задержаться в этом месте. Кроме того, кто на зелёной божьей Земле захочет, мирно завтракая, видеть перед собой чью-то волосатую срущую задницу?

Достаточно часто меня пробирала дрожь, когда я сидел совершенно один со спущенными штанами. Обычно, делая своё дело, я клал винтовку на землю. Однако при приступах страха я старался не выпускать её из рук. Трудно одновременно усаживаться, какать и подтираться, притом держа винтовку в боеготовом положении, но я научился. К счастью, кофеин и никотин действовали безотказно, словно сифонная клизма, так что мне никогда не приходилось сильно задерживаться. Однако ощущение незащищённости и уязвимости во время каждого такого утреннего ритуала меня так никогда и не покинуло.

От нас требовали регулярно бриться, и бритьё стало одной из моих утренних процедур. Небольшие усики разрешались, бороды — нет. У нас не было ни одного бородатого президента со времён Бенджамина Гаррисона[37]. Наш главнокомандующий регулярно брился и нам это тоже полагалось. Таков был военный подход. Одно— или двухдневную небритость ещё могли стерпеть,

но не более того. Некоторые парни носили баночку крема для бритья на операциях в поле. Но не я. Мой способ был такой: умыться поутру и побриться, прежде чем смывать мыло.

Я не был поклонником бритья без смазки. На подготовительных курсах сержанты-инструкторы временами заставляли нас бриться насухую, без воды, и в этом было мало приятного. Иногда так делали в качестве группового возмездия за умышленное нарушение, например, не спустить воду в унитазе. В других случаях причина могла быть не столь очевидной. Иногда мы получали подобный приказ под видом воспитания характера, правда, не очень понятно, какая черта характера вырабатывалась таким образом. К счастью, побрить моё лицо было всё равно, что удалить пух с персика, так что это оказалось сносно.

Ещё одним неприятным утренним моментом была возня со стрелковыми ячейками. Раньше на войне были фронты, так что если вы покидали ячейки, то просто оставляли их позади. Во Вьетнаме чётких фронтов не было. Вы могли в один из дней пройти по лужайке с востока на запад, а неделей позже — по тому же объекту недвижимости с запада на восток. Командование решило, что мы не должны оставлять постройки, укрытия или ячейки, чтобы их впоследствии не использовали против нас. Так что почти каждый день во время завтрака нам приказывали засыпать наши ячейки, потому что мы уходили. Это было далеко не так тяжело, как рыть чёртовы ямы, но кому захочется начинать день с перелопачивания кучи земли?

Ближе к вечеру операция закончилась. Нам не сказали, было ли так задумано, или это просто совпадение, но Тет, вьетнамский Новый год, начался на следующий день. Соединённые Штаты объявили перемирие на период Тета, как я думаю, в надежде, что оно перерастёт во что-то более длительное и постоянное. Мы уже объявляли подобное перемирие в предыдущую пару лет, но до сих пор приобретали лишь изрядное количество солдат, убитых и раненых в это время.

Наш план теперь состоял в том, чтобы выдвинуться к ближайшему открытому пространству, которое для нас послужило бы местом отправки. Прямо перед прибытием туда капитан Бёрк подошёл к третьему отделению, в самый конец, и вручил мне и ещё нескольким солдатам коробки спичек. Он сказал нам поджигать всё вокруг по мере продвижения. Это поспособствует общему процессу дефолиации и помешает ВК следовать за нами по пятам. У меня в каске лежало письмо от моего брата Келли. Я быстренько его перечитал, а затем использовал для розжига и подпалил небольшое поле слоновой травы. Трава была сухой и легко занялась. В ответном письме

Келли я сообщил ему, что его письмо послужило делу борьбы с Вьетконгом.

Кое-где нам встречалась зелёная растительность, которая отказывалась сотрудничать. Это раздражало Сою, который превратился в пироманьяка-берсерка и опустошил свой огнемёт в окружающие нас заросли. Своим загущённым керосином он мог заставить гореть всё, что угодно. Конечно, его мотивация к участию подогревалась острым желанием носить значительно меньший груз весь остаток дня. Я забыл спросить у него, как он перезаряжал эту штуковину и сделал крупную ошибку, когда не попросил его дать разок выстрелить. Вот было бы приключение!

Вертолёты перевезли нас на большой аэродром в Сайгоне, где мы все набились в пустые грузовые отсеки нескольких заляпанных грязью самолётов «Карибу», которые должны были отвезти нас домой. Сидений не было, просто пол. Мотор сильно шумел, исключая любые попытки разговаривать, пока самолёт, гремя и трясясь, двигался в сторону Лай Кхе. По звуку мы как будто сидели внутри стиральной машинки, которая вот-вот разлетится на части. Я заметил три дырочки от пуль на высоте головы на правой стороне и ещё одну на левой. Я попытался представить, как они там появились. Они могли остаться от четырёх пуль, или, может быть, только от трёх, которые попали в правую сторону, но только одна пролетела насквозь и вышла с левой стороны. Две, которые не прошли, могли угодить во что-то вроде груза или попали в голову сидящего там пехотинца, думающего, что он на несколько минут очутился в безопасности, потому что выбрался из джунглей.

В расположении роты первым делом прошла раздача почты. Потом нас, словно победоносных героев, отвезли в помывочный пункт Лай Кхе, чтобы привести себя в порядок. Лимузинами нам послужили двух-с-половиной-тонные грузовики. Вечером у нас состоялось ротное барбекю, их иногда устраивали, чтобы отметить окончание крупной операции. Огромное количество гамбургеров и хот-догов шипело возле столовой на пятидесятипятигаллонных бочках, разрезанных вдоль и наполненных пылающими углями. Повар Джонс работал, не покладая рук. Пива было вдоволь, и офицеры смешались с нами, обычными солдатами, чтобы нас подбодрить и каждому сообщить, какое большое дело мы выполнили.

Джеймисон собрал круг слушателей неподалёку от гриля, громко высказывая свои мнения по различным вопросам любому, кто пожелал бы его слушать. Его волосы прямо сочились «Брилкримом» [38], которым он пользовался в базовом лагере, но не в поле. «Бронзовая Звезда», без V за храбрость[39], висела на тонкой

цепочке у него на шее. Он получил её ранее во время «Седар-Фоллс» за обследование каких-то туннелей. В них не оказалось никого, кто его обстрелял бы, так что ему досталось «Бронзовая звезда» за заслуги, без V за храбрость. Джеймисон называл её своей похвальной звездой и горел желанием нам о ней рассказывать. Из его рассказа я не почерпнул ничего полезного, но он послужил мне хорошим развлечением, пока я ел гамбургер и печёные бобы.

Когда еда закончилась, парни разбрелись повсюду. Моей конечной целью стал ротный клуб. Однако пиво там подавали не бесплатно, так что надо было захватить деньги для «Монополии» из моей тумбочки. В бараке с полдюжины парней пили пиво и в Н-надцатый раз перечитывали письма. В дальнем конце помещения Лопес протирал рацию влажной тряпкой. «Да, вылижи её так же, как вылизываешь Фэйрмену задницу», — сказал Хэнли громко, чтобы все слышали. Хэнли был рослым белым парнем из Техаса, он провел во Вьетнаме уже несколько месяцев. Обычно он держался тихо и угрюмо. Ещё несколько недель назад он сам был радиотелефонистом. «Хэнли, иди нахуй!» — ответил Лопес.

— Да, ты наверняка поцеловал Фэйрмена в зад. «Можно я буду радистом, ну пожалуйста?», — произнёс Хэнли тоненьким голосом, передразнивая Лопеса, как будто тот был маленькой девочкой .

— Я сказал: иди нахуй, — таков был ответ Лопеса. С этими словами он встал и направился к Хэнли.

Ссора переросла в драку. Она была короткой и яростной. Немало ударов достигло цели, но крови не было. Другие парни прервали бой и разняли дерущихся, которым пришлось ограничиться ругательствами в адрес друг друга. Драка вроде бы закончилась вничью. Насколько я сам понял, дрались за то, кому быть радиотелефонистом и нести рацию Фэйрмена. Рация была тяжёлой и неуклюжей, но давала определённые преимущества — не надо ходить головным, никаких постов прослушивания и ночных засад.

Когда оживление от драки утихло, я вышел на улицу. Вывеска на ротном клубе гласила, что он называется «У Чарли». Это должно было изображать тонкую игру слов, указывающую и на нас[40], и на ВК. На дверях был нарисован огромный плейбоевский кролик. Я никогда, никогда, ни разу не видел в заведении ни одной женщины.

Внутри клуб выглядел, как небольшая местечковая таверна в Штатах. Обычное облако сигаретного дыма временами напоминало разбушевавшийся пожар в прерии. Слева там стояла мокрая барная стойка с холодильником для пива, которое

поставлялось в банках, а не в бутылках. Это выглядело разумно с учётом обстоятельств. Иногда можно было заказать стаканчик виски. Чаще всего виски оказывалось тошнотворной дрянью неизвестной марки, о которой никто из нас не слышал. За пару долларов можно было взять всю бутылку, но тогда вам полагалось уйти и пить свою огненную воду в другом месте. Я не помню в продаже водки, джина или скотча, но тогда я не уделял особого внимания крепким напиткам. Столы и стулья стояли в беспорядке, сверху свисала пара вентиляторов, которые иногда работали. Телевизор на высокой полке за баром почти никогда не включался. Если его включали, он показывал мешанину белых помех и его тут же выключали обратно. Порой ему удавалось наловить AFTV (телевидение вооружённых сил). Я не знаю точно, откуда велось вещание. Они показывали новости, прогнозы погоды и образовательную ерунду. Никогда не показывали ничего негативного о наших усилиях в Индокитае.

Обычно ночное телевещание заканчивалось в то же время, как и дома, где телевидение выключается и выходит из эфира около полуночи. Играло «Звёздно-полосатое знамя», наложенное на кадры величественных военных сцен. Они были одни и те же каждую ночь. Показывали военные самолёты, бомбящие немецкие города, морских пехотинцев, поднимающих флаг на Иводзиме, истребители, атакующие поезд, и, в конце, «Энолу Гей», разносящую Хиросиму. Почти каждую ночь грибообразный взрыв служил мне сигналом прекратить пить и идти спать. Мне было неуютно оставаться дольше, потому что я переживал, какие ещё незнакомые дела принесёт рассвет и насколько рано они начнутся. Кроме того, к тому времени, когда AFTV выходило из эфира, я был уже в стельку. Для многих из нас алкоголь стал выходом. Довольно скоро после вступления в ряды «Чёрных львов» я начал напиваться каждый вечер, если не находился в джунглях или в патруле. Если я вечером оставался в Лай Кхе без особых заданий для исполнения, то я накачивался. Всё очень просто. Таков был мой план, и я его придерживался. Так жизнь становилась более сносной. Далеко не один солдат в подразделении делал то же самое, так что, прибегнув к помощи алкоголя, я не был Одиноким Рейнджером.

В клубе жил новый талисман роты. Это был одноухий котёнок по имени Брут, который большую часть времени шастал по барной стойке, принюхиваясь к открытым банкам пива. Изначально он был вражеским домашним животным. Несколькими неделями ранее парень из 1-го взвода закинул гранату в траншею, которая убила двух вьетконговцев и оторвала котенку ухо. Кота взяли в плен и, не слишком удивились,

обнаружив, что он изрядно глуховат. Несмотря на свой недостаток, Брут оказался хорошим слушателем. Вы могли излить ему душу, как я часто делал, и он никому не выдаст ваши личные секреты.

Стаканов в ротном клубе не было, поэтому мы все пили прямо из банок. Одному парню прислали из дома почтой его любимую стеклянную пивную кружку. Она, видимо, помогала ему чувствовать себя, как дома, стоило ему надраться в говно. Он сидел у стойки, жестоко пил, как и все остальные, и указывал коту на мух. Всеобщее ликование разражалось, когда Брут совершал свое первое убийство за вечер, а Пивная Кружка объявлял, что это была муха-ВК.

По моей оценке, средний уровень алкоголя в крови по помещению составлял где-то 200-250. Конечно же, не было недостатка в ужратых парнях испытывающих неудержимое влечение проинформировать новичка, то есть меня, каково во Вьетнаме на самом деле. Легендам джунглей не было конца. После того, как ВК убьют тебя, они отрежут тебе член и засунут его тебе в рот. Наши парни отрезали мёртвым ВК левое ухо в качестве сувенира. ВК боятся пикового туза, так что ношение такой карты под лентой на каске защищает тебя. ВК иногда кладут взрывные устройства на землю под портрет Хо Ши Мина, зная, что наши парни обязательно на него наступят и взорвутся. Иногда они использовали обратную психологию и проворачивали тот же номер с портретом Линдона Джонсона. Парни из нашей разведки допрашивали одновременно двоих ВК в вертолёте. Если первый отказывался говорить, то его выкидывали, так что у второго тут же открывался словесный понос, и он пел, словно канарейка. Множество парней погибло от ректального кровотечения, потому что проститутки в Сайгоне клали им в напитки толчёное стекло. Одна знаменитая шлюха вставляла бритвенные лезвия себе во влагалище и могла порезать кому-нибудь член. Это было невероятно. Наш бар был просто эпицентром рая для легенд. У меня ум за разум заходил. Эти парни были ещё хуже, чем кисло-сладкие соски из школы джунглей.

За несколько минут я дошёл до главного солдатского клуба. Это заведение было открыто для всех, не только для нашей роты. Принципиально он не отличался от нашего, но был больше размером, больше заполнен и там громко играли музыкальные автоматы. Когда я подошёл, группа из четырёх или пяти парней внезапно вывалилась из дверей на улицу, колотя и пиная друг друга. Удары выглядели столь беспорядочными, что трудно было сказать, кто за кого. Драка закончилась внезапно и, похоже, никто

не пострадал.

Я узнал одного из драчунов, он служил в роте «С», звали его Гленн какой-то. Я не очень близко его знал и впоследствии с ним тоже не сошёлся. Не бывает удачного времени, чтобы отправиться за океан в зону боевых действий, но для некоторых людей некоторые времена оказываются ещё хуже остальных. Как рассказывали, у этого парня жена погибла в автокатастрофе за две или три недели перед его отъездом. У него осталось двое детей, которых пришлось оставить у родственников. Как я полагаю, он был зол на весь мир, потому что его жена умерла, а его самого всё равно отправили за океан. Соответственно, он приобрел склонность много пить, был неприятен в пьяном виде и постоянно влезал в драки. Если бы его убило, то его дети остались бы круглыми сиротами, а не полусиротами, как сейчас. Я пришёл к мысли, что надо завести какое-то правило, чтобы солдатам отменяли отправку во Вьетнам в случае смерти жены.

Не будучи особым драчуном, я решил воздержаться от выпивки в этом клубе и отступил к клубу «Чарли». Там я, по крайней мере, буду знать, кто меня бьёт и смогу опознать напавшего впоследствии, если потребуется. По пути мимо меня на полной скорости промчался джи-ай, которого я не смог узнать в темноте. За ним гнался Ортис, вопя и размахивая топором. Его крики звучали серьёзно. Первый парень промчался прямо сквозь провисшие электрические провода и исчез в ночи, Ортис следовал за ним по пятам. Один из концов провода сорвался, и от искр загорелись сухие листья. Восстановив самообладание, я поспешил убраться оттуда, пока кто-нибудь из начальства не прибыл и заставил меня что-нибудь делать.

Спустя несколько банок пива настало время сваливать из «Чарли» и отправляться на боковую. Едва я вышел в путь, меня остановили какие-то звуки слева, как будто там сидел потерявшийся телёнок или ещё какое-нибудь мелкое животное. Звуки привели меня к неглубокой сточной канаве возле дороги. Там на дне кто-то был, он стоял на четвереньках, пьяный и стонал, словно раненое животное. Я не очень уверен, но он чем-то напоминал Фэйрмена. Не теряя времени, я на цыпочках отошёл обратно, пока он не заметил меня, и мне не пришлось ему помогать.

По моему мнению, события того вечера для всех были способом выпустить пар и снять напряжение, накопившееся за время длительной полевой операции. Половина роты ещё праздновала. Для меня праздник закончился, пиво одолело меня. Я улегся на свою пружинную койку и уснул мертвецким сном.

Естественно, утро сопровождалось всеобщим похмельем.

Половина роты страдала головной болью четвёртой степени. Моя голова болела так, что я поначалу я продумал, что подцепил какую-то разновидность азиатского менингита. Потому пришло осознания, от чего она болит, и неизбежное обещание никогда больше не пить ни при каких обстоятельствах. К сожалению, вставать пришлось рано. Мы толком не поели. Для переживших ночные бесчинства завтрак состоял в основном из кофе и сигарет.

Вскоре мы уже шагали на дневное дежурство охранять участок в юго-восточной части периметра, принадлежащий какому-то другому подразделению. Каждый шаг причинял боль, боль пронзала меня от пяток по позвоночнику до затылка. На полпути мы увидели, как вдали на аэродроме вспухают яркие оранжевые шары, похожие на калифорнийские маки, что внезапно расцветают после весеннего дождя. Это был миномётный обстрел. Спустя секунду или две, оглушительных грохот, сопровождающий оранжевые вспышки, донёсся до нас. Он был гораздо более устрашающим. Большие куски раскалённого тармака летели в небо, пока снаряды разносили восточный конец аэродрома. Вдали кто-то вопил: «Воздух, воздух, бля!», как будто ситуация и так не была до боли очевидной.

Я опустился на одно колено. Взрывы были слишком далеки, чтобы высосать воздух из моих лёгких или хотя бы вселить страх в мою душу. Тем не менее, от них по земле расходились колебания, которые я чувствовал всем телом через колено, на котором стоял. Колебания, казалось, били по моему черепу синхронно с ритмом сердцебиения, отчего головная боль ещё усиливались. Может быть, мне это только казалось. Все остальные тоже остановились посмотреть на пиротехнику.

К счастью, снаряды продолжали падать вдалеке и не приближались к нам. Мы оценивали изменения дистанции, замеряя время между вспышкой и грохотом. Обстрел был одним из тех прискорбных событий, в которых мне не хотелось так или иначе участвовать. Моей целью в тот день было нести службу, сидя в тени, словно ящерица и пить воду до тех пор, пока мой обезвоженный мозг не пополнит свои запасы воды. Мой план также призывал обезьян сотрудничать, то есть не подрывать противопехотные мины на охраняемом нами периметре, чтобы нас не донимать.

Вскоре обстрел закончился. Снаряды больше не падали. Целая россыпь джипов выехала на аэродром, они ездили кругами, посещая ту или иную воронку. Лишь несколько снарядов угодили непосредственно на взлётную полосу, которая состояла в основном из полурассыпавшегося асфальта и нескольких участков обычного старого гравия. Там почти не было модного

марсденского покрытия [41] или, как его называли в армии, ПСП (перфорированные стальные пластины) которое я видел на других аэродромах. На дальнем краю аэродрома горел небольшой ангар. Никто не спешил на помощь, видимо, он был пуст. Без сомнения, когда он догорит, отчёты интендантов покажут, что всё сломанное, украденное, растраченное, утерянное и любое прочее недосчитанное снаряжение во всём Лай Кхе оказалось в этом ангаре прямо перед пожаром. Вдоволь наглазевшись, мы закончили наш путь к периметру. Мне пришлось напрягать шею, чтобы моя голова при ходьбе не болталась туда-сюда. Остаток дня прошёл в высшей степени непримечательно.

В тот вечер вечерняя телепрограмма проводилась под открытым небом в автопарке 701-го обслуживающего батальона. Экран представлял собой большую фанерную конструкцию высотой футов десять, гладко ошкуренную и побелённую. Обычно показывали фрагменты популярных американских сериалов. «Бэтмен» вызывал массу насмешек. «Бой!»[42] сопровождался ржанием, язвительными комментариями и свистом. Вестерны типа «Дымящихся стволов»[43] и «Бонанзы»[44] были, пожалуй, наиболее популярны. Они были подчёркнуто американскими, показывали крутых парней, никак не напоминали о современных войнах и о Вьетнаме, и в них чаще всего отсутствовали молодые привлекательные девицы, в которых тут же влюблялись и по которым грустили. Вестерны были высоконравственным зрелищем, которое одобрила бы и Католическая Лига Благонравия. Впрочем, показы были не совсем нормальными, в них не было рекламы, которой мы бы тоже жадно насладились, потому что тосковали по всему американскому.

Несколько ржавых складных стульев и деревянных скамеек тут же оказывались заняты. Все остальные могли попытаться найти себе удобное местечко на поломанных и изувеченных машинах, которые стаскивались на это автокладбище для починки или разбора на запчасти. Эти останки не были похожи на то, что можно увидеть в американских автопарках и определённо служили материалом для размышлений. Там стояли джипы, полностью разорванные пополам и грузовики с исполинскими дырами в кузовах, в которые мог бы провалиться холодильник. Иногда можно было определить, какое колесо наехало на мину, потому что вся четверть машины отсутствовала. Танки и бронетранспортёры смотрелись ещё более впечатляюще. Некоторые из них щеголяли зияющими дырами, пробитыми ракетами сквозь несколько дюймов стальной брони. Весь металл, который ранее заполнял дыры, влетел внутрь машины, и с грохотом рикошетил внутри, с огромной скоростью отскакивая от

стальных бортов, пока не нашёл что-нибудь мягкое, чтобы в нём застрять, например, подушку сиденья или чьё-нибудь лицо. Многие машины так сильно обгорели от бензинового или дизельного пламени, что некоторые металлические детали оплавились. С учётом всего перечисленного участь солдата-пехотинца, почти всегда передвигающегося на своих двоих, представлялась более приемлемой.

Ещё лучше фильма в ту ночь была возможность поспать, сняв ботинки. Большинство парней, чтобы предупредить «траншейную стопу», старались высушить ноги по ночам. Многие из нас, включая и меня, не хотели в случае неожиданных проблем оказаться со снятыми ботинками, так что, находясь в поле, мы снимали по одному ботинку, меняя ногу каждый день. В некоторых особо опасных зонах типа Фу Лой или «Железного треугольника» я не снимал даже один ботинок. Так же я поступал на постах прослушивания, в засадах и в любом месте, где меня трясло по поводу или без повода. В таких ситуациях оба ботинка оставались на ногах, траншейная там стопа или не траншейная.

Программа по уходу за ногами включала в себя обладание дополнительной парой носков. Утром вы одевали наиболее сухую пару, а другую прикрепляли к рюкзаку снаружи, чтобы они высохли на солнце. После увеличенного количества ночных засад в предыдущие пару недель гниль у меня на ногах начала выигрывать войну против здоровой кожи. Несколько ночей без ботинок могли бы изменить исход битвы и решительно приветствовались.

Утром нам приказали собираться на суточную вылазку. Я не мог припомнить ни одного донесения, что враг использовал слезоточивый газ, так что решил не утруждаться получением нового противогаза. Я рассудил, что вероятность использования вьетконговцами газа в качестве стратегического оружия призрачна. По всей вероятности велосипеды везут по тропе Хо Ши Мина более остро востребованные припасы — винтовки, ручные гранаты и миномётные снаряды, если перечислить самые популярные. Слезоточивый газ во вьетконговском списке потребностей занимал позицию где-то между электрическими открывалками для банок и складными алюминиевыми шезлонгами. Однако мне по-прежнему приходилось носить с собой брезентовую противогазную сумку, чтобы все думали, что у меня есть противогаз. Мне это пришлось очень на руку. Мой маленький фотоаппарат прекрасно разместился в сумке, а оставшееся место я заполнил конфетами. Надо было брать батончики «Абба-Заба» или коробочки «Джуджуби», которые не таяли в знойный тропический день.

День начался с выезда на грузовиках по шоссе №13, уходящее к северу в сторону Бау Банг. Это то самое не слишком приятное место, где был убит парикмахер Чанг. Прямо за воротами базы нас приветствовал подвешенный за ноги к перекладине мускулистый вьетконговец, весь в дырах от пуль. Конструкция была явно сооружена в его честь. На обмотанной вокруг его шеи проволоке висела картонная табличка:

ЭТО ДОБЫЧА «ЧЁРНЫХ ЛЬВОВ»

Конвои на Громовой дороге не теряли времени попусту, так что мы проехали мимо него быстрее, чем я мог вытащить свой «Инстаматик» и сделать кадр. Какой облом! Все равно, будет, что рассказать дома. Сомневаюсь, что кто-то либо из моих друзей или родственников когда-либо видел висящее возле дороги человеческое тело, если он, конечно, не с Юга родом.

Мы провели день, оказавшийся дьявольски жарким, пешком патрулируя туда-сюда участок дороги. Было жарче, чем обычно, потому что отсутствовала тень, которая радовала нас на патрулировании в джунглях. Большая часть растительности примерно на семьдесят метров в каждую сторону от дороги была либо снесена бульдозерами, либо взорвана командой подрывников. Придорожным снайперам негде было спрятаться.

Первые несколько часов несколько этих взрывных парней находились с нами. Они с прогулочной скоростью ездили по округе на джипе, набитом всевозможными видами взрывчатки. Время от времени они останавливались, чтобы обсудить между собой то или иное дерево. Любая листва вызывала подозрение. Двое из них остановились возле меня, разговаривая. Они намеревались применить карательные меры к голому тридцатифутовому стволу и показали мне моток детонирующего шнура, знаменитой «взрывающейся верёвки», которой они обмотали ствол. Когда шнур взорвался, то срезал ствол толщиной в фут так легко, как будто его срубил топором сам Поль Баньян[45]. Это было интересно, я никогда раньше не видел такого рода взрывов.

Послеобеденная половина дня разительно отличалась от первой. Появилась бронетехника, множество танков и бронетранспортёров из 1-го дивизиона 4-й кавалерийской дивизии. Эта часть была также известна под именем «Кватерхорс»[46]. Наш план состоял в проведении «клеверной» зачистки в зоне к востоку от Громовой дороги. «Клеверная» зачистка означала методику поиска, при которой мы разделялись на четыре группы и начинали с воображаемой середины четырёхлистного клевера. Затем каждая группа шла или ехала по краю одного из четырёх листиков, пока мы все не встречались в

исходной точке. Так можно было разделить силы и прочесать большую территорию за меньшее время, причем группы не будут сильно удаляться друг от друга на случай, если одна из них встретит противника и пресловутое дерьмо попадёт в вентилятор.

Необычным в тот день стало то, что вместо того, чтобы идти пешком, мы все должны были погрузиться на бронетранспортёры и весь день ездить пассажирами. Для нас это было чем-то новеньким. «Отставить, отставить, не на этот!» — зашипел Шарп, когда мы полезли на ближайший бронетранспортёр. Затем он скомандовал слезть и следовать за ним, и сам направился к другой машине.

— Парни, из вас кто-нибудь заметил, что на этом транспортёре антенн в два раза больше, чем на остальных и он в два раза длиннее любого другого? — спросил он на ходу.

Несколько нерешительных «нет» послужил ему ответом.

— Это какая-то командирская машина, может быть, командира батальона или его заместителя. Настоящий магнит для ракет. Вьетконговцев учат стрелять по таким машинам в первую очередь. Если начнётся бой, они её запалят, как рождественскую ёлку. Нам на ней делать нечего.

Как гласит поговорка, умному достаточно. Логика Шарпа выглядела безупречно и я начал думать, что мне повезло, что мой командир отделения снял меня с обречённой машины. Мне не было видно, избегали ли все остальные того бронетранспортёра, или его заняло отделение, командиру которого ещё только предстояло разгадать смысл множества антенн.

Поездка на бронетранспортёре оказалась жаркой, шумной и с металлическим привкусом. Стоять внутри транспортёра, когда его кренило и болтало туда-сюда по неровной местности, было делом нелёгким. Приходилось напрягать все группы мышц, как будто вы стояли в машинке американских горок без привязных ремней и пытались не вылететь за борт. Поскольку обычно мы не ездим в гусеничных машинах, я пришёл к мысли, что командование разыскивает в этой зоне что-то особенное, о чём нам не сказали. Что бы это ни было, мы его не нашли.

В ту ночь мы поставили повозки в круг на ровном пятачке прямо возле дороги. Дул заслуживающий упоминания ветерок, приносящий нам прохладу, пока мы потягивали газировку и просто воду, которые нам доставили на грузовике. Вечер оказался очень приятным, потому что каждый из нас потерял пару кварт жидкости, а сильное обезвоживание сопровождается некоторым чувством эйфории и благополучия.

Примерно в 1700 мы услышали интенсивный артиллерийский огонь в нескольких сотнях метров от нас. Два

десятка ВК прошли мимо одной из наших засад и были моментально разгромлены. Семеро было убито. Они лежали там, где упали, до следующего утра, где их нашли патрульные из засады, которые спокойно оставались на местах, пока не рассвело достаточно, чтобы увидеть что и как.

Вскоре после обстрела наши посты прослушивания доложили о множественных перемещениях противника прямо возле нашего лагеря. ВК приблизились почти вплотную к нашему периметру. По позициям передали команду не стрелять, всем постам прослушивания по радио приказали сворачиваться и возвращаться к нашим позициям. Это было исполнено. Когда они приближались, многие повторяли вполголоса «чёрный лев, чёрный лев» снова и снова, как будто читали мантру для самосохранения. Так и было. В тот вечер у нас опять не было пароля, которым им бы очень помог. Для возвращающихся парней слова «чёрный лев» служили паролем наоборот, то есть тем, что вы говорили, приближаясь к своим позициям, либо не зная пароля, либо опасаясь, что сейчас начнут стрелять без предупреждения. Это не было обговорено заранее, парни делали так, когда возвращались с опаской. Метод работал. Солдаты с постов прослушивания — бегущие изо всех сил, запыхавшиеся, загнанные, как собаки — едва успели добежать до нас, как миномёты перепахали участок, который они только что покинули. Множество мин обрушилось на территорию, которую обследовали ВК. Большинство мин ударялись об землю и взрывались вверх, но некоторые попадали по верхушкам деревьев и взрывались вниз, дождём рассыпая добела раскалённые осколки. Всё это время миномётчики держали в небе несколько осветительных снарядов, которые лениво снижались, вися на небольших парашютиках. Всё это взрывчато-световое шоу длилось около часа. Когда оно окончилось, наступила тишина.

Утром мы поднялись супер-рано, чтобы взвод, выставивший отделение в ночную засаду, мог с ней объединиться. Все очень переживали насчёт этого, потому что многочисленность нас защищала и никто не хотел, чтобы отделение оставалось само по себе дольше необходимого. К тому же командование требовало обыскать ВК, проверить документы, подтвердить количество убитых и поискать следы крови. Каждый кровавый след добавлялся к числу убитых, как пол-очка, считалось, что медицинское обслуживание у ВК было столь примитивным, что половина раненых впоследствии умрёт. И, конечно же, лейтенанты и капитаны в поле желали доложить полковникам и генералам в базовом лагере как можно большее число убитых. Так можно было самому постепенно стать одним из полковников

или генералов в базовом лагере.

Мы не попали к месту засаду, которой находилось по центру нашего фронта продвижения. Задачей 1-го взвода стало стоять на левом фланге и обеспечивать охрану подразделения, пока оно продвигалось к месту засаду. Заняв свою позицию, мы не сошли с неё до конца дня. Это было скучно.

Перемирие Тет закончилось. Хорошее дело! Это было скорее квази-перемирие. Да, мы провели некоторое время в базовом лагере, ничего не делая, но в то же время преследовали противника на бронетранспортёрах и устраивали засады, которые убили нескольких врагов. В свою очередь, во время перемирия они обстреливали нас из миномётов. Возможно, идея перемирия заключалась просто в отказе от бомбардировок Северного Вьетнама и массированных общевойсковых операций в Южном, но не касалась мелких боевых действий, где мы разменивали свои жизни по мелочи. Так или иначе, на это приходилось 95 процентов той войны.

Новый год, год Овцы, официально наступил. Не за горами был и день святого Валентина. Моя бывшая девушка, Джейн Куган, которая послала мне письмо «Дорогому Джону»[47] примерно через тридцать секунд после моего вступления в армию, прислала мне валентинку. Она писала, что я классный парень, даже несмотря на то, что она больше не хочет со мной встречаться. Чего она тогда озаботилась? К счастью, я выбросил её из головы ещё до отъезда из Штатов. Ну, может быть, не совсем выбросил, но сумел осознать окончательность ситуации. Повторяющимся мотивом в американских фильмах про войну было то, как парень получает письмо «Дорогому Джону» и затем психологически распускается. У нас служил один такой по имени Вилли Виллис. Он был неопрятным, неряшливым, подавленным и унылым пьянчугой. Близко я его не знал, но говорили, что всё это началось после того, как он получил письмо. До этого он, по рассказам, был аккуратным, бодрым, трезвым, набожным христианином. Сам я то время не застал.

Моя мама всегда дарила нам, детям, на день святого Валентина по коробке хороших конфет «Сиз», никогда не пропуская праздника. В этого году мне их очень не хватало. Мне не хотелось упускать возможность послать ей что-нибудь даже несмотря на то, что у нас там не было открыток, так что я написал поздравление на тузе червей, вынув его из своей карточной колоды, и отправил почтой.

Наши письма не требовали оплаты. Для пехотинца во Вьетнаме марки были неработоспособным изделием, потому что наши вещи часто промокали в реках, на рисовых полях или под

проливными дождями. Даже и без промокания, одной влажности хватило бы, чтобы отклеить марку от конверта. Мы просто писали слово «бесплатно» на месте марки и почта доставляла наши письма. Это распространялось на всех военнослужащих во Вьетнаме. И хотя мы экономили на марке всего восемь центов, мы всё равно считали, что это круто: мы обманывали систему.

Боб заглянул с визитом. Штаб 1-ой дивизии передислоцировался из Ди Ан в Лай Кхе. Генерал Депью, командир дивизии, решил, что надо быть ближе к боевым действиям. 121-й батальон связи, центр связи всей дивизии, получил название «Опасность впереди» и стал первой частью штаба, переехавшей в Лай Кхе.

К сожалению, вместе с Бобом к нам переехали новые соседи. Лай Кхе было местом гораздо более диким в сравнении с Ди Ан. Оно походило на военный форт на Диком западе, со всех сторон окружённый индейцами. Теперь ВК приобрели возможность обстреливать штаб дивизии, чего раньше им не удавалось. Вскоре после прибытия штаба то же самое сделали мощные вьетконговские 122-мм ракеты. С таким калибром это были настоящие монстры. Я думаю, что весили они больше сотни фунтов каждая, и приблизительно половина веса приходилась на заряд боеголовки. Они запускались с пусковых установок командами по два-три человека и могли попасть в Лай Кхе с расстояния в несколько миль. В начале 1967 года ракеты были редкостью в наших краях. После прибытия Боба они стали повседневностью. В конце того же года все начали называть Лай Кхе «Рокет-сити», а некоторые пехотные подразделения нарочно задерживались в джунглях после окончания операций, если Лай Кхе находилось под жестоким обстрелом.

Боб показал мне фотографии, пока я собирался в патруль силами отделения. Его мама опубликовала его имя и адрес в местной городской газете, «Пресс Телеграм», в разделе для джи-ай, которые хотят получать больше писем. Все написавшие были молодыми женщинами, многие из них прислали фото. Боб проводил свой собственный конкурс «Мисс Америка».

— Ты со всем этим дерьмом выглядишь, как долбаный вьючный мул, — сказал он мне.

На самом деле я шёл налегке. На дневные патрули мы брали немного дополнительных боеприпасов, потому что, случись нам попасть в неприятности, рядом не будет никого, кто нам сможет помочь. Однако, поскольку мы уходили всего лишь на пять-шесть часов, мы не брали с собой много обычного снаряжения — лопаты, «клайморы», пончо, пайки, туалетные принадлежности и часть фляг. Я даже не взял свой фотоаппарат. Какой ошибкой это оказалось! Надо было делать по дюжине снимков каждый день, вне зависимости от того, чем я занимался. Вместо этого я ждал каких-то необычайно интересных кадров, говорящих самих за себя, и в результате после возвращения домой у меня осталось слишком мало фотографий со службы. Так или иначе, на коротких патрулях каждый из нас был на пятнадцать фунтов легче обычного, что для нас было роскошью.

Отделение прошло по территории роты к периметру, затем сквозь линию укреплений на ничейную территорию. Боб шёл рядом со мной, болтая и всё ещё перебирая фотографии, по-видимому, не обращая внимания на наше продвижение. Прежде, чем мы добрались до реки, Шарп остановил отделение и поглядел Бобу в глаза.

— Сынок, тебе надо либо снарядиться, либо идти назад, — громко объявил он. Все захихикали, включая и Боба, мы пожали друг другу руки, и он вернулся назад за линию укреплений.

На самом патрулировании мы совершенно не обнаружили никакой деятельности ВК и не надо обладать богатым воображением, чтобы понять, почему. Военная авиация обрабатывала территорию, которую мы пытались патрулировать. Мы прошли столько, сколько смогли, пока не начали опасаться, что сами попадём под бомбы. «Фантомы» молниеносно налетали над самыми верхушками деревьев и сбрасывали бомбы прямо перед нами. Волны горячего воздуха налетали на нас, а земля дрожала под ногами.

Мы не могли связаться с пилотами, потому что у нас не было рации нужного типа, и мы не знали их частоты. Шарп связался с Лай Кхе, чтобы спросить, почему там оказались самолёты и что они делают. Похоже, никто не знал, что происходит и где это

можно узнать. Всё, что мы получили — совет зажечь дымовую шашку, затем двигаться к юго-востоку и вернуться в Лай Кхе. Если кто-нибудь в дивизии достучится до бомб-жокеев, то им сообщат о нашем присутствии, какого цвета шашку нам зажечь и какого румба на компасе нам придерживаться, двигаясь от неё. Нам удалось отступить без потерь и без малейшего понятия, чем занимались военно-воздушные силы.

Утром активность на вертолётной площадке была неописуемая. Десятки вертолётов стояли с работающими на полном газу двигателями, а сотни солдат прибывали, строились и грузились на борт. Вращающиеся лопасти разгоняли едкий дым в знак приветствия. Время от времени тот или иной вертолёт отрывался на фут-другой от земли, но пилот осаживал его, как ковбой осаживает своего жеребца. Вся эта сцена дышала волнением.

Полёт был короткий и спокойным, нас привезли зону высадки, которую никто не защищал, так же, как и вражеские лагерь, в который мы вторглись. Лучше всего оказалось то, что лагерь располагался прямо возле зоны высадки, буквально в двух-трёх минутах ходьбы. Мы были озадачены. Почему они построили базу так близко от гигантского открытого места, где мы могли приземлиться? Не похоже было, чтобы они тоже располагали вертолётами. Несколько минут мы ходили среди бамбуковых хижин, глазея по сторонам. Словно любопытные туристы, посетившие восточный город-признак. Хорошо утоптанные тропинки соединяли хижины, некоторые из которых служили складами, а другие — жилищами. В остывших очагах стояли почерневшие горшки, повсюду сельскохозяйственные инструменты, в жилых домах одежда. Как обычно, кроны деревьев скрывали лагерь от обнаружения сверху.

Хижины-склады трещали по швам от риса. В отличие от хижин, которые встречались нам в других местах, у этих из листового железа были сделаны и стены, не только крыши. В некоторых местах стены выгибались наружу под нагрузкой. Большая часть риса была упакована в грязные коричневые мешки, с сохранившимися на них трафаретными надписями о месте происхождения. Много риса прибыло из Китая или от Агентства международного развития. Примерно половина приехала из Техаса и Калифорнии. Эти мешки гордо несли красно-бело-синий флаг на логотипе в виде щита со словами «Дар народа Соединённых Штатов». Ещё там было предупреждение «Не для продажи». Лучше было бы написать «Не для кражи».

Я не знаю, что оказалось тяжелее — похитить рис с места его ввоза в гаванях вблизи Сайгона, которые мы предположительно

контролировали, или дотащить эти пятидесятифунтовые мешки за много километров грязи, джунглей и сурового рельефа местности, оставаясь незамеченными.

Остаток дня мы провели за уничтожением лагеря. Хижины были развалены. Мешки вспарывались ножами, и рис высыпался на землю, чтобы сгнить в грязи или быть съеденным грызунами. Через час территорию между хижинами затопило целое море риса глубиной в несколько дюймов. Нам приходилось оттаскивать мешки всё дальше и дальше от эпицентра разрушения, чтобы высыпать рис на мокрую землю. Солнце в тот день воевало на стороне Вьетконга и молотило нас со всей враждебностью. Мы начали наш день легального вандализма с подростковым энтузиазмом, даже с удовольствием, но к концу были вымотаны и едва волочили ноги. Последним нашим организованным действием стало складывание пустых мешков в кучу и их сожжение, чтобы мешки нельзя было зашить и использовать снова. Конечно же, мы поссали на рис перед уходом. Один парень хотел ещё и посрать, но у нас не было времени.

Когда мы собирали вещи перед отходом, мне показалось, что Круз ведёт себя как-то бестолково, и у него как будто приступ смешливости. Менендес вёл себя так же. Круз и Менендес принадлежали, как можно догадаться по их фамилиям, к латинскому контингенту нашей роты. Я полагал, что он оба мексиканцы, но, не слишком разбираясь, я считал мексиканцами всех, кто говорил по-испански. Круз был веселее и разговорчивее среднего уровня по роте «С». Менендес был более замкнутым и молчаливым. Они оба говорили на стандартном английском, обращаясь ко мне или к другим не-испаноязычным, но разговаривая между собой или с другими латиносами, они обычно пользовались испанским. Я не могу сказать, что они держались обособленно, но, пожалуй, они были не столь открыты, как могли бы, для тех, кто не говорил по-испански.

Позднее Менендес рассказал мне, что они нашли запасы травки в одной хижине, которую помогали обыскивать и немедленно её скурили. Это было необычно, по крайней мере, в поле. Временами резкий запах марихуаны по ночам доносился с линии укреплений в Лай Кхе. Обычно так бывало, когда поблизости не было офицеров, потому что любой, имеющий две ноздри и лицо, обращённое вперед, сумел бы опознать запах. Даже такой тип, как я, который никогда не пробовал дурь ни раньше, ни во Вьетнаме, мог его различить. Конечно, я не был таким знатоком, чтобы уловить разницу между высококлассными «Золотой Акапулько» или «Панамской красной» и местным доморощенным вьетнамским говном, которое военно-воздушные

силы вдобавок полили ядовитыми химическими дефолиантами.

Мне не нравилось, что парни курят траву в Лай Кхе, но это был ещё не конец света. На самом деле, это было не хуже, чем стоять часовым после двух или трёх банок пива.

Если другие наркотики помимо марихуаны и употреблялись во Вьетнаме, то от меня это оставалось скрыто. Хотя тяжёлые наркотики ещё не были столь крупной проблемой для американцев во Вьетнаме, какой они стали позже, мне кажется, что, по крайней мере, несколько солдат в моём подразделении их употребляли. Они не делились своим секретом и не хотели, чтобы я об этом знал, потому что они, по всей вероятности, видели во мне наивного законопослушного паренька, который тут же побежит и расскажет всё предводителю скаутов.

Ходили слухи про одного парня из нашего взвода, по фамилии Хендерсон. Слухи говорили, что он раньше служил в «Зелёных беретах» и уже отслужил во Вьетнаме. Сейчас по какой-то причине он уже не был «Беретом». Несмотря на это, он завербовался на вторую командировку в зону боевых действий. Как поговаривали, он сделал это потому, что пристрастился к героину и знал, где его достать во Вьетнаме.

Вскоре после ухода из разгромленного лагеря мы наткнулись на ручей. В джунглях встречались ручьи двух типов — ручьи прозрачные и ручьи мутные. Мы старались избегать мутных ручьёв при восстановлении запасов воды в теле. Кому охота пить жидкую грязь? Если ручей был прозрачным, то значит, вода чистая, всё очень просто. Просмотр воды на просвет был нашим единственным научным тестом на пригодность для питья. Ручей в два фута глубиной и десять футов шириной, который встретился нам после ухода из рисового лагеря, был хорошим. Вода сверкала, словно ирландский хрусталь. Мы ясно видели дно, вода была чистой и отличной на вкус. Мы напились тут же на месте. Я помыл в воде руки прежде, чем как следует попить. Вода хорошо освежала. Многие наполнили свои фляги, потому что никто не знал, когда мы ещё встретим столь же высококачественный ручей.

Продолжая путь, мы прошли метров пятнадцать вверх по течению, после чего русло слегка изгибалось вправо. Прямо за изгибом, наполовину погружённый в воду, лежал огромный, жирный дохлый водяной буйвол. Туша раздулась, словно корова, беременная тройней, а плоть разлагалась. Выступающая из воды часть не была сухой, её покрывала влажная слизь, целый слой сапрофитной жижи. От одного взгляда на мёртвое животное у меня во рту стало неприятно. Чуть выше по течению от буйвола мы все прополоскали рты и вымыли фляги. Это не сработало. Вода уже не казалась вкусной.

В нескольких километрах от рисового лагеря мы окопались на ночь. Тишина в тот вечер стала следствием усталости. За целый день жара, пот и рисовая пыль покрыли нас липким осадком, который по ощущениям был примерно как если намазаться кленовым сиропом. Он был липкий, шершавый и очень неприятный. Это этого мы все тащились еле-еле. Лишь внутреннее чувство необходимости двигало нами во время унылой работы по рытью ячеек и постановке мин. Никому из нас не хотелось этого делать, но мы хотели, чтобы дело было сделано — типа как чистить зубы перед сном.

Смитерс и Джилберт вырубали растительность вокруг нашей ячейки, а я потащился вперёд, разматывая по пути провод «клаймора». На обратном пути я прошёл мимо Майка Лава, который нёс устанавливать свой «клаймор». Мы обменялись взглядами, но ни единым словом. Мы оба просто хотели, чтобы всё это тягомотное дерьмо закончилось, и можно было бы поспать.

Несколько секунд спустя одиночная миномётная мина бесшумно скользнула с неба, приземлившись между Лавом и мной с зубодробительным грохотом. Взрывная волна налетела на меня сзади, ударив между лопаток и по затылку. Какую-то секунду было больно, затем боль утихла. От удара мои барабанные перепонки мелко дрожали, что было неприятно. При расстоянии от взрыва всего в десять или пятнадцать метров казалось чудом, что меня не зацепило осколками.

Взрыв перепугал меня до усрачки, я помчался к своей ячейке, пока куски земли осыпались вниз, и оседала пыль. К моему удивлению, там стоял Лав, целый и невредимый. Медленно, скованно, словно страдающий артритом шеи старик, он повернулся в мою сторону и поглядел на меня, выпучив глаза в удивлении. Он стоял примерно на таком же удалении с другой стороны взрыва. Его тоже не задело, отчего чудо стало двойным. Мы снова поглядели друг на друга. Прошло несколько секунд, мины больше не падали, и он пошёл заканчивать укладку провода. Я прислонился к стене ячейки и попытался успокоиться. Мне пришло в голову, что ВК вернулись домой и увидели, что мы сделали с их рисом.

Возможно, нас спасла мягкая почва в том месте. Перед разрывом мины уходили в грунт на несколько дюймов или на фут. Таким образом, взрыв и осколки летели вверх, а не в стороны по незадачливым бедолагам вроде меня и Лава. Если бы мы стояли на скальном плато или на аэродроме, нас могло бы разорвать на части ураганом железного дерьма.

Рис, рис, чем больше ищешь, тем больше находишь. На

второй день операции тонны этой дряни лежали повсюду. К несчастью, по дороге мы начали находить снайперов, или они начали находить нас. То и дело раздавался выстрел, отчего мы все бросались на землю и лежали некоторое время, пока нам не удавалось определить, откуда сделан выстрел, и затем отстреливаться. Нас спасало то, что снайперы были дерьмовыми стрелками. Они не сумели попасть ни в кого из наших. Наша стрелковая подготовка была им под стать. Каждый раз, когда мы обстреливали участок, а затем обыскивали его, им удавалось уйти, и крови не было видно. Нервам всё это шло не на пользу.

На третий день было то же самое. Мы вернулись в первый лагерь, а затем разошлись в разные стороны, патрулируя по кругу, постоянно удаляясь от центра. Каждый раз, как только мы уничтожали хижину с рисом и начинали двигаться дальше, то через несколько минут уже натыкались на новую. Так продолжалось от восхода до заката. На этой территории риса хватило бы, чтобы накормить целую армию. Ещё мы находили мины-ловушки, обычно в виде гранат, подсунутых под мешок с рисом. Некоторые гранаты были американскими, а некоторые — китайскими коммунистическими изделиями, которые мы называли «чайкомовскими». Неудобно поднимать или отодвигать мешок, одновременно пытаясь заглянуть под него. Для нервов это было так же полезно, как и снайперы.

После обеда мы потратили два часа, разбирая большую хижину, в которой хранилось около пятнадцати тонн риса. Нашей следующей остановкой неминуемо должна была стать соседняя хижина, видневшаяся метрах в пятидесяти справа. Однако, когда мы задержались глотнуть воды и вытащили сигареты, то заметили роту «А», подходящую с той стороны. Если бы мы не слишком торопились собирать своё барахло и снаряжаться в путь, то они вышли бы прямиком к той хижине раньше нас. Мы коллективно решили двигаться медленно и позволить роте «А» захватить хижину. Бек был единственным моим знакомым в роте «А», и среди идущих я его не видел. Так что я продолжал собираться медленнее обычного.

Довольно скоро новая хижина стала собственностью и проблемой роты «А». В отличие от прочих хижин, эту окружал бамбуковый забор. Жерди в заборе высохли и поблёкли от старости, и стояли они насколько далеко друг от друга, что почти любое животное могло бы свободно пройти между ними. Забор не годился ни на что, кроме как доставлять неудобства. Там также были ворота, которые двое парней попытались открыть. Едва они это сделали, прогремел взрыв гранаты, которая осыпала этих двоих осколками и тут же скрыла их в мутном вихре дыма и искр.

Коричневое облако из смеси дыма и пыли поплыло в сторону остальной части роты «А».

Оба парня отлетели назад, рухнули наземь и остались неподвижно лежать. Раздались отчаянные крики «медик!» и началась суматоха, целая куча джи-ай, включая их медика, помчались на помощь. Наш Док Болдуин тоже побежал помогать. Двое лежащих оказались окружены таким количеством людей, что нельзя было разобрать, что происходит. Двое наших подошли на половину расстояния, но не больше, чтобы лучше видеть. Примерно так водители притормаживают возле аварии. Они хотят узнать, в чём дело, но притом не желают видеть ничего запредельного. Для меня зрелище было невыносимым. Я лишь пару раз глянул уголком глаза и увидел не слишком много. Что я заметил — никто из лежащих не шевелился, ни единым мускулом. Про себя я знал, что они мертвы, и мне от этого делалось нехорошо. Я был рад, что остался на месте. Мне не хотелось смотреть ближе.

Высокий парень, стоявщий посередине группы нагнулся, рассматривая погибших. Может, он был командиром. Мне показалось, он говорил больше остальных и жестикулировал, раздавая указания. Вскоре он умолк и покачал головой, словно врач на боксёрском ринге в Мэдисон-сквер-гарден, показывающий, что бой окончен. Суета закончилась, и парни из роты «А» молча смотрели на лежащих и друг на друга. Грустно. Эти двое оказались невероятными глупцами. Абсолютно на всех уровнях обучения нас учили избегать очевидных путей на вражеской территории. Не ходить по тропам, не входить в двери и никогда не открывать ворота. Их родители так и не узнают.

Рисовый марафон становился всё более напряжённым. Мы перешли от свободного продвижения к снайперским обстрелам, а теперь и к двум убитым. Взнуздав коней, мы продолжили патрулирование в поисках вражеских припасов. В пути меня вдруг зацепила мысль, не должен ли я чувствовать вину за гибель тех двух парней. Никто об этом не говорил, но я начал задумываться. В конце концов, мы заметили хижину первыми, но позволили им её занять и понести потери. Разговаривая шёпотом сам с собой, я быстро пришёл к выводу, что этот случай был просто прихотью войны. Я не сделал ни одного неверного шага и ни к чему теперь устраивать себе психологические «американские горки». Таким образом, чувство вины можно отогнать, как потенциально вредное. Лучше всего для меня будет зарыть весь этот случай в дальний уголок памяти, что я и попытался сделать.

Спустя примерно час Лопес заметил гука, устанавливающего «клаймор» у нас на пути. Он выпустил очередь, ВК тут же бросил

мину и помчался прочь, словно ошпаренная собака. Лопес не понял, попала ли хоть одна пуля в цель.

Меня привело в замешательство то, насколько близок к крупному выигрышу оказался этот гук. Ему не хватило всего нескольких секунд, чтобы разнести пол-отделения. Ему было нужно меньше времени, чем нам требуется, чтобы подтянуть шнурки на ботинках.

Мина, которую он бросил, была одним из их чудовищных самодельных устройств — кусок листового металла, выгнутый в виде подноса, примерно пятнадцать дюймов в диаметре. На поднос укладывался слой взрывчатки, по-видимому, добытой из наших неразорвавшихся авиабомб. ВК вскрывали несработавшие бомбы ножовками и выковыривали начинку. Поверх взрывчатки шёл слой цемента, в который они вставляли кусочки металла, служащие шрапнелью. Цементу давали высохнуть. Внутри мины находились напиленные куски стального прута длиной в пару дюймов и толщиной с большой палец. Это должно было быть страшное дело. В школе джунглей нам говорили, что куски стального прута — наиболее часто используемый тип шрапнели. Однако, если под рукой не оказывалось стального прута, они использовали любые мелкие металлические предметы, к примеру, гайки, гвозди, болты и иногда даже монеты.

Вскоре мы нашли ещё один склад. Пока его осматривали, я попробовал покопать в любопытном квадратном участке земли размеров восемь на восемь футов, который выглядел необычно. Там почти не было растений, что было странно. На глубине около фута, я наткнулся на железный лист. Затем моя лопата вернулась с зацепившейся за неё проволокой. Вид двух убитых джи-ай тут же встал у меня перед глазами. Аккуратно, как никогда, я освободил лопату от проволоки и стал рыть в новом месте в нескольких футах оттуда. И снова наткнулся на железный лист, но уже без растяжек. Под ним оказался тайник с рисом, который наш командир оценил в тринадцать тонн для отчётности.

В награду за обнаружение подземного хранилища мне приказали остаться и взорвать его, тогда как остальные удалялись в безопасное место. Почесть выглядела почти пугающей, но я был настроен решительно и уверен, что будет весело. Вертолёты снабжения начали подвозить нам огромное количество взрывчатки, чтобы ускорить разрушение рисовых закромов. Мы находили их так много, что вручную выходило слишком долго.

Хьюиш тоже остался со мной, чтобы заняться надземным складом. Для своего разрушительного проекта я использовал три блока пластичной взрывчатки С-4, смотанных детонирующим

шнуром. Сверху на С-4 я положил три китайские гранаты из минловушек, которые мы нашли и разобрали раньше в тот день. Они должны были усилить взрыв и избавить нас от этих гранат, с которыми нам не хотелось таскаться. Кроме того, я нервничал уже просто от обладания одной из них. Их качество было совсем не таким высоким, как у американских продуктов, и мне казалось, что они могут взорваться без причины. И напоследок я ещё добавил свою слезоточивую гранату для вкуса. Я думал так — если ВК смогут потом собрать часть этого риса, слезоточивый газ сделает его несъедобным. Мы в унисон зажгли запальные шнуры и побежали прочь, словно воры-домушники, увидевшие свет на крыльце. Последовавший взрыв был грандиозен.

Позже в тот же день, отойдя на некоторое расстояние от риса, мы остановились на отдых. Солдаты отделения слегка разбрелись и расселись среди растительности. Я присел в тени, прислонившись спиной к дереву. Влажность от сырой почвы проникала сквозь штаны и бельё. Вместо того, чтобы потратить оставшиеся четыре минуты своего пятиминутного отдых на поиск сухого места, я просто продолжал сидеть. Железный горшок у меня на голове тянул вниз. Склонившись вперёд, я оперся руками на колени, подпёр лоб ладонями и замечтался, пока мои глаза постепенно не сфокусировались на бомбе-бабочке[48], наполовину скрытой в грязи между моими ногами.

Как я мог её не заметить? Корпус бомбы размером и формой напоминал фунтовую банку кофе и был выкрашен в яркий жёлтый цвет, как у бабочки. С одного конца торчало жестяное оперение, указывающее на меня в обвинительной манере. Мы нечасто находили эти штуки, потому что они редко не срабатывали. Большая часть этих кассетных боеприпасов взрывались после сброса. Нам говорили, что неразорвавшиеся бомбы могут сработать и позже, вследствие обычной вибрации земли или изменений температуры от восхода и захода солнца. Теперь у меня было ощущение, что эта штука такая темпераментная, что может взорваться оттого, что я на неё не так посмотрю. Некоторые из них начинялись шариками от подшипников. Другие были набиты сотнями или даже тысячами маленьких стальных стрелок длиной в дюйм. Что хуже, иметь эту штуковину в одном футе от моих яиц или в двух футах от лица? За что мне хвататься, если она начнёт дымиться или взрываться? Я осторожно отошёл и предупредил остальных. У меня не хватило духу положить на неё даже клочок туалетной бумаги в знак предупреждения.

Пройдя ещё километр, мы остановились на ночь. Что за день!

Я нашёл подземный схрон с рисом, взорвал его, сел на бомбу-бабочку, меня чуть не подорвали «клаймором», я видел, как двух солдат убило взрывом мины-ловушки. В эту ночь запись в моём дневнике начиналась не с даты, как обычно. У неё был заголовок: «День, который я запомню навсегда». Просто и плоско, пожалуй, но зато точно выражает то, что я чувствовал.

На следующее утро с первыми проблесками рассвета мы вышли к ближайшей зоне посадки, откуда нас доставили обратно в Лай Кхе. В расположении роты нас первым делом построили для пересчёта. Во время построения примерно дюжину из нас вызвали по именам и приказали выйти из строя. Среди вызванных оказались Джилберт, Киркпатрик, Сиверинг и я. Затем состоялась короткая неформальная церемония. Они проводились каждые два месяца, когда ротный клерк приводил бумаги в порядок. Нам всем вручили значки боевого пехотинца. Эта награда вручалась тем военнослужащим, которые служили в пехоте в зоне боевых действий и продержались хотя бы месяц. Мы все считали, что это знак воина и с удовольствием носили его, когда находились в Лай Кхе в смешанном коллективе с тыловиками. На самом деле ношение значка было военным снобизмом — мы все считали себя выше тех, кто никогда не выбирался в джунгли. В то же время мы не задумывались над фактом, что без тыловых войск мы бы не прожили. Они доставляли нам нашу еду, содержали магазины, позволяли вертолётам летать, служили в военном госпитале и многое другое. Без них наша жизнь стала бы невообразимо суровой.

Хотя, получив значок, я чувствовал себя особенным, в душе я знал, что во Вьетнаме есть множество мест для службы хуже моего. Я уже понял, что к ним относятся все места в бронетехнике и вертолётах. Я не уверен, что смог бы занят эти должности, не заработав постепенно нервное расстройство. Мне не хотелось оказаться разорванным на части осколками внутри бронетранспортёра или разбиться насмерть вместе с вертолётом. Я был уверен, что оба этих сценария были более ужасны, чем погибнуть от пуль. С моим воображением психологическая ноша осознания, что в любой момент без предупреждения меня могут внезапно сбить или подорвать, была бы слишком тяжкой.

После церемонии Шарп объявил мне, что я теперь становлюсь помощником пулемётчика. Хейт, наш пулемётчик, теперь всё время должен был находиться в тылу. Его командировка почти закончилась, и командование не хотело, чтобы кого-нибудь убило в последнюю минуту. Новым пулемётчиком стал Джилберт. Смиттерс, последний по старшинству, занимал моё место подносчика боеприпасов.

Как я думаю, это должно было настроить меня когда-нибудь самому стать пулемётчиком. Все пулемётчики и их помощники провели во Вьетнаме дольше меня и после их отъезда домой, если они доживут, должны были освобождаться места. Популярная теория или легенда говорила, что пулемётные команды в боевых условиях имеют меньший период полураспада, потому что они производят столь легко узнаваемый шум и выпускают такую тучу пуль, что враги будут стрелять по ним в первую очередь.

В Штатах я проходил огневую подготовку с полудюжиной, или около того, видов оружия. Как ни странно, но М-60 стал единственным, по которому я так и не смог получить «эксперта», высшую степень.

Мне запомнилось, что во время обучения, если вас спрашивают, что у вас за оружие, нельзя было называть его «пулемёт» или М-60 или как-нибудь ещё. Надо было отвечать, что это «оружие непрерывного огня, калибра 7.62 мм, казнозарядное, с ленточным питанием, с автоматикой на основе отвода пороховых газов, воздушного охлаждения, на сошках». Эта цепочка слов поражала меня своим безнадёжным педантизмом и казалась забавной. Видимо, потому я её и запомнил.

Вскоре после церемонии мы вернулись к караульной службе на периметре. Потрёпанные старые укрепления из мешков с песком, надзирающие за рекой и ничейной полосой, приветствовали нас, словно старых друзей. Территория была завалена иссохшими на солнцепёке банками от когда-то съеденных пайков. В наше отсутствие их чисто вылизали грызуны, и теперь банки приманивали гораздо меньше мух, что стало явным плюсом. Всё те же старые, мятые журналы, что мы читали раньше, лежали поверх укреплений. Тут мы могли расслабиться.

Армия, в своём неописуемом стиле, требовала, чтобы всё было чистым и периодически отправляла мрачного сержант-майора пройти вдоль линии укреплений и облаять нас за неопрятный вид территории. Придерживая саркастические комментарии, чтобы не продлять страдания от его визита, мы некоторое время молча таскались вокруг, собирая понемногу банок и бумажек, пока он не отходил донимать кого-нибудь другого. Сегодняшний визит был точно таким же, как и все остальные. Затем мы высмеяли сержант-майора дурацкими и самодовольными замечаниями вроде «Эй, мне прямо неудобно, если ВК заметят, какой я неаккуратный». Тут следовал взрыв ребяческого гогота.

Остаток дня мы провели, валяясь вокруг укреплений в состоянии приятной скуки. Ленивая беседа отлично продолжилась за ужином.

Мы, однако, по-прежнему находились во Вьетнаме. Тайнс, который наблюдал за нашим фронтом, вдруг пригнулся к земле и прошептал нам, остальным, что он видел свет далеко в джунглях. Все тихонько повернулись посмотреть. Шарп, который прислонился к бункеру и сидел спиной к ничейной полосе, повернулся и пристально вгляделся. Его лоб наморщился, и он сосредоточенно сплюнул, как будто это могло бы улучшить его ночное зрение. Вдалеке некая одинокая фигура вышла из джунглей и медленно двигалась в нашу сторону. С расстояния в сто пятьдесят метров мы не могли сказать, вооружён ли этот человек и вообще, он это или она.

Кто-то предположил, что это может быть сумасшедший или пьяный. Другой высказался, что он, возможно, прикидывается дурачком, чтобы засечь нашу позицию. Шарп распорядился связаться с миномётным взводом и выпустить мину, чтобы отогнать его. Я потянулся к рации PRC-25, рассчитывая поучаствовать.

Миномётный взвод не стоял на линии укреплений. Они установили свои орудия в расположении роты и при необходимости готовы были оказать нам миномётную поддержку по первому слову. Мы сами решали между собой, когда и куда миномётам стрелять. Такой порядок был куда удобнее, нежели попытки вызвать артиллерийский огонь. Артиллерия требовала, чтобы запрос исходил от командира или, по крайней мере, офицера, который отдал бы приказ. Чаще всего приходилось уведомлять штаб батальона или даже штаб дивизии, чтобы получить официальное подтверждение в зависимости от цели и её расположения. Иногда из-за всех этих правовых прелестей цель успевала просто смыться, даже не зная, что на неё едва не обрушился поток дерьма. С нашим миномётным взводом бюрократии было меньше. Система управления огнём была гораздо проще — её вообще не было. Даже новичок вроде меня, без звания и без навыков радиста мог вызвать огонь.

Я никогда раньше не связывался ни с миномётным взводом, ни с другой огневой поддержкой. Если задуматься, я даже не помню, чтобы мне до того времени когда-либо разрешали говорить по рации. Я посылал щелчки докладов об обстановке в ночных засадах и на постах прослушивания, только и всего.

Разговор по рации, когда все остальные смотрели на меня, создал у меня ощущение власти и важности. Мне пришлось напрячься изо всех сил, чтобы соблюсти все формальности корректных радиопереговоров.

— 4-6, 4-6, это 1-6-Кило, огневая поддержка, приём.

— 4-6.

— 4-6, это 1-6-Кило. Нужен один разрывной, сто метров к западу от нашей позиции, за линией укреплений, но к югу от реки, приём.

— 1-6-Кило, в чём дело, приём.

— 4-6, у нас один Виктор-Чарли приближается к нашей позиции, приём.

— Принял, 1-6-Кило, мы запустим одну для пристрелки, скажите, куда она попадёт, приём.

Фраза «скажите, куда она попадёт» засела у меня в ушах и гремела внутри головы, пока мы ждали пристрелки миномёта. Мы все вглядывались в тёмные очертания Лай Кхе, как будто могли увидеть шум. Миномёты стояли так далеко позади, и между нами было столько каучуковых деревьев, что мы не могли видеть вспышку.

У-УМП! Услышав глухой, ни на что не похожий грохот миномёта мы перенесли внимание на фигуру с фонарём и ждали, пока 81 миллиметр боли и страданий приземлится и спугнёт этого парня, чтобы мы могли больше не беспокоиться и вернуться к расслабленному ничегонеделанию.

БАБАХ! Мина приземлилась ему прямо на голову, и он исчез, пропал, словно это был фокус в цирке. Я был потрясён. Мы все смотрели прямо на него и на мгновение ослепли от вспышки. Но когда наше ночное зрение вернулось, мы уже ничего там не видели. Либо его разорвало на клочки, либо он полз по-пластунски в сторону Ханоя, погасив свой фонарь. Настала тишина.

В течение ночи я время от времени думал про того парня, размышляя, убит ли он и что мы найдём, когда выйдет солнце. По понятным причинам мне чертовски не хотелось бы, чтобы это оказался явным нонкомбатант вроде ребёнка или какого-нибудь столетнего фермера.

Я так никогда и не получил ответа на свой вопрос. Шарп поднял нас в 0500 и мы ушли с позиции. Линию укреплений временно занял личный состав какой-то вертолётной части. Мы так никогда и не узнали, что они увидели, когда солнце выжгло обычный утренний туман. Поскольку именно я вызвал миномётный огонь, мне было любопытнее всего. Остальным, похоже, было до задницы. Армия обращалась со мной так же обезличенно, как я поступил с тем парнем с фонарём, и ничего нельзя было с этим поделать, даже забыть. Меня это напрягало.

Меня немного злило, что мне не дали дождаться и посмотреть, что случилось с тем человеком с фонарём. Я это постепенно перерос, когда больше сжился с мыслью, что для армии я всего лишь очередной военнослужащий. У меня не было

права голоса насчёт того, куда мы идём, что мы делаем, и как мы это будем делать, когда дойдём, и их ни в малейшей степени не волновало, что я обо всём этом думаю. Я просто плыл по течению, словно пробка в реке.

В то утро нам предстояло оказаться в провинции Тай Нинь на границе с Камбоджей. Весь взвод погрузился в задний отсек шумного, расшатанного грузового самолёта «Карибу». Снова там не было сидений, но нашлось достаточно свободного места, чтобы взвод мог сидеть на полу со всем своим снаряжением. Самолёт забрал нас с аэродрома Лай Кхе и высадил на грунтовом аэрополе близ деревни Суи Да.

Местность вокруг аэрополя была преимущественно плоской и голой. Недостаток укрытий создавал ощущение наготы и незащищённости. Чувство было отнюдь не успокаивающим. Сержанту Фэйрмену не пришлось два раза приказывать окопаться. Эта местность вскоре должна была стать постоянным базовым лагерем для 25-й пехотной дивизии, также известной под названием «Тропическая молния».

Пока мы вкалывали, десятки «Хьюи» и «Карибу» садились, выгружая сотни, а затем и тысячи пехотинцев. Большие вертолёты «Чинук» подвозили артиллерийские орудия и бульдозеры. Танки и бронетранспортёры прибывали по дороге. Нам сказали, что всё это — подготовка к тому, что должно было получить название «Операция Джанкшен-Сити». Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это будет крупнейшая операция, в которой мы когда-либо участвовали. Помимо Большой Красной Единицы там находились части 4-й, 9-й и 25-й пехотных дивизий, а также 196-я легкая пехотная бригада, 11-й разведывательный полк и 173-я десантная бригада. Вместе все составляло до двадцати двух батальонов американцев. Ещё к нам там присоединились четыре батальона вьетнамской морской пехоты и рейнджеров. Считалось, что их морпехи и рейнджеры были куда лучшими бойцами, чем обычные солдаты АРВН, и, как рассказывали, могли постоять за себя в бою. Я никогда с ними раньше не служил, и не знал, правда это, или ещё одна легенда джунглей.

Провинцию Тай Нинь можно описать, как переходную зону между липкой грязью дельты Меконга на юге и густыми джунглями Камбоджи на севере. Местность была в основном равнинной. Неожиданно выдаваясь из равнины вверх, примерно в двух километрах к западу от Суи Да стояла гора из чётного камня, более трёх тысяч футов высотой. Это была географическая аномалия, одинокий пик на плоской равнине. Вьетнамцы называли её Нуйбаден. Мы называли её Чёрной Вдовой или Чёрной Девой.

На самой вершине горы стоял лагерь «Зелёных беретов». Со своим господствующим над провинцией расположением он стал идеальным местом для радиопередатчиков и приёмников. Снизу мы видели, что вершина ощетинилась антеннами. ВК владели остальной частью горы и изрыли её бесчисленными туннелями и пещерами. «Зелёные береты» по возможности избегали склонов горы и выбирались из своего укреплённого лагеря только на вертолётах. Теперь мы заняли подножие горы. Уникальная расстановка сил.

Когда мы в первый день присел отдохнуть, Соя изо всех сил старался поддержать наши худшие опасения. Он клялся, что слышал, как кто-то говорил со штабом, что мы должны атаковать гору и продвигаться по склонам. Большинство из нас были настроены скептически, но всё равно разгорелись ожесточённые дебаты. Это касалось нас всех. Хоть я никогда не посетил ни одной лекции в Вест-Пойнт, Вирджинском Военном Институте или в «Цитадели»[49], я видел достаточно фильмов про войну, чтобы без тени сомнения знать, что меньше всего на свете мне хочется наступать в гору против окопавшегося противника. Я бы лучше спустился по Ниагарскому водопаду в бочке, чем попытался бы с боем прокладывать себе путь вверх по склонам Чёрной Вдовы.

В нескольких футах от меня Тайнс склонился, разогревая банки из пайка. С присущим ему спокойствием он заметил монотонным голосом: «Я не полезу туда наверх». Я почему-то ему поверил. Мы все ему поверили, по крайней мере, нам хотелось ему поверить. Тайнс, казалось, всегда знал о происходящем вокруг немножко больше остальных пехотинцев. Мы не знали, как как ему это удавалось, но он как-то умел. Это успокаивало. Если он не лез на Чёрную Вдову, значит и все остальные тоже, скорее всего, не полезут. Уже почти официально.

В Лай Кхе в это время по программе «Объединённых организаций обслуживания»[50] приехала Нэнси Синатра, чтобы поддержать солдат. Она прославилась своей песней «These Boots Are Made For Walking». Большая часть пехоты и танкистов находились у нас в провинции Тай Нинь, так что получилось шоу для тыловиков. Позже, когда певица про это узнала, она вернулась в Лай Кхе с повторным концертом. К тому времени часть подразделений уже вернулись в базовый лагерь и смогли посетить её выступление. Я считал её симпатичной девушкой с золотым сердцем за то, что она сделала для нас. Очень жаль, что рота «С» пропустила оба выступления.

В следующие два дня по утрам мы углубляли наши ячейки и наполняли мешки песком, а затем практиковались в стрельбе из

нашего оружия. Я стрелял из своей М-16 и несколько поразвлёкся. Джилберт выпустил из М-60 больше пуль, чем любой другой, производил много шума, и, казалось, был стрелком лучше среднего. Он мог оказаться лучшим пулемётчиком во всей роте. Позже в тот же день сержант Альварес, который про это услышал, но перепутал наши фамилии, сделал мне комплимент насчёт моих выдающихся способностей с пулемётом, сказав: «Я слышал, вы сегодня повытрясли дерьмо из пулемёта». Словно стрела пронзила моё сердце. Мне нужно было признание. Мне нужно было, что чтобы кто сказал, что я — часть команды и что я всё делаю правильно. Я неохотно признался, что это был Джилберт, а я — просто обычный долбоёб с винтовкой. Это удручало.

На следующий день наше безумие со строительством укрытий продолжилось. Затем мы снова пристреливали своё оружие на периметре. Необычно, что мы занимались этим два дня подряд. К нам присоединились многие танкисты и артиллеристы, и получилось масштабное импровизированное общественное мероприятие, где все смеялись, болтали и испытывали оружие друг у друга. Там был автоматический дробовик, несколько револьверов и даже двухзарядный дерринджер. У нескольких танкистов был один и тот же вид доработанного оружия, трофейные карабины М-1 30-го калибра с отпиленными стволом и прикладом. Таким образом, получалось что-то вроде автоматического пистолета, не очень точного, зато стрелять из него было сплошное веселье.

Ещё мы видели, как стреляют из новой винтовки CAR-15 с чёрным затвором. Это была укороченная версия М-16 с телескопическим прикладом. Механизм оружия был тот же самый, что и раньше, только вместо блестящего хрома затвор был покрыт каким-то тусклым чёрным веществом. Армия озаботился большим количеством случаев заклинивания М-16. Проблема не теряла остроты, несмотря на попытки усиленной чистки и смазки. Теперь армия придумала новый чёрный затвор. Такие винтовки выдавали некоторым сержантам для испытания. Не вполне понятно, был ни в этом эксперименте какой-нибудь реальный научный метод. К моему огорчению, мне не представилось возможности пострелять из него.

Не один солдат в подразделении с роте уже столкнулся с заклиниванием М-16 в боевых ситуациях и считал, что нам надо использовать АК-47, или что-нибудь более надёжное. Поскольку командование не могло противоречить линии партии публично[51], большинство из них предпочитали М-16. Они указывали, что при семи с половиной фунтах веса она на четыре фунта легче советского автомата, и, таким образом, её легче носить. Кроме

того, поскольку наш патрон был вдвое легче патрона для АК-47, мы могли носить с собой в два раза больше патронов на вылазки. На самом деле, даже миллион патронов никак вам не поможет в поле, если ваша винтовка заклинена и не стреляет. Я оставался верен М-16, потому что до той поры не испытывал серьёзных трудностей из-за заклинивания в бою, но впоследствии мне это предстояло. Высокая степень недовольства М-16 постоянно держалась среди джи-ай. Это ничего не значило. Все жалобы мира ничего не меняли. Легче было научить свинью летать, чем отменить многомиллионный контракт между Пентагоном и военной промышленностью.

Когда начала вечереть, я отошёл на северную сторону грунтовой дороги, разделявшей наш лагерь. Мне надо было помочиться, я не хотел делать это возле наших ячеек, а отлить в придорожную канаву. Я сразу же заметил, что звук какой-то не такой. Он был какой-то звенящий, словно корова ссыт на камень. Вглядевшись как следует сквозь кусты и траву в канаву, я увидел, что мочусь на большую неразорвавшуюся напалмовую бомбу. Я рефлекторно прервался на секунду, но затем закончил мочеиспускание, даже зная, что если бомба взорвётся, моей струи не хватит, чтобы залить пламя.

После первоначальной высадки войск в Тай Нинь все потуги на неожиданность и секретность растаяли по мере того, как батальон прибывал за батальоном. Операция была столь масштабной и очевидной, что о нашем прибытии знал кто угодно от Камбоджи до Перу. Недалеко от пыльного подножия горы вырос аэродром, как только были уложены тармаковые дорожки, достаточно обширные, чтобы принимать грузовые самолёты. Командный пункт и другие мелкие здания, укрепления и ангары росли, как грибы. Это были не игрушки. В ближайшем будущем мы все предвидели долгие зачистки и крупные задания по поиску и уничтожению. Слухи, которыми мы тогда располагали, утверждали, что ВК и СВА в этой местности были хорошо организованными, умелыми бойцами. Мы не сомневались, что они тоже заметили очевидное, что мы разворачиваемся вокруг них, и на них надвигается что-то большое.

Прибывало много артиллерии в виде огромных 155-миллиметровых самоходных гаубиц на танковом шасси. Они являли собой мощную и громкую демонстрацию огневой мощи. Поскольку ВК занимали все склоны горы, большие орудия были вольны долбить их днём и ночью, случись им заскучать или если надо потренироваться или просто есть к тому настроение. Конечно, это было великолепное зрелище, особенно потому, что мы видели, куда попадает снаряд, и какой получается взрыв.

Такое шоу нам нечасто доводилось видеть.

Наблюдая со стороны за одной из гаубиц с расстояния метров в сто пятьдесят, я заметил, что на самом деле можно увидеть снаряд в первые пятьдесят или семьдесят метров полёта. Раньше я этого не знал, поэтому был впечатлён и стал передвигаться ближе, чтобы видеть ещё лучше. По дороге я наткнулся на позицию миномёта, направленного в противоположную от горы сторону. У меня с миномётчиками завязался разговор насчёт этого визуального феномена. Они проинформировали меня, что миномётную мину в полёте видно более, чем на пятьдесят метров, если лечь на землю рядом с миномётом и смотреть вверх во время выстрела. Они пригласили меня попробовать, что и я сделал, пронаблюдав запуск пары мин. Потом, пока я шёл назад, собираясь сидеть в кругу своего взвода и ничего не делать, у меня в голове всплыл вопрос — куда упали мины, которые мы только что выпустили?

На следующий день всё пришло в движение, когда десятки батальонов во всех районах сосредоточения выдвинулись к своим исходным точкам. «Чёрных львов» en masse перевезли вертолётами на участок чуть южнее Катума на камбоджийской границе.

Это и было настоящее начало операции «Джанкшен-Сити», задачи по поиску и уничтожению в Военной Зоне «С». Подобно всем операциям силами дивизии, её назвали в честь американского города, одного из тех, что мужественно звучат. Поначалу во Вьетнаме операции называли названиями предметов — крутыми словами типа «барракуда», «оленья шкура» или «разбойник». Названия городов стали применять с 1966 года. Уже использованы были многие западные города типа Феникса или Эль-Пасо, наверное, чтобы порадовать президента Джонсона[52]. Я думаю, что какой-нибудь майор или полковник в штабе предлагал свой родной город. Если название было с яйцами, его использовали. Если оно было нелепым или неуместным, то нет. Филадельфия тут была явно не к месту, и вне зависимости от вашего звания и должности со всей вероятностью не предвиделось операции «Трут-о-Консикуэнсес» [53]или, скажем, операции «Поцелуйка»[54].

План заключался в том, чтобы переместить войска из районов сосредоточения вроде Суи Да на позиции, окружающие двести пятьдесят квадратных миль провинции Тай Нинь, удерживаемые противником. Предположительно манёвр должен был стать неожиданностью и поймать в западню десять тысяч солдат 9-й вьетконговской дивизии и 101-го северовьетнамского полка, которые по оценкам должны были находиться на этой

территории.

День «Д» для этой операции растянулся на два дня, потому что потребовалось почти сорок восемь часов, чтобы перевезти вертолётами все батальоны на их позиции. Мы выдвигались в первый день.

Наше приземление к западу от Трай Би, на расстоянии примерно миномётного выстрела от Камбоджи, прошло без приключений. Пять вертолётов, перевозящих войска в другие зоны высадки, однако, были сбиты в первый день. Мы также слышали, что пять бронетранспортёров подорвались во время развёртывания.

Рота «С» растянулась подобно многоножке по длинному участку шоссе №4, пролегавшему по густо заросшей лесом местности. Правильнее было бы называть его тропинкой №4. Мне приходилось видеть проходы в супермаркетах, которые были шире, чем это шоссе в некоторых местах. В одних местах оно заросло лианами, в других его размыло, и нигде оно не было вымощено. До той поры американцы не уделяли этой территории достаточного внимания, так что она не была от края до края напичкана минами и ловушками, что было приятно для разнообразия.

Вертолёты с громкоговорителями висели над головой, подавая указания на камбоджийском языке. Основной смысл послания состоял в том, что мы не собираемся заходить за шоссе и вступать в Камбоджу, но если по нам из Камбоджи полетят ракеты и мины, мы ответим артиллерийским огнём и воздушным ударом. Невероятно, но один батальон примерно в восемьсот человек из 173-го десантного полка действительно десантировался на свои позиции в паре километров к северу от Катума, не очень далеко от нас. Высадка в целом не встретила сопротивления и прошла гладко, лишь с десяток парней получили мелкие травмы вроде растяжения щиколоток. Мы напускали на себя надменный вид и говорили, что они сборище пижонов и что прыгать было ни к чему и всё это только для рекламы. В душе я ревновал, желая тоже прыгнуть с парашютом. Конечно, я не осмеливался сказать это вслух, потому что тогда меня освежевали бы заживо.

Во время дополнительного курса подготовки в Джорджии я записался в десантники и меня приняли. Мои родные отговорили меня от этого плана. Позже я обдумал вопрос ещё раз и пожалел, что оказался столь слабохарактерным и сделал то, что хотели они вместо того, что хотел сам. С моей стороны это было ошибочное решение.

В определённом месте мы сошли с шоссе и углубились на

пять или десять метров в джунгли. Нашей задачей стало служить блокирующими силами и отстреливать всех ВК или СВА, что попытаются сбежать в нашу сторону из окружённой зоны. Кроме надоедливого камбоджийского бормотания над головой, день оказался на редкость непримечательным.

Когда солнце скрылось, мы отошли обратно в зону, обозначенную, как ночной оборонительный периметр батальона, и там окопались. Периметры для целого батальона были обширными и порой вмещали пару акров недвижимости внутри оборонительной линии.

На следующее утро мы вернулись на тот же отрезок дороги для очередного дежурства. Служба была простая, как скрепка. Бездумная, лёгкая работа. Меня охватило чувство благополучия. На позиции нас было трое. День стоял тихий и прохладный. Мой личный план предписывал мне лечь на землю и отключиться или помечтать несколько часов, прислушиваясь к вражеской деятельности. Вскоре я уже лежал на спине, закрыв глаза и подложив руки под голову.

Каждый день, ещё до Вьетнама, я совершал хотя бы одно путешествие в Страну Грёз. Зачастую путешествий было даже больше одного в день. Там было чудесно, потому что всё шло отлично, и я чувствовал себя совершенно счастливым. В один день я мог взять решающую подачу за «Рэмс» в Лос-Анджелесском Колизее, или стать самым остроумным гостем, какого только можно вообразить, на «Вечернем шоу» с Джонни Карсоном[55], а другим гостем стала бы какая-нибудь роскошная персона, что была бы без ума от меня, например, Урсула Андресс[56]. По прошествии лет я рассказал маме о некоторых своих мысленных странствиях. У мамы для всех детей были прозвища, и после этого она иногда называла меня Уолтером Митти[57].

Сегодняшнее путешествие проходило гладко, пока не послушались шаги, отчетливый звук, кто-то приближался прямо к нам, и Страну Грёз пришлось отложить. Участок, на котом мы расположились, порос скорее редколесьем, чем джунглями. Однако высокая, густая слоновая трава ограничивала обзор в том направлении до пятнадцати или двадцати метров. Каждый квадратный дюйм земли покрывали сухие листья, которые громко хрустели при каждом шаге.

Я лежал на спине, отдыхая с закрытыми глазами и подложив руки под голову, когда послышались шаги. Они были медленными и осторожными, с большими промежутками, как будто кто-то прислушивался. Я ухитрился сесть, не создав заметного шума. Джилберт и Смиттерс уже сидели и следили за шагами. Смиттерс, слева от меня, приветствовал моё возвращение

в реальный мир, указав пальцем вперёд. При этом его рот скривился, а кожа на горле натянулась, как это бывает, когда пытаешься делать что-то как можно тише. Шаги приближались к нам настолько медленно, насколько возможно и по-прежнему двигались на нас.

Джилберт находился в нескольких метрах справа от меня. Пулемёт стоял между нами достаточно далеко, чтобы ни один из нас не мог добраться до него, не шурша листьями и сучками. Свою винтовку я сжимал мёртвой хваткой. Шаги, которые, казалось, достигли пределов нашей видимости, остановились на минуту, затем начали двигаться не прямо к нам, а влево от нас. Мы все быстро переглянулись и снова стали смотреть на шум. Вскоре шаги изменили направление и двинулись обратно слева направо перед нами, постепенно минуя нас и приближаясь к позиции Дэвиса и Иларди метрах в тридцати справа.

Дэвис уже стоял, опустившись на одно колено и наведя свою М-16 на шум. Иларди держал свой гранатомёт обеими руками, но никуда не целился. Гранаты для М-79 имели внутри какое-то гироскопическое устройство, и должны были пролететь минимальное расстояние около двадцати или тридцати метров, прежде чем сможет взорваться от удара. Это было сделано из очевидных соображений безопасности. Как-то раз Иларди выстрелил, граната вылетела, ударилась об пальму и упала всем остальным под ноги. К счастью, она не взорвалась. Если бы Иларди выстрелил с такой короткой дистанции ещё раз, граната тоже не взорвалась бы, но уебала бы того парня, как бейсбольный мяч, пущенный со скоростью сто миль в час.

Спустя несколько секунд шаги перестали двигаться мимо Дэвиса и двинулись прямо на него. Трава раздвинулась и появился ВК. Дэвис выпустил очередь в четверть магазина, которая свалила ВК на месте, и он остался лежать, издавая стоны и подергиваясь туда-сюда. Мы все напряглись и ждали, не появится ли ещё кто-то, кто откроет по нам огонь. Через несколько секунд, когда ничего не произошло, мы испустили коллективный вздох облегчения. Дэвис осторожно подошёл к лежащему гуку и конфисковал большой жирный АК-47, который тот выронил. Затем он навёл винтовку на раненого, а Иларди вытащил его на дорогу. Вскоре показался Док Болдуин, который обработал раненого, наложив повязки, а затем ВК увезли и погрузили на медэвак. Ему предстояло получить гораздо лучшее медицинское обслуживание, чем если бы он сбежал.

Вся сцена не выглядела особо шокирующей, так что, прежде, чем раненого увезли, я подошёл посмотреть. Похоже, главное ранение ему нанесла пуля, попавшая в нижнюю часть живота или

в тазовую область. Пройдя навылет, пуля оторвала ему почти половину левой ягодицы. Воронка на том месте, где должна была быть левая булка, была колоссальной, размером по меньшей мере с со средней величины яблоко. Я был уверен, что это больно. ВК нёс несколько патронташей с автоматными патронами, небольшой рюкзак и больше ничего. Он был тощим. Думаю, он шёл голодным большую часть времени и ему приходилось есть то, что он находил — вроде бананов, кокосов и побегов бамбука — просто, чтобы выжить. Второстепенных припасов у этого парня просто не существовало. Если он курил, то, по всей вероятности, между сигаретами у него проходили недели и месяцы. Для подобной преданности мы не годились. Я бы сдался и умер после первого дня без курева.

В тот вечер сержанта Эстеса увезли на грузовом вертолёте. Он был командиром отделения и всегда казался мне приятным и дружелюбным. К сожалению, у него разыгралась лихорадка высшей степени, боли в мышцах и приступы потливости, и Док решил, что это может оказаться малярия. Позже Док сказал, что технически ему следовало бы называть эту болезнь «лихорадкой чёрной воды». Так говорили, если у вас раньше уже была малярия, а теперь она вернулась и заодно сделала мочу тёмной, как это случилось с Эстесом.

За то время, что я служил в роте, мы уже отправили пару парней с такими же симптомами. Однако большинство из нас, включая и меня, не принимали таблетки от малярии, которые нам пытались выдавать. Я даже не знаю, почему. Если Док вручал мне таблетку, я её принимал. В остальных случаях я про неё забывал. Мы так никогда и не узнали окончательный диагноз Эстеса. Если не наклеивали ярлык «малярия», то его болезнь, наверное, называлась «бамбуковая лихорадка» или что-нибудь ещё в этот роде. Так или иначе, Эстес больше никогда не вернулся из госпиталя. Должно быть, это была малярия или ешё что-то равно серьёзное.

После убытия Эстеса, остаток ночи прошёл без событий, если не считать звуков Смиттерса. Во сне он издавал носом достаточно громкий свист. Он звучал, как сирена при воздушной тревоге, отчего я нервничал. Не него нельзя было не обращать внимания. В моём нервном воображении свист становился широковещательным объявлением всем ВК в пределах слышимости немедленно проследовать в ячейку Роннау и отрезать ему голову, пока он не видит.

Опыт научил меня не будить виновного. Они либо начинали беситься, либо просыпались, ничего не понимая, и поднимали ещё больше шума. Правильная процедура заключалась в том,

чтобы положить листик размером примерно с игральную карту на лицо нарушителя спокойствия. Он неминуемо сбрасывал листик, тёр лицо и переворачивался, не просыпаясь. Свист, тем временем, пропадал. Иногда требовалась двойная обработка листиком. В этот раз фокус удался и с одним. Это было в некотором смысле ребячество, но в то же время действенный способ, который одинаково хорошо работал и на храпунов и на свистунов.

На следующий день мы вновь услышали шаги перед нашими позициями, но они не прошли через траву и не показались на виду. Никто не стрелял, опасаясь поразить неизвестную цель вроде заблудившегося джи-ай, который пошёл отлить. Мой, можно сказать, патологический страх случайно убить американца не исчезал. Временами они меня реально раздражал.

Вечер застал меня ночном лагере в двухместной ячейке с Соей. Около полуночи, пока он стоял на вахте, а я спал, один или несколько ВК подошли к нашим позициям. Иларди, который стоял на посту прослушивания, услышал их приближение. Хотя он не видел, кто к нам идёт, он рассудил, что все добропорядочные нонкомбатанты в это время спят по домам, а не бродят по джунглям посреди ночи. Соответственно, он бросил в незваных гостей гранату, которая задела, по крайней мере, одного из них. Граната взорвалась метрах в пятнадцати перед нашими позициями, и стальные осколки со свистом разлетелись во все стороны. Некоторые из них врезались в мешки, из которых были сделаны наши укрытия, отчего из них просыпался песок.

Как ни невероятно, но взрыв не разбудил меня. Это не ускользнуло от внимания Сои, который, увидев, что я остался на земле, решил, что меня задело, и я не могу встать из-за ранений. Я проснулся оттого, что тряс меня и взволнованно спрашивал, куда мне попало. Я сказал, что я цел и выразил непонимание. Он пролил мне свет на произошедшее и поставил мне диагноз, дословно: «глухой, блядь». В том, что я вовремя не проснулся, меня извиняло то, что с шестью моими братьями и сёстрами у нас дома бывало шумно. Вполне возможно, что крики некоторых моих сестёр приближались по уровню децибел к взрыву ручной гранаты. Я был приучен спать при сильном шуме.

На самом деле, я просто устал, так же, как и остальной личный состав. Есть предел времени, в течение которого вы способны функционировать, если вам приказано бодрствовать каждый второй час каждую ночь. Мы ложились спать около восьми вечера и поднимались в шесть утра, что давало нам примерно пять часов сна за ночь. Для наших растущих организмов этого не хватало. Усталость становилась проблемой. Пока тянулась операция, всё больше и больше парней начинали

клевать носом. Повсеместно солдаты прислонялись к стене укрытия, держа винтовку на коленях, и отключались. Временами их становилось столько, что мне это напоминало фильм «Красавчик Джест»[58] с Гари Купером, где ставили мёртвых солдат в бойницы форта, чтобы одурачить врагов. Командиры отделений нам сочувствовали. Им доставалось сна не больше нашего и они доносили проблему до вышестоящего начальства. Это не приносило никаких осязаемых результатов.

Наши офицеры и взводные сержанты спали в центре оборонительного периметра, не несли караульной службы, и в целом спали по ночам лучше, чем мы. Они не то, что не сочувствовали нам, но не могли ничего толком сказать, сколько ещё продлится эта масштабная операция. Те, кто принимал решения, старшие офицеры, остались в базовом лагере и спали на настоящих кроватях с настоящими матрасами. Они, по-видимому, не осознавали размаха проблемы. В любом случае, ситуация не исправлялась.

Сержант Конклин поражал меня своей чудаковатостью. Что-то с ним было не так, правда, я не мог указать пальцем, что именно. Он умудрился раздобыть необычное устройство, маленькую электронную пищалку с наушниками и вытягивающимся снизу длинным тонким проводом. Разложив провод вокруг своей позиции и подключив его конец к гнезду в пищалке, он надевал наушники и спал до утра. Если кто-то подкрадывающийся к его ячейке обрывал окружающий его провод, устройство пищало Конклину в уши. Одному Богу известно, где он раздобыл эту штуковину, и мне определённо не хотелось спрашивать. Чёрт, большую часть времени он был настолько не в себе, что от него нельзя было добиться прямого ответа который час. Я никогда и нигде больше не встречал такого приспособления.

Центральная секция нашего лагеря не спала бы так крепко, если бы знала, что когда в ту ночь к нам приближались ВК, многие поджидающие их часовые похрапывали. Даже Соя уснул. Я был рад до усрачки, что хотя бы Иларди не спал.

Пока мы охраняли дорогу, другие батальоны проводили долгие зачистки по окружённой зоне. Теперь снова настал наш черёд. Патрульные роты заняли блокирующие позиции и занимались охраной дороги, а «Черные львы» из 2/28 и рейнджеры из 1/16 разошлись в разные стороны на зачистки.

Прямо за пределами периметра мы нашли следы крови от взрыва гранаты Иларди. Раненого по-настоящему изодрало, кровь текла из него, как из заколотой свиньи. Крови было столько, что по следу мог бы идти даже слепой. Ржаво-коричневые пятна

виднелись повсюду. Кое-где мы находили использованные бинты. Возможно, разлетающимися осколками посекло более, чем одного ВК. У среднего человека в теле всего четыре или пять кварт крови, которую можно потерять, а тут был след в двести метров длиной. Он кончился внезапно без мёртвого тела и видимых признаков могилы.

Мы добрый час потратили на движение по следу длиной примерно в два футбольных поля. Головной и идущие впереди шли медленно и осторожно. Мало радости наткнуться на раненого вражеского солдата, который не может идти дальше и остановился, чтобы стоять до последнего и унести с собой нескольких круглоглазых.

К удивлению, при зондировании почвы в поисках могилы мы откопали линию связи, или «Лима-Лима»[59], как мы их называли. Это был телефонный кабель толщиной с мизинец, зарытый в землю на четыре-шесть дюймов, он тянулся на запад, в сторону Камбоджи. Мы пошли по кабелю. Через каждые несколько метров нам приходилось останавливаться и копать, чтобы убедиться, что мы по-прежнему над ним.

Через километр или около того вертолёт доставил нам немецкую овчарку из корпуса К-9 с проводником и ещё американца, который говорил по-вьетнамски и знал, как врезаться в телефонную линию. Собака взяла след, и процесс следования проводу пошёл быстрее. С собакой мы прошли ещё пару километров. Трудно было оценить человеко-часы — время и усилия, потраченные на прокладку этой линии. Это было просто невероятно.

К концу дня мы так и не нашли, чем заканчивалась линия. Командир считал, что в конце может оказаться что-то большее, чем просто радиопередатчик. Мне казалось, что в конце может оказаться что угодно, может даже целая рота или батальон Вьетконга или СВА, и мне не хотелось ужинать с ними. К нашему восторгу, командование приказало нам возвращаться в лагерь. Прежде, чем мы ушли, переводчик вытащил свои инструменты и подключился к линии. Он провёл короткий разговор с телефонистом СВА, который быстро понял, что говорит с самозванцем. Переводчик окончил беседу, как он сам объявил, словами «Хо Ши Мин — мудак» и ещё несколькими неприятными фразами на вьетнамском. Нам показалось, что он был вполне доволен собой из-за того, что сумел уязвить вражеского солдата, обругав его лидера. Затем мы перерезали провод в нескольких местах и пошли обратно.

Я был ошарашен. Хотя я и обрадовался до крайности приказу убираться нахрен оттуда, но меня поразил, что наши разведчики,

служба G-2, не пожелали сохранить линию, чтобы вернуться к ней позже и попытаться подключиться к ней просто для прослушивания. Ситуация представлялась бессмысленной, по крайней мере для меня. Мне казалось, что мы отказываемся от того, что могло оказаться настоящим Клондайком для разведки.

Нам удалось спокойно вернуться в свой лагерь. Там нам сообщили, что рота «Браво», рейнджеры из 1/16, с которой мы разошлись в противоположные стороны, потеряла в тот день больше сотни человек, из них двадцать семь убитыми и семьдесят пять ранеными, когда наскочила на батальон СВА. История была не вполне ясной. По донесениям, убито было более 150 вражеских солдат.

Иногда Фэйрмена становилось трудно понимать. Днём раньше он остановился возле пулемётной позиции и спросил, почему я по-прежнему хожу с винтовкой, раз я помощник пулемётчика. Не хочу ли я сменить её пистолет? Так я смог бы носить больше патронов для М-60. Я сказал, что нет, и что у меня уже есть пистолет, и я не хочу оказаться в джунглях без винтовки. Он сказал мне подумать об этом. Я подумал. Многие парни носили и винтовку и пистолет. У других помощников пулемётчиков были М-16. Чёрт, даже медики в роте «С» носили винтовки. Может быть, он считал, что я хожу налегке и так он хотел эту мысль до меня донести. Может быть, он просто ко мне придирался.

Мой план состоял в том, чтобы увеличить свою долю общественного имущества ещё на две ленты патронов для М-60. Теперь я достиг шестисот штук, которые должны были весить столько же, сколько общественное имущество, носимое остальными. Вторая часть плана состояла в том, чтобы никогда не поднимать вопрос о винтовке с Фэйрменом. План сработал. Больше он меня не донимал.

Самая крупная и интересная находка во всей операции обернулась для нас самым долгим и скучным днём. Мы вышли на батальонный патруль. К началу дня мы остановились, потому что какой-то другой взвод обнаружил туннель. Пока его обследовали, наш взвод рассредоточился и обеспечивал охрану на правом фланге.

Через два часа караульной службы мы начали задаваться вопросом, что там в этом туннеле такого особенного, что потребовалось столько времени. Часов через пять до нас начали доходить обрывки происходящего. Туннель вёл в подземный госпиталь. Там было несколько этажей под склады, приёмный покой, операционные и послеоперационные комнаты. Койки были отрыты в стенах больших помещений примерно на шестьдесят

пациентов. Там оказались хорошие запасы оборудования, в том числе нержавеющие хирургические инструменты, шовный материал, растворы для капельниц и изрядное количество лекарств, преимущественно антибиотиков. Все пациенты были эвакуированы. Не осталось ни ВК, ни мин-ловушек, чтобы встретить нас.

Возбуждение, вызванное находкой, почти уравновесилось скукой от просиживания целый день в качестве охраны. Я следил за Фэйрменом и Шарпом, словно ястреб. Если бы появился хотя бы один шанс, что потребуется помощь при обыске или при выносе медицинского оборудования, я хотел, чтобы взяли меня. Я просто горел желанием участвовать. Про себя я, словно в начальной школе, повторял: «Пожалуйста, ну пожалуйста, ну прямо-прямо пожалуйста!» Скажи я это вслух и услышь меня Фэйрмен, он бы плюнул в меня или запустил что-нибудь в мою сторону. Моя помощь так и не потребовалась.

Госпиталь так и не взорвали до нашего ухода. Б-52, по всей видимости, оказался бы не более эффективен. Я думаю, что чем делать второпях, надо было потом послать туда нормальную команду подрывников, чтобы они всё сделали как положено. Это было бы весело поглядеть. Госпиталь к тому времени никуда бы ни ушёл.

Следующий день начался с приятного. С утра, ещё до того, как мы ушли на патрулирование, грузовой вертолёт доставил нам почту. Я получил три письма, которые не стал открывать сразу. Чаще всего, но не всегда, я воздерживался от чтения почты сразу после её получения. Вместо этого я припрятывал письма, чтобы продлить и просмаковать радость от их прихода. Моим обычным порядком стало читать по одному письму в день, рассортировав и оценив их, припасая самое лучшее на последний день. Конечно же, в каждый из дней письмо я не открывал до самой последней минуты, когда уже едва можно было разобрать текст. В течение дня я вытаскивал письмо из надёжного заточения в моём набедренном кармане примерно раз в час, чтобы визуально исследовать его и сиять от предвкушения. Иногда на ходу я засовывал руку в карман и поглаживал письмо, ощупывая его и пытаясь угадать, сколько в конверте страниц и есть ли там какие-нибудь вложения вроде фотографий или газетных вырезок. Это ритуалы были мне необходимы для выживания в дерьмовом мире. Они неизменно поднимали мой дух.

В начале дневного патруля, безо всякого объявления, лёгкое облако слезоточивого газа одарило нас своим появлением. Из-за жжения в глазах по моим щекам потекли солёные слёзы. Вскоре и нос выразил солидарность с глазами. Едкий газ был не слишком

концентрированный и не обжигал дыхательных путей насколько, чтобы кому-либо из нас пришлось натягивать свой нагретый, душный противогаз. Мы все знали, что это такое, потому всех заставляли проходить через газовую камеру во время начальной подготовки. Не будь этого опыта, который в своё время показался жестоким, газ мог запросто повергнуть солдат в панику, но такого не произошло. Все сохраняли спокойствие. К несчастью, джунгли на участке, который мы в этот момент проходили, были густыми и не пропускали ветра, чтобы развеять газ. Несмотря на движение, остатки газа сопровождали нас ещё минут двадцать, пока мы не смогли сказать, что его вокруг нас больше нет. Думаю, нам повезло, что никто не начал блевать.

Ещё большей неожиданностью, чем появление облака газа для меня стало осознание, что никто, похоже, не знал, откуда оно взялось. Вскоре распространились истории, что его сбросили на нас с самолёта или выпустили из гаубицы. Ни слова, однако, не прозвучало о возможной виновности ВК, видимо, оттого, что они не ассоциировались с этим видом оружия.

В общем и целом, этот случай никого особо не напряг, кроме одного чернокожего паренька из другого отделения. Возможно, у него был скверный опыт знакомства со слезоточивым газом во время расовых волнений или антивоенных демонстраций в его родном городе в большом мире. Происшествие взволновало его больше, чем всех остальных и он громко бубнил, что наше дело плохо. Он боялся, что ситуация может стать «ещё плохее». Я, конечно, надеялся, что он ошибается, потому что если нам в ближайшем будущем встретилось бы большее облака слезоточивого газа, мне вряд ли помогла бы противогазная сумка с батончиками «Абба-Заба».

Дневная часть патруля оказалась примерно такой же странной, как и утренняя. Приземлился вертолёт, и полковник в безукоризненном камуфляже вылез из вертолёта и направился к нам. К удивлению, вместо того, чтобы идти рядом с командиром или ещё с кем-то из офицеров, он присоединился к нашему отделению и встал в строй передо мной и Джилбертом. Я видел шеврон Большой Красной Единицы у него на рукаве, но не мог разглядеть нашивки с фамилией. Шеврон находился на левом рукаве, что означало, что он служит в дивизии в настоящее время. На правом рукаве шевронов не было, там они были необязательны. Всем, однако, разрешалось носить на правом рукаве шеврон любой дивизии, в которой он служил ранее и был этим горд. Это по желанию.

У него, конечно, почти не было снаряжения, даже винтовки и рюкзака. Все, что он носил с собой — пистолет 45-го калибра на

правом бедре и фляга на другом. Я предположил, и оказался прав, что он не останется у нас на ночь с этим скудным снаряжением. К закату он улетел.

Мы так никогда и не узнали, зачем он ходил с нами. Большинство батальонных офицеров, вроде майоров и полковников и даже ещё более высокопоставленные, большую часть времени оставались в тылу, по очевидным причинам. Гораздо менее вероятно оказаться убитым или искалеченным в базовом лагере. У такого похода были прецеденты. Я когда-то читал в одной из моих книжек про войну, что в одной битве во время Гражданской войны погибло столько высокопоставленных офицеров, что президент Линкольн издал приказ, запрещающий высокопоставленным офицерам находиться в боевых порядках. Им полагалось командовать батальонами и дивизиями, а не погибать, изображая в поле крутых, чтобы нами потом командовали неопытные командиры.

Патруль закончился без шумихи, и мы соединились с остальной частью батальона в главном оборонительном периметре. Как я и ожидал, таинственный полковник не остался у нас на ночь, и убыл, целый и невредимый, перед закатом. Часа через три после захода солнца, всё в мире шло спокойно и правильно, пока не сработал фальшфейер метрах в пятидесяти перед фронтом в нескольких позициях влево от моей. Один парень с поста прослушивания шлялся по темноте и случайно зацепил фальшфейер. Какой-то солдат в ближайшей ячейке решил, что это приближаются враги и открыл огонь из своей М-16, пока не раздались крики «хорош стрелять, бля!» Никто не пострадал.

Меня угнетал недостаток связи. Иногда вечером вообще никому не сообщали, что будут выставляться посты прослушивания, и где они будут находиться. Если вы сами случайно не замечали парней, выходящих за периметр, вы вообще не знали, что они там есть, иногда даже прямо перед вашей позицией. Это всё запутывало. Как правило, перед выходом на пост прослушивания я старался передать ячейкам по соседству с нашим предполагаемым местом расположения, что мы там разместимся. Однако в голове всё время вертелась мысль, что на периметре может оказаться какой-нибудь тупица, кто не понял и может обстрелять вас, услышав шум с вашей позиции.

После стрельбы остаток ночи прошёл без событий, если не считать маленьких, злонамеренных ночных насекомых. Они были такие резкие, что стоило сесть или лечь на одного из них, и они кусались, сильно, прямо сквозь камуфляж. Было адски больно. К счастью, они милосердно отправились спать около полуночи.

МАРТ

Шагать по провинции Тай Нинь вдоль границы с Камбоджей — совсем не то, что прогуливаться по парку с изящными клумбами и аккуратно постриженными газонами. Колючки, заросли и острые ветки подстерегали повсюду. Как следствие, у всех солдат камуфляж был покрыт множеством мелких дырок и прорех. Это считалось допустимым, во-первых, потому что их всё равно было не избежать, во-вторых, они выглядели по джон-уэйновски, в стиле мачо.

К несчастью, мой камуфляжные штаны зацепились за устрашающую лиану «подожди минутку», как мы её называли. Они были длинными и свисали с крон деревьев наподобие тех, на каких в кино качался Тарзан. Они, однако, в отличие от верёвок, не были гладкими, напротив, их по всей длине покрывали многочисленные острые, зазубренные шипы. Они выглядели, словно якоря-кошки и могли с лёгкостью резать и вспарывать вашу одежду и кожу. Моя правая штанина оказалась вскрыта от переднего кармана до манжеты внизу. По-видимому, это выходило за позволенные в армии пределы портняжного непорядка, другими словами, это разозлило Фэйрмена. Он заказал новую пару штанов со следующей поставкой и брюзжал на меня при любой возможности. Он вёл себя так, как будто я умышленно уничтожил свои штаны путём неправильного использования и теперь американское правительство испытывает сложности с оплатой новой пары штанов без подъёма налогов. Его просто невозможно было игнорировать.

Дни поставок были праздником. Примерно как Рождество, когда каждому что-то доставалось. Присылали много нужных вещей, вроде мыла, спичек, туалетной бумаги и запасных Р-38. Это были маленькие металлические открывалки для консервов, длиной в один дюйм и с отверстием, чтобы их можно было носить на цепочке для личных жетонов. Ещё там обычно привозили зубную пасту, крем для бритья, писчую бумагу и конверты. К этому времени у большинства из нас канцтовары заканчивались. Я не писал домой неделю или две из-за того, что не было конвертов. Не очень красиво по отношению к родителям, но ничего не поделаешь.

После полунеобходимых вещей шли некоторые предметы явной роскоши. Это могли быть пакетики конфет, чаще всего «M&M's», коробки с сигаретами, а иногда мешок, полный колотого льда, пива и газировки. Выбирать марку не приходилось, что пришло, то вы и получали. Делались попытки

делить по-честному и более-менее случайным образом, чтобы первые не смели всё пиво. Каждый из солдат не глядя запускал руку в мешок и выуживал две банки. Если вы, увидев, что вам досталось, оказались не в восторге от своего выбора, можно было поменяться. Я всё время выигрывал, потому что в целом там было больше газировки, чем пива, а всё, что было холодным и сладким, мне отлично подходило. Я никогда не пил пиво, находясь в поле, ни разу, потому что это снижало мою бдительность. Мне не хотелось бы оказаться недостаточно бдительным на вражеской территории, среди хорошо спрятавшихся маленьких человечков, желающих меня убить.

Не все сигареты поставлялись нам армией, которая выдавала крошечные пачечки, содержащие четыре сигареты, в каждой коробке с пайком. По большей части это были «Пэлл-Мэлл» или «Честерфилд» без фильтра, но иногда попадался «Винстон» с фильтром. По мнению армии, это было всё, что нам нужно. У меня в день уходило по две пачки и мне пришлось бы съедать по десять пайков в день, чтобы прокормить своё пристрастие к никотину. Не желая проиграть войну из-за недостатка никотина, армия сделала ещё шаг навстречу и присылала несколько дополнительных коробок, чтобы помочь нам продержаться. Я на самом деле не уверен, что их хватило бы.

К счастью, щедрые жители Бирмингема, штат Алабама, приняли Большую Красную Единицу в качестве своей официальной войсковой части во Вьетнаме. Местный детский сад, баптистский детский сад в Южном Эйвондейле спонсировал 1-й взвод и устроил так, что мы получали коробки сигарет «Олд Голд». Надписи на коробках сулили отличный вкус благодаря их кручёному фильтру, что бы это ни было. Мы не знали, почему именно «Олд Голд», наверное, кто-то из прихожан церкви имел долю в предприятии, но присылали именно их. Для нас это была большая удача. Мы им были безмерно рады.

Что интересно, некоторые джи-ай, которые курили сигареты с фильтром, открывали пачки снизу. Так они пытались уберечь фильтры от постоянного налёта пыли и грязи, которому мы подвергались на ежедневной основе. Грязные сигареты никогда меня не смущали, так что я открывал свои пачки обычным образом.

Нам присылали больше необходимого количества пятигаллонных канистр с водой. После того, как все фляги были наполнены, я набирал полную каску воды и пытался помыться, обтираясь небольшим полотенцем. Метод был эффективным отчасти. Я становился немного чище, но не настолько, чтобы оправдать усилия.

Около обеда жизнь несколько усложнилась. Как только день стал подходить к концу вместе с нашим ужином, прибыл капитан Бёрк и офицер из разведки, который пожелал проинформировать нас. Он заявил, что ВК собираются атаковать пешим порядком около полуночи в том месте, где позиции роты «С» примыкают к позициям роты «А». Затем он объявил полную готовность — то есть ночью никто не спит и все несут дежурство. Все миномёты должны были быть установлены на прямую наводку и ждать. Каждая рота имела миномётный взвод с тремя миномётами. Это означало, что мы располагали, по меньшей мере, шестью миномётами. Я не знал, стоит ли рота «В» с нами на периметре или находится где-то в другом месте. У нас в лагере были приготовлены сотни миномётных мин, которые заранее подвезли на вертолёте.

Атака была вполне возможна. Мы использовали один и тот же батальонный периметр достаточно долго, чтобы они могли точно узнать, где мы расположились. Тем не менее, с трудом верилось, что наши разведчики могут заранее узнать, когда и где произойдёт внезапная атака. Мы слушали со здоровым скептицизмом, полагая, что ВК непостижимы и задаваясь вопросом, как наши парни из G-2 вообще могут надеяться узнать их замыслы. Кроме того, мы все считали службу G-2 сборищем кабинетных астрологов, которые проводили время, попивая «Май Тай» в сайгонском «Хилтоне» и втыкая разноцветные булавки в карты, чтобы генералы всё время были счастливы. И в довершение всего, мы ни хрена не собирались просидеть без сна всю ночь. Соня вслух развивал теорию, что с точки зрения безопасности выйдет то же самое, если половина из нас, как обычно, будет нести вахту, а все остальные проснулись бы, если начнётся стрельба. Возможно , его план и был причиной того, почему армия не хотела отправлять семнадцатилетних в зону боевых действий.

Соня каким-то образом соврал насчёт своего возраста, чтобы попасть в армию без согласия родителей. Ему было ещё только семнадцать. Правила указывали, что в армию до достижения восемнадцатилетнего возраста можно поступить лишь если родители дадут письменное согласие. Однако, вам не полагалось служить в зоне боевых действий до восемнадцати. Соня поделился своим секретом с солдатами взвода, и, конечно, никто из нас его не сдал.

Офицер из разведки не задержался у нас, чтобы оценить точность своего прогноза. Когда уже совсем стемнело, он сел на улетающий вертолёт, который, как будто чтобы ещё больше нам досадить, засыпал пылью нас и то, что осталось от нашего ужина.

Ночью мы сидели и ждали, глядя в темноту. Посты прослушивания не выставлялись. Часы тянулись, и каждый из нас боролся со сном, мечтая с открытыми глазами или думая о своем. Я шевелил рукой, пытаясь поймать лунный свет на циферблат часов. Нам неоднократно говорили, что если ВК замышляют ночную атаку, они всегда начинают её до 0200. Так у них остаётся достаточно времени, чтобы в случае успеха или неудачи отойти прежде, чем рассвет позволит работать воздушным наблюдателям и артиллерийской или же воздушной поддержке с бомбами и ракетами. Мои часы «Омега» с автоподзаводом, которые мне в качестве прощального подарка преподнесли мои друзья Ларри и Пол, показывали, что прошло несколько минут после полуночи.

Впереди и справа от нас послышался неясный шум, доносящийся из джунглей. Он приближался к периметру. ХЛОП! Трассер пронёсся в сторону шума. БУХ! Сработал «клаймор», за ним через несколько секунд последовали ещё несколько — точно так же, как за одной залаявшей во дворе собакой принимаются лаять собаки по всей улице. Вскоре множество всего срабатывало и взрывалось. Странно тусклые вспышки «клайморов» не так хорошо освещали ночной лес, как это сделала бы огромная вспышка «Кодак», но они посылали тысячи подшипниковых шариков навстречу нашим ночным гостям. ХЛОП, ХЛОП! К трассерам присоединилась трескотня пулемётов, а затем более грубый, громкий звук автоматов отстреливающихся АК-47. Звуки выстрелов из М-16 раздавались с обеих сторон. Все подразделения ВК имели много американского оружия. Любой хоть чего-то стоящий пехотинец мог по звуку выстрела определить , был ли он сделан из карабина М-1, М-16, М-60, АК-47 или другого распространённого вида оружия. Услышав их несколько раз, их легко было запомнить. Вскоре столько стволов стреляло одновременно, наверное, больше сотни винтовок и пулемётов, что отдельные выстрелы стали неразличимы.

Мы ждали, пока бой распространится до уровня наших ячеек. Мы все, с некоторой тревогой, задавались вопросом, выйдут ли ВК из джунглей прямо перед нами, чтобы атаковать нас. Через одну-две минуты наши миномёты открыли огонь и обрушили около семидесяти мин на участок, где находились ВК. Все мины приземлились в намеченной области, ни одна не упала на наши позиции или внутри периметра. За это мы были благодарны, потому что такая вероятность существовала всегда. Миномётный обстрел был похож на апокалипсис. Он прекратил атаку на месте. Я почувствовал, что ни к чему дальше ждать боевых действий перед нашей позицией. Частота разрывов мин снижалась, и ружейная стрельба тоже утихала. Снова стало можно разобрать

отдельные выстрелы и временами тарахтенье пулемётов. Теперь уже не так много пуль летело в наш периметр. Не желая оставаться в стороне, я прицелился в центр того места, где наблюдалось движение и неторопливо, методично выпустил полмагазина. В душе я надеялся и в то же время убеждал себя, что мой вклад был в каком-то смысле необходим, чтобы отразить вражескую атаку. Джилберт наблюдал, но не присоединялся. Смиттерс, казалось, был полон энтузиазма, но не мог определиться между моим смертоносным натиском и умеренностью Джилберта. С позиций остальной части 1-го взвода раздалось всего несколько выстрелов в гущу схватки и лишь пара других джи-ай присоединились к моему почину.

Прошло ещё несколько минут. Большое представление закончилось. Последний выстрел прозвучал секунд через тридцать после предпоследнего. Такой промежуток навёл меня на мысль, что последний выстрел был сделан случайно. Затем настала тишина. В воздухе стояла вонь от сгоревшего кордита и лунный свет, проникавший сквозь джунгли, стал мутным из-за распылённых в воздухе веществ. Джилберт и Смиттерс начали давиться и кашлять. Мои выдубленные табаком дыхательные пути вообще ничего не заметили. Со слезящимся глазами мы следили за своим сектором до первых утренних лучей солнца.

Сперва Шарп, а за ним и Фэйрмен прошли вдоль линии, побуждая нас собираться и готовиться в путь. Солнце уже встало и командование со всех ног спешило поглядеть, прихлопнули ли мы хотя бы одного маленького засранца. Миномётный обстрел был столь же скоротечным, сколь и точным. Можно было уже заранее сказать, что мы найдём признаки вражеских потерь. Поскольку мы сами не понесли никакого урона, бой можно было засчитать, как победу всухую. Счёт должен был быть такой, как если бы «Янкис» вышли против команды из низшей лиги.

Наш взвод вошёл в число подразделений, отправляющихся на поиск. Это разозлило некоторых парней, потому что те, кто оставались в резерве, могли бы подрыхнуть. Я хотел идти на поиск и увидеть какие-нибудь результаты. Во мне говорило не только больное любопытство. На территории находилось множество ВК , и нам, без сомнения, предстояло участвовать в стычках с ними на регулярной основе до самого ухода. До сих пор не было слышно даже намёков на слухи о скором окончании операции или о нашем возвращении в Лай Кхе. Если нам предстояло здесь торчать, наши шансы на выживание выросли бы, если бы часть наших мин действительно попала во врага и немного проредила его ряды. Лучше всего было бы найти тела, сложенные штабелями, как дрова. К тому же было широко

распространено поверье, что если ваше подразделение пустила ВК кровь, то в следующий раз они выберут другую часть для нападения. Как знать, может, у них и впрямь всё было так организовано, а может, это просто очередная легенда джунглей.

Недалеко от периметра мы нашли кровь, немного тут, немного там. Словно в игре «охота на мусор»[60] каждый из парней старался первым заметить новое пятно. При приближении к эпицентру нам встречалось больше явно ободранных деревьев и вывернутых с корнем растений. Крупных пятен крови тоже становилось больше. Повсюду валялись куски окровавленной марли вперемешку с обрывками запачканной кровью ткани цвета хаки. Один бугорок, размером примерно с автомобиль, был весь увешан висящими тут и там клочьями хаки вместе с комьями густой ярко-красной массы и какой-то дряни, которая выглядела, как куски человеческого мяса. Вид был скверный, но самым устрашающим зрелищем для меня стала большая куча какого-то первичного бульона у корней одного дерева, с разбрызганной вокруг кровью. Это было липкое коричнево-красное дерьмо с некими пузырями наподобие винограда в наружном слое слизи. Это могло оказаться внутренностями выпотрошенного ВК, но я не очень уверен, это могло быть что угодно. Это было ужасно. Взглянув пару раз, я отошёл, опасаясь, что могу увидеть что-нибудь узнаваемое, вроде пальца или глазного яблока. От вида вырванного глаза, глядящего на меня, я лишился бы чувств прямо на месте. Тем временем, все до единой мухи в провинции прибыли на завтрак.

Насколько я мог видеть, нигде не валялось никакого оружия или полезного снаряжения. Возможно, его подбирали парни, идущие впереди. Возможно, ВК просто не бросали ничего дельного.

Примерно в одном футбольном поле от крови и мяса кто-то нашёл свежеразрытую землю на небольшой ровной полянке. Когда часть земли сняли, показалась рука, за которую вытащили наружу мёртвого ВК. Это было сделано осторожно, потому что они иногда клали под тела гранаты-ловушки. Дно могилы обыскали на предмет оружия, которое они прятали там так же часто, как и ловушки. Несомненно, они рассчитывали, что американцы побрезгуют старательно искать оружие под похороненным разлагающимся трупом. Они были, по видимому, правы по крайней мере отчасти.

Другой финал сценария тоже выходил не слишком приятным. Потребовался бы ВК с чугунным желудком, что добыть оружие из-под тела своего друга или знакомого, который неделю или две разлагался под землёй. Ещё хуже было бы, если бы у ВК не

оказалось с собой лопаты и пришлось бы выполнять часть работы руками.

Ни оружия, ни ловушек не нашлось. Моё участие в эпизоде с этим незадачливым парнем свелось к роли зрителя, с расстояния метров в двадцать. Вся сцена вовсе не выглядела страшной. На мертвеца налипло столько грязи, что для меня он был больше похож не на мёртвого парня, а просто на грязного парня. Его глаза были закрыты, а лицо не выражало ничего. Если его раны находились спереди, то их скрыла грязь. Я не мог определённо сказать, какое именно ранение привело к его смерти.

Постепенно все офицеры и сержанты роты воспользовались преимуществами своего звания и подошли, чтобы взглянуть поближе. Капитан Бёрк собрал аудиторию возле могилы. Было много радиопереговоров и сравнения карт с другими офицерами. Кто-то спихнул ногой мёртвого гука обратно в могилу, лицом вниз.

Пока они там толклись, глядя в карты и обсуждая, что делать дальше, многие лейтенанты и сержанты невольно утаптывали мягкую почву и сбрасывали кусочки земли обратно в могилу. Ко времени нашего ухода они почти похоронили того парня заново. Обычно мы не уделяли особого старания повторным похоронам ВК. Иногда кто-нибудь с христианским сердцем кидал на них пару лопат земли, в противном случае мы их просто оставляли гнить или на съедение животным.

После крови, кишок и тел первой половины дня вторая оказалась куда менее интересной. Мы больше ничего не нашли, пока в сумерках на обратном пути не подошли к лагерю. Как обычно, возвращаясь, мы шли не тем маршрутом, по которому уходили. Такова была стандартная процедура, чтобы противник не мог определить путь, по которому мы пойдём и неожиданно напасть.

Когда мы приближались к периметру и остававшимся там на день силам, мы нашли ещё одного мёртвого парня. Он лежал метрах в ста от того места, куда упали миномётные мины. Я думаю, что получив смертельное ранение пулей или осколком, он кинулся бежать, возможно, из последних сил. Через двести или триста футов у него кончился бензин, кровь или кислород, он остановился, лег на землю лицом вниз и отключился. Его ноги указывали в сторону места боя.

При нём не оказалось никаких важных документов или оружия. Помимо рубашки, мёртвый ВК носил те же бежевые шорты, какие носили многие вьетнамские мужчины. Они всегда напоминали мне плавки и казались неуместными в стране, где один плавательный бассейн приходился примерно на три

миллиона жителей.

К несчастью, 3-ий взвод в эту ночь опять уходил в ночную засаду, что вызвало изрядное ворчание, явно больше обычного. Но не потому, что мы не спали в предыдущую ночь и устали. С этой точки зрения ночная засада была божьим даром, два часа сна между вахтами вместо одного, потому что в позиции в засаде обычно состояли из трёх человек. Ворчали мы потому, что командование решило снова устроить засаду на шоссе №4. Засада устраивалась примерно в одном и том же месте каждую ночь с начала операции «Джанкшен-Сити». Это выглядело неблагоразумно. Противник мог заметить нашу привычку, и мы с ним поменялись бы местами.

Я внёс свои два цента в пользу ворчунов. Они были правы, мы нарывались на неприятности и стоило бы выбрать другое место. Шарп не назвал нас сборищем нытиков, так что я думаю, он согласился с нами, хотя и не мог этого сказать открыто. Он сказал, что мы справимся, если будем держаться, как подобает солдатам и будем бдительны. Он подчеркнул, что важно соблюдать тишину, но не так, что все уснут.

К концу первого час в засаде в ту ночь я лежал, растянувшись на спине, скрестив ноги и подложив руки под голову, отдыхая и глядя в тёмное небо. Как и в другие ночи, я приберёг дневниковые записи на потом, когда скука примет почти катастрофические формы. Как обычно, моя каска служила мне подушкой. В ту ночь на небе не было звезд для наблюдения, но то и дело пассажирские самолёты с включёнными бортовыми огнями пролетали на большой высоте. Это было странно — идёт война, а над головой пролетают коммерческие лайнеры. Каждый раз, когда я их видел, то чувствовал мимолётную грусть, что я не лечу на одном из них домой. Все остальные чувствовали то же самое.

Вдалеке слышалась стрельба, никак не связанная с самолётом. Там, похоже, всегда было слышно стрельбу с какой-нибудь стороны. Если она доносилась с расстояние более, чем в один-два квартала, на неё можно было не обращать внимания, что я и сделал.

Над головой, примерно в тысяче футов, раскрылся парашютик осветительной ракеты. Мы не знали, кто запросил ракету, но точно не мы. Может быть, основные силы на периметре до сих тряслись после предыдущей ночи. Несмотря на сияние ракеты, она не сильно помогала что-нибудь разглядеть вокруг из-за множества странных силуэтов и причудливых теней, создаваемых светом, проникающим сквозь деревья и лианы. Калейдоскоп света и теней двигался вокруг меня, пока ракета спускалась в высоты. Не желая, чтобы меня заметили, я оставался

неподвижен, пытаясь прикинуться упавшим деревом или кучей грязи.

Вторая и третья ракеты вспыхнули и лениво заскользили вниз, оставляя серый дымный след и слегка покачиваясь туда-сюда на ветру. Наблюдать за их снижением было приятно и почти гипнотично. Чего я не знал — что тяжёлый металлический контейнер, который используется для запуска ракеты, беззвучно мчался вниз на нас без предупреждения.

С душераздирающим металлическим лязгом контейнер снёс трёхдюймовой толщины дерево, отскочил от земли возле моей головы и улетел в джунгли. «Господи Иисусе!» — взвизнул я, умудрившись вскочить из положения лёжа в положение стоя одним движением. Шарп объяснил мне, что это было. Какая недальновидность! Конечно же, контейнер должен был где-то упасть. Я и не подумал, что он может упасть на меня. Вот вам пример безграничной глупости: с неба падают железные чушки размером с двигатель от «Крайслера», а я даже не надел каску. Ещё один урок выживания. С тех пор я всегда надевал каску, когда запускались осветительные ракеты. В то же время я осознавал тот факт, что если один из контейнеров приземлится мне на макушку, в каске или без неё, я закончу жизнь с очень короткой шеей и головой, застрявшей между лёгкими.

К этому моменту, мы уже две недели находились на операции. ВК и войска США отщипывали друг у друга маленькие кусочки, которые в сумме начинали что-то значить. Мы убивали друг у друга по одному-два человека по всей оперативной зоне. Если включить сюда ещё примерно сотню убитых и раненых в батальоне 1/16 во время их большого боя, то наша операция внесла существенный вклад в показатели американских потерь за неделю.

Дома, Америка получала цифры потерь за предыдущую неделю по четвергам в вечернем выпуске новостей. Некоторые специально смотрели именно эту передачу, чтобы узнать о потерях, потому что следили за войной неделю за неделей. Оценочные потери ВК тоже приводились, и всегда в несколько раз превышали наши. Наши в последнее время начали расти. По сообщениям газеты «Старз энд страйпс» за последнюю неделю американские потери — с 26 февраля по 4 марта — составили 232 погибших, 1381 раненый и 4 пропавших без вести, всего 1617 человек. Это более чем на четыреста человек больше предыдущего рекорда, поставленного в январе во время «Седар-Фоллс». Потери не казались такими уж тяжёлыми, учитывая, что у нас было примерно четырёхсот пятидесяти тысяч военнослужащих во Вьетнаме. Но потери выглядели гораздо

тяжелее, если принять во внимание, что все они приходились на ту небольшую часть военнослужащих, что составляли передовые боевые части — бронетанковые войска, артиллерию, пехоту и экипажи самолётов и вертолётов.

Цифры потерь становились крупными новостями везде, даже в «Старз энд страйпс». Одного из их фотографов отправили вместе с 1-ым взводом на утреннее патрулирование, чтобы сделать фотографии солдат в бою. Совершенно не стесняясь оказаться на первой странице газет, как Сержант Рок[61], лично возглавивший завоевание провинции Тай Нинь, я принимал мужественные позы при каждой возможности. Свою каску я сдвинул на затылок, чтобы лицо оказалось более открытым. Винтовку я держал выше, чем обычно, чтобы её лучше было видно, и первый раз я пожалел, что у меня нет штыка. Он бы круто смотрелся на стволе моей М-16. Каждую позу я старательно удерживал, не двигаясь по несколько секунд, чтобы дать фотографу достаточно времени, чтобы сделать кадр со мной, если он захочет.

Он даже не подошёл, чтобы меня снять. Он даже не собирался тратить плёнку на то, что не горело и не истекало кровью. В довершение у этого придурка не было с собой оружия, даже пистолета. Случись нам вляпаться в неприятности, для нас он не стоил бы и выеденного яйца. Он, наверное, воображал, что ВК будут обращаться с ним цивилизованно, раз он безоружен и больше корреспондент, чем комбатант. Что за идиотизм! Так или иначе, патруль не встретил противника, и фотограф не снял ни единой фотографии со мной или с чем-либо ещё.

Мы вернулись в роту на остаток дня, и он оказался столь же ужасным, сколь и абсурдным. Какие-то настоящие сайгонские коммандос ехали к нам посмотреть, как мы устраиваем засады. Мы должны были устроить засаду в 1500, потому что им надо было вернуться обратно до темноты. Нам сказали провести хорошее представление. Командование даже выдало нам разноцветную камуфляжную раскраску для лица, которой я не видел с начальной подготовки. Мы прикрепили себе к каскам веточки и помогли друг другу укрыться листьями после того, как залегли на позициях. Мы делали кучу ерунды, которой обычно никогда не занимались, чтобы показать этим парням, как выглядит «настоящая» засада. Глупость чистой воды.

Фэйрмен тоже припёрся, хотя его не звали. Он смеялся, отпускал саркастические замечания и подавал бесплатные советы. Затем он начал пинать небольшие комья земли в мою сторону. «Роннау, давай я тебе помогу», — приговаривал он с немалой долей веселья в голосе, — «Тебе, кажется, надо получше

замаскироваться». Пыль оседала на каплях пота, покрывавших мои руки, шею, лицо и превращалась в липкую неприятную массу.

— Ну, спасибо, сержант, — ответил я насмешливым тоном.

— Тебе надо хорошо спрятаться, — заявил Фэйрмен, пиная на меня ещё несколько кучек грязи.

Солнце жарило нас, словно отбивные не гриле. Мы были несчастны. К сожалению, наша аудитория опоздала на полтора часа, и, в довершение, когда они прибыли, мы не могли осыпать их грубостями или едкими замечаниями, потому что все они оказались капитанами и майорами. Какая досада! Это было нелепо до предела.

На следующий день была зарплата. Помимо всех эти развлечений нам ещё и дадут денег, вот так радость. Армия строго держалась правил, даже когда шла война и прислала кассира прямо в поле с ящиком денег и пачкой бланков для денежных переводов. Как обычно, я отправил домой перевод на 125 долларов. Как и половина всех джи-ай во Вьетнаме, я копил деньги, чтобы после возвращения в Мир купить супер-пупер-тачку своей мечты, непременно с красно-жёлтыми языками пламени на капоте и колёсных арках. Остаток зарплаты, тридцать или сорок долларов, я получил в военной валюте. На месяц этого было более, чем достаточно, учитывая, что большую часть времени мы находились в джунглях, где нельзя было ничего купить.

Мой базовый оклад составлял 100 долларов в месяц. Они по-прежнему платили мне, как рядовому, хотя каждого полагалось повысить до рядового 1-го класса просто за то, что он вышел из самолёта в зоне боевых действий. Ещё они доплачивали мне дополнительные 8 долларов за заокеанскую командировку и 65 долларов надбавки за опасность службы. Если прибегнуть к математике, то выходило, что моя боевая выплата за вчерашнюю засаду от заката до рассвета составила примерно $1.07.

Налогов с нас не брали, потому что не надо было платить за доходы, полученные во Вьетнаме. Они отжимали у меня 4 доллара 42 цента на социальное страхование. Тут, похоже, чувство меры им совсем изменило — принудительно собирать деньги на пенсию у солдат, многие из которых до пенсии не доживут. Ну ладно, по крайней мере, нам платили. Я не уверен, что у наших противников было так же.

На следующий день после зарплаты нас отправили на взводный патруль, который прошёл без значимых результатов, хотя в нём был краткий эпизод чрезвычайного испуга и почти паники. Арт Кордова, сообразительный мексиканец из Альбукерке, с семью месяцами Вьетнама за плечами, шёл

головным. Внезапно, его напугали два оленя, выскочившие прямо перед ним. Они были размером с датского дога, у нас в Штатах это вид не водится. Это была необычная встреча, потому что во Вьетнаме нам редко попадались крупные животные. Большинство из них оказались умнее нас и уже покинули эту местность. За всё время службы в армии и ни разу не встречал человека, кто сказал бы мне, что видел слона или тигра, двух наиболее величественных обитателей Вьетнама.

То самое касалось и экзотических птиц с огромными клювами, которых можно было ожидать встретить в глубине джунглей. Иногда мы видели каким-то мелких, непримечательных птичек, наподобие обычных воробьёв, вот, в общем, и все. Мы ни разу не видели ничего напоминающего ярко раскрашенных, похожих на попугаев созданий, издающих пронзительные крики в любом фильме про войну в Азии, когда немногочисленные джи-ай пытаются соблюдать тишину и спрятаться от врага. Я полагаю, что крупные птицы, как и крупные животные, ушли из этой местности.

От оленей Кордова сделался ещё более беспокойным и дёрганым. Позднее в тот же день он снова шёл головным. Сержант Шарп и Лопес с рацией шли за ним. По пути Кордова заметил характерный электродетонационный провод, который зачастую используют для подрыва мин. Он тут же принялся орать «Клаймор, клаймор, клаймор!» Я никогда раньше не видел такого ужаса на человеческом лице. Ещё я никогда не видел, чтобы люди пригибались так низко к земле и так быстро разбегались , словно крабы на морском берегу, спасающиеся бегством от туристов. Я тоже пригнулся и поспешно отбежал.

Когда взрыва не произошло, мы осторожно обошли провод и проследовали до его концов. Ни на том, ни на другом конце не оказалось ни взрывчатки, ни ВК. Тем не менее, провод навёл ужас на всё отделение.

За шесть недель до моего прибытия взвод раскапывал могилу, когда «клаймор» накрыл семерых парней. Четверо погибли. Таким образом, все наши парни видели взрыв «клаймора» вблизи. После сегодняшнего испуга все на некоторое время стали нервными и, казалось, истерически хихикали, обсуждая возможные последствия.

Неподалёку должна была быть деревня. Когда мы остановились на остаток дня и окопались, парочка местных детей, лет по десять, подошли, продавая газировку и сладости. У них собой были металлические вёдра с небольшим количеством льда для охлаждения. От вида выставленного на продажу мороженого я чуть не намочил себе штаны. Я несколько месяцев

не пробовал натуральных молочных продуктов. Видения, как я припадаю к сладкому ванильному наслаждению, какое можно найти только в середине апельсинового мороженого «Дримсикл»[62], вставали у меня перед глазами. Откусив один раз, я зашвырнул мороженое в ближайшие кусты, со всей силы. Вкус был откровенно мерзким. Я думаю, они добавляли туда свиное или буйволиное молоко. Ещё минуту мне казалось, что я вот-вот проблююсь. Дети ещё продавали маленькие пирожки, которые я отказался пробовать. Я купил тепловатую «Кока-колу» за тридцать пиастров, чтобы смыть вкус подозрительного мороженого. К сожалению, мне пришло в голову, что если местные младшие школьники знают, где мы окапываемся на ночь, то местные вьетконговцы это знают не хуже.

Знали они про наше местонахождение, или нет, но ВК не беспокоили нас в ту ночь и во время патрулирования на следующий день. Патрулирование результатов не принесло. Раз мы ничего не нашли, то продолжали искать. Меня это выматывало. Война — игра для молодых. Половина кинозвёзд в военных фильмах, что мне довелось посмотреть, выглядели слишком старыми для подобных походов.

Когда нас везли вертолётом обратно к периметру на ночёвку, моё место оказалось рядом с открытой дверью. Обычно, сидя на таком месте, я немного отклонялся назад, чтобы в случае, если меня подстрелят или я по какой-то причине потеряю сознание, я упал бы внутрь, а не за дверь. В этот раз я отклонился внутрь вертолёта, опасаясь, что могу уснуть от усталости и выпасть наружу.

На следующий день в 0800 часов небо было ясным, а воздух уже прогрелся. Мы, в полном снаряжении и готовые отправляться, примерно час толклись на месте, пока ротные офицеры и командиры взводов совещались с командованием батальона. После долгих радиопереговоров и сравнения карт походный порядок — то есть распределение, какие роты и взводы будут прокладывать путь, а какие пойдут на флангах или прикроют тыл — был установлен. Были назначены радиочастоты и завершено согласование действий с артиллерийской поддержкой и вертолётными подразделениями.

Кто-то спросил у Фэйрмена, что у нас на сегодня. Он дал ничего не значащий ответ, и главного не выболтал. Затем он обратился к капитану Бёрку, что собирается пройти со взводом на другую сторону периметра, чтобы получить наши походные указания. У него как будто бы не нашлось к тому серьёзного повода, когда капитан его об этом спросил, однако разрешение он всё равно получил.

Мы остановились у склада боеприпасов, трёх футов глубиной и тридцати футов в диаметре, наполненной всеми типами патронов и гранат, о каких только может мечтать пехота. Мы его толком не рассматривали, пока Фэйрмен не начал говорить. Он сказал, что мы сейчас выходим на восемь километров в большой лагерь СВА на границе с Камбоджей. Если лагерь никто не защищает, мы входим в него, захватываем и уничтожаем. Кто-то спросил, что будет, если его защищают СВА. Фэйрмен спокойно ответил, что даже если там сидит сам Хо Ши Мин и вся северовьетнамская армия, мы всё равно входим в лагерь, захватываем его и уничтожаем. Нам придётся идти на штурм. Затем он добавил равнодушным монотонным голосом, что если у кого-то из нас недостаточно боеприпасов или если кто-нибудь просто хочет запастись получше, то склад открыт для всех желающих. Мы может взять всё, что понравится. Лишь потом я понял, что Фэйрмен играл на нас, как на хорошо настроенной скрипке.

Вскоре склад выглядел, как универмаг наутро после распродажи на День Благодарения. Солдаты усердно рылись в контейнерах в поисках конкретного нужного им вида патронов или гранат. Несколько парней повесили на себя дополнительные пулемётные ленты. Имея в ближайшем будущем лагерь СВА, я тоже решил увеличить свою ношу. Я сделал это, надев ещё две стопатронные ленты для пулемёта. Теперь мою грудь пересекали крест-накрест восемь лент, свисающих с плеч. Они были тяжёлыми, громоздкими и сразу становилось ясно, почему кольчужные доспехи исчезли ещё в шестнадцатом веке. Тем не менее, я носил восемь лент до конца службы. У меня из головы не выходила мысль, что если пуля или даже осколок попадёт мне в грудь, то от удара могут сдетонировать один или несколько патронов. К счастью, ленты удобнее всего было носить так, что головные части патронов смотрели в противоположную от головы сторону.

После того, как мы перерыли склад боеприпасов, у нас ещё оставалось несколько свободных минут, прежде чем отправиться в путь на весь день. Пока мы стояли, Фэйрмен рассказал, что нам повезло, что мы в джунглях, потому что прошлой ночью , пока мы спали, ВК обрушили на наши базы в Лонг Бинь, Бьен Хоа, Ди Ан, Лай Кхе и в других местах более тысячи миномётных залпов. Некоторые из них на самом деле могли оказаться ракетами. Были повреждения и потери, но деталей Фэйрмен не знал. На долю Лай Кхе выпало больше сотни мин.

Наш поход проходил без событий, и лагерь, к счастью, никто не оборонял. Место выглядело впечатляюще в сравнении с теми,

что мы видели ранее. Помимо обычных складов и бараков тут была столовая с достаточным количеством скамей и столов, чтобы накормить десятки человек одновременно. Там также была отдельная кухня, с металлическими стульями, плитами и всеми разновидностями кухонной утвари. Очевидно, всё это предназначалось отнюдь не для пары кое-как вооружённых парней. Объект такого размаха был построен для сил масштаба роты или батальона и означал, что вокруг этого места полно вражеских войск, даже если мы их не видим прямо сейчас. Это давало повод для размышлений, даже для беспокойства. Возможно, они следили за нами и пересчитали нас для оформления своих планов. Мы разгромили и поломали всё, что смогли и подожгли здания перед уходом.

В тот вечер мы сидели в лагере, когда прогремела короткая россыпь выстрелов на периметре справа от нас, примерно в ста метрах. Мы ещё не спали, но уже достаточно стемнело, чтобы мы не смогли увидеть, что происходит. Мы просто слушали. Всё закончилось через полминуты и забыто нами через пять.

Утром нам сообщили, что пара ВК, которые не смотрели, куда идут, нечаянно забрели внутрь периметра. Джи-ай и ВК одновременно заметили друг друга и обменялись выстрелами. Двое джи-ай из роты «А» были убиты. Никто не знал, удалось ли найти тела ВК или следы крови. Когда мы вышли на патрулирование, наш маршрут не пролегал по тем местам, где была перестрелка с ВК, так что мы не могли сами поискать кровь. На расстоянии в один или два клика мы наткнулись ещё на один лагерь. Там нашлись винтовки, миномётные мины и целая гора патронов к ручному оружию. Оружие ценилось на вес золота. Наш улов должен был осчастливить командование в Лай Кхе и Сайгоне.

Интересно, что многие боеприпасы из стран коммунистического блока делались на один шаг калибра больше, чем наши. У нас был пулемёт 50-го калибра, у них — 51-го. У нас 81-миллиметровый миномёт, у них 82-миллиметровый. С таким расхождением в размерах, наши боеприпасы подходили к их оружию, но их боеприпасы в нашем оружии использовать было нельзя. Эта уловка была порождением «холодной войны», которую они рассматривали, как участие в многочисленных вооружённых конфликтах по всему земному шару до тех пор, пока либо капитализм, либо коммунизм не одержит верх и не воцарится над миром.

Самая интересная находка в тот день обнаружилась в маленькой узкой траншее, накрытой свежезамаскированной крышей. Парень 4-го отделения полез внутрь в поисках сокровищ.

Он высунул голову наружу и протянул мне кусок ткани, чтобы я его вытянул. Это оказался целый военный парашют. В траншее также отыскались личные жетоны лётчика, из чего я сделал вывод, что он попал в плен. К сожалению, я не смог посмотреть его имя, чтобы разыскать его в дальнейшем, и жетоны ушли по командной цепочке, чтобы известить вышестоящее начальство в Сайгонею

Днём позже мы вылетели на ротное патрулирование не нашли там ничего, кроме военной авиации. Реактивные истребители F-4 «Фантом» бомбили и обстреливали участок прямо перед нами. Я не знаю, почему. Возможно, там было что, что надо было убрать до нашего прибытия.

Обстрелы земли с самолётов для нас были чем-то новым. Обычно ближняя воздушная поддержка состояла только из бомб. F-4 не имели встроенных пушек. Они могли стрелять, только если на них снизу устанавливались специальные контейнеры со скорострельными пушками «Вулкан». Мы нечасто такое видели. «Фантомы» проносились прямо над головой со своими 20-миллиметровыми пушками, торчащими из пасти. Пули вылетали так часто, что нельзя было различить отдельные выстрелы. Мы слышали просто протяжный, странный механический визг, который трудно описать. Пустые латунные гильзы сыпались на нас. Некоторые падали на землю с металлическим лязгом и отскакивали в сторону. Мы нашли на земле пару осечных патронов. Если патрон не срабатывал, механизм пушки, по-видимому, просто выбрасывал его вместе с гильзами. При весе в фунт или чуть побольше, они могли с лёгкостью продырявить человека, словно гигантские сосульки, или взорваться от удара. Вот ещё напасть! На войне есть много способов погибнуть и почти все они неприятные.

Когда мы вернулись в лагере, там полным ходом шла раздача почты. Я получил несколько писем от мамы с кучей газетных вырезок из «Лос-Анджелес Таймс» и «Лонг-Бич Пресс Телеграм», которые мы все вместе охотно прочли. Как писали газеты, с 14-го по 21-е февраля, пока мы разносили все эти хижины, мы на само деле участвовали в отдельной операции под названием «Тусон». Мы о такой и не слышали.

Могло ли сообщение между высшим командованием и нами, мелкими сошками в самом низу стать ещё хуже? Мы и впрямь были, как говорят «первыми, кто идёт и последними, кто узнаёт». Потребовались старые газетные вырезки и маленькая карта с другого конца планеты, чтобы показать нам, где мы были, в какой операции участвовали и сколько имущества ВК мы захватили и уничтожили. Вот убожество! Я чувствовал себя, словно Гречка в

сериале «Пострелята». [63]Все указывали мне, что делать, но никто не говорил зачем и что происходит.

Передовицы говорили о «Джанкшен-Сити», как о крупнейшей операции во всей войне. Предыдущий рекорд принадлежал «Седар-Фоллс». Заголовок гласил «ЗАПАДНЯ-ПОДКОВА» с подзаголовком «ДЕСАНТНИКИ ПРОКЛАДЫВАЮТ ПУТЬ». Это всех задевало и вызывало гоготание и многочисленные ругательства. Там также упоминались антивоенные протесты в Америке. «Ястребы» на телевидении и в новостях годами твердили о прямой зависимости между растущей антивоенной активностью и повышенной активностью ВК во Вьетнаме. Они говорили, будто одно вызывает другое. Я не могу этого подтвердить. Я не заметил никакой связи.

Ко мне подошёл Ортис. Он попросил пятицентовый пакетик растворимого напитка «Чу-Чу Черри», и я ему его подарил. Он напоминал порошковый «Кул-Эйд», только лучше. Моя мама клала пятицентовые пакетики напитка в некоторые письма. Были и другие вкусы, например «Рутин-Тутин Рутбир» или «Индейский апельсин». Меня страшно удивляло, почему другие матери не присылали своим детям эту штуку. Она была прекрасна.

Ортис был благодарен и вручил мне комок взрывчатки С-4 размером с теннисный мяч в виде ответного подарка. Для того, чтобы вскипятить воду или разогреть еду, не было топлива лучше, чем С-4. В каждом «клайморе» находилось около полутора фунтов этого вещества. Просто отковыряйте пластиковую крышку при помощи штыка и выскребите взрывчатку. Возьмите кусочек размером с лесной орех и разомните его, словно тесто, чтобы не было комков. Затем подожгите с помощью спичек или сигареты. Она будет гореть ярко-белым пламенем, давая достаточно тепла, чтобы привести в действие паровую машину, довести до полного кипения чашку воды, или сделать банку свинины в подливке такой горячей, что вы не сможете её есть. Однако, нужна была осторожность. Если вы оказались недостаточно искусны в пекарном деле и не смогли размять все комки, эта дрянь иногда взрывалась.

Соя первым показал мне, как готовить на С-4. Он так же заявил, что её можно использовать вместо жевательной резинки. Закинув в рот небольшой комочек, он принялся жевать. Я наблюдал за ним с осторожностью, ожидая, что сейчас его голова взорвётся. Использовать взрывчатку вместо жвачки не было необходимости — в каждый паёк входила маленькая пачка «Чиклетс». Я не хотел показаться полным слабаком, что заставило меня тоже пожевать маленький кусочек. Он был похож на резину и на вкус очень напоминал жидкость для зажигалок «Ронсон»,

которая однажды случайно попала мне в рот. Эта штука, должно быть, содержала много нитратов, как ТНТ, потому у меня от неё тут же разболелась голова, острая боль во лбу, какая бывает, если слишком быстро есть мороженое. Я почти сразу её выплюнул.

Одним из наиболее важных аспектов использования С-4 для готовки было то, что приходилось быть очень аккуратным с останками «клаймора». Их следовало тщательно спрятать. Армия не одобряла уничтожения сорокадолларовой противопехотной мины ради того, чтобы подогреть чашечку кофе.

Ходили слухи, что некоторые парни собирали обратно опустошённые мины и носили их вместо полных, чтобы облегчить свою ношу. На мой взгляд, эта история столь неправдоподобна, что её даже нельзя отнести к легендам джунглей, которые могут оказаться правдой. Ни один 11-Браво, «стоящий своей соли», не поставит нерабочей мины напротив своей ячейки на ночь. Так нельзя одурачить никого, кроме самого себя. Это просто немыслимо.

Ещё один менее эффективный способ разогреть еды заключался в том, чтобы смешать репеллент от насекомых с содержимым маленькой баночки арахисового масла из пайка. Такая каша могла медленно гореть, словно «Стерно»[64] для нищих. Она могла разогреть еду, но не могла сделать ей по-настоящему горячей или вскипятить воду. Страдая от недостатка калорий и сражаясь с потерей веса, я не пользовался этим методом, а просто съедал всё своё арахисовое масло. Мы почти никогда не пытались готовить на костре. Чаще всего всё вокруг было слишком зелёным и слишком сырым, чтобы гореть. Если же оно загоралось, то вы превращались в индейца, посылающего противнику дымовые сигналы.

Наше следующее патрулирование проходило совместно с танками и бронетранспортёрами из 1-го дивизиона 4-й кавалерийской дивизии, «Кватерхорс». На борту одной из машин, бронетранспортёра, была намалёвана надпись «УЧЁТ ГУКОВ» печатными буквами и ниже несколько маленьких человечков. Человечки были ВК в характерных конических шляпах. По моей оценке, они заявляли о восьми или девяти жертвах, что было чертовски много для одного человека или машины. Это напомнило мне о самолётах времён Второй Мировой войны, с рядами бомбочек или фашистских флажков, нарисованных на кабине пилота. Это было типа круто.

Такое патрулирование имело свои преимущества. Во-первых, с танками мы шли в более расслабленном темпе. Они не могли преодолевать многие препятствия, через которые могли пройти

мы, и должны были двигаться с осторожностью и продуманно. Если растительность оказывалась слишком плотной, склон слишком крутым, а ручей слишком глубоким, им приходилось разворачиваться и искать объезд. То и дело мы стояли на их флангах, остужая ноги, пока они выполняли манёвры по развороту пятидесятитонных чудовищ и искали новый способ попасть из точки А в точку Б.

Ещё танковые экипажи обожали стрелять из своих 90-миллиметровых пушек. Они любили разносить предметы нажатием кнопки, что ощутимо сокращало нашу работу. Мы находили хижину или бункер, а затем, вместо того, чтобы надрывать себе задницы, разбирая чёртову постройку, просто предоставляли танкам аннигилировать её парочкой пушечных залпов. Пока они опускали ствол, мы бежали в укрытие, вновь высовывая головы после выстрела, чтобы поглазеть на оставшиеся развалины.

Самым главным было то количество припасов, которое возили с собой эти парни. У них было всего навалом. Пайки они возили ящиками и запивали их галлонами газировки. Почти любая бронированная машина во Вьетнаме возила больше «Кока-Колы» и «Пепси», чем небольшой ночной магазинчик. Алкогольные напитки в поле не одобрялись, так что пива они возили только на пол-магазина. Они не могли позволить себе снабжать нас напитками в банках, но щедро одаривали нас пятигаллонными канистрами свежей воды. Для нас это было чудесно. Это означало, что нам не придётся экономить воду или следовать общепринятому правилу не допивать последние несколько глотков из последней фляги. Когда рядом были танки, мы могли пить, как сошедшие на берег моряки. Если у нас заканчивалась вода, танкисты давали нам наполнить наши фляги.

Несмотря на очевидные плюсы жизни за бронёй, пехота смотрела на гусеничные машины с некоторым недоверием. Они были слишком шумными, слишком жаркими, и, самое главное, слишком опасными. Они притягивали гранаты и мины, как помойки притягивают мух. Они всё время взрывались, объятые пламенем.

Кто бы ни отвечал за отправку «Кватерхорс» с нами, он обладал инсайдерской информацией и заранее знал, что мы должны найти. Это был самый обширный и обустроенный лагерь за всё время. Десятки каркасных построек соединялись деревянными тротуарами. Там даже было электричество, подаваемое несколькими бензиновыми генераторами. Генераторы были такие здоровые, что только восемь наших могли поднять один из них, чтобы погрузить на бронетранспортёр, без которого

их было бы невозможно вывезти. Даже просто протащить эти чёртовы штуковины на несколько футов оказалось непосильным трудом, что говорить о том, чтобы принести их сквозь джунгли за много миль от ближайшей дороги. Усилия, которые маленькие человечки потратили, чтобы доставить генераторы в лагерь, трудно было даже представить.

В некоторых хижинах имелось электрическое освещение. Пятьдесят или шестьдесят велосипедов использовались для доставки припасов в этот конечный пункт тропы Хо Ши Мина. В швейной комнате мы нашли пять больших электрических швейных машин, много серой материи и большую кучу белых лифчиков с чрезвычайно щедрым по азиатским стандартам размером чашечек. Я так никогда и не нашёл им объяснения. Возможно, это было начало какого-то нового секретного оружия. Сборочная линия на фабрике по производству «клайморов» изрядно впечатляла и давала пищу для размышлений. Множество мелких и средних поросят шныряли в загонах. Танкисты расхватали их, чтобы потом съесть или подарить сельским жителям. Это было логично, потому мы их унести не могли. Офицеры прикарманили несколько шёлковых вьетконговских флагов. Это было в порядке вещей. На самом деле ВК не мели своего флага, а просто использовали флаг Северного Вьетнама. Полагаю, это кое-что говорит о том, кто на самом деле заправлял делами у ВК.

Когда мы покидали это место, вся бронетехника была нагружена такими кучами барахла, что напоминала грузовик Джеда Клампетта из сериала «Деревенщина в Беверли-Хиллс»[65]. Мы ни за что не смогли бы вывезти оттуда всё оружие и контрабанду без помощи «Кватерхорс». Моим сувениром в тот день стало мачете с выгравированной на лезвии надписью. Слова показались мне скорее китайскими, нежели вьетнамскими.

Мы не слишком хорошо умели подкрадываться к врагу. Мы определённо не были так хороши, как солдаты Джеффа Чендлера в «Разбойниках Меррила»[66]. Я подозреваю, что и настоящие «разбойники» были не столь беззвучными, как их киноверсия. Так просто не бывает. Даже без грохочущих рядом танков две сотни человек вряд ли смогут идти пешком, не поднимая шума. ВК всегда слышали нас и убегали. Они хотели победить по-партизански, выбивая нас по одному ловушками и снайперами. В целом они избегали крупных битв, где могли быть большие потери. Вот почему лагеря были пусты. В этом заключался их план войны.

В сумерках мы окопались. Тайнс присел возле дерева передохнуть. ЩЁЛК! Змея на дереве возмутилась вторжением и

укусила Тайнса за ногу, прямо над коленом. Укус проник сквозь ткань и оставил на коже две точки — следы зубов. У себя в центре Лос-Анджелеса Тайнс никогда не подвергался нападениям змей, оказался не подготовлен и сильно заволновался. Сиверинг зарубил рептилию лопаткой.

Мы не привыкли иметь дело со змеиными укусами. Они не так часто случались. Мы решили отправить Тайнса на медэваке, не слушая, что говорят герпетологи-любители из массовки. Так его смогут осмотреть в медпункте, если вдруг появятся серьёзные медицинские симптомы. Было уже довольно темно, когда его увезли. Конечно, будучи пехотинцами, мы не оказались достаточно сообразительны, чтобы отправить заодно и змею для идентификации, чтобы доктора могли подобрать для Тайнса оптимальный план лечения.

В последнюю минуту меня и Сиверинга отправили на пятьдесят метров за периметр в качестве поста прослушивания из двух человек. Первые несколько часов всё шло хорошо. Затем один или несколько ВК, исследовавших наши позиции, были замечены из одной ячейки нашего взвода, где был прибор «Старлайт». Это устройство, которое позволяет видеть в темноте. Головной ВК находился не более чем в двадцати пяти метрах от периметра, что означало, что он был у нас за спиной, между нашим постом и остальной частью роты.

Мы пребывали в неведении относительно лазутчиков, пока я не взял рацию в 2300, чтобы начать свой час дежурства. В 2305 я надел наушники, чтобы после вызова доложить обстановку с помощью щелчков. В наушниках я услышал, как солдат со «Старлайтом» докладывает командиру, что заметил прямо за периметром ВК. ВК находился немного в стороне, так что прикрывавший ячейку «клаймор» не задел бы его при подрыве. Капитан Бёрк по радио приказал не стрелять и не выдавать свою позицию. Он посоветовал продолжать наблюдение за противником и не подрывать «клаймор», если только ВК не сменит позицию так, чтобы его накрыло. Разговор окончился.

Эпизод заставил меня понервничать, это мягко говоря. Я не знал, в какой именно ячейке был «Старлайт», что означало, что я не мог понять, находился ли враг левее или правее позади меня. Обстановка заставила меня изо всех сил прислушиваться к звукам вокруг. Пару раз я на несколько секунд задерживал дыхание, чтобы услышать всё, что возможно. Моя голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, пока я пристально вглядывался в окружающую меня тьму. В ту ночь почти не светила луна, которая могла бы помочь мне видеть. Я был весь напряжён. В течение остатка часа больше не было

радиопереговоров и мины не взрывались.

В полночь я вкратце шёпотом изложил события Сиверингу, прежде чем лечь спать. Мои дальнейшие часы дежурства в ту ночь были более нервными, чем обычно. Я по-прежнему не знал, где находится ВК. На следующий день, когда мы вернулись в роту, нам сказали, что замеченные ВК ушли где-то после полуночи и просто исчезли.

Нам также объявили, что все мы посвятим день рытью траншей от ячейки к ячейке по всей протяжённости периметра, так, как это делали в Первую Мировую войну. Как будто генерал Першинг[67] вновь объявился в Пентагоне и начал отдавать приказы. В последние две недели мы использовали в качестве оборонительного периметра одно и то же место. Когда мы уходили на патрулирование, его занимали другие подразделения. Когда другие подразделения уходили, мы занимали периметр. Без сомнения, ВК знали, где он располагается. Казалось, наши командиры поддерживали Юлия Цезаря, который утверждал, что если удерживаешь позицию на вражеской территории в течение двух недель, то надо строить форт для обороны. Таков был план. Мы должны были укрепить нашу оборону окопами.

Шарпу, похоже, нравилось быть копателем канав. Он вслух размышлял, что провести день на земляных работах внутри периметра означает, что мы не рискуем за его пределами. По его словам, мы можем отрыть несколько футов траншеи и оказаться на один день ближе к отправке домой живыми. Тем не менее, приятно было на следующий день отправиться на охрану дороги. Мы стояли достаточно близко от периметра, чтобы нас прикрывал защитный зонтик наших миномётов, недостаточно близко, чтобы участвовать в рытье окопов и не настолько далеко, чтобы найти какой-нибудь лагерь.

Для это выдался удачный день. Я сыграл в почтовую рулетку и выиграл. Письма пересылались в поле каждые несколько дней. Посылки из дома — нет. Если приходила посылка, вас извещали о её прибытии и спрашивали, желаете ли вы, чтобы её прислали в поле или оставили в Лай Кхе. Уловка была в том, что то, что приходило, оставалось у вас. Не было никакой возможности отправить посылку обратно в вашу тумбочку в Лай Кхе. Если в посылке оказывалось полное издание «Британской энциклопедии», вам приходилось таскать её с собой до окончания операции, сколько бы она ни тянулась, или выбросить её. Ранее один из парней получил посылку, в котором оказался большой плюшевый медведь. Через два дня героических усилий он вышвырнул медведя в ручей и пронаблюдал, как тот уплывает. Мы хотели обстрелять его, но Шарп отклонил предложение из-за

его шумности.

Моя посылка оказалась приятной, как Рождество. Она была маленькая, завёрнута в светло-коричневую бумагу из разрезанных бакалейных пакетов из «Сэйфвей»[68]. На посылке было больше обычного белой бечёвки и скотча, чтобы противостоять физическим повреждениям со стороны армейской почтовой службы. Вес и размер тут же подсказали мне, что внутри находятся две книги в мягких обложках. Почерк моей мамы на ярлычке с адресом подсказал мне, что это хорошие книги. Это оказались «Хладнокровное убийство» Трумена Капоте и «Раввин» Ноя Гордона.

Как только мы расположились на день на наших сторожевых позициях у дороги, я открыл книгу Капоте. На некоторое время я перенёсся в Канзас. Это была приятная смена обстановки. Затем на всех парах яростной рысью примчался Фэйрмен. Его лицо пылало, он отдавал команды, не снижая темпа и даже не глядя на нас.

3-й взвод вылетел на вертолётах в патрулирование. Теперь их прижало к земле вражеским огнём, и наш взвод отправлялся на помощь вызволять их. Нам надо было бегом собираться, выдвигаться на шоссе, и бежать трусцой некоторое расстояние до поляны, где вертолёты смогут приземлиться и подобрать нас. Вскоре звуки вертолётных моторов вдали обернулись эскадрильей «Желтые Куртки» из 1-го авиационного батальона, летящей прямо над верхушками и деревьев и приземляющейся на поляне. Полёт оказался слишком коротким, чтобы расслабиться, всего пять или шесть минут. Начало нашего снижения говорило об окончании полёта, а угол снижения — о его срочности. Как обычно, щелканье и перещёлкивание винтовочных затворов, верный признак беспокойства у пехоты, раздавалось сквозь вой мотора. Некоторые парни во время полёта по несколько раз вытаскивали из винтовок магазины, чтобы убедиться, что они по-прежнему полны патронов.

На высоте примерно трёхсот футов Смиттерс и я вылезли на полоз с левого борта. Восточная часть зоны высадки, казалось, горела. Отдельные трассеры проносились вокруг под странными углами. Один из них взвился в нашу сторону и исчез над головой бортового стрелка. Меня передёрнуло. Бортовой стрелок тут же взбесился и выпустил сотню пуль, или около того, в место происхождения трассера. На высоте приметно в две сотни футов ганшип слева от нас выстрелил из обоих ракетных контейнеров, выпустив две дюжины ракеты, которые врезались в деревья внизу. Неожиданное извержение вулкана перепугало меня так, что мне пришлось схватиться за сиденье бортового стрелка, чтобы не

вывалиться за борт и не спикировать рыбкой в зону высадки. Взрыв ракет как будто разбудил всех остальных бортстрелков, так что все они одновременно стреляли в окружающие зону высадки джунгли в течение последних драгоценных секунд перед нашим приземлением.

К счастью, когда мы выпрыгнули, воды на рисовом поле, послужившем зоной высадки, оказалось всего на фут, и она не сильно нас задержала. Мы быстро добрались до края поля, где собрались позади и левее 3-го взвода, который оказался прижат огнём на верху насыпи, ведущей от зоны высадки. Вокруг нас клубился зелёный дым. Это был дежурный цвет, который указывал вертолётам, где мы и куда им не следует стрелять из пулемётов и выпускать ракеты. Треск ручного оружия раздавался с вершины насыпи и за ней. Никто из тех, кого я мог видеть, не стрелял. Мы все лежали, прижавшись к земле, гадая, что происходит впереди и почему мы не уходим из зоны высадки.

Все, что я знал наверняка — то, что это место было боку сраным дерьмом. Мне ещё пришло в голову, что лучше всего двигаться по возможности с первой волной. В таком случае, если зона высадка оказалась горячей, как в этот раз, и мы все оказались в глубокой жопе, как в этот раз, то вы, по крайней мере, будете лучше знать, что происходит, если будете находиться там с самого начала. Возможно, так будет проще выжить. Те, кто идёт во второй или третьей волне, попадают в то же дерьмо, но им тяжелее будет понять, в чём дело. Это может вылиться в неприятности.

Моё туловище было сухим, на насыпи, а мои ноги лежали в воде на рисовом поле. Стрельба над нами то оживлялась, то затихала, и пули регулярно пролетали над нашими головами. Метрах в десяти от нас по насыпи торчал толстый ствол дерева, в который то и дело попадали пули. Некоторые отлетали от твёрдой древесины и падали в грязь вокруг нас. Самый горячие шипели. Ни одна не упала достаточно близко, чтобы припрятать её в качестве сувенира.

Крупный, несколько полноватый парень из 3-го взвода по фамилии Чикарелли лежал справа и выше по склону от меня. Конечно же, ему, как самому толстому во всём взводе, дали огнемёт. Везде пользовались одной и той логикой. Были ли вы самым большим из-за жира или из-за мускулов, вы всё равно получали самое тяжелое и сложное оружие из всего, что приходилось носить с собой. Наверное, потому окружающим что не так мучительно видеть какого-нибудь задохлика или середнячка, таскающего семидесятифунтовый комплект огнемётного снаряжения.

Минуты шли, гравитация постепенно стянула Чикарелли по склону по несколько дюймов за раз, пока он не очутился рядом со мной. Угостив меня сигаретой, он разразился длинным и комичным горестным монологом о том, как он попал во Вьетнам. Всё это была сплошная ошибка. Он вступил в армию, чтобы играть на валторне, чем он зарабатывал в гражданской жизни. Он думал, что раз он играет в оркестре, то не попадёт на войну. Он всё разузнал заранее. Затем, как только он расписался над пунктирной линией, у него отобрали валторну, запихнули его в пехоту, отправили во Вьетнам и вручили ему огнемёт. В каждом предложении слово «ёбаный» встречалось примерно в трёх местах. Вся речь была хорошо отточеной и очень смешной. Можно было подумать, что он уже произносил её раньше. Я смеялся до слёз, что выглядело не очень уместно с учётом того, что чуть выше все стреляли, пытаясь убить друг друга. Тем не менее, было очень весело.

Нашей проблемой в ту минуту был пулемёт и пара стрелков в бункере поблизости от зоны высадки. Наш ответный огонь не мог пробить стены постройки или заставить умолкнуть её обитателей. Примерно в то же время мы услышали крики «огнемёт к бою!» и «где Чикарелли?» Они собирались выжечь бункер. Глаза у Чикарелли сделались такого размера, что он он стал похож на героя мультфильма, стараясь поднять свою тушу на четвереньки.

Наверху из бункера раздался глухой грохот, когда граната из М-79 попала в край амбразуры и взорвалась. Вьетконговцы тут же выскочили из задней двери, унося своих раненых, и вся заваруха закончилась. Когда пыль осела, внутри бункера оказалось грязно. Повсюду была кровь. Обгоревшие мешки с песком впитывали её, оставляя сухие, не липкие пятна. Я сам не знаю, зачем я трогал пятна, проверяя, липкие ли они, но я так делал. На самом деле сцена внутри бункера была вполне умеренной, просто кровь, ни комьев чего-либо, ни кусков кого-либо. Я был рад, что всё кончилось так. Не уверен, что мой рассудок перенёс бы результаты принудительной кремации. К тому же, мне определённо не хотелось слышать, как эти парни вопили бы, словно в кино, когда люди сгорают насмерть. Это было бы слишком ужасно.

Бункер из мешков с песков выглядел непривычно. Мы использовали много мешков, они нет. Собственно, до той поры я ни разу не видел, чтобы они использовали хоть один. Наверное, мне не следовало так удивляться — в конце концов, они ухитрялись красть у нас абсолютно всё.

У нас было четверо или пятеро раненых, все с незначительными ранениями, в самый раз, чтобы рассказывать

потом в Большом Мире, но не требующими эвакуации. Никто из раненых даже не принадлежал к моему взводу. Несмотря на скверный опыт оказаться на сорок пять минут прижатым к земле вражеским огнём, с нами всё было в порядке. Мои потовые железы поработали куда больше, чем палец, которым нажимают на спуск. Никто из нас в 3-ем отделении за весь этот эпизод не выстрелил даже жёваной бумагой из трубочки.

Когда мы собрались вместе и покинули территорию, глаза Чикарелли вновь приняли нормальный размер. Он громко оплакивал тот факт, что гранатомёт закончил противостояние, потому что он, как он объявил во всеуслышание, собирался «поджарить гукам кусок задницы». Я в этом что-то сомневался.

Это был один из тех дней, о которых я не писал домой. Несмотря на свой подростковый менталитет, я достаточно хорошо понимал, что последнее, что любая мать хочет услышать — то, что её малыш оказался где-то возле настоящей стрельбы или опасности любого сорта. Чуть раньше я схитрил и написал, что исполняю обязанности плотника. Большую часть времени я проводил в тылу, строя бараки из деревянных снарядных ящиков. Мои письма рассказывали об армейской жизни и армейской кормёжке, но не о военных действиях.

В тот день нам сказали сделать крыши для наших ячеек до темноты. Для этой цели нам был сброшен груз пустых мешков для песка. Мы должны были наполнить их землёй и затем построить опорные стены по сторонам наших ячеек, чтобы всё держалось. Крыша должна была представлять собой слой брёвен, которые нам предстояло нарубить, покрытый двумя слоями мешков.

Мы застонали и приступили к работе со скоростью трёхпалого ленивца. Затем нам сообщили, что крыши строились для нашей защиты. На рассвете должен был состояться массированный налёт «Б-52» на участок в каких-то жалких четырёхстах метрах от нас. Если они просчитаются с направлением ветра или бомбометатель просто чихнёт во время сброса, для нас всё может закончиться прямым попаданием. Теперь мы едва поспевали друг за другом. Все бункеры получили защитные крыши ещё до захода солнца.

Столь долгожданный авианалёт начался прямо перед восходом, с расчётом застать противника спящим и неподготовленным. Во время пиротехнического шухера земля тряслась, как при добротном калифорнийском землетрясении, только длилось оно минуту или две вместо одной-двух секунд. По ощущениям оно тянуло на восемь по шкале Рихтера. Наши уши наполнились грохотом множественных повторяющихся взрывов.

Они сбросили не просто десяток бомб. Там падали и разрывались сотни и сотни четверть-тонных и семьсотпятидесятифунтовых бомб. Стоял такой шум, как будто на нас неслось целое стадо паровозов. Серое предрассветное небо окрасили взлетающие вверх ярко-оранжевые вспышки. Выглядело это так, как будто солнце пыталось запрыгнуть на небо, но у него почему-то не получалось. Мы наблюдали за шоу, радуясь, что оно устроено для них, а не для нас. Слава Богу, у ВК не было военной авиации. Воздушный налёт оказался куда страшнее, чем взрыв склада боеприпасов в Лонг Бинь.

Поиск и уничтожение в тот день получились несколько странными. Мы рассредоточились вперемешку с бронетехникой и направились на восток. Местность была ровной, тут и там поросшей небольшими группами деревьев и кучками кустов. Мы могли легко передвигаться сквозь эту растительность, но иногда она ограничивала видимость.

Небо затянуло тучами. Плотный дождь молотил всё утро, что было необычно. Мы все промокли до костей, что тоже было необычно, но не сильно нас напрягало. Мы уже давно приспособились временами существовать, как Аквамэн. Я настолько привык быть мокрым, что даже не делал попыток оставаться сухим. Единственное, что для меня означал дождь — что приходилось прикрывать сигарету, чтобы она не потухла. В остальном всё шло, как обычно.

Странности начались после полудня. Дождь утих, и всё было спокойно. Затем показались три истребителя «Фантом», которые пролетели слева от нас, где край джунглей прилегал к нашему полуголому, похожему на плато, участку местности. Пролетев один раз, чтобы посмотреть на местность, во второго пролёта они начали сбрасывать напалмовые бомбы.

Ослепительный оранжевый свет от пламени отражался от мокрой земли и обдавал нас волнами тепла. Даже несмотря на то, что огненные клубы находились за два или три футбольных поля от нас, я чувствовал на лице жар, как будто сидел у пылающего костра. Это был самый большой пожар, что мне приходилось видеть. Вскоре вся местность выглядела, как ад в неудачный день. ВК, должно быть, реально ненавидели эту штуку. Должно было быть страшно, когда она взрывается где-то поблизости.

Мы шагали дальше. Находясь на открытом пространстве рядом с танками, мы знали, что бомб-жокеи видят наше расположение и не сбросят на нас эту дрянь. Ситуация казалась странной, потому что мы не слышали никаких выстрелов и не видели повода подозревать деятельность вьетконговцев на разбомбленном участке. Мы находились достаточно далеко от

напалма, и, возможно, там стояло ещё одно подразделение, с которым у нас не было визуального контакта. Может быть, это они вызвали рукотворное пекло. Как это часто бывало, мы так и не получили объяснения.

Вернулся Тайнс. Во время пребывания в тылу ему не удалось умереть и даже серьёзно заболеть от змеиного укуса. Теперь, будучи счастливчиком, получившим короткую передышку от ежедневных тягот армейской жизни во Вьетнаме, он стал главным претендентом на первое подвернувшееся тухлое задание. Это оказался ночной пост прослушивания со мной и Иларди.

Мы втроём пробрались в сумерках примерно на пятьдесят метров на ничейную зону и расположились в месте, показавшимся нам подходящим, когда свет начал угасать.

— Вон он! Вон он! — завопил кто-то изнутри периметра. Как правило, всё, что приближается во Вьетнаме ночью, не сулило добра. Моя память тут же восстановила последний повод для волнения, гуки внутри периметра в одну из прошлых ночей. Могло случиться так, что один из них забрёл в наш лагерь и пытается выбраться в нашу сторону? Стоя лицом в сторону батальона, я поднял винтовку и сделал пару шагов в том направлении. Если мне предстояло вступить в перестрелку с этим парнем, я собирался быть ближе к основным силам.

Тайнс сидел и наблюдал за мной с любопытством. Я шёпотом спросил у него, кто, по его мнению, идёт? К этому моменту он уже лежал на земле и смотрел на меня, как будто я прилетел с другой планеты. Ровным и монотонным голосом он ответил: «Он сказал „Воздух“».

В это время первая из полудюжины миномётных мин обрушилась вниз. Не имея ячеек, всё, что мы смогли сделать — прижаться к земле. Половина мин упала между нами и периметром. Остальные упали внутри нашего сектора периметра. Никого не задело, никто не пострадал, и вскоре всё закончилось.

Иногда, когда не было ветра, и стояла тишина, можно было услышать характерный звук миномётного выстрела. Когда такое случалось, можно было прокричать предупреждение прежде, чем прилетала первая мина. В других случаях не звучало никакого предупреждения, пока не гремел первый взрыв, потому что летящие вниз миномётные мины не производят шума, в отличие от артиллерийских снарядов. Шесть мин — это много, если остались хотя бы проблески дневного света. Обычно они выпускали всего одну-две мины, сворачивали миномёт и прятались прежде, чем наблюдательные самолёты или ганшипы «Хьюи» могли заметить их и нанести удар возмездия. С нами связались по радио, как только всё закончилось.

— Лима Папа Один, это Один-Шесть, доложите обстановку, приём.

Мы сделали два щелчка и затем всю ночь пытались забыть о происшествии.

Когда мы на следующий день вернулись не периметр, всё было спокойно. Мы так и думали. Мы не заметили никакой суматохи или оживления после миномётного обстрела, не слышали вертолётов, и поэтому решили, что никто не пострадал.

Затем весь батальон направился в Суи Да. Проведя месяц в поле, мы превратились в усталую и обтрёпанную толпу, желающую сменить обстановку и бельё. Многие парни хотели вернуться в Лай Кхе, чтобы посетить Диснейленд и потрахаться. Многие просто хотели провести ночь в безопасном месте, где не приходится спать с одним открытым глазом. Моё видение Утопии сосредотачивалось на горячем душе. Никогда в жизни я не ходил немытым целый месяц, не носил одну и ту же грязную майку и не пользовался двумя парами вонючих носков. После четырёх недель непрерывного ношения мою майку можно было использовать, как запрещённое биологическое оружие. Вся эта ситуация была гнусной. Немало времени потребовалось бы провести под душем, чтобы просто смыть с себя верхний слой.

Что интересно, несмотря на длительность нашего немытого состояния, мне не казалось, что я или остальные парни издают какой-то особо скверный запах. Думаю, это было лишь моё восприятие, вызванное нервным истощением обоняния. Наверное, запах усиливался столь постепенно, что наши носы этого не замечали и постепенно выработали иммунитет. Я помню, как однажды в Лай Кхе, я, находясь в чистом состоянии, прошёл мимо роты, возвращающейся после долгого пребывания в поле. Это парни реально воняли. Они пахли хуже, чем раздавленный машиной мёртвый скунс на обочине дороги.

Прежде, чем нас переправили в Лай Кхе, нам пришлось провести один день в Суи Да в готовом резерве, пока подразделения, сменяющие нас на операции, не добрались благополучно до места. К чести капитана Бёрка отчётливо понимал, насколько мы измотаны, и позволил нам просто проболтаться, вместо того, чтобы выдумывать нам бессмысленные задания, как делали некоторые офицеры. Командиры устали так же, как и мы, и тоже хотели немного передохнуть. Фэйрмен был столь возбуждён перспективой возврата в ротный клуб, страну безбрежного пива, что сделался почти дружелюбным. Никогда не видел его настолько близким к хорошему настроению.

Мы сидели группами по несколько человек, болтали, курили и расслаблялись. Поскольку мы были не на марше, мы могли

позволить себе роскошь вскипятить воду для кофе и подогреть пайки, прежде, чем пожрать.

В нескольких футах от меня Соя поставил банку бобов с фрикадельками на круг из камешков. Он тщательно подготовил и поджёг кусочек С-4 под банкой. Его навыки в разминании были в лучшем случае подозрительными. Сгорев до половины, С-4 взорвалась с силой, пожалуй, пары петард и обдала Сою кипящей кашей. Он громко взвыл, и выругался вполголоса. У него на шее и нижней челюсти осталось пятно ожога первой степени. Несмотря на то, что это было дико смешно, я не осмелился смеяться вслух, потому что он реально взбесился и мог бы мне треснуть.

Утренний перелёт из провинции Тай Нинь был как сон, особенно в части посадки. Яркое солнце и лазурное небо сопровождали нас на пути к Лай Кхе и одному или нескольким дням подальше от джунглей. Даже температура была приятной, около 70 градусов по Фаренгейту. Все пребывали в хорошем настроении, даже Соя, который уже забыл про свои суповые ожоги.

На вертолётной площадке, когда мы снизились перед посадкой, порыв ветра от нескольких садящихся в унисон вертолётов внезапно качнул нашу машину резко влево. Пытаясь удержать её, чтобы вертолёт совсем не сдуло, наш пилот дал газу и качнул вправо. Всё это застало меня совершенно врасплох, и я вывалился из двери. Падение с десяти футов смягчил рюкзак у меня на спине, на который я с грохотом приземлился.

Хоть мне удалось избежать серьёзных травм, но указательным пальцем я зацепился за железный винт в дверном проёме и содрал кусочек кожи на внутренней стороне пальца. Моя гордость была уязвлена куда больше, чем что-то ещё. Я громко обругал глупого осла пилота и пошёл прочь, ругаясь, что ему полагалось нас высадить, а не вывалить. Этот взрыв эмоций служил просто маскировкой моего смущения от того, что я упал. Я прекрасно знал, что пилот не слышит ни слова из моей речи.

К моей досаде, позже я обнаружил, что при падении раздавил пластмассовую крышечку на банке с зубным порошком «Пепсодент» («Уйдёт навеки жёлтый цвет, коль чистит зубы „Пепсодент“»). Белый порошок рассыпался по всему содержимому рюкзака. Я-то думал, что перехитрил весь мир, взяв порошок вместо тюбика с пастой, которая может выдавиться в рюкзаке.

В тот день с почтой пришло несколько посылок для меня. Мама прислала мне носки, как я просил. Все мамы присылали носки. Носки гнили и быстро снашивались. Армия в Лай Кхе их вроде как не выдавала, я никогда не видел их в продаже в военном магазине, и — как ни невероятно — их невозможно было

найти на чёрном рынке в деревне Лай Кхе. Это было странно. Носки были необходимы. Ваши ноги не выживут без них.

Мой брат Джон прислал мне солодовый сироп, потому что в письме я пожаловался, что скучаю по хорошему молочному коктейлю. Теперь мне оставалось только найти ванильное мороженое и шоколадный сироп.

Мой брат Ларри прислал баночку «Брависоля», тоже по моей просьбе. Это было жидкое мыло с добавлением мелкого абразивного порошка. Моё лицо покрылось чёрными точками размером с крышку от люка. Я надеялся, что новое мыло поможет. Проблема отчасти заключалась в дешёвой типографской краске, которую использовали в «Старз энд Страйпс». Газеты присылали в поле с каждым грузовым вертолётом или с почтой. Краска оставалась у меня на пальцах, и не так-то просто их было потом отмыть. Со временем краска попадала на поры на коже лица.

То ли острый приступ невезения, то ли что-то ещё. Наша первая ночь после возвращения прошла в пьяных дебошах, когда вся рота выказывала явные признаки «пошло-всё-нахуй-синдрома». Теперь, на вторую ночь, они решили устроить всего одну засаду, и снова это оказались мы — 3-е отделение 1-го взвода. Почему я? Должно быть, Бог отыгрывался за грехи, что я совершил в прошлой жизни.

Как обычно, мы прошли по ничейной территории, затем пересекли реку в мелком месте. В этот раз мы повернули налево, или на запад, и немного прошли, прежде, чем углубиться в джунгли и исчезнуть из вида джи-ай на периметре Лай Кхе, как только угаснут последние проблески дневного света. Через несколько секунд после того, как мы расположились, парни, охраняющие укрепления, вышли на нас по радио. Они знали, что мы повернули к западу, но хотели, чтобы мы им это подтвердили, что было необычно. Затем они предупредили нас, на нашей стороне реки находились трое вооружённых динков, прямо на границе джунглей, к востоку от мелкого места, и они двигались в нашу сторону. Теперь, когда периметр точно знал наше месторасположение, они могли приступить к своим планам замочить этих парней.

Хор, наверное, дюжины винтовок и пулемётов раздался вдали и длился не более минуты. Стрельба доносилась с расстояния более, чем в один городской квартал, но мы всё равно внимательно прислушивались. Кто знает, куда они лупят? Периметр запросил повторно подтвердить, что у нас всё в порядке, и отметил, что они на самом деле не видят, что какая-либо цель поражена.

На следующее утро мы избрали новый и скорее обходной маршрут обратно к реке, которую мы перешли в новом и более глубоком месте. Собственно, там было по шею, с небольшим течением, которое немного сносило нас, пока мы шли. Переходя реку, Тайнс потерял пистолет. Мы не могли возвращаться без него. По мнению нашего начальства, потерять оружие, чтобы его подобрали ВК и кого-нибудь убили, было просто недопустимо. Они предпочли бы услышать, что целое отделение со всем оружием испарилось от взрыва китайской ядерной боеголовки, чем объяснять в штабе дивизии, что мы лишились оружия, не погибнув и не получив ранения.

На наше счастье, вода была прозрачной и пловец с открытыми глазами, пожалуй, мог бы найти пистолет. Тайнс был непоходящим кандидатом, и мы все это знали. Да, это был его пистолет, но никто из нас не надеялся, что чёрный парень из гетто вдруг окажется хорошим пловцом. Будучи выраженно тощим, с малыми запасами жира для теплосбережения, я отморозил себе задницу, пока пересекал реку. Мне этого хватило, и я не вызвался.

Хьюиш ухватился за возможность. Он любил необычные задачи и находиться в центре внимания. Одетый лишь в штаны и ботинки, он рыбкой нырнул в реку. За исключением нескольких салатово-зелёных водорослей, дно реки было в основном песчаным, и иссиня-чёрный пистолет 45-го калибра должен был на нём резко выделяться. Всего через три коротких погружения, Хьюиш вынырнул с призом.

Тайнс был чрезвычайно рад. Его, по всей видимости, оштрафовали бы в наказание, или удержали бы стоимость пистолета из зарплаты. Я тоже был рад. Представлялось маловероятным, что ВК смогли бы когда-нибудь найти мелкое оружие на дне реки. Меня это не беспокоило. Меня больше занимало то, что если наш караван не двинется дальше, то закроется столовая, и мы пропустим завтрак. Проще выражаясь, нам надо было «Хоутел-Альфа»[69] — шевелить задницей.

Наша спешка оказалась излишней. Мы позавтракали, и у нас ещё осталось время в запасе. Как оказалось, 3-е отделение прямо сейчас уходило обратно на 1900-метровое дневное патрулирование. Поскольку нам вскоре предстояло снова переходить реку, не было нужды торопиться и переодеваться в сухую одежду и ботинки. Поев, я сидел на краю койки, словно куча мокрого белья, пока не настало время выходить.

Это был не патруль, а одна тоска. В нём ощущались нотка молчаливого протеста, потому что мы выходили в засаду предыдущей ночью. Так или иначе, я не думаю, что мы прошли

хотя бы половину от запланированных 1900 метров.

Потом мы переоделись в сухое, и нас отправили в караул у ворот, ведущих из Лай Кхе на уходящую к северу Громовую дорогу. Там стоял «дастер», на тот случай, если что-нибудь страшное и недружественное ночью двинется в нашу сторону. «Дастер» — это бронетранспортёр со срезанной крышей и сдвоенной 40-миллиметровой зенитной пушкой, установленной сверху. Она была известна как «АА-шка», и именно ей на флоте сбивали камикадзе в кинохрониках времён Второй Мировой войны.

Мы чувствовали себя в большей безопасности, когда рядом был «дастер» и с удовольствием болтали с его экипажем. У них тоже был прибор ночного видения «Старлайт», и они позволили нам играть с ним весь вечер. Мы по очереди вглядывались в темноту, выискивая признаки чего-либо подозрительного, чтобы тут же его обстрелять. Нам хотелось посмотреть, как «АА-шка» разнесёт местность перед нашими позициями. Наши надежды не сбылись, но нам нравилась сама возможность.

Нам повезло, что мы в ту ночь попали в караул, потому что на роту «С» произошло небольшое нападение. Всё могло обернуться участью, худшей, чем смерть, но оказалось больше похоже на комедию с братьями Маркс. Несколько миномётных мин осыпались на территорию роты одна за другой. Единственной потерей стал сортир за нашим бараком, который получил прямое попадание через крышу и был стёрт с лица земли. Большинство из нас предпочли бы оказаться под градом раскалённых осколков, чем под разлетающимся содержимым 55-галлонной бочки, стоявшей под стульчаком. Одного только запаха хватило бы, чтобы отогнать стервятников от мясного фургона. Очень кстати было на следующий день выйти в караул на периметр, подальше от вонючего безобразия, пока его не высушило солнце. Мухи и комары, должно быть, думали, что наступает Рождество.

После обеда мы по очереди посетили армейский магазин и парикмахерскую. Работал только один парикмахер, древний тип, один против толпы дожидающихся солдат. Все довольно здорово заросли за время последней операции. Длинноволосые командованию были не по душе. Так было всегда. Соответственно, нам довели, что четыре недели в джунглях — не повод носить длинные волосы. Мы все должны были проследовать к парикмахеру и привести себя в порядок настолько быстро, насколько возможно.

Хьюиш сидел возле парикмахерской с баночкой колы. Не будучи чистюлей, он воспользовался возможностью слинять с

караула, побездельничать и не восстанавливать свой армейский вид. Он держался поблизости, пока не подходила его очередь стричься, и затем уходил, говоря, что не может проторчать там весь день, и что настал черёд кому-нибудь другому на время сняться с караульной службы.

В армейском магазине, к моему удивлению, было, что купить кроме военных романов в мягких обложках и сгущённого молока в банках. Они, должно быть, недавно получили новую поставку товара. Тыловые типы не успели всё скупить.

Мой список покупок составили наручные часы и маленький транзисторный радиоприёмник. К счастью, я захватил свою товарную карточку — они действительно её проверили и отметили то, что я купил. Товарные карточки должны были как-то обуздать чёрный рынок и защитить местную экономику. В соответствии с карточкой, мои покупки ограничивались тремя радиоприёмниками и двумя наручными часами за год. Мой лимит на телевизоры и электрические фены составлял по одному экземпляру. Я не предвидел большого спроса на эти категории товаров со стороны парней в моём подразделении, учитывая, что в нашем бараке не было электричества. Как ни странно, карточка также предупреждала, что мне не позволяется покупать алкоголь до достижения возраста двадцати одного года. Я мог умереть за свою страну, но не мог купить её бухла.

Настоящим чудом стало то, что я смог купить батарейки для своего приёмника. Чаще всего они оказывали распроданы. В дальнейшем все свои батарейки я покупал на чёрном рынке в деревне Лай Кхе. Посредником в этих сделках всегда выступал Ким, молодой человек двадцати лет, который сам себя назначил нашим слугой. На самом деле его звали не Ким. Мы так его называли, потому что его настоящее имя звучало, как если полный ящик столового серебра вывалить на пол, и никто из личного состава не мог его выговорить. Навыки Кима в английском были жалкими, но он знал несколько слов, например, «радио» и «батарейки». Он называл мне цены, я давал ему деньги, он возвращался с батарейками и брал комиссионные. Ким также занимался нашей стиркой. Он тащил наши мешки с грязной одеждой в деревню и возвращался с ней, сложенной в аккуратные стопки за доллар или два, выраженные в пиастрах. Он мог даже накрахмалить одежду по вашему желанию, но немногие из нас это делали.

Вернувшись на линию укреплений, я с гордостью продемонстрировал свой новый приёмник. … всеобщий интерес в пользу какой-нибудь заводной музыки. Конечно, каждый предвкушал свою любимую разновидность музыки, будь то рок-н-

ролл, кантри, блюз или что-то ещё. К сожалению, единственной доступной англоязычной радиостанцией было Радио Вооружённых Сил, и в тот момент там передавали не музыку, а прямой эфир речи президента Джонсона, которую он произносил в законодательном собрании штата Теннесси.

Поначалу мы все подумали, что это может быть важное заявление, которые мы все желали услышать — что вот-вот подпишут мирное соглашение. Но всякий энтузиазм относительно Л.Б.Дж. и радиоприёмника испарился, когда стало ясно, что всё это одна и та же старая риторика. Он сказал, что мы — хорошие парни, что мы делаем во Вьетнаме правильные вещи, и что мы на самом деле выигрываем войну. Но сейчас, нет, вы не поедете домой потому, что нет, войне не закончилась, так что идите и победите разок за Джиппера[70]! Я по-прежнему считал наши усилия в Индокитае, помощь южным вьетнамцам, благородным делом, но был в душе разочарован, что в словах президента Джонсона не обнаружилось никакого прогресса в сторону мира.

Речь не вызвала особых дискуссий о политике за кулисами войны. Их никогда не бывало. Кое-кто поворчал насчёт того, что две стороны не могут собраться и закончить вопрос, но не более того. В политическом смысле мы были пёстрой группой. Некоторые одобряли наши военные усилия, некоторые нет. Мы так мало про это говорили, что я даже толком не знал, какой стороны придерживается большинство из нас. Многие, похоже, вообще не склонялись ни туда, ни сюда — их просто засосало течением. Америка ведёт войну, идёт призыв, и мы поехали. Им невдомёк было про колледжи и другие модные отсрочки от службы.

Офицеры и сержанты тоже казались внешне безразличными к политике войны. Они указывали нам, что делать и как делать, не обращаясь к общей картине. Они должны были провести нас через наш маленький ломтик войны, не сказав ни слова про весь пирог. Они не пели нам о войне бодрых песен, что они желают нам вернуться со щитом или на щите, потому что мы обязаны выиграть войну ради Господа и ради своей страны и спасти наш народ. Мне это приходилось по душе. Так было лучше всего.

Для нас реальность состояла в том, чтобы закончить командировку и уехать домой одним куском. Нам предстояло этого добиваться, как подразделению, не как группе индивидуумов. В частности, это означало закрывать глаза на наши расхождения во мнениях до такой степени, чтобы даже не обсуждать их. Мы с лёгкостью это выполняли и примерно таким же образом относились к расовым различиям: мы их глубоко игнорировали.

Насколько редки в роте «С» были политические крайности вроде «Чёрта с два, мы не пойдём!»[71] или «Правы или неправы, но это моя страна», настолько же редко звучали лозунги «Власть чёрным» или шуточки про негров. Даже несмотря на то, что большинство джи-ай в роте «С» были белыми, я помню лишь пару расовых замечаний за всё время службы во Вьетнаме. Парень из Арканзаса, который не хотел что-то делать, сказал другим белым, что он «скорее согласился бы высасывать сопли из носа мёртвого негра, пока у него голова не сплющится». В другой раз Кордова прочитал считалку «Ини-мини-майни-мос — поймай ниггера за нос», обращаясь к нескольким парням, среди которых было двое чёрных. Он извинился, сказал, что это просто считалка, и отметил, что не хотел никого лично задеть. Те не слишком переживали на этот счёт, по крайней мере, на вид.

Я уверен, что во многих частях встречались серьёзные расовые проблемы, но, на мой взгляд, рота «С» в 1967 году в их число не попадала. Возможно, они чаще встречались в небоевых частях, где люди не настолько зависят друг от друга. Они могли выжить и так. Мы не могли себе это позволить и должны были держаться вместе.

Временами жизнь казалась не такой уж плохой. Мало того, что кому-то другому пришлось собирать последствия от взрыва сортира, так ещё и другое подразделение отправили в ночную засаду. Третьему отделению позволили немного расслабиться в карауле на линии укреплений.

Засадное отделение вышло за периметр, затем несколько минут двигалось на восток параллельно линии наших позиций, направляясь на ничейную полосу у реки. Менендес с другими парнями находился в укрытии через несколько позиций вправо от меня. Когда отделение проходило перед его позицией, он вышел вперёд, указал пальцем в лицо головному и объявил: «Вечером я тебя отправлю на даст-оффе!» Тут он отошёл, а затем повторил свою речь ещё для пары парней из отделения. К тому времени, как мимо проходил последний, Менендес стоял, вытянув руку, словно пистолет, и ритмично скандировал «Даст-офф, даст-офф, даст-офф».

Вся сцена не отвечала характеру Менендеса, потому что обычно он не был ни общительным, ни разговорчивым. Все смотрели на него, как будто всё это было шуткой, которую они не понимали, либо у Менендеса съехала крыша. Так и было! Я не знаю, сошёл ли он с ума просто так, или безумию поспособствовала привычка употреблять наркотики, но в тот вечер он определённо был не в себе. После того, как засадное отделение прошло мимо, все как будто бы утихло. Менендес объяснил, что своими словами он не имел в виду ничего серьёзного.

Через несколько минут почти стемнело. Менендес взял М-60 с двумя патронными лентами и направился на ничейную полосу. Шарп закричал ему вернуться. Тот крикнул в ответ через плечо что-то, чего мы не поняли. Подойдя ближе к броду через реку, Менендес поднял пулемёт и направил его в джунгли, туда, куда ушло засадное отделение. Затем он открыл огонь, выпуская в джунгли яростные очереди по три патрона. Затем, по какой-то причине, он решил развернуться в нашу сторону и некоторое время стрелял по нам. Тут очереди казались длиннее, как будто бы по пять патронов. Может быть, тут сыграло роль моё воображение, потому что пули летели на меня, и я перепугался до чёртиков, и не знал, что происходит. Менендес стоял всего лишь в семидесяти пяти метрах от меня. С такой дистанции трассеры покрывали расстояние между ним и нами с пугающей быстротой. Казалось, что каждый пролетает прямо возле нас. Между очередями было слышно, что Менендес что-то кричит. Конечно, мы все укрылись за укреплениями и старались прижаться к земле как можно плотнее.

Это, конечно, было зрелище, пули летели во все стороны. Менендес палил не переставая, разделяя внимание между засадным отделение за рекой и нами на линии укреплений, пока не выпустил все две сотни патронов. Через некоторое время, когда мы решили, что у него закончились патроны, двое испаноговорящих парней, которые считали его своим другом, подползли и стали уговаривать его сдаться. Серьёзно, им надо было дать медали за их поступок. Менендес сошёл с ума и мог убить их обоих.

Больше мы никогда не видели Менендеса. Его забрали в медпункт, где двое санитаров надели на него смирительную рубашку и отправили к психиатру, который поменял ему местами лобные доли мозга, или что там делают. Впоследствии его отправили домой и, по всей вероятности, выписали ему восьмую статью. «Восьмой статьей» в армии называли демобилизацию по причине проблем с психикой.

На следующий день мы надели тепловые жилеты и на грузовиках выехали по Громовой дороге на военную базу Фу Лой, где нас разместили на территории под названием «Зона Рино». Никто не знал, и никого не волновало, как это место получило своё название. Вероятно, его назвали в честь какого-нибудь парня, которой погиб. Это было место сбора, где место, где можно было держать войска, которые находились в резерве на случай проблем где-нибудь ещё. Зона Рино представляла собой просто ровную грунтовую площадку внутри базового лагеря Фу Лой. Размером она была примерно с половину футбольного поля. Территорию пересекали трёхфутовой высоты заграждения из мешков с песком. Мы сидели на них или прислонялись к ним, но вообще они служили для задержания взрывов и осколков при миномётных обстрелах. Ещё там стояло несколько пятидесятипятигаллонных бочек для мусора и пара деревянных сортиров, вот и всё.

Вскоре после нашего прибытия, некоторые заметили, что с нами нет сержанта Конклина. Его не было ни на одном из грузовиков в нашей утренней поездке в зону Рино. В последние несколько дней в Лай Кхе Конклин высказывался, что это его последняя операция. Он не хотел выходить в поле на патрулирование ни при каких обстоятельствах. Находясь на полпути к двадцатилетней выслуге, он собирался поставить всё на карту и принять наказание, если бы мы вернулись с задания до окончания его командировки. Ему оставалось девять дней во Вьетнаме, и его одолевала тревога, что его убьют прежде, чем он успеет уехать домой. По этой причине он сам себя завязал в такой психологический узел, что больше не мог действовать, как солдат.

Конклин страдал от того, что мы все называли «дембельской лихорадкой», состояние, которое следовало бы рассматривать, как bona fide психическое расстройство. Оно бывало у многих парней. Ближе к концу командировки во Вьетнам, их одолевало внутреннее стремление любой ценой уберечь свою драгоценную жизнь, за которую они бились весь долгий год.

После того, как я несколько месяцев слушал про связанные с выживанием странности, смертельные риски и вероятности, у меня сложилось впечатление, что чем раньше во время своей командировки джи-ай подвергался смертельной опасности, тем больше он переживал о своей возможной смерти к концу. Вероятно, психике было легче приспосабливаться к боевой обстановке постепенно. Так или иначе, мне показалось, что если два парня провели во Вьетнаме одно и тоже время и оба видели примерно одно количество крови и мяса, тот парень, что увидел

их раньше, к концу становился более нервным. Как будто они страдали от некой разновидности посттравматического синдрома, который заставлял их волноваться, постоянно переживать и рассуждать вслух о возможности погибнуть в последнем патруле.

В самом начале взвод Конклина был почти полностью уничтожен в Лок Нинь, Теперь Конклин стал, как говорится, «таким коротким, что мог бы спрыгнуть с десятицентовой монетки»[72], и был убеждён, что его подстрелят, если он ещё раз выйдет в поле.

Нам до Конклина дела не было. Однако Фэйрмен, «лайфер»[73], просто пылал злобой, когда речь заходила об отказе выходить на задание. Разговор был коротким. До тех пор, пока Конклин не отказался куда-либо выходить с ротой, ни Фэйрмена, ни кого-либо ещё он особо не интересовал. Ну что же, время пришло. Конклин был убеждён, что в ближайшие девять дней взвод вляпается в горячее дерьмо, и отказался присоединиться к колонне.

Пока мы стояли в Фу Лой, сержант Конклин объяснял свой поступок какому-то военному совету. Всё было совершенно ясно и решение по делу было вынесено с поразительной скоростью. Фэйрмен улыбался, когда узнал об этом. Его голос, казалось, сочился радостью, которую он и не пытался скрывать, излагая нам, что специалист 4-го класса, уже не сержант[74], Конклин, останется в Лай Кхе до окончания своей командировки и лишится зарплаты за несколько месяцев. К счастью, Фэйрмен не участвовал в судебной процедуре. Он бы попытался устроить Конклину участь Эдди Словика[75].

Наказание выглядело заурядным, но только на вид. Конклину могли не продлить контракт с армией, и он увидел бы, как многие годы стремления к пенсии смываются в унитаз. Однако же, приговор содержал немалую долю милосердия, что отражало дух времени. В предыдущих войнах трусость обеспечила бы ему билет в Ливенворт[76]. В любом случае, никто из тех, кого я знаю, не был особенно близок с Конклином, так что мы быстро забыли про этот случай без обсуждения.

Конечно, в этой ситуации сыграли роль и некоторая политика и фаворитизм. Хайта, которому за несколько недель до того оставалось так же мало, как и Конклину, вывели из состава пулемётного расчёта и перевели в тыл на весь остаток командировки. Командование не желало, чтобы личный состав, готовящийся отправляться домой, погибал в последние минуты. Это слишком тяжело отразилось бы на моральном состоянии роты. Нам нужны были истории о выживании, чтобы они служили нам источником надежды. Если он справился, справимся и мы.

Тоже самое было и с обладателями Медали за Храбрость. Они были героями, и их следовало беречь. Стоило получить медаль, при условии, что не посмертно, и вас либо переводили в тыл, либо отправляли домой для безопасности, так же, как в Корее и во Вторую Мировую войну.

Шансы Конклина получить разрешение оставаться в тылу на последние несколько недель командировки были бы выше, пожалуй, даже неплохими, если бы он относился к ситуации спокойно и не вонял о ней на людях. Вдобавок его задевал факт, что его не особо любили и воспринимали, в частности, я сам и, полагаю, остальные, как в некотором роде чудика и придурка.

После того, как мы провели некоторое время в зоне Рино, Шарп спросил трёх добровольцев на сжигание говна. Я поднял руку. Перед тем, как я отправился за океан, учитель английского языка в колледже Лонг-Бич, мистер Бут, направил на меня скрюченный палец и дал один совет. Он служил в морской пехоте в Китае вскоре после восстания боксёров и из своего военного опыта вынес, что мудрее всего будет «держать рот закрытым, кишечник пустым, и ни на что не вызываться добровольно». Он был прав.

В армии проблему ссанья решали при помощи ссальных труб. Это были трубы или металлические контейнеры, в которые упаковывают артиллерийские снаряды, до половины вбитые в землю. Они торчали повсюду. На каждой имелась проволочная сетчатая крышка на верхнем конце, препятствующая скоплениям мух. Мы мочились в эти штуки, которые помогали нашим азотистым отходам жизнедеятельности впитываться обратно в матушку-Землю и удерживали джи-ай от привычки волей-неволей ссать где попало, местами создавая вонючие мини-болотца мочи, в которые можно было вляпаться ночью.

Проблема сранья была более комплексной. Что делать с почти полумиллионом кучек в день с стране, практически не имеющей канализации? Армейский ответ был прост. Пускай войска срут в пятидесятипятигаллонные бочки, которые периодически будут вытаскивать из сортира, смешивать говно с дизельным топливом и поджигать. Это было отвратительно, но работало. Мне и ещё двоим парням пришлось вытаскивать три этих штуки. На самом деле бочки были распилены пополам, так что каждая вмещала только двадцать пять галлонов. Мы налили туда дизтоплива, перемешали всё палкой и кинули спичку. Если говорить о загрязнении воздуха, то это было непередаваемо. Отправив облако такого дыма по ветру в сторону ближайшей деревни, я рисковал получить обвинение в военном преступлении.

Остаток дня прошёл спокойно и весело. Прошёл слух, что на ночь запланирована какая-то операция и до темноты у нас личное время. Большинство из нас просто сидели вокруг зоны Рино, перечитывали старую почту, писали письма, дремали, курили и болтали. Пара человек пошли искать магазин, посмотреть, нет ли там чего-нибудь, чего нет в Лай Кхе. Магазина они не нашли, зато нашли местный бордель и нырнули внутрь. Вернулись они с рассказами о местной шлюхе по имени Фулойская Фанни. Она была локальной звездой, гордостью базы.

По словам белого капрала, которого я не знал, она натурально напевала «Звёздно-полосатое знамя», делая минет. Капрал, глаза у которого были разных оттенков голубого, похоже, пребывал в диком восторге и выглядел очень оживлённым, рассказывая о похождениях. Он утверждал, что Фанни пела в тон, не пропустила ни одной ноты, и умела вытворять с вашим членом больше, чем обезьяна с флагштоком.

Второй парень, Мак-Чесней, подтвердил правдивость истории. У меня с Мак-Чеснеем было мало общих тем, так что мы с ним даже толком не разговаривали. Мак-Чесней был в восторге от себя, с гордостью рассказывая, что в Штатах он уже трахнул американку, пуэрториканку, а теперь ещё и вьетнамскую женщину. Он рассуждал об их сравнительных достоинствах, словно какой-то самозваный сексуальный гурман.

Его планы на дальнейшее продвижение в этом вопросе включали в себя отпуск на Тайване, чтобы он смог натянуть ещё и китаянку. Он слышал, что у некоторых из них в самом деле пизда наискось. Теперь становится понятно, почему я с ним мало общался. Кроме этой ерунды, я не разговаривал с ним из-за того, что он имел раздражающую привычку рассказывать всем, кто его слушал, про свои мечты. Они были глупыми, и не стоили того, чтобы их слушать. Он же держался так, как будто это захватывающие истории, и нам следовало ловить каждое слово. Рассказчики мечтаний, похоже, думают, что их рассказы всем интересны, хотя на самом деле, их слушают из вежливости, в душе желая оказаться где-нибудь в другом месте.

Все американские базу, включая и Лай Кхе и Фу Лой, нанимали множество местных жителей для выполнения ручного труда. Для некоторых из них рабочие места создавались искусственно, не потому, что нам нужна была их помощь, а просто потому что считалось, что это поможет стабилизировать национальную экономику. На всех базах имелись взводы по два-три десятка женщин, которые целый день ходили кругами, собирая сигаретные окурки и другой мусор. Обычно один джи-ай, издыхающий от скуки, сопровождал женщин в их бесконечном

параде вокруг базы. В конце дня они покидали базу и возвращались в свои деревни до комендантского часа. Конечно же, некоторые из них были ВК или симпатизировали ВК.

В тот день, окончив дневную работу и направляясь домой, они вдруг разбежались по территории, чтобы порыться в мусорных баках в поисках выброшенных пайков. По-видимому, они делали так, когда видели войска, разместившиеся в зоне Рино. Фэйрмен взбесился и заревел по-вьетнамски «ди-ди-му, ди-ди-му!», чтобы гуки уходили. «Ди-ди-му» как раз это и означало, «уходите». Его предупредили, что ранее женщины уже пытались подложить в мусорные баки взрывные устройства и их уже предупреждали не ходить на эту территорию. Все женщины, конечно, делали вид, что не понимают Фэйрмена. Он от этого закипел ещё больше, и приказал нам поджечь все мусорные баки, чтобы женщины в них не рылись. Когда все баки загорелись, женщины потянулись прочь под пронзительный, скорострельный монолог на вьетнамском. Мы не могли понять, что они говорят, но звучало это недружественно. Потом мы некоторое время стояли у одной из бочек, глядя на огонь, пока Фэйрмен остывал.

Через некоторое время Шарп сказал нам собираться и быть готовыми к пешему выходу. Он не раскрыл нам деталей своего плана. Мы подумали, что это странно. Мы никогда никуда не уходили все сразу в обед, только тогда, когда солнце готовилось скрыться из виду. У нас за спиной железная пятидесятипятигаллонная бочка, возле которой мы торчали, глядя на огонь, разлетелась от внезапного взрыва мощностью примерно как от гранаты. Бочку полностью разорвало на две части. Наверное, Фэйрмен был прав в своем способе общения с женщинами.

Вскоре вся рота вышла за ворота. Потом последовал пятикилометровый марш по засыпанной гравием пустоши, где росли лишь мелкие кусты и пучки самых выносливых сорняков. Почва была сухая, и при ходьбе поднималась пыль. Примерно посередине неизвестности нам приказали остановиться и начать рыть ячейки на ночь. Не желая оказаться в темноте без подходящей ячейки, я набросился на землю с удвоенной силой. Вскоре пот катился с меня градом. Шарп заметил это и сказал мне не рыть столь усердно. Наш вечерний манёвр был уловкой, попыткой обмануть ВК. Мы не собирались оставаться там на ночь. Мы рассчитывали, что местные, которые видели, что мы выходим, думали, что мы там останемся, но мы там не оставались. Как только зашло солнце, мы должны были бегом направиться в деревню Чон Джао, в одном километре оттуда, и окружить её.

Именно это мы и сделали, нагрянули внезапно и

заблокировали половину деревни, а вторую половину заблокировала рота АРВН. Наша хитрость сработала, и некоторое количество ВК попалось внутри. Так вышло, что 3-е отделение получило хорошее укрытие. Мы стояли за четырёхфутовой сухой земляной насыпью, окружавшей наш сектор периметра деревни. Она была твёрдой, как кирпич. Плохая новость заключалась в том, что нас расставили очень редко и я находился на своей позиции один. Периодически взлетали осветительные миномётные мины. Мне дали указания никого не выпускать, разворачивать обратно всех, кто попытается уйти, открыть огонь в случае отказа и постараться не застрелить никого из своих.

Некоторые ВК собирались тихонько пересидеть ночь, чтобы затем с утра попытаться перехитрить дознавательные группы. Другие шныряли по деревне, обследуя периметр в поисках места, где можно проскользнуть в темноте. Вскоре после нашего прибытия любопытные дети пришли поглазеть на солдат. Пришли и несколько женщин. Наш угрюмый вид и поднятые винтовки отправили их обратно, и несколько часов все шло тихо.

Около полуночи трое мужчин, одетых в коричневое хаки вышли к банановым деревьям на краю деревни примерно в тридцати метрах от меня напротив моего участка насыпи. Тот, что шёл первым, опустился на одно колено и глядел в мою сторону. Двое других стояли позади него в тени кроны бананового дерева. Мне немного добавляла света осветительная ракета, спускающаяся на парашюте позади меня. Я не видел никакого оружия, но я так и думал, что все ВК спрячут своё оружие, прежде, чем попытаются проскользнуть.

Моя винтовка была нацелена на первого парня. Вероятно, он не видел меня, потому что над насыпью возвышались только моя голова и винтовка. К тому же, ему мешала видеть висящая в небе осветительная ракета у меня за спиной. Через несколько секунд первый встал и направился в мою сторону, двое его компаньонов последовали за ним. Несмотря на то, что у меня уже был патрон в патроннике, я передёрнул затвор настолько громко, насколько возможно. Идущий первым остановился, долго-долго, несколько секунд, смотрел прямо на меня, затем развернулся и пошёл обратно в деревню, двое других за ним.

Больше никто не прощупывал мой участок линии, но были попытки в других местах. Справа от меня, метрах в пятидесяти, выскочила небольшая группа ВК. Головного ВК уложило на месте короткой россыпью наших выстрелов. Остальные ВК швырнули в разные стороны ручные гранаты и рассыпались. В суматохе нескольким удалось проскочить и сбежать. Остальные отступили внутрь деревни.

Когда взошло солнце, мы нашли следы крови. Внутри Чон Джао мы заметили кусок окровавленной ткани рядом с неглубоким колодцем. Один из солдат прыгнул вниз, недолго повозился там и вылез с АК-50[77]. Это была улучшенная версия стандартного АК-47 с облегчённым пластмассовым прикладом вместо старомодного и тяжёлого деревянного. Также он имел небольшие изменения в механизме крепления магазина. В небольшом туннеле под одной из хижин поймали вьетконговского медика. Еще несколько человек задержали, как подозреваемых ВК.

Хотя внутри деревни кипела деятельность, большая часть следующего дня прошла довольно скучно для нас, стоящих часовыми по периметру. От нечего делать я воткнул в земляную насыпь возле своей позиции американский флажок четыре на шесть дюймов на палочке, так что теперь, чтобы чем-то себя занять, я мог смотреть, как он плещется на ветру. Флажок валялся у меня в рюкзаке с неизвестной целью.

Около полудня я соврал, что почти у всех парней из 3-его отделения, включая и меня, закончилась вода, и вызвался пойти в деревню с кучей фляг, чтобы их наполнить. Мой манёвр сработал.

Весь следующий час я болтался по деревне. Американцы и АРВН обыскивали хижины. Жители сидели группами, и с ними проводили какие-то беседы. Им раздавали множество продуктов, риса и консервов. Группа американских медиков устроила посреди деревни приёмную за складным столом, уставленным медицинскими принадлежностями. Казалось, каждая мать в деревне тащит всех своих детей на осмотр. То и дело я видел пролетающие над головой вертолёты и слышал, как громкоговорители объявляют что-то по-вьетнамски.

Достаточно проболтавшись по округе, я возвратился на свой пост и продолжил свой монотонный день. К счастью, оживление в деревне утихало, и операция шла к концу. Рота солдат АРВН покинула деревню, проходя мимо нас. Один из них нёс винтовку М-1 времён Второй Мировой войны с винтовочной гранатой на конце ствола. Это оружие всего на один шаг ушло от кремнёвого штуцера. Оно было таким архаичным, что вы его уже не встретите даже в фильмах про войну. Я предложил ему свою М-16 на обмен, на что он с радостью согласился. Его лицо расплылось в широкой улыбке, когда он двинулся ко мне. Он думал, что я это серьёзно. Совершив обмен, я расхохотался во весь голос. Кому нужна его старая железяка? АРВН не выглядел слишком удивлённым, но, наверное, был слегка разочарован, когда я поменял оружие обратно. Если бы эту сцену видел Фэйрмен, его хватил бы апоплексический удар.

Большую часть следующего дня рота провела в пути или готовилась отправиться в путь. Мы двигались медленно, часто останавливались и пару раз меняли направление. Растительность на уровне колен и ниже была необычайно густой. Не думаю, что мы много прошли.

Один раз наш взвод остановился, чтобы уничтожить самую гнусную мину-ловушку, что мне приходилось видеть. Она состояла из растяжки примерно в футе на землёй, которая тянулась к двум 60-мм миномётным минам, укреплённым на дереве на высоте примерно моего кадыка. Они были так скреплены, чтобы взорваться одновременно. Они могли бы разнести всё отделение. Взрывом запросто убило бы полдюжины наших. Несколько коротких веток с листьями были прицеплены к снарядам, чтобы скрыть их. Листья к этому времени высохли и пожелтели, отчего они стали выделяться на фоне зеленеющей окружающей растительности. Пожалуй, это и привлекло внимание нашего головного, Киркпатрика, к угрозе, и спасло всех нас. Мы уничтожили ловушку на месте с помощью пластичной взрывчатки.

Позже нам пришлось расчищать заросли, чтобы добраться до земли, в которой нам предстояло отрыть ячейки. Всё шло гладко, пока Тайнс не наткнулся на крупную змею, которая тут же поползла в сторону Хьюиша. Тайнс так разволновался, что даже начал заикаться, предупреждая Хьюиша, а затем разразился монологом о том, что не собирается проводить ночь на природе с бамбуковой гадюкой. Ломая спички, он зажёг несколько костров вокруг того места, где видел змею. Огонь начал распространяться от нас в сторону змеи, но в то же время и к нам, нашему снаряжению и нашим неоконченным ячейкам. Сиверинг первый выразил неодобрение, громко протестуя, когда ему пришлось спасать свой рюкзак и винтовку от пламени. Мы все сделали то же самое, а затем ещё некоторое время стряхивали угольки с одежды и переходили с места на места, когда облака дыма слишком долго посягали на наш воздух для дыхания. Постепенно огонь прогорел.

Вторая серия возражений последовала от местных ВК, которые, по видимому, сочли дым от нашего пожара сигнальным маяком для наводки и выпустили по нам миномётную мину. Она ударила в дерево перед нашими ячейками и взорвалась, словно зенитный снаряд, на высоте футов в тридцать. Стоявший возле меня Ирвинг стал единственным пострадавшим. Он застонал, когда горячий осколок оставил двухдюймовую рваную рану на его правом предплечье, но не застрял в теле. Это было неприятно, но жизни не угрожало. Док перевязал его. Ирвинг должен был

получить «Пурпурное сердце», и не более того. Ему, разумеется, не светила отправка обратно в базовый лагерь, чтобы обратиться к настоящему доктору. Как считали в пехоте, если кровь не течёт и нет отсутствующих частей тела, то нет ничего серьёзного. Док не зашивал раны в поле, так что Ирвингу предстояло остаться с большим шрамом.

Вдобавок ко всему нам не довелось ночью поспать. После всего пережитого — густых зарослей, змеи, пожара и взрыва мины — нас отправили в засаду.

Ап Бау Банг, который мы называли просто Бау Банг, был отстойным местом. Возможно, как раз поэтому наш взводный патруль на следующий день отошёл всего на два клика, две тысячи метров от периметра. Мы уже почти разделались с патрулированием, и подошли на двести метров к остальной роте, когда поступил вызов по рации от сержанта Альвареса. Его отделение обнаружило свежую кучку человеческих экскрементов, о чём они доложили Фэйрмену. На туалетную бумагу не было никаких намёков, что привлекло их внимание, потому что обычно именно вьетконговцы не располагают ей в джунглях. Я не знаю точно, чем они пользовались, возможно, сухими листьями или небольшими пучками травы, если только они не находились вблизи ручья, который можно было бы использовать в качестве биде. Фэйрмен сказал Альваресу оставаться на месте, а затем связался с капитаном Бёрком в роте, чтобы выработать стратегию.

На середине патруля Джилберт передал мне пулемёт, чтобы я его нёс. Он выглядел уставшим больше обычного и хотел некоторое время идти с моей лёгкой М-16, так что мы поменялись оружием. Он не очень часто меня об этом просил. При весе пулемёта в двадцать три фунта нетрудно понять, как он может со временем вас измотать. К счастью для Джилберта, он был крупнее и мускулистее меня.

Мы простояли пару минут, никуда не двигаясь, ожидая, пока радиопереговоры не прояснят наши дальнейшие действия. Всё это время пулемёт лежал у меня на плечах, чтобы избавить руки от работы по его удержанию. Прямо передо мной молочно-белая бабочка всё кружила и кружила вокруг длинной тарзанской лианы, свисающей с высокого дерева. Бабочка была несколько крупнее средней калифорнийской бабочки-монарха, и имела по одной алой полоске на каждом крылышке.

Когда бабочка порхала и кружила всего в нескольких дюймах от моего лица, равнодушная к моему присутствию, прятавшееся в джунглях прямо перед нами отделение вьетконговцев, вооружённых М-1, М-14 и автоматическими винтовками

Браунинга, открыло огонь. Все виды оружия начали стрелять одновременно, создавая оглушительный грохот. Громкость была ошеломляющей, сразу на максимальном уровне. Не было никакого нарастания. Нас ударила стена шума, достаточно плотная, чтобы к ней можно было прислониться.

Две пули попали Лаву в голень и почти оторвали ему ногу. Ещё одна задела голову, наполовину оторвав ему правое ухо и почти лишив его сознания. Альварес получил два попадания в область таза, и корчился на земле. Уэбб, следующий в строю, выскочил вперед и начал отстреливаться, то же самое сделала и остальная часть отделения. Затем винтовку Уэбба заклинило, и Альварес бросил ему свою.

Впереди кто-то кричал: «Медик, медик!» Это был тошнотворный звук, словно стук головы об бетон, когда кто-то упал на ваших глазах. Меня стало как будто немного укачивать. Неуловимые оттенки в голосе кричавшего дали понять всем, кто слышал, что кто-то очень сильно пострадал. Джилберт попросил вернуть ему пулемёт, и мы опять поменялись оружием.

Фэйрмен был уже впереди между отделением Альвареса и нами. Почти сразу же он наткнулся на двух парней, которые двигались назад, подальше от раненых и стрельбы. Держа свою винтовку горизонтально, он врезался в них обоих, одновременно, намереваясь либо повернуть их обратно, либо перерубить пополам. Он громко обругал их, приказывая вернуться и вести огонь, что они исполнили.

Затем Фэйрмен оставил своего радиста и принялся бешено кричать и жестикулировать, приказывая нам и другому отделению двигаться влево. Он кричал изо всех сил, указывая направление, куда нам идти. В нашем взводе по-прежнему не было лейтенанта, так что Фэйрмен был нашим командиром. Док Болдуин бегом промчался в сторону стрельбы. Я кричал, чтобы ему освободили дорогу. Мы, примерно двадцать человек, одновременно начали двигаться наискось влево, примерно на тридцать метров, туда, куда нам указывал Фэйрмен. Он сам двигался с нами. Отделение Альвареса и ещё одно из наших четырёх отделений, оставались там, где стояли, когда началась перестрелка, и вели огонь по ВК. Наше перемещение было хаотичным манёвром. Мы лезли по кустам и на ходу натыкались друг на друга, не понимая толком, что мы делаем.

Мы все превратились в беспорядочную кучу к тому времени, как добрались туда, где Фэйрмен приказал нам остановиться и открыть огонь по траншее, которая накрыла Альвареса. Смиттерс оказался самым крайним слева. Джилберт и я стояли следующими за ним, что было полной хернёй, потому что

пулемёт всегда должен быть в центре отделения, и никогда не оказываться изолированным на краю. Первым справа от нас стоял сержант Кондор. Ему полагалось командовать своим отделением и не смешиваться с остальными. Это был лучший увиденный мной пример того, что называют «туманом войны». В частности, это выражение отражает факт, что настоящие битвы зачастую проходят хаотично и планы порой полностью рушатся. Иногда отделения и взводы, или даже целые дивизии, приходят в беспорядок, смешиваются, ходят кругами и теряют свои позиции. Зачастую даже участники событий не понимают, что творится вокруг и как так получилось.

Мы открыли огонь по врагу, хотя не видели его. Мы стреляли по участку чрезвычайно плотных джунглей, мы слышали звуки стрельбы и периодически замечали вспышки выстрелов и случайные трассеры. Они были там. Джилберт управлялся с пулемётом, тогда как я соединял для него пулемётные ленты и стрелял из своей винтовки. Как только я замечал трассер, я тут же выпускал с полдюжины пуль прямо по нему. Рядом со мной Смиттерс стрелял, пока его винтовку не заклинило, и затем вытащил гранату. Я реально обеспокоился, потому что он был новичком и провёл во Вьетнаме всего несколько недель. Я сказал Смиттерсу убрать гранату, и мы поменялись оружием, так что я смог попробовать себя в искусстве оружейника на его винтовке. Ничего не получилось, так что я потребовал свою винтовку назад, заняло место на конце линии, а Смиттерс переместился, чтобы помогать Джилберту с пулемётом.

Легко было растеряться из-за ограниченной видимости из положения лёжа. Мы особо ничего не видели из растущих перед нами растений, которые были всего в полтора фута высотой. Если встать в полный рост, то становилось немного лучше. Я мог видеть, где находится их лагерь и мои трассеры, уносящиеся к нему, но не мог различить отдельных ВК. Джунгли для этого были слишком густыми. Я дважды поднимался для стрельбы и выпускал по полному магазину. Очень захватывающе было вскакивать, стрелять и тут же бросаться на землю, прежде чем они отстрелили мне задницу. Я был очень доволен собой, видя, как ловко я управляюсь. Оба раза, когда я вскакивал, более опытные парни, Кордова и Тайнс принимались орать мне, чтобы я лёг, что я ёбаный идиот, что меня сейчас подстрелят и всё такое, так что я перестал вставать.

Хоть мы все и перемешались, наша позиция оказалось удачной. Вначале мы находились на шесть часов, ВК на двенадцать часов, а Альварес посередине. Теперь мы переместились на десять часов. Мы обошли противника и теперь

громили его сбоку. Что ещё более важно, наш огонь мог быть сколь угодно буйным и безжалостным, потому что наши раненые уже не оказывались между нами и ВК.

Позади нас снова появился Фэйрмен. Мы все взвыли, что он объявился именно сейчас, когда мы, лёжа и стреляя, едва перевели дыхание. Фэйрмен стоял в полный рост, носился туда-сюда, размахивал руками, как сумасшедший и указывал в стороны вражеских позиций. Он хотел, чтобы мы все прямо сейчас встали и пошли вперед, стреляя и перезаряжаясь так быстро, как мы сможем. «Просто продолжать движение», — кричал он нам, — «И не останавливаться!» Это было страшно. Мы должны были изобразить атаку Пикетта [78]под Геттисбергом с боевыми патронами.

Я не помню никакого определённого сигнала, мы просто поднялись на удивление в унисон и зашагали вперёд. Каждый ствол у нас работал на полную катушку. Трассеры с обеих сторон летели во всех направлениях. Воздух вокруг нас был перенасыщен сгоревшим порохом и казался серым. Это было нереально. Каждый из нас играл в русскую рулетку и мы все это знали. Парень, идущий непосредственно справа от меня испустил стон, скрючился и свалился, получив пулю в живот. Через несколько шагов сержант Кондор, следующий справа в нашей импровизированной линии, взвизгнул, словно щенок, которого шлёпнули, потому что пуля пробила его рубашку спереди и вышла сзади. Она оставила красный, вздутый рубец у него на боку, но кровь не текла. Он проковылял ещё один или два шага и свалился лицом вперед. Вскоре он снова стоял на ногах, шагал вперёд, стреляя вместе с нами.

Всё это, без всякого сомнения, было самым большим безумием, что мне доводилось делать в жизни. Трудно поверить, что я действительно был там, шагая вперёд, к траншее, полной стреляющих по мне людей. Мы быстро приближались к их позициям. Я не знал, дойдёт ли дело до стрельбы прямой наводкой, когда мы туда доберёмся, или мы начнём биться врукопашную, или что-то ещё. Я не имел времени раздумывать и не мог собрать мысли, чтобы это сделать, пока мы не дошли. Наступление продолжалось метров тридцать или сорок, и заняло не более минуты. Когда мы добрались до лагеря, я глубоко дышал, и сердце у меня колотилось, словно взбесившаяся машина Морзе.

Пока мы шли, Джилберт выпалил почти полную стопатронную ленту. Я выпустил около пятидесяти пуль из трёх разных магазинов. Как ни странно, и как ни невероятно это звучит, во время заварухи я отмечал факт, что уничтожаю

государственное имущество, когда выбрасываю пустой магазин вместо того, чтобы спрятать его. Так я мог быстрее перезаряжаться. Это была непонятная реакция. Однако, оказаться в положении, когда позволительно так делать, помогало мне чувствовать себя настоящим солдатом.

Лагерь, когда мы до него добрались, оказался пуст, за исключением одного мёртвого вьетконговского солдата, лежащего в траншее. Другие раненые вражеские солдаты оставили два кровавых следа, ведущих за пределы лагеря, один к северу, а другой — к востоку. Ну, по крайней мере, мы сыграли не всухую. Мы продолжали продвижение, стреляя и перезаряжаясь, сквозь лагерь и дальше в джунгли, пока не преодолели достаточное расстояние, чтобы устроить приличный оборонительный периметр. Тут мы остановились и перегруппировались, расставив членов всех отделений на свои позиции с нормальными промежутками.

Пока мы стояли там в качестве блокирующих сил на случай, если ВК вернутся, другие взводы направились к нам, чтобы перенести наших раненых к посадочной зоне к югу от нас. Была привлечена артиллерия, и снаряды летели у нас над головой в сторону путей отступления ВК.

Вражеский бивуак был не особо обширным. Там была стрелковая траншея, теперь полная стреляных гильз, по которым мы рассудили, что стрелков было десять. Там был довольно глубокий колодец, металлические горшки, одежда и рис. Я нашёл пустую пачку от английских сигарет «Руби», что мне показалось очень странным. Шарп нашёл изящную маленькую керамическую чашку размером с грейпфрут. Она была накрыта листком коричневой бумаги и дважды перевязана чистой белой бечёвкой. Она выглядела невинной и хрупкой и поразительно неуместной там. Внутри оказалось немного чистой воды, и сидел толстый краб, чьё-то изысканное лакомство.

Какой-то бедный вьетконговец носил его с собой, храня, словно драгоценное сокровище. Пока он его носил, в его ближайшем будущем было хотя бы одно маленькое, но надёжное светлое пятно, на которое он мог рассчитывать вне зависимости от того, насколько дерьмовым было всё его существование. Это напомнило мне редкие пайковые банки с по-настоящему вкусной едой, вроде персиков или кекса. Я носил их с собой по несколько дней, прежде чем съесть, что нельзя было сделать, пока мы находились в пути, и я просто старался набрать калорий. По-настоящему хорошую еду следовало есть, когда мы где-то останавливались, так что её можно было употребить медленно и со вкусом.

Лагерь выглядел потрепанным. Отметины от пуль виднелись на любой ветке толщиной более дюйма. В листьях было столько дырок от пуль, иногда даже не по одной, что вся местность напоминала табачную ферму после хорошего калифорнийского града. Посчитав свои патроны, поговорив с остальными и проведя нехитрые математические расчёты, я пришёл к выводу, что за время этой короткой стычки мы выпустили по врагу около четырёх тысяч пуль.

Я осторожно спустил в колодец фальшфейер на верёвке. Он не сильно улучшил видимость. Шарп бросил туда гранату, но она не сработала и не взорвалась. Мы вспомнили об одной легенде джунглей, что дымовая шашка, брошенная в колодец, отравляет воду. По этой причине бросание дымовых шашек в колодцы и водные резервуары запрещено Женевской конвенцией. Я зажёг жёлтую дымовуху и бросил её вниз. Со свистом и пердежом она утонула и погасла. Если легенда джунглей гласила правду, то должны были остаться несгоревшие химикалии, которые отравили колодец.

Вокруг лагеря в джунглях загремели выстрелы. Все рации вдруг снова заговорили. Фэйрмен и Шарп оживились и подавали знаки, что мы быстро уходим и выдвигаемся к югу. Двое парней спросили, можно ли им скинуть мёртвого гука в колодец. Фэйрмен не видел причины отказать, так что гук полетел вниз с плеском. Это должно было наверняка отравить колодец, и моя дымовая шашка показалась бы мелочью.

Двигаясь к югу сквозь заросли, мы вскоре дошли до западного края поляны. Одновременно с нами другой взвод вошёл на ту же поляну, имеющую площадь около двух акров, с северного конца. Эта поляна была не той, где садились медэваки, а просто открытым местом, которое нам предстояло пересечь, чтобы добраться туда, откуда вывозили раненых.

Пока мы там стояли, вьетконговский стрелок, спрятавшийся на южном конце поляны, открыл по нам огонь. Мы бросились на землю. Прежде, чем я успел выстрелить по нему хотя бы раз, гадюка, тварь настолько страшная на вид, насколько Бог сумел сотворить, выползла из зарослей, помахивая языком и двигаясь прямо к моему лицу. Она была всего в три фута длиной, но когда ваш подбородок находится на уровне земли, змея выглядит гигантской. Она быстро и бесстрашно приближалась ко мне, как будто намеревалась заползти ко мне в нос или в глотку.

Спружинив, как кошка, я отскочил на несколько футов влево, подальше от рептилии, и приземлился так, что моё туловище лежало на земле, а ноги повисли над бирманской ловушкой на тигра. Прямоугольная яма три на четыре фута была вырыта

вьетконговцами на человека. Она имела глубину несколько футов и была утыкана десятками заострённых кольев-пунджи. Яму скрывал настил из тонких бамбуковых палочек, прикрытых листьями. Мне повезло. Случись мне провалиться, я превратился бы в человеческий шиш-кебаб.

Теперь на юге поляны появился другой ВК. У него был гранатомёт М-79, и он запускал гранаты по тому месту, где, похоже, застрял второй взвод. От вида и звука разрывающихся гранат меня передёрнуло. После нескольких разрывов мы слышали, как вокруг свистят осколки. Мы поспешно открыли огонь по обоим стрелкам из всего, что у нас было, пытаясь помочь второму взводу выбраться из неприятного положения. Казалось, им потребовалась вечность, чтобы отойти с поляны и отступить к северу.

Выпущенные из гранатомёта гранты летели так медленно, что в полёте их можно было видеть и прикинуть их траекторию. Их скорость составляла всего сто или двести футов в секунду, как у хорошей теннисной подачи. Я фантазировал насчёт того, чтобы сбить одну из них выстрелом, если она полетит в нашу сторону. Это следовало сделать из М-60, не из моей М-16.

К счастью, динк с М-79 носил на глазах шоры и стрелял только прямо перед собой, по замеченному им взводу, который представлял собой более крупную и удобную мишень. Он ни разу не выстрелил налево от себя, по мне и Джилберту. За это я ему благодарен. Мы стояли достаточно близко, и могли бы наесться осколков, прежде, чем заварушка закончилась. После некоторых разрывов мы слышали, как куски металла проносятся в нашем направлении. Спасибо ВК, он ни разу не сменил своей тактики и не сделал ни одного выстрела прямо по нам. Мне только этого и надо было.

Как раз когда последние солдаты обстрелянного взвода отступали к северу, покидая поляну, одна последная, удачная граната медленно проплыла по воздуху и взорвалась. Двоих Чёрных Львов серьёзно накрыло, но не убило.

Как будто ВК, змей и тигриных ловушек было недостаточно, несколько танков показались, чтобы присоединиться к веселью. Они перетянули вражеских огонь на себя и отвечали кассетными снарядами, которые мы называли «ульи». Эти 90-миллиметровые снаряды напоминали картечь времён Наполеона, только вместо туч круглых пуль они запускали целые рои маленьких стрелок длиной в дюйм, под названием «флешетты». Мы все слышали истории об их боевом применении, и что потом мёртвых ВК находили приколотыми к деревьям или с руками, пришпиленными к груди. Возможно, это тоже была легенда

джунглей. Вдобавок к «ульям» танкисты, как сумасшедшие, поливали окрестности из пулемётов 30-го и 50-го калибра. Танки прокатились по всем тем, кто стрелял по ним, и помчались на нас. Прежде, чем всё прояснилось, их плотный огонь был направлен в нашу сторону. За это время ещё двоих наших ранило. Одному попало в правый глаз без выходного отверстия. Другого ранило в нижнюю часть живота. Позже Док Болдуин сказал мне, что раненого в живот парализовало ниже пояса, но не знал, навсегда ли это.

Не было вполне ясно, были ли эти две последние наши потери из девяти, понесённых в тот день, вызваны вражеским огнём. Ходили слухи, что их подстрелили из танков, но наверняка не знал никто. Также много говорили насчёт того, что лейтенант из второго взвода не сумел достаточно быстро найти выход из ситуации, когда взвод попался на поляне и в них летели гранаты. Как рассказывали, взводный сержант Смит взял на себя командование, отдавал приказы, и отвёл всех назад.

Нам не пришлось сильно напрягать воображение, чтобы поверить той части этой истории, которая касалась Марка Смита. Он был жёстким, без дураков, взводным сержантом. Иногда он носил помповый дробовик вместо М-16. Ему дали прозвище Зиппо Смит. Я думаю, это потому, что он, хотя и не курил, всегда носил с собой блестящую зажигалку «Зиппо», которой он пользовался для поджигания хижин. Впоследствии ему предстояло получить фронтовое повышение и стать офицером. Такое бывало не очень часто. Во Вьетнаме получение офицерских званий в полевых условиях встречалось не чаще, чем зубы у кур.

Когда первых раненых, Альвареса и Лава, перенесли на посадочную зону, даст-оффы из Фу Лой не могли подлететь из-за летящих над головой артиллерийских снарядов. Полковник Маркс, командир бригады, вылетел на своём собственном вертолёте, чтобы оценить ситуацию. Он приземлился и выпрыгнул с гранатомётом в руках, пока раненых погрузили в его вертолёт и увезли. Маркс остался на земле. Все мы, пехотинцы, думали, что это просто эффектное шоу, демонстрирующее поддержку со стороны полковника. Ранее я уже слышал истории о высокопоставленных офицерах, которые летели сквозь густое дерьмо, чтобы забрать раненых из тех мест, куда медэваки отказывались вылетать. До того дня я считал, что это просто ещё одна легенда. Вскоре после прибытия полковника Маркса артиллерийский огонь ненадолго утих, чтобы пропустить медицинские вертолёты.

Вскоре все раненые были эвакуированы на вертолётах. Те из нас, кто остался на земле, «сцепили повозки» в защитный

периметр вокруг посадочной зоны и проверили территорию. Наскоро была устроена перекличка, чтобы убедиться, что нет пропавших. Это не всегда очевидно, учитывая туман войны. Когда множество раненых тащат в разных направлениях солдаты из разных взводов и загружают их в разные вертолёты, и никто не ведёт общий список, кого куда отправили, становится понятно, как можно кого-нибудь потерять, просмотреть или просто забыть. По-видимому, пришли к консенсусу в том, что все на месте, потому что не было попыток вернуться в лагерь ВК в поисках отставших.

Когда всех раненых увезли, артиллерия вновь заработала. Было решено, что нам не потребуется подвоз боеприпасов прямо сейчас, это может подождать до завтра. Простояв тридцать или сорок минут в боевом охранении на посадочной площадке, рота передвинулась примерно на километр к югу, где мы окопались и провели спокойную ночь без событий.

Утро было как пистолетный выстрел. Обычно долгие часы ночного дежурства пролетели шустро, почти приятно. Я должен был много чего записать в свой дневник. Когда я не писал, я погружался в себя, глубоко в свои мысли. Ночные часы, что я проводил на вахте в одиночестве, обдумывая всё произошедшее, были необходимы мне, чтобы разобрать мысли в своей голове. В темноте я вновь и вновь просматривал события дня, перебирая возможности. Как мне ко всему этому относиться? Ампутируют ли Лаву ногу? Что, если бы меня подстрелили? Мог ли я сделать что-нибудь иначе? Сможет ли парализованный парень когда-нибудь снова ходить? Достаточно ли хорошо я справился? Мне лестно был думать, что у меня никогда не проскакивала мысль сдриснуть, как те два парня, которым Фэйрмен не дал убежать.

Мне жаль было Альвареса. Прошёл слух, что вопреки приказу остановиться, он продолжал двигаться вперёд вместе со своим радиотелефонистом Лавом. Это привело к их ранениям, а весь взвод попал в перестрелку без непосредственной поддержки остальной роты. К счастью, это было не так. А если и было, то я надеялся, что Альварес не осознает размаха кровавой резни, произошедшей после того, как он упал. Джеку было бы легче сжиться со своими ранами и возможной инвалидностью, чем с чужими ранениями. Может быть, он не слышал приказа Фэйрмена остановиться. Может быть, я вообще всё неправильно понял.

Если взглянуть по-другому, то мы нашли человеческие фекалии, знали, что ВК поблизости и знали, что мы найдём их в самом скором времени, понеся некоторый ущерб в процессе. Можно сделать вывод, что встав головным на пути к почти заведомому ранению, Альварес пожертвовал собой и был героем.

Ещё я подумал о Фэйрмене. Мы попали в засаду, а он обратился в Оди Мёрфи[79]. Сначала он побежал вперёд, чтобы привести в порядок и реорганизовать солдат. Затем он повел нас ловким обходным манёвром, который, как будто был взят из вест-пойнтского учебника. Затем он возглавил наступление на вражеские позиции. Не хватало только команды «Штыки примкнуть!», как в кино. Я вынужден был оценить его военные навыки, даже несмотря на то, что этот парень не рассматривал меня, как солдата. Мы сели жопой на гвоздь, а он нас с него снял.

Похоже, все справлялись с ситуацией по-своему, и выглядели невозмутимо, когда на следующее утро мы вышли на трёхсотметровую зачистку. Даже несмотря на большое количество раненых, девять человек, и некоторые ранения были ужасающими, каждый из нас осознавал, что в очередной раз раненым оказался кто-то другой. Перед самым выходом сержант Фэйрмен объявил, что по рации ему передали, что все раненые пережили ночь. Смерть с косой не присоединилась к нам.

К несчастью, к роте вновь присоединился лейтенант Джадсон. Похоже, большую часть времени он проводил в Лай Кхе, как начальник штаба роты. Возможно, таким образом капитан удерживал его от создания проблем в поле, где на чашах весов лежат человеческие жизни. Меня это вполне устраивало. Я думаю, что его отправили к нам из-за потерь в предыдущий день. Фэйрмен не нуждался в его командирских способностях, которые были минимальными, но взводу пригодился бы лишний парень, способный держать М-16, при условии, что он в состоянии стрелять прямо.

В то утро нам прислали вертолёт снабжения. Интенданты доставили достаточно боеприпасов, чтобы восполнить все, что мы использовали днём ранее. В качестве дружеского жеста за участие в столь жестокой перестрелке, они передали несколько 32-унциевых банок фруктового коктейля. Вот это роскошь! Каждый взвод получил две банки. Прямо перед нами лейтенант Джадсон спрятал одну из них себе в рюкзак и сказал сержанту разделить на взвод вторую банку. Я едва мог поверить своим глазам. Что за мудак! Его даже не было с нами во время перестрелки. Трудно было понять, что хуже — быть таким эгоцентричным, или поступить так у всех на глазах, не заботясь, что мы все подумаем.

Тем не менее, фруктовый коктейль был мелочью по сравнению с патронами. К счастью, их прислали достаточно, и обычных, и с трассирующими пулями. Какие использовать, предоставлялось на выбор стрелка. Вы просто выбирали, что хотели. Моим обычаем до той поры, было вставлять в магазин каждый пятый патрон трассирующий. Моя логика заключалась в

том, что в лентах для М-60 каждый пятый патрон был трассером. Такими их присылали, нравится вам или нет. Кроме того, стрелять трассирующими пулями было весело, и придавало мне ощущение силы.

Теперь я думал по-другому. Трассирующие пули были хороши для лётчиков-истребителей времён Второй Мировой войны. Они пригодились бы для отдалённых целей, при хорошей видимости, когда вы не можете понять, насколько близко к цели ложатся ваши выстрелы. Но в джунглях они мне особо не помогали. Однако же, они указывали моей предполагаемой цели, откуда я стреляю, и выдавали мою позицию. Видимо, ВК не использовали столько трассеров, сколько мы не потому что не могли позволить себе такую роскошь, а потому что уже давно поняли то же самое. Так или иначе, я решил теперь и в дальнейшем запасать только обычные патроны.

Впрочем, ни при каких обстоятельствах я не отказался бы от особого магазина, который я носил в рюкзаке. Он был доверху полон не чем иным, как трассерами. Я называл их «лучами смерти» и использовал, только когда у нас были учебные стрельбы на периметре. Они стреляли, как космические лучевые пушки из «Войны миров». Это было реально круто, даже несмотря на то, что они загрязняли внутреннюю поверхность ствола какой-то гадостью.

Все трассеры, что я днём ранее видел вылетающими из вражеского лагеря, были красными. Я начинал думать, что история о том, что противник использует зелёные трассеры, оказалась очередной легендой джунглей. За время службы я видел сто миллиардов трассеров, выпущенных в обоих направлениях, и ни разу не увидел зелёного.

Закончив пополнение запасов, нам пришлось вынести очередную порцию выходок лейтенанта Джадсона. Он расположился посреди близлежащей дороги, ковырялся в зубах бумажной спичкой и время от времени поглядывал на небо словно фермер, прикидывающий, принесут ли тучи на горизонте дождь. Мысленно он был не с нами, и регулярно поглядывал на часы, не желая пропустить финал чемпионата по боксу в тяжёлом весе, который Радио Вооружённых сил должно было транслировать в прямом эфире из Нью-Йорка.

По-видимому, его королевское высочество намеревалось прохаживаться по дороге, слушая свой транзистор, пока по полвзвода на каждой стороне дороги обеспечивали ему безопасность. Нам приходилось делать это пробивая себе путь самые гнусные заросли, какие только можно себе представить, всего в нескольких метрах от дороги.

Что за идиотизм! Любой солдат и даже его мама знали, что неразумно двигаться вдоль дорог или троп, если вы не хотите влезть в неприятности. Трудно было поверить, что Джадсон подвергает людей риску просто ради того, чтобы послушать спортивную трансляцию. Мы были поражены. Всё, что мы могли — покачивать головок в знак презрения и молить Небеса о скором нокауте.

В седьмом раунде Кассиус Клей серией джебов лишил Зору Фолли сознания[80], и тем самым изменил судьбу пехотного патруля на другой стороне мира. Большая часть белых болельщиков по-прежнему называла его Кассиус Клей, а не Мохаммед Али. Прослушав послематчевые комментарии, лейтенант засунул радио в карман, и мы отошли от дороги и двинулись в другом направлении. Джадсон меня так раздражал, что я даже не стал бы ссать ему в глаза, если бы они вдруг загорелись.

Мы шли по некогда плодородной, а сейчас заброшенной сельскохозяйственной местности, которую командование пожелало проверить. Целые акры выжженной земли проходили под нашими ногами, пока мы пересекали заброшенную по требованиям войны долину. Местность была такой пыльной и безлюдной, что не хватало только катящегося перекати-поля. Ручей посередине долины ещё мог похвастаться несколькими дюймами воды, которая поддерживала зелень вдоль его извилистого русла. Вчерашние воспоминания были ещё свежи, и мы двигались осторожно, следя за линией деревьев на другой стороне долины, а также за каждым попадающим в поле зрения кустиком, способным укрыть хотя бы лилипута.

По неизвестным мне причинам нам в тот день обеспечили артиллерийскую поддержку. Каждые несколько минут мы слышали глухой, как от грузовика с прицепом, грохот артиллерийского снаряда, который пролетал у нас над головой и разрывался в одной-двух сотнях метров впереди. Он шагали впереди нас таким образом весь день. Около полудня недолетевший снаряд упал вблизи нашей колонны, отправив во все стороны шквал осколков. Никого не задело. Мы все переглянулись и стали смотреть, как ветер рассеивает коричневое облако пыли.

Затем мы вновь сменили курс и двинулись к одному из краёв долины, где проходила дорога. Командование отправляло нас на ночь обратно в зону Рино, и нас поджидала небольшая флотилия грузовиков. Едва мы добрались до машин, как приземлился ещё один залётный снаряд. Осколки испещрили металлическую дверь и впились в деревянные борта ближайшего грузовика. Взрыв

вызвал нервные смешки и язвительные комментарии.

Мы все слышали одну легенду джунглей насчёт того, что артиллеристы от скуки делают открывалкой дырки в банке из-под пайка, а затем присобачивают её на нос 105-мм снаряда. Якобы от этого снаряд в полёте визжит, словно ирландская ведьма-банши, извещая всякого на земле, что он сейчас умрёт. Теоретически, артиллеристы думали, что это очень весело. Эта забава также снижала точность выстрелов. Однако же, ни один из двух упавших поблизости от нас снарядов не звучал как-то необычно, как если бы их доработали перед запуском. Мы расценивали залетевшие к нам снаряды, как очередной случай, едва не закончившийся печально (когда нас пронесло), один из миллиона во Вьетнаме.

Страстную пятницу мы провели на Громовой Дороге, мчась в сторону Лай Кхе. В кузове моего грузовика слышались ругань и жалобы. Приближение главного праздника, обычно ассоциирующегося с сытным семейным ужином, как обычно, вызвали разговоры о доме, о том, что война как-нибудь закончится, и все попадут в Большой Мир к своим любимым. К несчастью для нашего боевого духа, кто-то раздобыл четверговый выпуск газеты «Звёзды и полосы».

На первой странице красовались фотографии Хо Ши Мина и президента Джонсона под заголовком «Мирный план отклонён». Там говорилось, что Дядюшка Хо и Л.Б.Дж. обменялись личными письмами о начале мирных переговоров, и не сошлись ни в одном вопросе. Л.Б.Дж. предложил перестать бомбить Север и не наращивать количество войск на Юге, если Хо тоже перестанет отправлять на Юг солдат и согласится на тайные мирные переговоры. Хо ответил, что он не согласится на переговоры до тех пор, пока мы не только не перестанем их бомбить, но и не уберёмся из Южного Вьетнама. Конечно же, там было много болтовни насчёт того, кто из них больше всех хочет мира, и что это другой виноват, что они не могут договориться даже о дне недели. Тем временем, обе стороны просто продолжали убивать друг друга.

Внутри была ещё запасная статья, без сомнения, написанная под диктовку Л.Б.Дж, который цитировал экс-президента Трумэна, сказавшего, что весь американский народ должен сплотиться вокруг Л.Б.Дж. и обеспечить ему «свою полную поддержку», и что «с ним все наши надежды и молитвы».

Никто из нас не знал даже о том, что между двумя лидерами вообще были какие-то мирные инициативы. Все делалось втихую. «Старз энд страйпс» надо было приберечь всё на предпасхальную пятницу. Нас позабавило, что Хо обращался к Л.Б.Дж. словами

«Ваше Превосходительство». В остальном парни были не только разочарованы, но и разозлены. Антиправительственные высказывания в кузове грузовика звучали необычайно едко и враждебно.

В расположении роты в Лай Кхе мы провели перекличку и выслушали несколько объявлений, одно из которых было о том, что наше отделение вечером уходит в засаду за реку. Затем немедленно последовала раздача почты. Помимо писем, моя порция почты включала в себя посылку размером примерно в один фут по длине, высоте и ширине. Она пришла от моих родственников, но собирала её, без сомнения, моя мама. Мой план состоял в том, чтобы не открывать её сразу, а положить в тумбочку, чтобы можно было думать о ней, пытаться угадать, что внутри и мысленно смаковать её содержимое, что бы там ни лежало, в те часы, что я буду стоять на вахте до окончания засады утром. Этот способ отвлекал меня приятными фантазиями, и засада проходила быстрее и интереснее. План отлично сработал.

Когда на следующий день я открыл посылку, оказалось, что родные попытались прислать мне Пасху в коробке. Внутри лежали конфеты в ярких обёртках, упаковки жвачки и домашнее печенье, усыпанное маленькими голубыми и жёлтыми звёздочками и красными драже «Редхотс». Ещё там была ярко-золотистое «королевское яйцо», полное четвертаков и полтинников. Мои родители каждую Пасху прятали «королевское яйцо» где-то в доме. В целом, я как будто получил по почте свой маленький праздник, не такой, как дома, но всё равно прекрасный.

Засада прошла в безделье. Остаток пасхального уикэнда мы провели в ненапряжном уединении в карауле на периметре.

Были изданы приказы о вручении «Пурпурных сердец» тем девятерым, что были ранены в перестрелке. Они получали маленький кусочек истории. Правительство всё ещё раздавало «Пурпурные сердца» из запасов, заготовленных для вторжения в Японию. Медали были старше тех, кто их получал.

Фэйрмен запросил «Бронзовую звезду» для Дока Болдуина. Док вскочил и побежал в зону обстрела, чтобы обслужить раненых, невзирая на вражеский огонь по нему и остальным. К сожалению, прошёл слух, что представление было отклонено. Это разозлило многих более опытных джи-ай, которые ворчали, что в распределении наград действуют двойные стандарты. По их мнению, если бы Док был офицером, то его, для начала, не представили бы к «Бронзовой звезде». Ему дали бы как минимум «Серебряную звезду», потому что офицеры получали больше медалей и высшего достоинства, чем рядовые за те же поступки.

Один джи-ай ругался, что на всех войнах одно и то же. Его отец, который служил рядовым, помогал офицеру спасать людей из горящего самолёта, который рухнул на палубу авианосца «Лексингтон» в Коралловом море. Они оба вели себя героически. Однако офицер получил медаль за храбрость, а рядовой соснул хуйца без наград и отличий, и не получил даже ксерокопии похвального листа, вроде тех, что выдают в начальной школе за мелкие достижения. Раньше я об этом не думал, но сейчас не был особенно удивлён. Такая система, по всей видимости, не менялась со времён Троянской войны.

На мой взгляд, Док заслуживал медали, и получил бы её, если бы это зависело от меня. Он геройски держался под огнём. Его работа, работа пехотного медика, поднялась на первое место в моём списке худших мест службы в зоне боевых действий. Это было даже хуже, чем служить в танкистах или вертолётчиком. Эти две занимали второе и третье места.

Пасхальная месса проводилась на свежем воздухе в тени каучуковых деревьев на участке старой мишленовской плантации вблизи штаба дивизии. Несколько деревянных скамей стояли там напротив деревянного алтаря. За алтарём возвышался пятнадцати футовый белый крест, служивший воодушевляющим фоном для паствы. Красивая обстановка в сравнении с другой мессой, что я посетил во Вьетнаме в каком-то безымянном, забытом Богом местечке. Там её проводили из кузова грузовика, безо всяких скамей и стульев для прихожан.

Не было никаких объявлений о том, что будет проводиться месса. Хьюиш проходил в том районе и заметил приготовления к службе, Вернувшись на линию укреплений, он вскользь об этом упомянул. В Большом Мире я не ходил на службы каждое воскресенье, но, как все «пасхальные яйца» из числа прихожан, как их называла моя мама, я выкатывался наружу и появлялся в церкви на все главные праздники, вроде Пасхи или Рождества. Так что, рассудив, что укрепления на периметре Лай Кхе без меня не развалятся, я пошёл и посетил мессу.

Проповедь была короткой и неинтересной. Какая печаль. Некоторое время я действительно слушал, пытаясь выловить из речи священника крупицы смысла, которые могли бы пригодиться при моём образе жизни. Его слова не были ни утешающими, ни вдохновляющими. Джи-ай опускались на колени в грязи, чтобы принять причастие. Полное отпущение грехов после мессы оказалось истинным удовольствием — быть прощённым за все грехи без необходимости признаваться в них и исповедоваться перед кем-либо. Это было, по меньшей мере, так же приятно, как получить разрешение мухлевать с налогами. Теперь, если мне не

повезет, и меня убьют, я смогу перейти в лучший мир в виде духа на хорошем счету. Впрочем, они, по-видимому, отберут у меня винтовку и гранаты.

На пути обратно к линии укреплений у нас пересеклись пути с Фэйрменом. Это было ошибка. Он был настроен враждебно и жестоко выругал меня за уход без разрешения. Моим единственным способом защиты было напирать на религиозные мотивы. Он на это не повёлся и приказал мне «не болтаться, блядь, без дела».

Ближе к периметру я встретил Кордову, идущего в обратную сторону. Он направлялся в деревню выпить холодной газировки в доме у какой-то девушки и пригласил меня пойти с ним, что я и сделал. Это было натуральное болтание, и в чистом виде, блядь, без дела.

Мы прошли между ангаров штаба дивизии, затем перелезли через полуразрушенные заграждения из колючей проволоки. Они, похоже, пришли в неремонтопригодное состояние из-за постоянного потока джи-ай в течение нескольких лет. Девушка-подросток по имени Сао приветствовала нас во дворе одного из французских колониальных домов и провела нас внутрь. Она знала Кордову по имени и болтала с ним, пока мы пили колу из стаканов, полных настоящего льда. Слушать Сао было легко, голос у неё был спокойным и приятным. В отличие от многих вьетнамок, она не разговаривала этим невообразимо раздражающим, скорострельным, пронзительным, писклявым голосом, от которого хотелось начать колотить кого-нибудь по голове клюшкой для гольфа.

Большая часть беседы была просто болтовней. Когда мы уходили, Сао спросила:

— Когда мы снова увидимся?

— Нескоро, — бросил Кордова, — Весь батальон завтра уходит в Фу Лой. Я не знаю, сколько нас не будет.

Я чуть не подавился. А как же «длинные языки топят корабли»? Когда мы вышли во двор, я спросил его, зачем он это сделал, и сказал, что нам ни к чему объявлять во всеуслышание о том, куда мы уходим. Он не разделил мою точку зрения и ничуть не смутился. «Не волнуйся, с Сао всё ОК», — сказал он. Ну да, подумал я, Титс и Чанг из парикмахерской тоже были ОК.

Слава Богу, Кордова и я не имели высокого уровня секретности и не знали по-настоящему важных военных сведений. У Боба Ривза уровень секретности был настолько высоким, насколько возможно, «Совершенно Секретно Крипто». Этот уровень был необходим ему для работы с секретными кодами дивизии. Ниже стоял уровень «Совершенно секретно», а ещё ниже

просто «Секретно». Обычные пехотинцы вроде меня или Кордовы имели жалкий уровень под названием «Конфиденциально». Думаю, для Кордовы это означало, что он рассказывал все, что знал, только каждому второму. Для меня становилось понятно, почему обычные солдаты типа нас не допускались к высоким уровням секретности и не знали заранее, что готовится. Также становилось понятно, каким образом местные всегда знали, где мы находимся ещё до того, как мы туда добрались.

Вернувшись на линию укреплений, мы узнали, что Круза с нами больше нет. Он и Фэйрмен не сошлись характерами. По-видимому, Круз зашёл слишком далеко и пригрозил убить Фэйрмена где-нибудь в поле, когда представится возможность, например, случайно застрелить его во время перестрелки. Мы не могли потерпеть подобное дерьмо, и Круза перевели в другое место. Никто, похоже, не знал, куда его отправили, и мне до этого дела не было.

На следующий день нас вертолётом перебросили в безлюдную заброшенную сельскохозяйственную местность е северу от Сайгона. Зачистка территории результатов не принесла. Большую часть дня, с 1600, мы просто стояли лагерем, что было раньше обычного. Самое приятное время дня, когда солнце не палит, но светит достаточно жарко, чтобы высушить нашу одежду до первых признаков ночного холода.

Мы расположились на ночь на пересохшем, заброшенном рисовом поле на краю леса. Насыпи по краям поля были в два или три фута высотой и обеспечивали хорошую защиту и скрытность.

Метрах в двухстах пятидесяти от нашего лагеря шестеро гуков вышли из леса и спокойно пересекли другое рисовое поле, двигаясь слева направо прямо перед нами. Они нас не замечали, а ещё трое гуков двигались справа налево навстречу большей группе. Кто-то пошёл сообщить командиру, а мы с Джилбертом устанавливали пулемёт. Ещё один пулемётный расчёт подошёл и расположился рядом с нами, надеясь поучаствовать в стрельбе по сидящей индейке. Вскоре каждая собака в городе, имеющая винтовку, запаслась боеприпасами и приползла к нашей насыпи, чтобы занять стрелковую позицию. Я упражнялся в наводке по одному из парней, идущему последним в группе из шести человек. Я рассудил, что каждый будет стараться попасть в идущих впереди, а мне хотелось по возможности иметь свою собственную мишень.

Две группы встретились на открытой местности, и некоторое время разговаривали, а затем неторопливо направились в сторону дальней границы леса. Она была в сотнях метров от них и не давала никакого укрытия. Капитан Бёрк, пригнувшись, подбежал

посмотреть на необычную картину. После недолгого наблюдения он и сержант Фэйрмен устроили импровизированное совещание об обстановке. Было решено не разносить гуков. Мы дадим им уйти, а затем отправим по следу отделение и возможно, поймаем и поджарим более крупную рыбку. Сержант Смит и его отделение наскоро собрались и отправились в путь. Вскоре они вернулись, потеряв след, чего мы и ожидали. Преследовать кого-либо в диком лесу было почти невозможно. Это далеко не так просто, как изображают липовые индейские разведчики в ковбойских фильмах.

И хотя мы все хотели быстрой победы с односторонним счётом, полной ясности тут не было. Капитан Бёрк был прав. Ситуация выглядела странной. Мы никоим образом не были уверены, что эти парни действительно были ВК. С двухсот метров мы не видели никакого оружия или других явных признаков принадлежности к врагам. Сами события были подозрительными, но если бы она оказались местными гражданскими, и мы их убили бы, ущерб для нас был бы неисчислим. Дело того не стоило.

Никто не ворчал насчёт решения Бёрка. Мы его уважали. За то время, что он нами командовал, у нас появилось ощущение, что он хороший лидер, который держит себя в руках и знает, что делает. С этим парнем мы могли выжить. Было некоторое беспокойство насчёт того, что ВК могли заметить нашу преследующую группу и, зная, что мы здесь, могли бы нам что-нибудь устроить после захода солнца. Чтобы предупредить подобные попытки, 3-е отделение отправлялось на выход в качестве блокирующих сил, и должно было провести ночь в неглубокой низине на фермерской пашне, устроив пост прослушивания, примерно в семидесяти пяти метрах перед позициями роты.

Невероятно, но мы начали вечер с десятками стволов, нацеленными на отделение возможных ВК, застигнутых на открытой местности, а закончили сами на открытой местности, в темноте, надеясь, что они на нас не нападут.

После того, как утром мы вернулись обратно, меня вызвал Шарп. Взяв свою М-16 и подсумок с патронами, я последовал за ним за пределы территории лагеря. Он пригласил меня поучаствовать вместе с ним в антиснайперском патруле. Командир беспокоился насчёт отделения ВК, что мы видели предыдущим вечером. Вполне возможно было, что они знали, где мы находимся и оставили снайпера, чтобы убить нескольких из нас, когда утром мы соберёмся уходить. Шарп и я должны были полностью обойти вокруг роты в поисках снайпера. Если он там

окажется, то, по всей вероятности, выстрелит. Мы стали живцом. Я не знаю, почему меня выбрали для этой сомнительной почести. Возможно, потому, что я был самым высоким во всем отделении. Может быть, Шарп считал, что раз я на пару дюймов выше него, то представляю собой лучшую мишень. Может быть, он думал, что я более доверчив, чем остальные члены отделения. Может быть, это оттого, что если кому-нибудь суждено оказаться подстреленным, то меня было бы жаль меньше всего.

Если бы мне удалось больше поспать предыдущей ночью или я успел бы утром выпить чашечку кофе, я, наверное, был бы более бдителен и отнёсся к ситуации более серьёзно. Это не укладывается ни в какие рамки воображения. Мы бродили по индейской территории, словно бродячие торговцы, продающие пушечное мясо. Я сам был и продавцом и товаром. Я надеялся, что, возможно, раз Шарп выглядит более опасным, чем я, и носит сержантские лычки, то они будут сначала стрелять по нему. Тогда я смогу отскочить и укрыться, пока остальные не придут к нам на помощь.

Через двадцать минут мы описали полный круг без ущерба для жизни и здоровья. Мы вернулись к остальным, когда они как раз собирались пройти по окрестным фермам в поисках подозрительных лиц и для проверки гражданских идентификационных карточек. Я всё ещё недостаточно проснулся, чтобы встретить кого-нибудь, кто мог оказаться симпатизантом ВК или очутиться в ситуации, где пришлось бы думать.

Древняя старуха на моей стороне ближайшего рисового поля выглядела достойным оппонентом. Насколько крутой она могла оказаться, если её возраст превышал её вес? Я помахал ей рукой, чтобы она подошла, и я смог бы проверить её документы, она ответила лишь щербатой, чёрной от бетеля улыбкой. Я был вынужден помахать ей повторно и направить винтовку ей под ноги. Вдобавок я заговорил с ней, словно крутой полицейский. Она была обязана подойти ко мне. Я ни за что не согласился бы идти к ней по рисовому полю сам. Было ещё слишком рано, чтобы наполнить свои ботинки заразной жижей.

Её водяной буйвол, привлечённый моей деятельностью, помчался на меня. Кто-то мне говорил, что эти животные находят запах белого человека чрезвычайно вызывающим. Поднятая винтовка не смогла испугать буйвола ни в малейшей степени, так что я бросился наутёк. Запрыгнув для спасения своей жизни в ближайшие кусты, я приземлился спиной на тернистое ложе, колючки вонзились в меня под всеми углами.

Буйвол фыркал и гарцевал, вызывая меня выйти. Испуская поток пронзительной тарабарщины, старуха схватила повод

буйвола, жёстко хлестнула его по морде и повела прочь. Не переставая болтать, она передала управление животным десятилетнему ребёнку, который вскочил буйволу на спину и ускакал. Там были тысячи таких детей, которые работали на полях по всей стране, управляя вьючными животными. Мы называли их «буффало-бойз».

Прежде, чем я успел выпутаться из колючек, Фэйрмен, который видел всё произошедшее, прошёл мимо. Он по-прежнему был так же приятен, как болячка на губе, и степень его сочувствия это подтверждала.

— Убьёшь этого буйвола — его стоимость вычтут из твоей зарплаты, — заметил он, проходя мимо меня и не остановившись.

— Нет, я не поранился, спасибо, что спросили, — таков был мой ответ, который он проигнорировал.

Старуха опять подошла ко мне, едва я успел отцепиться от колючего куста. Она широко улыбалась, протягивала свои документы и продолжала сыпать словами, которые я по-прежнему не понимал. Замахав на неё руками, я завопил во весь голос: «Хватить чирикать на своём трескучем говне, старая сморщенная сука, и отъебись от меня!»

Позже, мысленно вернувшись к этой минуте, я порадовался, что она не понимала по-английски. Обычно я не разговариваю с людьми в такой манере, но я страдал от лёгкой формы синдрома лишения сна, вызванного ночными вахтами каждый час в течение нескольких ночей подряд. При этом недомогании вы реагируете с почти патологической злостью и грубостью на любую угрозу или стресс. Лекарством был сон.

При недостатке сна, который в армии в дневное время рассматривался, как непростительный грех, моей непосредственной целью стало продержаться до захода солнца. День выдался не особо трудным, если не считать жары. Она была нечеловеческой. Мы вошли на территорию джунглей, столь густых, что даже намёки на ветерок сюда не проникали. Почва, мокрая после недавних дождей, отдавала влагу по мере роста температуры. От этого поднималась влажность, а с ней и наша чувствительность к жаре.

Вскоре произошёл третий за несколько дней случай, когда кто-то вырубился, как это называли джи-ай. Это означало, что кто-то упал в обморок. Поттер, которого я не знал по имени, и ещё один солдат вырубились от солнечного жара за несколько дней до того, но возвратились здоровыми, проведя ночь в тылу. Теперь настала очередь Кена Кейна. Тихий паренёк, он выглядел более интеллигентным, чем остальные. Он держался обособленно и был, как правило, ничем не примечателен, кроме того, что

фотографировал больше всех остальных.

Как ни удивительно, большинство парней во взводе вообще не имели фотоаппарата и не делали снимков. Я этого не понимал. Как можно уехать за полмира и не взять фотоаппарат, особенно если можно будет пофотографировать отличную войну? Моя ошибка состояла в том, что я привёз камеру и делал недостаточно фотографий. Я всё ждал для фотографирования чего-то особенного, и закончилось всё тем, что я привёз домой слишком мало снимков. Надо было делать четыре-пять кадров каждый день, неважно, с чем.

У Кейна это был уже второй обморок за последнюю неделю, что служило плохим признаком. Стоило вам пережить тепловой удар, и вы становились более подвержены к его повторениям в будущем. Нам это было ни к чему. В настоящий момент Кейн находился в центре внимания, а Док лил на него флягу за флягой, чтобы снизить температуру тела. Вода впитывалась в одежду и скапливалась под головой. Между флягами Док обмахивал Кейна истрепанным экземпляром «Старз энд Страйпс». Периодически он постукивал по лбу Кейна, чтобы понять, нет ли каких-нибудь заметных изменений в его состоянии или других признаков, что принятие меры действуют. Вскоре пациент пошевелился и тихо застонал. Когда он открыл глаза, они смотрели в разные стороны.

Наверху медицинский вертолёт висел, покачиваясь, в поисках места для посадки. Поблизости не было подходящей площадки, так что они сбросили носилки и ненадолго улетели в сторону. Шарп и Фэйрмен изучали карты. К ним присоединился Бёрк, пытаясь понять, в какую сторону нести Кейна. На жаре задержка казалась нескончаемой. Они разве что не собрали комиссию для изучения вопроса. Наконец, мы двинулись к западу, меняясь по четверо, чтобы нести брезентовые носилки с их перегретым грузом.

После более чем часа поисков мы нашли пятачок, где заросли были слишком густыми, чтобы там мог приземлиться вертолёт, но достаточно редкие, чтобы мы с некоторыми усилиями могли превратить его в посадочную площадку. Как обычно, половина роты стояла в защитном периметре, окружающем участок, тогда как остальные размахивали лопатами и мачете.

Затем Фэйрмен приказал зажечь дымовую шашку. Где-то через полминуты фиолетовый дым частично прополз через кроны деревьев и стал виден экипажу вертолёта. Это подсказало им, где мы находимся. Вертолёт завис над нами и спустил на верёвке две бензопилы. Это ощутимо ускорило процесс создания посадочной площадки. Пилы специально возили в вертолёте для таких случаев. Вскоре Кейна увезли.

Погода постепенно менялась, становилась немного прохладнее и гораздо более сносной. Проблема тепловых ударов решилась. Для нас это было удачей, потому что операция затягивалась ещё на несколько дней, и Чёрные Львы продолжали патрулировать окрестности Фу Лой.

Мы нашли несколько мелких лагерей и схронов с рисом, которые мы уничтожили. Вьетконговцы в этом регионе, военнослужащие 9-й дивизии Вьетконга, были так же неуловимы, как всегда, мы их почти не видели. Однако, мы обнаружили неприятный сюрприз, который они нам оставили в одном из лагерей. Он состоял из нескольких двухдюймовых отрезков пустотелого бамбукового стебля, воткнутого вертикально в землю перед одним из рисовых схронов. Из земли торчал только верхний кончик. В нижней части бамбукового стебля был гвоздь, а поверх гвоздя стоял винтовочный патрон, так что если бы кто-нибудь наступил на патрон, он насадился бы на гвоздь, отчего сработал бы капсюль, и пуля вылетела бы в ногу тому, кто на неё наступил. Устройство было простым и дешёвым, но могло бы оказаться эффективным, случись кому-нибудь из солдат на него наступить. К счастью, никто не наступил. Эти штуки возродили мои страхи о кастрации, стоило мне представить себе пулю, пролетающую сквозь мою ногу прямо в промежность.

Через два или три дня после убытия Кейна, рота «С» осторожно патрулировала густые заросли. Головной испытывал трудности, прорубая путь. Джи-ай позади него толпились и временами наглухо застревали.

Никто из нас не возражал против остановок. Нам нравились дополнительные перерывы. Во время одного из них сержант Кондор, болтавший со своим отделением, оставил его и подошёл к нашему отделению. Когда он проходил слева от меня, мы услышал чёткий металлический щелчок. Мы непонимающе переглянулись, как будто ожидая получить друг от друга объяснение этому звуку. Затем мы пожали плечами и принялись искать ответ. Долго искать не пришлось. Левая нога Кондора запуталась в растяжке. Рядом лежала китайская граната с выдернутой чекой, которая не сработала от растяжки. Может быть, взрывчатка отсырела. Может быть, не сработал взрыватель. Что-то неподвластное мне спасло меня от участи оказаться разорванным на части. Мой разум застрял на распутье. Он говорил мне быстро отскочить, чтобы покинуть опасную зону, но в то же время двигаться медленно, чтобы не зацепить и не привести в действие другую мину-ловушку. Стараясь выглядеть спокойным, я нервно повернулся и отошёл. Кондор выпутал свой ботинок и подобрал несработавшую гранату. Бог или удача или

что-то ещё вмешалось и сохранило мне жизнь и здоровье.

Когда в тот же день я снова увидел Кондора, мы находились в той же позиции. Его отделение стояло справа от меня. В эту минуту наше продвижение снова застопорилось из-за густых зарослей. Солдаты снова скучились. Соня, стоявший в строю прямо передо мной, повернулся ко мне и неловко ухмыльнулся. Стоя на цыпочках, словно балерина-прима, он пытался взглянуть себе под ноги, сначала под одну, потом под другую. Нервным голосом он сообщил: «Мы на минном поле». Несмотря на обстоятельства, его вечная улыбка не покинула лица.

Он был прав. Десятки полузакопанных, оливково-коричневых мин глядели на нас из земли под нашими ногами. Некогда они были скрыты, но время и погода частично обнажили их. Они были размещены аккуратными рядками, словно цветы на грядках. Мы раньше не видели мин этого типа и не знали, противопехотные они или противотанковые. Никто, похоже, даже не знал, в какой стране они сделаны и во время какой войны установлены. Невероятно, но наши пехотные колонны неумышленно прошли между рядами мин. Мы проскочили, словно компания мистеров Магу, не замечая опасности, нас спасла только судьба. Мы уцелели вопреки, а не благодаря себе.

Плохие новости быстро расходятся. Вскоре каждый в роте узнал о нашем положении и выполнил поворот кругом. Сто пятьдесят пар глаз были прикованы к земле, пока мы пытались оттуда выбраться. Мы стояли на своих местах, пока парень, находящийся ближе всех к краю минного поля, не вышел за его пределы. Следующий в строю прошёл по его следам, стараясь наступать точно на те же места и не пытаться обнаружить новые мины методом Брайля. Мы все выбрались благополучно. Я не знаю, докладывал ли кто-нибудь о нашей находке в штаб дивизии, чтобы минное поле можно было бы добавить на наши карты этой территории.

Вскоре после того, как мы покинули минное поле, мы выбрались из джунглей и провели большую часть остатка дня на относительно открытом месте между лесов. Обычно на открытых местах я чувствовал себя мишенью, что вызывало у меня ощутимое беспокойство. В тот день, однако, открытая местность стала облегчением. У меня вышел перебор с минами и ловушками и мне хотелось некоторое время пройтись по местам, где я смогу увидеть следующую пакость до того, как наступлю на неё.

Несколько раз на открытой местности нам приходилось менять курс, потому что мы натыкались на обширные участки, утыканные кольями-пунджи. Это были длинные бамбуковые копья, воткнутые в землю примерно на фут, а ещё полфута

торчало из земли. Верхние концы были остро заточены. Они стояли рядами с дистанцией около фута, так что при попытке пройти между ними они истрепали бы нам штаны и ноги. Что ещё хуже, если бы началась стрельба, среди них было бы трудно залечь, не поранившись. Конечно же, существовала одна стойкая легенда джунглей, я слышал её несколько раз, что когда ВК проходят мимо кольев-пунджи, то они обязательно помочатся или испражнятся на них, чтобы повысить возможность заражения, если мы об них поранимся.

Как ни странно, они очень приглянулись мне в качестве сувенира. Я долго и задумчиво смотрел на них, когда мы проходили мимо первого встретившегося нам небольшого участка. Там их было штук пятьсот. Воспоминания о кисло-сладких сосках и всех его выдумках, дурацких историях из школы джунглей всплывали у меня в голове. Он предупреждал нас о взрывающихся кольях-пунджи и других сувенирах на память. Наверное, он хорошо справился со своей работой. Проходя мимо, я передумал искушать судьбу и бросать вызов богам кольев-пунджи. Я оставил бамбуковые копья там, где нашёл их.

АПРЕЛЬ

Следующий день начался с опасной ситуации, но закончился благополучно. Нас доставили вертолётами на прогалину чуть южнее камбоджийской границы, в головном слике первой волны. Мне досталось место на левой стороне, на стороне пилота, и мои ноги свисали из вечно открытой боковой двери. Полёт продолжался дольше обычного, пожалуй, часа полтора. Я периодически вытягивал ноги, распрямляя колени и некоторое время удерживая ступни на весу, а затем подгибал их, точно так, как делают дети на качелях.

Наш вертолёт был каким-то гибридом, частично слик, частично ганшип. На каждой стороне имелся небольшой контейнер с дюжиной ракетных направляющих. Такие обычно бывают на ганшипах с примерно двумя дюжинами ракет. На нормальных сликах их нет вообще.

В течение большей части полёта я не задумывался о ракетных контейнерах. Через тридцать минут горизонтального полёта мы начали постепенное снижение. Внезапно пилот резко наклонил нос вертолёта и вошёл в короткое, но крутое пикирование. Это заставило меня отодвинуться от двери и вцепиться во что-то ради спасения своей жизни. Затем, безо всякого предупреждения, пилот выпустил все ракеты с обоих бортов. Меня это потрясло. Всего лишь несколькими секундами ранее мои ноги находились напротив контейнера, прямо на пути ракет. Если бы резкое снижение не застало меня врасплох и не заставило отодвинуться назад, мои ноги оказались бы в опасности! Их отстригло бы на уровне лодыжек.

Если пилот постоянно запускал ракеты, не предупреждая пассажиров, рано или поздно кто-нибудь должен был пострадать. Может быть, ему до сих пор везло. Может быть, у него IQ был, как у поганки. Так или иначе, я ничего не мог поделать или хотя бы пожаловаться. Когда мы добрались до земли, надо было выходить из вертолёта побыстрее и срочно отходить.

Ракеты были выпущены просто на тот случай, если какие-нибудь плохие парни засели внизу и поджидали нас. Их не было. Мы отошли от зоны высадки без помех. Через несколько часов жаркого и несколько утомительного марша нам, наконец, встретилось то, о чём стоило бы написать домой — с полдюжины домов десять на двадцать футов, стоящих в ряд, деревянные каркасы с покрытыми листьями стенами и крышами. Поначалу я подумал: странно, что они стоят в линейном строю, а не кругом или квадратом, как в большинстве деревень. Однако потом меня

осенило: стоя в ряд, как здесь, дома лучше используют предоставляемое джунглями укрытие. В большинстве деревень, что я видел, уничтожали, по крайней мере, часть крон деревьев, чтобы могло проникать солнце. Но не в этой деревне. Эта деревня пряталась.

Дом, который обыскивали мы с Сиверингом, был полон деревянной мебели, одежды, кухонной утвари и всевозможных принадлежностей для повседневной жизни. Ясное дело, никто там не жил. Я не заметил внутри ничего такого, что меня привлекло или сподвигло бы это что-то украсть. С учётом того, что мы были частью вторгшейся армии, наверное, было бы правильнее употреблять глагол «грабить», а не «красть». На самом деле, я не видел, чтобы кто-то что-то взял, даже когда передали команду сжечь поселение.

Мы не знали, кто там жил. Они все исчезли до нашего прибытия. Мы не нашли никакого явного оружия или коммунистических флагов для подсказки. Мы надеялись, что они были симпатизантами ВК. Если, впрочем, они и не были, то это ничего не меняло. Деревня находилась на запретной зоне, зоне свободного огня. Если мы не патрулировали территорию, то наши части время от времени выпускали сюда артиллерийские снаряды или сбрасывали бомбы.

Для местного населения это была жестокая политика. Они ловили рыбу, вели хозяйство и вырастали в деревнях наподобие этой в течение сотен лет. Затем власти в Сайгоне вдруг объявляли территории размером с округ Лос-Анджелес запретной зоной из-за слишком усилившейся вражеской деятельности. Идея заключалась в том, чтобы попытаться облегчить задачу отличать своих от чужих. Если вас обнаруживали в запретной зоне, вы не были нашим другом, пытающимся нам помочь. Мы надеялись, что политика выжженной земли лишит ВК укромных убежищ и побудит не-ВК переезжать в зоны переселения, пока никто не пострадал. Это было сурово.

Сожжение деревни мне пришлось по душе. Хоть я и не был выраженным пироманьяком, но мне всю жизнь очень нравилось играть со спичками и огнём. В начальной школе я однажды поджег соседский дом. В другой раз это было многоквартирное здание. Оба раза я играл со спичками. И дом и здание были основательно повреждены, но не спалены дотла. К счастью, пожарная часть Лонг-Бич оба раза прибыла вовремя и потушила огонь.

Хижина, в которой я побывал, была сухой, словно скомканная старая газета, гонимая ветром по пустыне. Она легко загорелась бы, если её поджечь. Просто первоклассное веселье, поджечь чей-

то дом, особенно если это легально. Несколько спичек вдоль края крыши сделали дело. Хижина бешено пылала, и вместе с ней все остальные постройки. От них исходил такой жар, что нам пришлось отступить назад, чтобы, наблюдая за зрелищем, самим не превратиться в пепел. Мы глазели минут пятнадцать, а затем ушли. Теперь нам предстояло выбраться до темноты.

Впереди меня Шарп внезапно покинул строй и отошёл метров на пять в джунгли, чтобы совершить первое из многократных, неудержимых, жидких опорожнений кишечника. Вскоре у него закончилась туалетная бумага, и он начал одалживать её у остальных. Пожертвования делались охотно, с молчаливым сочувствием и невысказанной радостью от того, что прихватило его, а не нас.

Приступы продолжались весь день. Не желая отставать, сидя со спущенными штанами, пока мы проходили мимо, Шарп стал перемещаться ближе к голове строя. Так он мог отойти на несколько метров в джунгли и сделать свои дела прежде, чем конец строя скрывался из виду. Обычно было так заведено, что мы прикрывали туалетную бумагу землёй или листьями, чтобы скрыть её. У Шарпа не было времени проделать это, не рискуя отстать, так что мы, словно Гензель и Гретель оставляли за собой цепочку отметок, только это были не хлебные крошки. Мы надеялись, что никто из ВК не заметит нашего следа и не пойдёт по нему.

Мини-эпидемия разрасталась. Боли в желудке стали таким же обычным делом, как пупок на животе. Многие другие вслед за Шарпом исполняли восточный тустеп на обочине тропы. Маленькие рулоны туалетной бумаги из пайков становились такими же ценными, как рулоны долларовых банкнот. Постепенно выданные запасы сократились до нуля, и я начал раздавать свою книжку в мягкой обложке, «Путешествие с Чарли» Джона Стейнбека, по несколько страниц за раз.

К середине дня заболела примерно половина роты. В добавление к поносу некоторое солдаты страдали от головокружения и рези в желудке. Окинув взглядом строй, повсюду можно было видеть бледных солдат, готовых метнуть харчи, и потных солдат, только что их метнувших. Пришёл, увидел, поблевал.

Это было уже слишком — микробы поставили нас на колени. Со временем, командование на вершине пищевой цепочки осознало, что делается у нас, в её низу, и изменило наш маршрут. Это стало умным решением, потому что мы уже больше не представляли собой эффективную боевую единицу. Мы едва могли шагать в одну линию и шутить насчёт того, что всё это

похоже на нью-йоркский парад Мэйси[81] в честь Дня Благодарения, когда все срут, где попало. Это ли не зрелище, достойное созерцания? Нам пришлось прервать своё патрулирование и направиться на более безопасные позиции в ночной лагерь.

Всю дорогу нас атаковали орды сухопутных пиявок. Эти необыкновенно отвратительные маленькие создания напоминали обычных садовых слизней или огромные слоновые сопли, которые приобретали коричнево-красный цвет, насосавшись человеческой крови. Они оставляли на коже крупные отметины в тех местах, где присасывались, а затем мигрировали вниз к вам в штаны или носки, отдыхать до следующего приёма пищи.

Мне периодически приходилось останавливаться, расшнуровывать и снимать ботинки и вытряхивать носки, чтобы изгнать их. Красные пятна от укусов немного чесались, но не болели. К счастью для нас, сухопутные пиявки были локальным явлением, на которое мы натыкались лишь изредка. Они не были столь вездесущи, как москиты. И они были не такими страшными, как водные пиявки, те, что нападают на людей, пересекающих реки или болота в приключенческих фильмах и чуть не сожрали Хэмфри Богарта в «Африканской королеве»[82]. Однако встречи с ними всё равно не хотелось пожелать даже худшему врагу, и я остался при мысли, что единственной скверной, дерьмовой вещью, которой не хватало этой стране, были аллигаторы.

Желудочно-кишечная инфекция и пиявки настолько замедлили наше движение, что когда мы остановились на ночёвку, уже стемнело. Тем не менее, надо было окапываться. Моя ячейка выглядело жалко. Углубившись всего на фут, я наткнулся на корни в несколько дюймов толщиной. Обрубив их своим мачете, я получил пучок острых пеньков, торчащих из ячейки. Очень кстати. Ячейка была слишком мелкой, чтобы в ней мог спрятаться хотя бы карлик, а из-за обрубков я не мог даже присесть в ней, не поранившись в самом неудобном месте.

Звук рубящих мачете раздавался достаточно громко, чтобы привлечь всех ВК в провинции. Как будто его было мало, щепки, во все стороны разлетающиеся от толстых корней с каждым взмахом, светились ярко-бирюзовым цветом. Они выглядели, как искры от сварки. После падения на землю щепки продолжали светиться ещё минуту или около того. Я раньше никогда не видел ничего подобного и оттого казался себя ещё более уязвимым. Посмотрев на часы при свете луны, я увидел, что было около 2200. Моё терпение иссякло. Я был вымотан, и хотелось блевать. Для меня с рытьём было покончено. Смиттерс и Джилберт со мной согласились и бросили попытки дальнейших земляных

работ на эту ночь.

На следующий день нас подобрали грузовики, и нас отвезли к каменоломне около Сайгона, которую обычно охраняли АРВН. Мы временно заняли их бункеры. Сама по себе каменоломня была малозначительным объектом, не представляющим интереса для ВК. Вид этого места напомнил мне о листовках, которые дома распространяла Американская Коммунистическая Партия. Там утверждалось, что мы во Вьетнаме не для того, чтобы кому-то помогать. Мы там только для собственных целей, одна из которых — контроль над вьетнамскими месторождениями вольфрама. Там на листовке даже была карта, показывающая расположение месторождений, как будто это что-то доказывало. От воспоминания меня передёрнуло.

Пока мы находились около каменоломни, часть парней блевала с одного конца, часть испускала шоколадные потоки с другого, а некоторые делали и то, и другое. Моей главной проблемой были периодические рези в желудке. Чувство было такое, как будто маленький грызун забрался ко мне в живот и пытался процарапать себе путь наружу. Он царапал некоторое время, затем некоторое время отдыхал. Я не мог есть.

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что некий коварный паразит или незваный микроб прятался в воде, которой мы наполнили наши фляги в предыдущий день. Нам уже давно выдали пузырьки с маленькими таблетками для очистки воды, йодные пилюли, чтобы предотвратить подобную напасть. Как и большинство парней, я никогда ими не пользовался, потому что от них хорошая вода на вкус становилась, как охлаждающая жидкость из автомобильного радиатора. Когда наша мини-чума закончилась, я по-прежнему не мог заставить себя пользоваться этими маленькими таблеточками, и никогда этого не делал.

Соня проходил мимо нашего бункера с полотенцем. Он указал куда-то пальцем и сказал, что примерно в сотне метров от нас, возле двухэтажной сторожевой вышки есть душ. Наш новый взводный лейтенант сказал, что можно ими пользоваться. Соня спросил, не желаем ли мы к нему присоединиться. «Ответ положительный», — ответили Смиттерс и я почти в унисон.

Лейтенант Андерсон был новеньким и неопытным. В ту минуту он стоял на сторожевой вышке с биноклем. Его назначили в роту «С» всего за пару дней до того. Я не знал, был ли он выпускником Вест-Пойта или «девяностодневным чудом», прошедшим лишь трёхмесячную школу кандидатов в офицеры после основного кура подготовки. Большинству из нас он показался достаточно приятным человеком. По крайней мере он никого не донимал персонально и на вид не страдал вопиющими

расстройствами личности. И самое главное — он сменил лейтенанта Джадсона, начальника штаба, который иногда выступал нашим командиром взвода. Никто из нас не сожалел о его уходе. Приближаясь к смотровой вышке, мы видели, как Андерсон то и дело осматривает горизонт в бинокль. Казалось, что значительную часть времени он проводил, разглядывая кого-то внизу, в душевой, стоящей прямо под вышкой. Мы поняли почему, когда добрались туда.

Душевая оказалась цементным блоком двадцать на сорок футов с несколькими душевыми лейками и парой кусков мыла на одном из концов. Со всех сторон душевую окружала шестифутовая загородка из фанеры. Крыши не было. Две вьетнамские девушки примерно моего возраста принимали душ, когда мы вошли. Зная, что за ними могут наблюдать в вышки, они не разделись полностью, а мылись в футболках и трусиках.

На девушек стоило посмотреть. Две едва одетых девочек-подростков брызгались друг на друга водой, расплескивая её по всему помещению, игривые, словно парочка дельфинов, резвящихся в прибое. Они хором захихикали, когда мы вошли. Их смех пригвоздил нас к месту. Наши глаза дружно повылезали из орбит. Смиттерс первый обрел дар речи: «Вот это круто», — громко сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Что нам теперь делать? — спросил Соня, лаская девушек взглядом сверху донизу.

— Порази меня гром, если я знаю, — сказал я тихо, почти шёпотом, пытаясь выглядеть не слишком смятённым ситуацией.

— Пошли, они не кусаются, — подтолкнул нас Смиттерс, который снял уже почти половину своей одежды.

— Да, я не могу пропустить помывку,— сказал Соня, — Ни за что на свете.

Он тоже уже раздевался.

Я не был привычен к совместным купаниям, и положение казалось мне неловким. Мой план битвы состоял в том, чтобы уговорить себя сохранять спокойствие, девушек игнорировать, снять с себя одежду и помыться у них на виду. Уговоры проводились беззвучно, не шевеля губами, чтобы остальные не узнали, что я разговаривая сам с собой. Девушки догадались, что я не такой крутой и непринуждённый, каким хочу казаться, когда увидели, как я разделся, включил воду и зашел под душ прямо в каске. Что же я за идиот, даже мои собственные приятели хохотали надо мной. Вся ситуация была несколько неудобной, но определённо не настолько, чтобы отменить наше мероприятие. Я ни за что не упустил бы шанса помыться, даже если бы это означало бы принять пенную ванну вместе с мамой Хо Ши Мина.

Молодые леди, которые поначалу хихикали, а затем игнорировали нас, продолжая свой конкурс мокрых маек, собрались уходить. Они прошли в сухой конец душевой, чтобы вытереться. Процесс вытирания несколько затянулся. Их разглядывали в виде платы за пользование душем круглоглазых. Сейчас они получили порцию взглядов от нас. Это была часть программы американизации восточной скромности во Вьетнаме.

Вернувшись на линию укреплений, мы расслаблялись в нашем бункере, смакуя свою неожиданную чистоту, поднявшую наше самочувствие. Долгожданный ветерок задувал в амбразуры, принося прохладу и создавая ощущение благополучия. Я буквально изо всех сил старался не потеть, в надежде сохранить свое чистое состояние как можно дольше.

Мы уже почти отключились, когда седовласая местная женщина показалась в дверном проёме и вошла, держа в руке коричневый бумажный пакет, за ней следовала девочка-подросток. Она уселась в углу таким образом, что её ступни стояли на земле, а её зад оказался на её пятках. Только недокормленные, тощие жители Третьего Мира могут садиться таким способом. Подобно всем людям во Вьетнаме, эта мама-сан была тощей, как рельса. Во Вьетнаме просто не было толстяков.

Старуха разразилась монологом на ломаном английском о недорогих сексуальных удовольствиях, которые девочка, бывшая предположительно её дочерью, может предоставить. Она была, разумеется, девственницей, и предлагалась по сдельной цене в семьсот пиастров за раз, примерно шесть долларов, если кто-то из нас пожелает натянуть её прямо тут. Старуха пообещала, что мы платим за реально хороший бум-бум.

Девочка была хорошенькой, насколько это возможно, с блестящими чёрными волосами, безупречной кожей и сверкающими зубами. Её внешность соответствовала её распутной натуре и она ей воспользовалась для продвижения торговли, плюхнувшись на землю возле ног Смиттерса, спиной к нему, а затем прижавшись к нему вплотную. Смиттерс просунул руки под её синюю шёлковую блузку без рукавов и поиграл с её грудями. Они были довольно пышными по вьетнамским стандартам и торчали вперёд без помощи бюстгальтера. Смиттерс слегка покрутил её соски, как будто подстраивая радио для лучшего приёма. Она, казалось, не возражала и игриво смеялась, но не произнесла ни слова ни по-английски, ни по-вьетнамски.

Когда ни один из нас не оказался ни достаточно решительным, ни достаточно развязным, чтобы заняться сексом с девушкой в подобной обстановке, они ушли, двигаясь вдоль линии укреплений и пытаясь поднять продажи в следующей

группе джи-ай. Словно спохватившись, старуха снова просунула голову в бункер и продемонстрировала нам содержимое бумажного пакета. Внутри лежали несколько мелких помидоров и немного слегка увядшего зелёного салата. В качестве дополнительного бонуса там была маленькая баночка рыбного соуса под названием ныок-мам, чтобы макать в него еду. Вот бизнес: мы могли купить старухину дочь или зелень, которую они вырастили у себя на огороде, или и то и другое.

Ныок-мам был распространённым вьетнамским соусом. Его делали из рыбы, которую измельчали до жидкого состояния, а затем оставляли ферментироваться на дневной жаре без какого-либо холодильника. Во вьетнамской кухне он был таким же привычным, как горчица или кетчуп у нас в Соединённых Штатах. Большинство круглоглазых, включая и меня, считали, что от вкуса ныок-мама проблевались бы даже опарыши. Мы решили ничего у старухи не покупать.

Хоть и я провёл ночь в одиночестве, успешно отстояв свой звёздный статус единственного джи-ай за всю вьетнамскую войну, который не потрахался, утром я чувствовал себя гораздо лучше. Злые духи, населявшие мои внутренности последние два дня, мистическим образом исчезли. Несколько чашек крепчайшего кофе проскочили без единого писка со стороны моего желудка. Я немилосердно курил, не боясь, что никотин вызовет желудочные рези или приступы боли в животе.

Завтрак, однако, обернулся провалом. Командование обеспечило нам горячее питание, и даже несмотря на то, что я в тот момент чувствовал себя в целом хорошо, мой аппетит пропал без вести. Как большая часть роты, я просто пялился на свою тарелку. Она пялилась на меня, омлет и мягкие белые булочки, усыпанные точками белковых букашек. В любой другой день один из нас пожирал другого. Сегодня получилась ничья. Через некоторое время, когда ничего не выползло из моей тарелки, чтобы убежать, я выбросил свою порцию.

После завтрака столь долгожданный первый нормальный стул тоже оказался провалом. Подобно миллионам американцев, которые каждый день просыпаются и оценивают качество своей жизни по состоянию своего стула, я тоже верил, что именно в это утро пришла очередь нормального плотного говна. Оно должно было однозначно подтвердить, что долбаный гастроэнтерит, который мы все подхватили, ушёл навсегда. Оно также сигнализировало бы об изменениях к лучшему в моей общей карме. Видит Бог, она бы мне пригодилась.

К несчастью для моей зацикленной на испражнении психики единственные доступные удобства состояли из нескольких

длинных деревянных досок два на четыре дюйма, уложенных крест-накрест поверх неких козел. Доски на козлах образовывали огромное поле для игры в крестики-нолики. Яма для говна была вырыта в земле под центральным квадратом.

По-видимому, местные рабочие жаловались командованию насчёт того, что прибывающая пехота повсюду срёт, оставляя необычайное количество липких противопехотных мин во всех мыслимых укромных уголках и закутках. Крестики-нолики над ямой должны были локализовать проблему.

В начальной школе места общественного пользования без дверей казались забавными, даже смешными. В старших классах, когда мы были исполнены застенчивости и подростковых волнений, они резко стали несмешными, и посему мы их избегали, даже несмотря на то, что это могло привести к случаям непроходимого запора. Мои взгляды не слишком изменились со школьных лет, по крайней мере, не в этом вопросе. Срать на публике было таким же нецивилизованным делом, как сама война. Нелегко было решиться делать это, сидя верхом на деревянных досках над кратером, словно какой-то крутой бомбардировщик, пока целая очередь зевак на тебя смотрит. Оттого, что все на меня таращились, у меня случился приступ боязни сцены, который запечатал мой кишечник так, как будто он наполнился цементом.

Доски прогибались и скрипели, пока я тужился. Единственной более угрожающей для моей самооценки вещью, чем срать с этой конструкции на людях оказалось сидеть на жёрдочке у всех на виду и ничего не производить. Минуты тянулись, словно ночи в осаде. Очередь росла, и беспокойные солдаты переминались с ноги на ногу, а я не мог ничего из себя выдавить, но отказывался слезть с трона. Джону Уэйну не приходилось делать ничего подобного ни в одном фильме, что я когда-либо видел. Мои потуги вызвали качку и одна из досок немного сдвинулась. Глядя вниз, в мрачную бездну, что произвели те, кто в то утро пришёл раньше меня, я планировал своё отречение от престола. Ещё пару раз качнуться, и деревянная конструкция рухнет, и я исчезну в выгребной яме, подобно танкеру в море, не оставив даже масляного пятна на поверхности. Я был уверен, что немного найдётся желающих прыгнуть за мной, чтобы меня спасти. Посему я с должным пафосом отмотал огромный кусок туалетной бумаги и церемонно вытер зад. Если они не видели, как моя какашка полетела вниз, то они, должно быть, моргнули и не заметили.

Сойдя со сцены и натянув штаны, я умышленно немного помедлил, застёгивая ширинку, просто, чтобы показать, что я не

был ни смущён, ни испуган. Я был 11-Браво, солдат-пехотинец. Подобная ерунда меня не напрягала.

Наш четырёхдневный отдых у каменоломни закончился. Нам пора было возвращаться в поле. Пока мы собирались к отправке на вертолётах, я заметил, что сержант Шарп выложил рядом со своим снаряжением целый ряд гранат со сломанными рычагами. Когда вы много раз сгибаете и разгибаете рычаг, прикрепляя гранату к разгрузочному жилету и снимая её, он постепенно отламывается. Потом их становится трудно прицепить на пояс и они отправляются в рюкзак, или в карман, или куда-то ещё. Шарп попросил меня взять часть гранат, на что я согласился. Потом их можно было сдать в ротную оружейную в Лай Кхе. Шарп также предположил, что они ещё могут нам пригодиться до нашего возвращения. Это нехитрое высказывание впоследствии оказалось пророческим.

Дополнительные гранаты возвели меня в зенит моей славы в качестве военного вьючного животного. Теперь я нёс девять осколочных гранат, одну дымовую шашку, одну гранату со слезоточивым газом, каску, пистолет 45-го калибра, четыре пистолетных магазина, винтовку М-16, три сотни винтовочных патронов, мину «клаймор» с детонатором, четыре квартовых фляги с водой, четыре коробки с пайками, восемьсот патронов для пулемёта, тяжёлый нож Боуи[83], лопатку, и ещё пончо и другие личные вещи, вроде книжки для чтения, фотоаппарата, блокнота, туалетных принадлежностей и нераспечатанной пачки презервативов. Фальшфейерам больше не разрешалось ездить в моём рюкзаке. Проверив вес, указанный на упаковках всей этой поклажи, я мог оценить свой тоннаж примерно в восемьдесят пять фунтов. Я сам весил всего сто пятьдесят.

Разговоры о том, что солдаты порой носят непосильный груз снаряжения, не были легендой джунглей. Парни со Второй Мировой и Корейской войн ничего не привирали.

Дымовая шашка, что я носил с собой, имела форму и размер приблизительно с пивную банку. Верхняя сторона была окрашена в тот же цвет, что и дым, который ей полагалось производить. В отличие от осколочных гранат, которые удобно умещаются у вас на поясе, дымовую шашку большинство из нас прицепляло на грудь, на уровне нагрудных карманов. В этом случае вы в течение дня видели перед собой её цветную стороны больше раз, чем можно сосчитать. Мне нравилось видеть жёлтый цвет. Белый был слишком тусклым. Красный не допускался. Зелёного в моей жизни было и так больше, чем надо, а фиолетовый был слишком психоделическим на мой вкус, он меня раздражал.

По этой причине я всегда носил жёлтую. Кроме того, после

срабатывания шашки, жёлтый дым был приятнее глазу, чем любой другой цвет. Без разницы, шла ли речь об отравлении чьей-нибудь питьевой воды или об отметке места, где самолёты должны были сбросить напалм на маленьких человечков, жёлтый дым было просто приятнее наблюдать. Я никогда не носил другие цвета.

Я носил большой охотничий нож, чтобы резать и рубить. Так делали многие парни. Ножи были куда полезнее штыков, которые предназначались больше чтобы колоть и пронзать. На самом деле, штыки считались необязательной вещью в роте «С», в отличие от дымовых шашек или «клайморов». И хотя штыки ещё не отправились на свалку истории, большинство парней их не носило.

Я уверен, что всё было бы иначе, если бы мы считались с возможностью вступить в рукопашную схватку. До той поры такого рода столкновения в той войне были редкостью. За это я благодарен судьбе. Я за всю жизнь не выигрывал ни одной драки и не считал себя особым драчуном. Впрочем, в седьмом классе я свёл вничью драку с Дэвидом Флемингом, прежде чем отец Ларри нас разнял. Большинство зрителей считали, что Дэвид победил.

Другим поводом не переживать насчёт боя врукопашную было то, что вьетнамцы, в отличие от китайцев или северных корейцев, не славились, как мастера боевых искусств. Вот тех стоило бояться. Они могли голыми руками разом уложить двоих или троих. К тому же ВК не напоминали огромных борцов сумо. Средний взрослый мужчина был ростом пять футов два дюйма и весил 112 фунтов. Будучи шестифутовой 150-фунтовой спичкой, я имел над своими предполагаемыми противниками перевес в тридцать восемь фунтов. Статистика была утешающей. Я радовался, что вьетнамцы такие маленькие. Если бы нашими противниками были 190-фунтовые немецкие парни, например, страх от одной только возможности сойтись с ними врукопашную заставил бы меня высерать по бильярдной пирамиде на каждой ночной засаде. А в том виде, в каком есть, мне не о чем было беспокоиться. Эта тема меня не напрягала и не доставляла головной боли, подобно многим другим вещам во Вьетнаме, и это было хорошо.

Обратно в поле нас отправили вертолётами. По общепринятому мнению, если в зоне высадки к вашему прибытию уже ведётся огонь, то это плохой признак. Мы видели вспышки в зоне высадки и вокруг неё, когда вертолёты начали окончательное снижение, и столько дыма, что трудно было определить, что именно там происходит.

Когда мы приблизились к земле, бортовые стрелки открыли

огонь. Так было заведено. Они стреляли по зарослям, прилегающим к зоне высадки. Стрельба началась на высоте метров ста и продолжалась до посадки. Они прекратили стрельбу, когда мы выскочили и оказались перед ними. Такого рода подавляющий огонь вёлся на случай, если внизу засели вражеские солдаты, поджидающие нас в засаде.

Бортстрелок с моей стороны был несколько безалаберным на мой взгляд. Не имея конкретной мишени, он должен был обстреливать границу леса, стреляя по любому пню или кусту, который мог укрывать врага. Вместо этого он, словно ребёнок, играющий с садовым шлангом, расстреливал небольшие лужицы, просто чтобы поглядеть, как они разлетаются. Ни одна из его мишеней не могла бы укрыть и саламандру. Он меня разозлил. Я подумал, что очень странно, что он не относится к сложившимся обстоятельствам более серьёзно, с другой стороны, ему не надо было высаживаться после приземления.

Когда мы прибыли, истребители «Фантом» сбрасывали бомбы в джунгли прямо рядом с зоной высадки. Огромные тучи тёмного дыма катились по насыпи в нашу сторону, затрудняя видимость. Прямо на вершине насыпи, за пеленой дыма я увидел силуэт примерно пяти футов высотой и двух шириной. Поначалу он перепугал меня до усрачки. Я думал, это ВК. Прежде, чем я успел выстрелить, дым слегка рассеялся, и устрашающая фигура трансформировалась в ободранный ствол дерева. Рассмеявшись от облегчения, я всадил пару пуль в его середину, где должно было бы находиться сердце, если бы это оказался ВК. Из дерева сочился блестящий белый сок. Подойдя ближе, я пустил ещё пару пуль просто для забавы, представляя, что это ВК. Вытекло ещё немного сока.

Едва я покинул зону высадки и немного углубился в джунгли, пятисотфунтовая бомба упала неподалёку впереди меня. Взрыв отбросил меня на пару шагов назад, так, что я потерял равновесие. Бомбы рвались ближе, чем когда-либо, и очень мощно. Огромные изодранные сучья пролетали над головой. Кучи земли летели в небо и дождём осыпались на нас. Внезапно, после очередного взрыва, обрубок древесного ствола в фут толщиной на громадной скорости колесом проскакал мимо меня и скрылся в посадочной зоне у меня за спиной. Он мог бы разнести любой вертолёт, на который налетел бы и гораздо хуже обошёлся бы с пешим джи-ай. Авианалёт был столь же рискованным, сколь и устрашающим.

Все попадали на землю или попрятались за деревьями, чтобы укрыться от осколков и летящего мусора, пока новые «Фантомы» сбрасывали свой груз. Все окружающие меня солдаты казались

незнакомыми. Одному Богу известно, к какому взводу они принадлежали, но точно не к моему. Большая часть 3-его отделения оказалась справа от меня. Фэйрмен и Спенглер, который в тот день исполнял обязанности радиста, находились ещё дальше слева от меня.

Ещё одна бомба взорвалась, когда Фэйрмен прошагал мимо, даже не дёрнувшись. Его лицо пылало. Он говорил сам с собой сквозь стиснутые зубы и выглядел злее, чем все черти ада. На его лбу можно было бы поджарить яичницу. С бомбёжкой всё было в порядке, но то, что взвод слишком растянулся и рассредочился, доводило его до кипения.

На головой промчался ещё один «Фантом». Когда я повернулся, чтобы отскочить за дерево, джунгли передо мной взорвались. Осколок размером с вафлю врезался в мою каску примерно на дюйм выше правого глаза. Он весил где-то треть фунта. Удар сбил меня с ног и на несколько секунд лишил рассудка. По ощущениям меня как будто огрели по башке бейсбольной битой.

Стальной горшок спас мою жизнь, или, по меньшей мере, уберёг от нежелательной лоботомии. До того дня он не был спасательным средством, а гораздо чаще служил мне полезным инструментом, вроде швейцарского армейского ножа. Я каждый день пользовался им, как сиденьем, зачастую, как умывальником, и не раз как лопаткой, когда поблизости не оказывалось ни одной настоящей. Нам не приходилось использовать наши каски, чтобы заваривать кофе или готовить горячую еду, как парням на предыдущих войнах. Но это, впрочем, лишь потому, что у нас для этой цели на нижней части фляг имелись плотно прилегающие чашки. Это было спасением. Трудно было сказать, сколько солдат носили мою каску до меня. При любом упоминании о еде из каски возникали видения чьей-то перхоти у меня во рту и как у меня от неё появится странное и отвратительное заболевание вроде глоточных вшей.

Область над моей правой бровью начала набухать, когда я потянулся за осколком, чтобы подобрать его в качестве сувенира. Подобно всем нашим боеприпасам он был предназначен, чтобы резать и рвать плоть. Наши бомбы и артиллерийские снаряды рассчитывались так, чтобы давать осколки с рваными краями. Кусок стали имел острые зубья по всем сторонам, словно диск циркулярной пилы. Он выглядел злобно, даже когда просто лежал. К тому же он был горячим и зверски обжёг мне пальцы в попытке убежать. Используя старый носок, словно прихватку, я подцепил его, и, перебрасывая в руках, словно горячую картофелину, побежал вдогонку за Фэйрменом.

По пути ещё разорвалась одна недолетевшая бомба, и осколок угодил мне в левую щиколотку. Было достаточно больно, чтобы я несколько шагов прыгал на одной ноге, но меня не поранило. К счастью, в тот день я носил кожаные ботинки, а не лёгкие брезентовые.

Наши сложные отношения с военно-воздушными силами продолжались. Проклиная их за то, что бомбы в то утро падали слишком близко, потом мы возносили им благодарность, когда обнаружили, что любое сопротивление, которое мы могли встретить, исчезло, либо уничтоженное, либо перепуганное. Мы смогли перегруппироваться и прочесать территорию без препятствий. Вся эта территория была пронизана бесчисленными туннелями и узкими траншеями, хорошо замаскированными сверху, которые мы захватывали и грабили. Ещё, без сомнения, было бессчётное множество тех, что мы пропустили.

Командование всегда считало оружие любого типа лучшим трофеем из всех возможных. С этой точки зрения, наша добыча оказалась удачной. Нам достался обычный ассортимент китайских штурмовых винтовок, советские АК-47, плюс американские винтовки времён от Второй Мировой до текущего конфликта. К удивлению, среди наших находок оказался комплект высокоточных бельгийских ружей в красивом кожаном футляре. Их покрывал тонкий слой смазки «Космолайн», и не было ни малейшего пятнышка ржавчины. Их изящные приклады были гладкими, словно шёлк. Возможно, ружья изготовили для какого-то европейского аристократа, чтобы он охотился в своих угодьях. Трудно было вообразить, какие причудливые и запутанные пути привели их, в идеальном состоянии, в грязную траншею в Индокитае.

Куда легче было понять, как сюда попал громоздкий советский пулемёт. Он имел круглый и плоский, похожий на блин магазин на верхней стороне. Настоящий динозавр. Я видел такие только в фильмах про Первую Мировую войну. Ко Второй Мировой они почти исчезли.

Поскольку в нашем подразделении не было специально назначенных «туннельных крыс» , обследование туннелей проводилось личным составом на добровольной основе. Если вы хотели лезть вниз, вы лезли, если нет, вы оставались наверху. К удивлению, недостатка в добровольцах не было. По-видимому, это оттого, что не было недостатка в парнях, которые не знали, чем это может обернуться. Если кого-нибудь там внизу подстрелили или подорвали, море добровольцев иссякло бы очень быстро. Я не знаю, как командование решило бы этот вопрос, но ставлю свой рюкзак, что сами они туда не полезли бы.

Около 1300 часов 3-е отделение обнаружило вход в туннель, футов трёх в диаметре. Небольшие выемки-ступени были вырыты в стенках, чтобы облегчить спуск и подъём. Сняв каску и прочее снаряжение, я осторожно спустился футов на тридцать или сорок с пистолетом и одолженным фонариком, который светил не слишком ярко. Ближе ко дну, когда выемки закончились, я увидел, что с одной стороны ниже моего уровня шахта расширяется. Со своего насеста на последней выемке я не мог видеть, то, что за изгибом. Я мог бы просто спрыгнуть вниз, так как там оставалось всего около пяти футов. Однако мне было страшно. По центру дна подо мной находился какой-то круглый, блестящий металлический предмет, едва видимый под тонким слоем земли. От мысли, что это могла оказаться мина, я почувствовал себя не в своей тарелке. Я мог представить, как вылетаю из шахты в небо, словно Великий Гарбанцо[84], запущенный в стратосферу из пушки в цирке братьев Ринглинг[85].

Что было ещё хуже — не просто неприятно, а по-настоящему непереносимо — атмосфере внизу недоставало кислорода. Я предположил, что раньше в тот сюда могла быть брошена граната. Стоя на нижних ступенях и осматриваясь, не прилагаю усилий, я вдруг сбился с дыхания и начал хватать ртом воздух. Настало время возвращаться на поверхность.

Наверху Фэйрмен облаял меня за то, что я не добрался до дна. Объясняя насчёт возможного взрывного устройства и явного недостатка кислорода, я высказался, что кто-нибудь другой мог бы повторить попытку. Добровольцев не нашлось. Меня разозлило, что Фэйрмен дал мне выполнить работу, которую никто другой делать не хотел, а потом обругал меня за то, как я её выполнил.

Когда мы собрались уходить, я снял с пояса гранату. Указав пальцем на неё и на дыру, я жестами попросил у Шарпа разрешения бросить гранату вниз. Он кивнул в знак согласия. Я не хотел спрашивать вслух, опасаясь, что Фэйрмен может услышать и наложить вето на мой план просто для того, чтобы испортить мне радость. Я хорошо помнил про подрыв «клаймора» в школе джунглей на основании кивка головой, но тут ситуация была иной.

Торжественно держа в вытянутой руке гранату-ананас, чтобы все могли её видеть, я прошёл к краю дыры. Глянув вниз ещё раз, я отступил на несколько футов назад, прежде, чем выдернуть чеку. Это помогло мне преодолеть внезапный приступ иррационального страха, что я могу каким-то образом свалиться вниз после того, как брошу гранату. Мне этого не хотелось. Выдернув чеку, я разжал руку и позволил гранате плавно

выкатиться из моих пальцев прямо в дыру. Затем я повернулся и пошёл прочь так спокойно, словно только что бросил письмо в придорожный почтовый ящик возле дома. К несчастью, я забыл прокричать «ложись!», что всегда полагалось делать в качестве предупреждения, когда мы устраивали умышленный взрыв любого вида. Эту фразу полагалось повторять громко пару раз при всех подрывных работах, не только для взрывов в туннелях наподобие этого. Её так же надо было кричать, если вы взрывали что-нибудь ещё, вроде хижины или моста. Никто из нас не знал её происхождения. К моему везению, Шарп, который за всем этим наблюдал, заметил моё упущение и прокричал за меня.

Я не слышал никакого вторичного взрыва после разрыва гранаты. Возможно, шахта была лишь пересохшим колодцем, и я не упустил ничего важного за изгибом там внизу.

На следующий день мы снова обнаружили множество траншей и тайников. Захваченное нами оружие было уже потяжелее и включало в себя китайские миномёты, мины «клаймор» и лёгкие автоматы «Брен», используемые английской армией. Мы стащили их на поляну вместе с остальной добычей вроде раций и аккумуляторов, чтобы их увёз вертолёт. Общий улов получился впечатляющим.

К несчастью, днём ранее местные ВК успели перегруппироваться и поднять цену, которую мы платили за недвижимость. Качество противостоящих нам подразделений Вьетконга значительно варьировалось. Так же, как и в американских частях, некоторые группы ВК были крутыми, и могли нанести немалый урон, но другие подразделение были не слишком впечатляющими. Чёрные Львы считали, что группировка из Фу Лой была первоклассной. Мы называли их «Призрачным батальоном», потому что они умели создать нам проблему и испариться до того, как мы успевали им отплатить. Они обладали хорошей смекалкой, и относиться к ним следовало с уважением, по крайней мере, как к потенциальной угрозе. Мы чаще всего называли вьетконговцев «чарли» или ВК, но в некоторых местах — например, в Фу Лой — мы называли их «сэр Чарльз». Они всегда умели сделать местность резко неприятной для нас.

В тот день, пока мы обыскивали местность и конфисковали оружие, нас донимали несколько снайперов. Двоих Чёрных Львов подстрелили, и нам пришлось ненадолго залечь, а затем изменить курс и проследовать к поляне, чтобы раненых эвакуировали. Ранения не угрожали жизни. Одного или двух снайперов уничтожили, но эта часть истории не вполне ясна. Наша рота распределилась по джунглям и ни одна из перестрелок не задействовала моё отделение непосредственно. Моё участие

свелось к тому, что мне приходилось бросаться в укрытие каждый раз, когда я слышал выстрелы, но не знал, откуда и куда они направлены. Хотя мы все боялись пуль с нашими именами на них, мы также не забывали пехотную поговорку о стрельбе «на кого Бог пошлёт».

Несмотря на рост цен, мы снова сумели собрать внушительный набор оружия. Командование было польщено и приказало отправлять нам горячее питание на каждый приём пищи. Мы услышали шум винтов, доносящийся со стороны посадочной площадки в центре нашего лагеря, а затем увидели слик, везущий повара Джонса и множество контейнеров с горячей едой.

— Хлоп, хлоп, хлоп! — снайпер выпустил серию пуль, одна из которых угодила Джонсу в левый локоть. Посадка была отменена, чтобы вертолёт мог доставить Джонса обратно в Лай Кхе. К несчастью, наша еда улетела вместе с ним, а мы остались на земле, размышляя, что в этой местности «сэр Чарльз» — самое подходящее имя для нашего противника.

На рассвете настало время возвращаться в базовый лагерь. Мы начали 90-минутный поход, на рандеву с «Желтыми куртками», которые переправили бы нас в Лай Кхе. Первый час поход проходил без происшествий. Затем впереди солдаты начали толпиться, и движение прекратилось. С полдюжины джи-ай стояли полукругом, глядя на брезентовый мешок на земле. Из неё сочился, поднимаясь к небу, фиолетовый дым, гипнотизирующий зрителей, словно костёр на ночном привале.

— В чём дело? — спросил Соня.

— Ветка зацепилась и выдернула чеку из дымовой шашки, — ответил Мак-Чесней, — Теперь его слишком горячо нести.

— А что там ещё в мешке? — резко спросил Шарп.

— Гранаты, — сказал Мак-Чесней настолько спокойно, насколько можно представить.

Небольшая толпа рассыпалась по укрытиям. Сработавшие дымовые шашки становятся слишком горячими, чтобы держать их в руке, и, возможно, достаточно горячими, чтобы заставить взорваться осколочную гранату. Через несколько секунд тормознутый мозг Мак-Чеснея подсказал ему не стоять, подобно чучелу индейца возле сигарной лавки[86], и удалиться. До этого случая, я думал, что у него IQ равен температуре в комнате. Теперь мне показалось, что он тупее, чем кусок мыла, только опаснее.

Постепенно дымовая шашка прогорела и испустила дух, не запалив ничего другого в мешке. Мак-Чесней подобрал обугленный брезент, и мы двинулись дальше, навстречу

вертолётам. Нам повезло. Этот эпизод продемонстрировал, что у нас есть столько же возможностей погибнуть от собственных рук, сколько и от Вьетконга. Вот что бывает, когда целый вагон смертоносных боеприпасов раздают компании тинэйджеров. Это добавляло правдивости шутке мульперсонажа Пого[87]: «Мы встретили врага, и это мы сами».

Нам также повезло, что вместо дымовой шашки ветка не выдернула чеку из осколочной гранаты. О таких случаях гласила расхожая легенда джунглей, и я уверен, что подобное случалось не раз. Позже в тот же год это случилось с Чёрным Львом из свежесформированной роты «Дельта». Другой солдат из роты «Дельта», кто всё это видел, сказал, что с одного конца погибший джи-ай был так изувечен, что казалось, как будто его до половины сожрала акула.

База в Лай Кхе была такой же безмятежной, как обычно, её приятно было называть своим домом и возвращаться туда после операции. Даже в самые жаркие дни можно было рассчитывать, что под кронами каучуковых деревьев ветерок сдует несколько градусов и создаст эффект аэротрубы, чтобы охладить вас. Душ, перемена одежды и еда в столовой казались нам поездкой на курорт во время уик-энда.

Для тех джи-ай, что редко покидали Лай Кхе, для тех, кто проводил свой год за работой в армейском магазине, на обслуживании вертолётов, это место не было таким уж прекрасным. Для них там было грязно и скучно, и они дождаться не могли, чтобы оттуда уехать. Для нас она было чистым и весёлым, и даже еда была хорошей. Это было место, где нам казалось, что война — не такая уж скверная штука; место, где мы могли снизить свой уровень тревожности на пару делений. Всё на свете относительно.

Стоять перед армейским магазином и глядеть на проходящих людей и проезжающие машины в тот день было для меня настоящим развлечением. Некоторое время я только этим и занимался. Кроме того, последнее, чего мне хотелось — болтаться возле роты достаточно долго, чтобы кто-нибудь решил, что я недостаточно продуктивен и назначил меня на псевдо-работы.

Герберт Бек, мой приятель с пехотной подготовки в Джорджии и из роты «Альфа», подошёл, и уже с десяти метров закричал, что не верит, что я до сих пор жив. Я сразу узнал его голос, и очень обрадовался. Он тоже сбежал с территории роты, чтобы избежать ужасного слова из шести букв: «работа». Герб горько жаловался насчёт общенационального недостатка холодной газировки и предложил отправиться на дело в деревню,

чтобы её раздобыть. Так мы и сделали, на ходу обмениваясь своими армейскими историями.

Наблюдался не только недостаток холодной газировки, но ещё и острый недостаток хороших брэндов. Временами единственным доступным вкусом был апельсин, а «Кока-Колу» или «Пепси» найти было трудно. Лишь изредка появлялась виноградная газировка. Мне она казалась слишком едкой, так что я пил её лишь в крайних случаях.

Порой сокращение выбора газировки сопровождался сужением ассортимента и качества пива. Зачастую выбор был такой: «Хэммс» или ничего. Теоретически этот феномен объясняла легенда джунглей, которую я впервые услышал на одной из лекций сержанта Лазаньи. Он рассказал, что в попытках подорвать на Громовой Дороге транспортное средство из направляющегося в Лай Кхе конвоя, враги всегда стараются накрыть грузовик с пивом, чтобы расшатать нашу мораль. Я не был уверен в надёжности этой теории. Она выглядела малоправдоподобной.

На нашем обратном пути из деревни мы обсудили несколько тем. Мы сошлись в нескольких трюизмах относительно того, что знал любой джи-ай по эту сторону от Северного Полюса, хоть это и ускользало от понимания членов Объединённого Командования в Вашингтоне, округ Колумбия: некоторые части АРВН бесполезны, мы не можем победить без них, нам нужно больше Б-52, нам надо бомбить противника круглые сутки, а когда у нас закончатся бомбы, нам следует сбрасывать вместо них АРВНовцев.

Впереди джип полковника Какого-то-там с личным шофёром с рёвом выехал из-за угла и резво помчался на нас. Бек и я поначалу не обращали на машину внимания, и продолжали идти, ворча и посмеиваясь. Проезжая мимо нас, полковник Какой-то-там встал, схватившись одной рукой за верхний край ветрового стекла, наклонился вперёд и отдал нам карикатурный салют.

— Доброе утро, джентльмены! — взревел он излишне громко. Он был, по-видимому, рассержен, что мы не остановились, не встали «смирно» и не отдали его королевской никчёмности щегольского воинского приветствия. Его выходка приморозила нас к месту. Мы повернулись и словно деревенщина, разинув рот, смотрели, как он скрылся вдали. Наши глаза не могли бы распахнуться шире, если бы сама леди Годива ехала голой в его джипе.

— Ах ты пидор! — завопил Бек, — Ты видел этого хуесоса?

Он кричал так громко, что поначалу я испугался, что полковник его услышит и вернётся, чтобы взъебнуть нас по-

настоящему.

— Забудь это, — предложил я, — Он просто мудак в плохом настроении. Не стоит из-за него переживать.

Бек на это не повёлся. Он вышел из себя и просто пылал от презрения.

— Нет, чувак, он оборзел. Он оборзел, просто-напросто оборзел.

Краешком глаза я посматривал через плечо на дорогу, чтобы убедиться, что полковник уезжает прочь от нас. К моему облегчению, он так и сделал. Наверное, его беспокоил недостаток формальной военной дисциплины в базовом лагере. В Штатах для нас, пеонов, соблюдение этикета было более простым вопросом. Как правило, если что-то шевелилось, вы ему отдавали приветствие. Если оно не шевелилось, вы его чистили, натирали или красили. В зоне боевых действий, к офицерам следовало относиться с обычной степень уважения, исключая весь внешний пафос и условности. От воинского приветствия в основном отказались, чтобы не давать врагам, в первую очередь снайперам, подсказок, кто именно является офицером. На вылазках в поле приветствие было фактически ликвидировано. Полковник должен был об этом знать. Чёрт, им же должны были рассказывать в Вест-Пойнте, как один из наполеоновских стрелков убил в Трафальгарской битве адмирала Нельсона — человека в пышной униформе, которому все салютовали.

На мой взгляд, офицеров можно было опознать и без приветствий. Офицерами были те, кто не нёс на себе так много барахла, как мы. В любом случае, меня обескуражило то, что мы прошли через все эти дела в лесу, а затем наткнулись на этого долбоёба, страдающего синдромом маленького члена, который накормил нас говном из-за такой ерунды. Возможно, он не поступил бы так, если бы знал, что мы пехота, а не тыловой эшелон. В базовом лагере мы не носили ни оружия, ни другого военного снаряжения, которое подсказало бы ему, что мы топчем поле. Наш оливковый камуфляж и бейсбольные кепи были такими же, как у всех. В тот день мы не носили на рубашках значок боевого пехотинца, чтобы отличаться от тыловиков.

Мы с Гербом попрощались, пообещав друг другу встретиться в следующий раз, когда наши подразделения снова окажутся в Лай Кхе. Мы отточили наше искусство ободряющих бесед. Вместо того, чтобы обсуждать шансы на выживание, мы говорили о будущих встречах, как о fait accompli. Наше взаимное доверие росло.

Больше я никогда не видел Герба. Он не погиб, но в следующий раз в Лай Кхе мне сказали, что он под арестом за то,

что якобы треснул офицеру по невыясненной причине. Я не узнал, попал ли он под трибунал, и чем закончилось его дело.

Горькое разочарование охватило меня, когда я прошёл сквозь каучуковые деревья и приблизился к баракам. Там в ротном проезде стояли грузовики, и солдаты суетились вокруг них. Картина была столь же желанной, как какашка в банке с компотом. Вопрос о свободном остатке дня отпал сам собой. Случилось что-то плохое, и меня должны были пригласить поучаствовать в празднике. Я ускорил шаг, потому что знал, какая бы чертовщина там ни готовилась, мне явно лучше отправляться вместе со всеми.

Дело заварилось в нескольких километрах к северу по Громовой Дороге. По-видимому, горстку ВК преследовали три танка под названиями «Кровавая Мэри», «Завсегдатай» и «Пивная бочка». Я не знаю, к какому полку и батальону они принадлежали, но очевидно, все они числились в роте «Браво». У одного из них слетела гусеница, и он не мог двигаться дальше. Охотники превратились в добычу, и ВК окружили машины, подобно муравьям, подбирающимся к раненому жуку. Периодически они подходили достаточно близко, чтобы сделать выстрел или два, прежде чем их отгоняли огнём из пулемёта. Нашей задачей было двигаться в пешем порядке и разогнать снайперов, чтобы танкисты могли спокойно починить свою машину и отправиться обратно в Лай Кхе.

Наша колонна неслась на бешеной скорости. Мы не притормаживали перед кочками или небольшими ухабами, пролетая мимо поломанных колёс и изувеченных обломков машин, которые усеивали дорогу. Головная машина непредсказуемо виляла, объезжая повозки и воронки, казавшиеся достаточно большими, чтобы поглотить грузовик. Без охранения не было времени снижать скорость или ехать осторожно. Дистанция между машинами была устрашающе маленькой. Ведомые машины ничего не видели из-за пыли, поднимаемой предыдущим грузовиком. Единственной надеждой было ехать вплотную и вилять вслед за ним. К тому времени, как мы остановились, меня так укачало, что я предпочёл бы вылезти и встретиться лицом к лицу с целой дивизией Вьетконга, чем проехать в этом грузовике ещё один фут.

К счастью, дело происходило метрах в ста пятидесяти от дороги, так что появилась возможность несколько минут пройтись и отдохнуть от тряски, и не бросаться сразу в гущу событий. Найти танки оказалось нетрудно. Мы шли на звуки стрельбы, а Фэйрмен установил с танкистами связь по рации и запросил прекратить огонь в нашем направлении. Поскольку ВК

вовремя не засекли нашего прибытия, мы смогли подойти прямо к танкам до того, как они сделали по нам первые выстрелы. Почти час мы просидели в джунглях, окружающих охромевшую «Кровавую Мэри». Заросли в этом месте были такими густыми, что если кто-то стрелял, то мы слышали хлопок, но не видели ни стрелка, ни даже вспышки. Мы прикидывали, могут ли они видеть нас. Наверное, они не могли. Мы платили им, поливая джунгли приблизительно в направлении выстрелов.

Всё это время «Кровавая Мэри» на одной гусенице то дёргалась вперёд, то отскакивала назад, то бешено вращалась, пока водитель пытался направить её на новую гусеницу, которую разложил экипаж. Прометавшись , словно слон под ЛСД, с полчаса, танк двинулся вперёд с надетой гусеницей. Все танки и солдаты тут же двинулись обратно в сторону Лай Кхе.

Вечернее небо уже чернело, когда мы встретились с грузовиками, которые были отправлены забрать нас. Нас удивило, что их было меньше, чем когда мы ехали в прошлый раз. Мы шутили, что они не ждали, что мы все вернёмся. Половина 1-го взвода, включая и моё отделение, было решено оставить на месте, чтобы забрать позже.

Солнце заходило, наступала тьма, грузовики уехали, а мы остались одни на вражеской территории. Кавалерия спешит на помощь! Едва мы забеспокоились, как вновь появились три танка. Они прогрохотали мимо, когда грузовики начинали грузиться. Когда танкисты увидели, что нас бросили, они выполнили разворот на 180 градусов и вернулись за нами. С полдюжины наших повисло на каждом танке, и мы двинулись домой. Мне досталось место на левом переднем крыле «Завсегдатая». Раньше я никогда не ездил на танке, и думал, что это реально круто. Я сфотографировал водителя танка, люк которого находился прямо под мной. Затем я передал фотоаппарат сидящему в башне командиру танка, чтобы он сверху снял меня и Джилберта. Никогда в жизни я не видел, чтобы такая огромная и тяжёлая штука мчалась так быстро. Пожалуй, танку нужны были новые амортизаторы, потому что поездка получилась жёсткой. Нас болтало вверх и вниз и мы изо всех сил цеплялись за что попало, чтобы ботинок или штанина не попали в гусеницу. Это было куда более захватывающе, чем любой аттракцион в Диснейленде, что мне доводилось испытать. Мы мчались в Лай Кхе по пятам за грузовиками, и за нами тянулся шлейф пыли. Мы были очень похожи на караван фургонов, спешащий успеть в Форт-Апач до наступления темноты, и чувствовали себя так же. Это было потрясающе. Это было весело.

К несчастью, мы не только успели в Лай Кхе до окончания

вечера, но и добрались до расположения роты, где были вознаграждены за спасение танков отправкой в ночную засаду. Было уже по-настоящему темно, когда мы пересекали реку. Мы немного задержались перед рекой, надеясь, что в последнюю минуту командование отменит наше задание из-за темноты. Этого не произошло. Уходя, я отметил, что было уже так чертовски темно, что я не смог разглядеть ядра в кустах. Это показалось мне плохим знамением. Я обычно проверял их перед переходом через реку. Они стали как бы домашними животными, привычной вещью, которая всегда лежала на своём месте, как символ безопасных пределов базового лагеря, и которая непременно должна была быть там, чтобы приветствовать и защищать меня.

Слава Богу, патруль возглавлял Шарп. Он не намеревался заходить слишком далеко по индейской территории ночью. Мы не знали, насколько далеко он скажет нам отойти. Однако, перейдя вброд реку, он остановился и устроил засаду прежде, чем с нашей одежды успела стечь вода. Это была самая близкая засада, зафиксированная в истории. Может, мы и прошли назначенное расстояние, но я в этом сомневаюсь.

Была и скверная сторона. Мы не отошли от батальонов москитов, которые обычно набрасывались на нас около реки и отставали по мере нашего удаления. Первая волна накинулась на нас с яростью, которая продолжалась всю ночь. Я обычно не пользовался репеллентом, потому что он был слишком жирным и липким. Эта ночь стала исключением. Я покрыл репеллентом всё — своё лицо, волосы, уши. Испарения обжигали мне ноздри. Я делал с этой маслянистой жидкостью все, что можно представить, разве что не пил. Эта штука вообще не работала, а иногда, казалось, давала обратный эффект. Всё равно, что пытаться отгонять мух шоколадным сиропом.

Ближе к полуночи нас начал донимать лёгкий, перемежающийся дождь. Потом он усилился и промочил нас. И хотя днём ни сильные дожди, ни мокрота меня не напрягали, ночью всё оказалось куда проблематичнее. Уснуть было трудно, всё равно, что пытаться спать под душем. Дождь был прохладным, чтобы не сказать холодным, и он на какое-то время утвердил меня в мысли, что весь этот Вьетнам — полная хуйня, и, пожалуй, не стоит за него сражаться. Однако, у дождя был один небольшой плюс. Когда он шёл, то отгонял большинство москитов от человеческой столовой и заставлял их прятаться на нижней стороне листьев.

Стоило дождю отступить, как москиты возвращались. Чтобы ещё больше нас унизить, каждый москит, вне зависимости от

того, куда он собирался ужалить, вначале воздавал должное ушам. Совершенно невозможно было уснуть под их натиском. Около 0100 часов я накрыл себе лицо и шею пустыми мешками и засунул руки в такие же мешки, как будто надел огромные варежки. Я, должно быть, выглядел, как частично замотанный мертвец, случайно оставленный после боя. Тем не менее, мне удалось недолго поспать, потому что я постепенно отключился либо от усталости, либо от потери крови. С учётом всего перечисленного, эта ночь запомнилась мне, как первоклассно отстойная.

В столовой на следующее утро нам подавали обычные для завтрака блюда — яйца (всегда в виде омлета вперемешку), бекон или сосиски, тосты или булочки с букашками, овсянку, фруктовый сок, кофе и кошмарное восстановленное молоко. В тот день они добавили в меню резаную свёклу в свекольном соке. Нам и так давали свёклу в половине всех обедов и ужинов в Лай Кхе. Теперь она вторглась и в меню завтрака. Меня от неё так тошнило, что один её вид уничтожил мой аппетит, так что я оставил свой завтрак несъеденным. Может быть, мы поддерживали местных фермеров. Может быть, свёклу поставлял округ какого-то могущественного конгрессмена в Штатах. Неважно. Потеря веса или не потеря веса, я просто не мог её больше есть, даже смотреть на неё.

Вернувшись в барак, я сидел на своей тумбочке, чтобы отдохнуть, прежде чем сменить мокрую и грязную форму. В нескольких койках от меня мягко наигрывал чей-то транзистор. Как раз начиналось «Шоу Крис Ноэль». Крис была роскошной, длинноногой блондинкой, которая вела передачу на радио вооружённых сил. Она должна была быть наполовину ангелом. Когда она не была занята на радио, то отправлялась на вертолёте на оторванные от мира базы огневой поддержки или отдалённые форпосты, чтобы подбодрить солдат. Она носила волнующие наряды вроде короткой мини-юбки и кожаных сапожек до колена.

Каждый был в неё влюблён. Она начинала передачи словами «Это „Шоу Крис Ноэль“, и у вас свидание с Крис». Каждый день тысячи военнослужащих слушали её вступительные слова и прикидывали возможность того, что она говорит специально для них. Я тоже так делал, желая, чтобы её слова оказались правдой.

Винтовка Джеймисона внезапно грохнула и проделала большую дыру в его ступне.

— Чёрт подери, кто засунул патрон мне в винтовку? — громко завопил Джеймисон, как будто у кого-то были причины забавляться с его оружием. Всем было ясно, что он забыл выбросить патрон из патронника и теперь пытается на кого-

нибудь свалить вину. Через несколько секунд он лежал на полу, стонал и держался за ногу. Когда он снял ботинок, то на нижней стороне ступни виднелось что-то белое и блестящее. Это была либо торчащая кость, либо свисающее сухожилие. От этого зрелища я чуть не блеванул. У меня тоже заболела нога. Я чуть не начал хромать. Вскоре подъехал джип, и Джеймисона увезли в медпункт, где ему объявили, что его нога слишком сильно повреждена и его отправят в Штаты.

Мне никогда не нравился этот парень. Он казался мне напыщенным ослом, неспособным самостоятельно думать. Тем не менее, он заслуживал лучшей участи. В армии не признают самострелов, случайных или каких-то ещё. Тут их никогда не любили и никогда не будут. Каждый такой случай толкуется, как умышленное членовредительство. Соответственно, они присылали психологов и психиатров всех видов поговорить с Джеймисоном до его отъезда и убедить его подписать официальное признание, что он умышленно выстрелил себе в ногу. Раз в жизни он отказался держать рот на замке и делать, как велено. Он отказался подписывать. Я был рад за него, что он принял верное решение.

Эти случайные выстрелы не были такими уж непредсказуемыми. Несколькими неделями ранее грузовик, перевозивший в Лай Кхе роту «Альфа» налетел на кочку на дороге. Винтовка у одного бедняги сработала, выстрелив ему в живот, да не один, а два раза. После этого ввели правило, что если вы въезжаете в Лай Кхе на грузовике, вам полагается разрядить винтовку, как только вы миновали ворота.

Была введена и ещё одна мера предосторожности, направленная на предупреждение подобных членовредительских происшествий. Когда мы отправлялись в поле на вертолётах, нас иногда выстраивали прямо на лётном поле. Когда все выстраивались, мы разряжали свои винтовки, а затем, направив их в небо, передёргивали затворы и нажимали на спуск, чтобы убедиться, что в патроннике пусто. Для двойной надёжности мы повторяли процедуру.

После убытия Джеймисона оживление утихло, и я продолжал сидеть на тумбочке в растительном режиме. Небольшая компания мух отрабатывала взлёт и посадку на забрызганных кровью досках. Никто не пытался убраться. Никому не было дела. Это не то, что поселиться в отеле «Ритц». Единственной попыткой навести порядок стало то, что кто-то выкинул пробитый ботинок за дверь, в ротный проезд.

Внезапно задняя дверь распахнулась и вошёл Фэйрмен. Он шагал прямо по центральному проходу, и тарахтел без остановки

словно телетайп. Он проинформировал нас, что перерыв окончен, мы все должны чувствовать себя свежими и отдохнувшими после нескольких дней отдыха и быть готовыми отправляться на вертолёте в полной выкладке в 1100 часов для длительного пребывания в джунглях. Не переставая болтать, он вышел через переднюю дверь, перешагнул через окровавленный ботинок и перешёл в следующий барак.

Вертолёты снова отвезли нас в лагерь на базе у подножия Чёрной Вдовы в провинции Тай Нинь. В наше отсутствие лагерь разительно изменился. Он стал гораздо больше, появились тармаковые дороги, многочисленные постройки, склад боеприпасов, длинные посадочные полосы, и множество бронетехники и артиллерийских орудий было расставлено, казалось, повсюду.

Только одно не изменилось. Местные ВК по-прежнему были тут и оставались столь же недружественными, как и раньше, устроив нам короткий миномётный обстрел, едва мы высадились из вертолётов. В последовавшей суматохе вертолеты быстро оторвались от земли и улетели в безопасное место, оставив нас стоящими пригнувшись возле взлётной полосы. Почти все мины упали метрах в двухстах в стороне. Задним число этот обстрел выглядел весьма непродуктивным. В земле осталось несколько ям, но мы не видели ни одного прямого попадания в постройки или технику. Трёх или четырёх человек из местного обслуживающего персонала, никто из которых не принадлежал к Чёрным Львам, ранило осколками. Конечно, же, если вы оказались в их числе, то это была бы самая жестокая бомбёжка со времён Пёрл-Харбора.

Наш батальонный лагерь в джунглях выглядел точно так же, как мы его оставили, если не считать существенного прибавления разбросанного вокруг мусора. Наша потрёпанная, изношенная засадная позиция около дороги тоже находилась на своём месте. Командование было без ума от этой позиции. Они, должно быть, думали, что это наиболее вероятное место, где ВК пойдут, направляясь к нашему батальону. Судьбе было угодно, чтобы 3-е отделение направили в засаду именно в это месте прямо в первую ночь после нашего возвращения.

Бог знает почему, но по какой-то причине наш патруль возглавлял сержант Картер, а сержант Шарп остался на периметре с отделением Картера. Возможно, картер проиграл какое-то пари о политике. Так или иначе, он повёл себя удивительно. Он не чередовал час сна в часом бодрствования, как делали в засадах другие командиры отделений. Вместо этого Картер поставил трёх бойцов на три позиции в линию

параллельно дороге, устроив таким образом засаду. Затем он сам занял позицию немного позади нас, чтобы прикрывать тыл. И там на своей уединённой позиции он не спал целую ночь. Ему было лет тридцать пять, у него, по-видимому, дома остались жена и дети, которых он хотел увидеть снова. Женатые парни всегда вели себя так, как будто им больше терять, чем неженатым. Как я думаю, он просто не доверял компании тинэйджеров, которые могут отключиться в самое неподходящее время. Поэтому, оставаясь настороже всю ночь, он мог не беспокоиться, что ВК подкрадутся и застанут всех спящими.

Первая половина ночи прошла в высшей мере необычно. Группа из полудюжины танков М-60 проехала по дороге перед нами. Когда они двигались мимо нам, мы чувствовали, что земля под нами вибрирует. На каждом танке над пушкой стоял прожектор в сто миллионов свечей, направленный на дорогу. Они выглядели прямо как зенитные прожектора, которыми во время Второй Мировой войны освещали вражеские самолёты, только эти были квадратными, а не круглыми и меньше размером. Поначалу танки нас испугали. Мы не знали, куда они направляются. Ночные патрулирования с бронетехникой были необычным делом. Нас беспокоило то, что они не знали, что мы там. Нам не хотелось, что, чтобы они заметили движение и начали нас крушить. Ещё хуже было бы, если бы они, оказавшись перед нами, вдруг решили повернуть в нашем направлении и двинуться в джунгли. Нас бы раскатало в лепёшку. Они несколько раз проехали туда и сюда по дороге, за ними весело было наблюдать и время пролетало быстрее. Когда они проезжали мимо нас, стоял такой грохот, что можно было кашлять, громко пердеть, или даже разговаривать нормальным голосом, не боясь, что нас услышат. Ближе к полуночи они проехали в последний раз.

Утренние часы проходили один за другим, а сержант Картер продолжал своё ночное бдение позади нас. Если бы он обратил внимание на меньшее, чем обычно количество приглушённых зевков, скучающих вздохов и потягиваний, то, может быть, понял бы, что все мы спали. Он, однако, заметил одиночную фигуру, одинокого ВК, идущего по дороге в нашу сторону. Картер ждал, что кто-то откроет огонь. Никто не стрелял.

— Стреляйте! Стреляйте! Черт побери, стреляйте кто-нибудь! — завопил он злобно.

Сквозь глубокий сон я не имел ни малейшего понятия, что происходит. Был мой черёд спать, и я эффективно справлялся со своими обязанностями. Кто-то выпустил по прохожему пол-магазина, и тот отскочил, словно кролик, проламываясь сквозь кусты на другой стороне дороги. Он выскочил из своих

хошиминовых сандалий, которые мы нашли на дороге, когда взошло солнце. После выстрелов Кордова встал и швырнул в того парня пару гранат. Утром мы разошлись во мнениях насчёт того, нашли мы кровь, или нет. Некоторые посчитали, что крошечные коричневые пятнышки в паре мест на камнях были человеческого происхождения. Я на это не купился. По-моему, они больше напоминали маленькие кучки мушиного дерьма. Решающий голос, сержант Картер, был так обижен на нас, что вообще отказался пойти посмотреть.

На обратной дороге к периметру мы пересекли дорогу и вошли в джунгли на другой стороне, чтобы вернуться другим маршрутом. Там мы заметили легко опознаваемые пятна крови. Что-то и впрямь задело нашего ночного визитёра. Отлично! Нам было бы очень на руку, если бы его серьёзно покалечило, или, ещё лучше, если бы его раны оказались бы инфицированы, так что он израсходовал бы целые недели дорогостоящих вьетконговских человеко-часов и с трудом добытых медикаментов, прежде, чем умрёт.

Наша засады была упущенной возможностью. Даже те из нас, кому не полагалась бодрствовать и стоять на вахте, принимали на себя коллективную вину за неспособность взять инициативу в свои руки и убить этого парня. Мы знали, что у Фэйрмена найдутся едкие замечания для каждого из нас. После возвращения на территорию лагеря мы немедленно разделились и разошлись в разные стороны, прежде, чем он успел накрыть нас всех вместе. Затем, вполне ожидаемо, при персональном разборе каждый из нас поклялся на Библии, что была его очередь спать, и валил всё на остальных. Вскоре про этот случай забыли.

Утром наша рота вылетела на вертолёте на зачистку. Похоже, что мы весь день находились близко к чему-то, но так его и не ухватили. В первый же час в поле головное отделение обнаружило четыре безымянные могилы неопределенного возраста. Слава Богу, их нашли не мы, так что нам не пришлось обыскивать их в поисках оружия. Не нужно было быть окружным коронером, чтобы сказать, что смерть наступила в не слишком отдалённом прошлом, но могилы определённо не были свежими. Разложение было в самом разгаре — мы имели дело с пиром для червей. Запах разлагающихся тел было трудно описать и невозможно забыть. Через несколько минут смрад eau de cadaver заставил мой нос сбежать для самозащиты.

Пока шёл обыск могил, я в основном стоял, прислонившись к засохшему дереву. Листья с него облетели, так что тени оно почти не давало. Ствол, однако, был толщиной в восемнадцать дюймов и загораживал меня от солнца. Постепенно, кусок коры, к

которому я прислонялся, начал отваливаться. Кусок размером один на два фута отслоился и упал на землю. Под ним показались десятки отвратительных, бутылочного цвета, скорпионов, разбегающихся во все стороны, чтобы найти новое укрытие на дереве. Они находились прямо возле моего лица. От их вида я покрылся гусиной кожей.

Позже в тот же день мы по какой-то причине остановились, и часть колонны, относящаяся к 3-ему отделению, оказалась на старом кладбище с десятками небольших бетонных надгробий. Они были невысокими, всего лишь фута в полтора высотой. Мы воспользовались надгробиями в качестве стульчиков, и присели на время ожидания. К счастью, нас окружала густая листва, и никто нас не видел.

Каждый раз, когда мы проходили через кладбище, мы говорили насчёт того, чтобы остановиться там на ночлег. Легенда джунглей гласила, что ВК не осмелятся нападать на кладбище, потому что это было бы неуважение к предкам. Я на это не вёлся. Вьетконговцы часто убивали и калечили женщин и детей, взрывая бомбы на рынках или на переполненных улицах, чтобы добиться своего. Лидеры и агенты ФНО (Фронта Национального Освобождения), коммунистической организации в Южном Вьетнаме, похоже, не имели особой совести. Они были кучкой морально обанкротившихся мясников, и несколько мёртвых тел на пути их не остановили бы. Кроме того, я не собирался располагаться на ночь, не окапываясь, и мне чертовки не хотелось копать в местах, где можно выкопать рёбра, позвоночники и другие нездоровые вещи. Это было бы по самой меньше мере неприглядно.

На мой взгляд, нам ни чему было там задерживаться. Единственным положительным моментом были маленькие надгробные сиденья, чтобы на них присесть. Ещё там росли съедобные острые перцы, парни нашли их растущими вокруг могил и собирали их в качестве приправы к пайкам на ближайшее будущее. Мне они были ни к чему. Мы, похоже, всегда находили их около кладбищ, как будто бы они получали какое-то особое удобрение из окружающей почвы. Я не ел ничего, что разрасталось на человеческом компосте.

По соседству мы, после того, как продолжили свой поход, нашли остатки того, что могло быть храмом. По моей оценке, изначально он мог иметь размеры примерно как ранчо с одной спальней. Теперь это была куча булыжника едва ли в три фута высотой, результат бомбёжки или артобстрела.

К моему изумлению, метров через сорок за храмом лежала керамическая голова Будды. Она была размером с мяч для

софтбола и была аккуратно отломлена по шее, без ущерба для лица. Самое удивительное, что больше никто её не заметил, или поленился поднять. Она отправилась прямиком в мой рюкзак в качестве сувенира.

Некоторые дни выдавались какими-то сухими. Мы особо не потели, даже несмотря на удушающую жару. Другие дни были жаркими и мокрыми от пота. Тот день был мокрым. Моя одежда набрякла. Пот со лба стекал по моему длинному носу и капал с его кончика, словно из протекающего крана. Иногда, когда я резко поворачивал голову, крупные капли отлетали и падали на сигарету «Олд Голд» у меня во рту. Несколько попаданий могли её погасить или заставить развалиться надвое. Самым лучшим в мокрые дни было во время остановки оказаться в тени и поймать неожиданный ветерок, тогда казалось, что вы вошли в морозильную камеру. Настоящее наслаждение. Это освежало лучше, чем сон.

Впереди, на поляне, наш парадный марш застопорился. Пути нашей роты пересеклись с вьетконговцем без рубашки, опиравшимся на сук дерева вместо костыля. Его рубашка была обёрнута вокруг его правой голени, где должна была быть его ступня. Одному Богу известно, как он её потерял, по-видимому, он на что-то наступил. Ещё большей тайной было почему он не истёк кровью, как он переносил боль и где спрятал своё оружие.

Мы не получили ответа ни на один из этих вопросов. Как обычно, с нами не было переводчика. Не желая, чтобы его допрашивали, этот парень скорее согласился бы есть толчёное стекло, нежели сказать хоть слово по-английски. Чрезвычайно редко можно было встретить молодого человека, который не знал хотя бы нескольких английских слов. Впрочем, мы не могли ничего доказать, и этот парень молчал, как мексиканец, задержанный калифорнийской дорожной полицией.

Конечно же, у этого засранца был с собой «билет Чиеу Хой». Он был у всех. «Билетами Чиеу Хой» назывались яркие, три на шесть дюймов, листовки, которыми наша служба психологической войны миллионами разбрасывала с самолётов по всему Вьетнаму. «Пропуск на свободный проход признаётся всеми учреждениями правительства Вьетнама и Объединённых сил», так там было напечатано по-английски. Остальной текст состоял из нескольких абзацев на вьетнамской тарабарщине. Если вы были ВК или хотели переметнуться на нашу сторону, эти бумажки должны были стать гарантией гуманного обращения, никаких грубостей. На некоторых имелась фотография улыбающегося АРВН, обнимающего за плечи ВК, который, конечно же, тоже улыбался. Глядя на неё, вы вспоминали, как

АРВН обращались с военнопленными в прошлом. Другая версия содержала наивный рисунок ВК, стоящего на развилке дороги. Одна дорога вела в мирную деревню. Другая вела в место, куда падали бомбы. Как тонко.

Многие ВК носили при себе «билеты Чиеу Хой» и начинали размахивать ими каждый раз, когда не могли больше убегать, или, наоборот, попадались в ловушку, словно крысы. Мы все считали, что эта программа была невероятной глупостью. Зачем давать этим парням билеты на выход из тюрьмы и лучшее обращение, чем другим пленным ВК? На обратной стороне билета должно было быть написано: «Если я не начну размахивать этой штукой до того, как буду полностью окружён или взят в плен, то, пожалуйста, пристрелите меня». Вскоре прилетел даст-офф и увёз нашего нового одноногого друга в госпиталь.

Вьетконговцы тоже пробовали силы в психологической войне со своими маленькими листовками размером с почтовую открытку, которые они разбрасывали вокруг наших войсковых частей. Они были довольно простыми — чёрная печать на светло-коричневой бумаге, без цвета, рисунков или фотографий. Заголовок обычно был такой: «Зачем тебе это, джи-ай?» жирным шрифтом. Затем шло нехитрое обращение, наподобие такого: «Боевые выплаты и „Пурпурное сердце“, если повезёт. Деньги значат немного, если приехал домой в ящике».

Мне больше всего нравился выпад в адрес секретаря по безопасности Роберта Макнамары: «Макнамара говорит, что американцам придётся научиться переносить потери. И он имеет в виду тебя, братишка. Сам он не будет потеть в джунглях и не поедет домой в гробу». Это было смешно, но честно. Мне было любопытно, слышал ли Макнамара когда-нибудь об этих листовках. Окажется ли какой-нибудь сотрудник министерства обороны достаточно глупым, чтобы обратить на неё его внимание и рискнуть дослуживать остаток дней на военной базе на Алеутских островах?

Вскоре после того, как раненого ВК эвакуировали, мы встретились с несколькими грузовиками и нас отвезли обратно в зону Рино на нашей базе в Фу Лой. К нашему удивлению, в тот день мы больше не получили заданий. Большая часть отделения и я тоже пошли на расположенную неподалёку автобазу и попросились воспользоваться их душем. Сержант Залупа, несколько полноватый мужчина с редеющими волосами, категорически отказал нам. Он сказал, что нас слишком много и он не собирается рисковать запасами чистой воды. Нам нельзя было воспользоваться их удобствами, даже если бы мы помылись реально быстро, как мы ему предложили.

Сержант мне не понравился. Насколько я мог разглядеть, на его камуфляже не было заметно ни единой молекулы грязи. На самом деле он выглядел, как недавно отглаженный и накрахмаленный. По моему мнению, это автоматически классифицировало его, как сопляка по социальной шкале американских военнослужащих во Вьетнаме. Он заслуживал нашего презрения.

По дороге обратно в роту неподалёку от офиса сержанта Залупы мы наткнулись на бетонный водоём футов в тридцать длиной, десять в ширину и два в глубину. Он был наполнен водой и по краям были сделаны пандусы, чтобы автомобили могли вьезжать и выезжать. Это была автомойка для грузовиков и джипов. Вода выглядела грязнее, чем в душе, но чище, чем мы сами. Частично раздевшись, то есть скинув ботинки и часть одежды, мы в разной степени раздетости пересекли водоём вброд. Используя ладони вместо губки, я смыл с себя видимую грязь и заодно освежил наиболее пахучие места вроде подмышек и промежности.

Несколько проходивших мимо тыловых типов остановились поглазеть на нас. Мы беззаботно хохотали, производили много шума и отпускали шуточки насчёт всем известного жалкого неудачника сержанта Залупы. Можно сказать, что мы воспользовались его автомойкой в равной степени, чтобы помыться и чтобы его позлить, и надеялись, что он нас видит. После купания мы потащились обратно в зону Рино. К тому времени, как мы добрались, мы уже почти высохли.

В тот день всем правило безделье. Ничего не происходило. Затем подошёл Смиттерс и рассказал нам потрясающую новость. Армия решила, что после обеда отвезёт на грузовике всех желающих из нашего числа в деревню Фу Лой на отдых. Я отнёсся скептически. Раз в жизни получить несколько часов отдыха, а тут ещё отвезут куда-то поразвлечься — это звучало невероятно. Как будто отец взял вас в парк аттракционов вместо того, чтобы просто сказать пойти поиграть во дворе. И вдобавок , если они отпускали нас на свободу в питейные заведения Фу Лой, то они не рассчитывали отправлять нас в патрулирование в ближайшую ночь. Алкоголь и засады несовместимы.

Вскоре подъехал двух-с-половиной-тонный грузовик, который должен был отвезти нас в деревню. В кузов вскарабкался почти весь взвод. Никто из нас не был в восторге от того, что оружие брать с собой не разрешалось. Это казалось неправильным. Мы почувствовали себя более комфортно, когда поняли, что главная улица находилась всего лишь в миле от зоны Рино и просто

кишела невооружённым тыловым персоналом. Если тыловые типы чувствовали там себя в безопасности, место должно было быть надёжным. Кроме того, повсюду виднелись группы военных полицейских с пистолетами.

Место было полностью безопасным, безопасным и похабным. Из кузова грузовика мы, едва въехав на главную улицу, увидели бары и публичные дома. Две девушки стояли, небрежно прислонившись к стене первого же борделя, который мы проезжали. Одна из них разговаривала с джи-ай, засунувшим руку ей между ног и ощупывавшим её киску у всех на виду. Девушка болтала с ним так спокойно и беззаботно, как будто она продавала овощи, а он ощупывал один из плодов, чтобы убедиться, что он зрелый. Другая девушка смотрела на нас, пока мы проезжали мимо. Её лицо покрывал слой штукатурки достаточный, чтобы отремонтировать разбитую дорогу, по которой мы ехали. Чёрные линии туши пытались округлить её глаза.

Местные заведения были предназначены для американцев и носили очаровательные восточные имена вроде «Чикаго-клуб» или «Додж-Сити Стейк-хаус».

Пока остальные кинулись по барам, мы с Кейном зашли в боковую улочку, просто чтобы посмотреть, что мы упустим после того, как начнётся попойка. Мы оказались в жилой зоне, отличающейся от делового квартала главной улицы. Дети бегали голышом, носились собаки, по сточным канавам текли помои. Дома были преимущественно кирпичные, а не бамбуковые. Стояла сильная вонь от мусора, выбрасываемого на землю прямо перед дверями. Запах имел гнилой городской оттенок, в некоторой степени отличавшийся от навозного деревенского запаха.

Наверное, они не были привычны к американцам, потому что никто не пытался нам ничего продать. К нам приближался тощий, как мертвец, старик, передвигающийся с помощью трости. Его кашель напоминал звук дешёвой свистульки. Он обрушил на нас поток вьетнамских слов и вынудил отступить по улице дальше от делового квартала. Мы не знали, чем этот старикан болел, но не хотели, чтобы он на нас накашлял.

Меня поразило количество собак. Все считали, что вьетнамцы едят собак так же, как мы едим коров. Среди собак встречалось непропорционально много щенков. Наверное, и хозяева ждали, пока те откормятся, или предпочитали старых собак. Я задумался, отличаются ли разные породы на вкус. Можно ли описать разницу между пуделем и грейхаундом, или они оба на вкус как курица? «Официант, будьте любезны, принесите мне ещё немного борзой».

Возможно, это была просто ещё одна легенда джунглей.

Дальше по улице располагался рыбный рынок, где предлагали товары, которые на вид мне очень понравились. Возможно, это потому, что я вырос в Калифорнии и любил морепродукты всех видов, но не видел даже сэндвича с тунцом с момента прибытия во Вьетнам.

Мы нашли буддийский храм, и постояли возле него, словно туристы, размышляя, не зайти ли внутрь. Внешние стены здания были иссечены ветром и дождём. Последнее пятнышко краски давным-давно облупилось под солнцем. Отметины от осколков покрывали стены во многих местах. Один из углов был серьёзно повреждён как будто бы взрывом. Никаких признаков ремонта. Мы прикинули, не будут ли местные возражать, если пара круглоглазых прогуляется по их святилищу. Чёрт, мы ведь по всей видимости как раз и взорвали его угол.

Через несколько минут мы тихонько вошли внутри, стараясь не беспокоить богов звуками своих шагов, скрипящих по песку, покрывающему невыметенный мраморный пол. Нас приветствовал хор храпа полувзвода АРВН, спящего внутри. Они лежали повсюду рядом со своими винтовками. Вокруг них валялись полупустые банки от газировки и пивные бутылки. Один или двое проснулись на секунду и с любопытством на нас посмотрели. По видимому, совместный сон был их дневным вкладом в военные усилия. Пошлявшись по храму несколько минут и поглядев, на что он похож изнутри, мы вышли и присоединились к остальному взводу.

Почти все военнослужащие взвода собрались в «Чикаго-клубе», накачиваясь пивом. Словно компания тинэйджеров, отрывающихся без родителей, из всех имеющихся они выбрали самый броский, самый убогий бар, какой только можно представить. Неряшливо нарисованные, гигантские изображения голых женщин с циклопическими грудями и торчащими сосками покрывали выходящие на улицу окна. Гирлянды красных и зелёных лампочек мигали вокруг дверей и окон. Внутри едва одетые молодые проститутки с густо накрашенными лицами в лихорадочном темпе осаждали джи-ай на предмет выпивки. Если говорить о пошлости, то это место было вне конкуренции. Вся эта сцена заставила бы покраснеть лас-вегасского сутенёра.

Войдя, я не успел даже сдуть пену со своей первой кружки пива , как двое военных полицейских вплыли внутрь и приказали посетителям расходиться. Не верилось, что в этом место что-то может оказаться незаконным. Один из них хлопнул меня по плечу, спросил, отношусь ли я к 2/28 и сказал мне выходить наружу и грузиться в двух-с-половиной-тонный грузовик. Затем он пошёл дальше, не дожидаясь ответа.

Снаружи водитель грузовика, чьи рыжие волосы были такими яркими, что казалось, что они загорелись, зевнул показав большой кусок жевательного табака у себя во рту. Затем он проинформировал меня, что снайпер обстрелял старосту деревни в небольшом поселении чуть дальше по дороге. Нас отправляли «прояснить ситуацию», как он сказал с полуулыбкой, полуухмылкой. Такого рода события не были в Южном Вьетнаме чем-то необычным: у Вьетконга были весьма либеральные взгляды на убийства в отношениях с гражданскими лицами, которые им не нравились.

Для начала мы вернулись в зону Рино за оружием и снаряжением. Грузовики ждали неподалёку, пока мы собирали свои вещи и залезали обратно на борт. Мы снова проехали через Фу Лой, а затем свернули на узкую дорогу. Через минуту или две грузовики остановились. Нас высадили рядом с широкой канавой, пролегавшей перпендикулярно основной дороге, проходящей через деревню. Наша позиция была метрах в семидесяти пяти от главных ворот и ближайших домиков.

Мы укрылись в канаве и наблюдали, как несколько крестьян пробежали по дороге в нашу сторону от своих домов в деревне. Один или двое из них выглядели обеспокоенно, но большинство казались безразличными. Они к этому привыкли. Это просто обычное дело, когда вы живёте в деревне Буйволиная Лепёшка, штат Южный Вьетнам.

Позади нас солдаты из подразделения АРВН занимали бетонный блокпост, окружённый сетчатым забором и колючей проволокой. Богомерзкая какофония вьетнамской рок-музыки разносилась изнутри. Особой деятельности там видно не было. Парням, слушающим музыку внутри, было совершенно неинтересно выйти и посмотреть, что делается. Единственный часовой сидел в шезлонге в тени огромного пляжного зонтика и посасывал из бутылки апельсиновую газировку. Ему, должно быть, было любопытно, как мы собираемся войти в деревню, но особого значения это ни имело, потому что одно он знал наверняка — сам он туда не пойдёт из-за снайпера. А мы шли. Когда я обернулся и встретился с ним взглядом, он протянул руку с бутылкой газировки, как будто собирался со мной чокнуться, а

затем запрокинул голову и громко захохотал.

Он меня взбесил. Я хотел показать ему средний палец, но не знал, что он означает в этой части мира. Есть поговорка, что если вы выполните за жителя Востока его работу, он вас поблагодарит. Если вы выполните его работу второй раз, она становится вашей. Этот парень держался так, как будто мы уже выполняли его работу тысячу раз. Так оно, пожалуй, и было.

Фэйрмен потребовал двух человек, чтобы они встали на дороге и проверяли удостоверения у всех, покидающих деревню. Мы с Тайнсом вызвались. Большая часть людей просто мельком показывали свои удостоверения и проходили мимо, словно рабочие, идущие на фабрику перед началом смены. Каких-либо особо подозрительных жителей не было. Тем не менее, дело оказалось не таким лёгким, как я думал. Никто не говорил по-английски, все выглядели на одно лицо, а удостоверения, которые они предъявляли, могли оказаться корейскими бейсбольными карточками. Я не был с ними знаком и не знал, на что обращать внимание.

Двое местных приближались к нам на велосипедах. ВК использовали бомбы-велосипеды для устрашения жителей, а равно солдат на протяжении многих лет. Рамы наполнялись динамитом или порохом и подрывались в людных местах, где они могли убить американских солдат, а зачастую вьетнамских женщин и детей. Один из общенациональных журналов у нас в Штатах как-то сообщал, что хитроумные ВК умели измельчать белую резиновую подошву от американских теннисных кроссовок и как-то использовать её в качестве взрывчатки, возможно, даже в велосипедных бомбах. В статье говорилось, что они убивают нас с помощью «Пи-Эф Флаерс»[88], тех, что гарантированно позволяют «бежать быстрее и прыгать выше». В эту историю труднее было поверить, чем в большую часть легенд джунглей. Так или иначе, я несколько секунд раздумывал насчёт приближающихся велосипедов, а затем посчитал их не представляющими реальной угрозы, поскольку никогда не слышал о велосипедных бомбах, применяемых в стиле камикадзе.

Один мужчина средних лет внезапно спрыгнул с повозки после того, как мы её остановили. Я резко включил заднюю на несколько шагов, прислушиваясь к его неразборчивой болтовне. Страх и тревога на моём лице ничуть его не озадачили и не остановили, так что я направил свою винтовку ему в голову. Он остановился и перестал болтать, видимо, понимая, что я на нервах и могу прострелить ему лицо. Тайнс обыскал груз бамбуковых шестов и не нашёл ни оружия, ни Бугимена. Мы позволили ему проехать. Я чувствовал, что вспотел. Позади

часовой АРВН с апельсиновой газировкой снова хохотал надо мной.

Вместо того, чтобы идти прямо по дороге в деревню, мы двигались под углом к левому краю. Мы сильно рассредоточились и набрали дистанцию, затем пересекли небольшой по узкой деревянной доске менее фута шириной. Доска висела футах в десяти над водой. Если деревенские ребятишки могли переходить по ней, не падая, то это могли и мы.

В нескольких футах от места перехода медленно вращалось деревянное водяное колесо, орошающее прелестный огуречный садик. Вся сцена казалась странно идиллической с учётом обстоятельств. Как нелепо это ни выглядело, но мы приближались к первой линии домов, одним глазом высматривая снайпера, которого собирались уничтожить, а другим глазом глядя на огурцы фермера Нгуена, на которые мы не хотели наступить. Все сельские жители скрылись по своим домам. Большая их часть не имела дверей, просто висели истрепанные тряпки, чтобы задерживать постоянный поток пыли и насекомых.

Пока мы двигались вдоль домов, маленький мальчик, одетый лишь в бирюзовую футболку, выглянул из двери, и его тут же втянула внутрь рука взрослого. Тихое, на вид безлюдное поселение, без единого человека на улице, представляло собой зловещую картину. Я чувствовал себя Гари Купером, идущим по главной улице в фильме «Ровно в полдень» [89]. Было слишком тихо. Всё это место было неприятностью, которая ждала своего часа, и мы все это знали. Селяне прятались по домам не просто так. Они все знали, что снайпер не сбежал, когда мы входили в деревню и начали проверять удостоверения возле канавы. Он всё ещё был здесь, прячась, ожидая момента, чтобы сделать свой ход против нас.

ХЛОП! ХЛОП! ХЛОП! С большим мужеством и бравадой, чем мы могли ожидать, снайпер встал из-за невысокой земляной насыпи, которая отделяла огороды от домов, где стояли мы. Он выпустил по 3-ему отделению с полдюжины пуль одну за другой подряд с очень близкого расстояния, примерно с пятнадцати метров. Оружием ему служил карабин М-1. Тот факт, что никого из наших не задело, был необъясним. Все пули ударили в землю вокруг нас, подняв маленькие фонтанчики земли, отчего все солдаты отделения упали и перекатились. Чуть дальше в нашей колонне несколько джи-ай из 4-го взвода выполнили «кругом и огонь» вместо «упасть и перекатиться». Очередь попала кандидату в ассасины в левую часть лица и оторвала ему правую часть головы. Эпизод был окончен. Всё закончилось в отрезок времени, за который сердце гука успело сократиться в последний раз.

Фэйрмен расставил большинство из нас на сторожевые позиции вокруг деревни, чтобы охранять её, а затем отправил оставшихся солдат обыскивать хижины. Мне он назначил место прямо возле усопшего. Я уверен, что он сделал это специально. Вскоре нарисовались крестьяне поглазеть на меня, на мёртвого парня и на всю гадость на земле между нами. Мы видели их и знали, что больше стрелков в деревне в тот день не осталось. Эти люди не были дураками. Если они показывались на публике, мы знали, что опасность на тот день миновала.

Небольшая кучка латунных гильз лежала рядом с телом. Я некоторое время играл с ними и перекатывал их в руке, стараясь не смотреть прямо на своего компаньона, пока я к нему в некоторой степени не привык и не смог его разглядеть. Гадость на земле была частью мозга бедняги. Он лежал на левом боку. Дыра в его черепе была такой большой, что мухи могли при желании залетать в неё и кружить внутри его головы, не приземляясь.

Когда я спросил, сожалеет ли он о том, что стрелял по нам, он не ответил. Он не отвечал ни на один из моих вопросов и замечаний. Вокруг не было тени. Было очень жарко. Было очень скучно. Часа через полтора пришёл приказ оставить деревню и отходить. Перед уходом я попрощался с мертвецом. Я полагал, что тело вскоре надоест местным жителям, и они его похоронят. На самый крайний случай они оттащат его от своего огорода и бросят на безопасном для нюха удалении.

Наряду с определёнными группами Вьетконга, состоящими из превосходных бойцов, заслуживающих уважения и прозвища «сэр Чарльз» там были и независимые, неорганизованные одиночки наподобие этого парня. Он был полоумным дурнем. Один человек с карабином не должен стрелять по колонне из сорока вооружённых до зубов солдат. Он заслуживал смерти.

Волшебным образом объявились грузовики, чтобы забрать нас. Мы как раз достигли предместий Фу Лой, когда Ирвинг, державший трофейный карабин, случайно нажал на спуск и выстрелил в небо. Очевидно, он не позаботился разрядить оружие или хотя бы поставить его на предохранитель. Не глупость ли это? Только по милости Божьей никто серьёзно не пострадал. От выстрела все дёрнулись, или пригнулись, чтобы укрыться, а затем, поняв, в чём дело, набросились на Ирвинга с проклятиями и ругательствами. У Фэйрмена на висках вздулись вены. Он так взбесился, что, казалось, он либо треснет Ирвингу, либо у него лопнет аневризма.

Нас отвезли обратно в зону Рино, и мы уже не попали в дешёвые бары Фу Лой. Пока мы там ждали, на периметре

прогремела россыпь выстрелом из ручного оружия метрах в ста двадцати от нас. Группа АРВН на нашей стороне забора стреляла куда-то за забор. С такого расстояния мы не вполне ясно видели, что там происходит, так что мы поспешили надеть каски и засели за стенами из мешков с песком. Мы находились достаточно близко, чтобы нас могло задеть, если кто-то обстреливал базу. Около двух десятков парней вели огонь с нашей стороны забора. Минут через пять или шесть перестрелка закончилась. Это случай стал ещё одним в ряду необъяснимых событий во Вьетнаме, которые нас занимали, но которым мы так и не получили объяснения.

В ту ночь мы спали в зоне Рино. Каждый час выставлялся всего один караульный на целый взвод. Моё имя не прозвучало, так что мне предстояло спать всю ночь. Это была исключительная роскошь, когда мы не стояли в Лай Кхе. В тот день происходили волнующие события, и я некоторое время писал в свой дневник, когда взошла луна. В ту ночь я решил называть свой опус «Журналом апельсиновой газировки», потому что меня до предела разозлил тот АРВНовец, который пил газировку и смеялся надо мной за то, что я делаю его работу.

Я поставил воображаемый киноэкран в своей голове на обратную перемотку и попытался увидеть, пил ли кто-нибудь из солдат АРВН, бездельничающих в храме, апельсиновую газировку. Я не смог определить. Почему они не разбудили этих парней и не отправили их против снайпера? На мой взгляд, этот эпизод прямо указывал на одну из проблем, что мы встретили, пытаясь выиграть войну.

Я решил написать президенту Джонсону письмо и рассказать, почему мы не можем выиграть войну с такими союзниками. Письмо должно было быть вежливым, и я собирался попросить у него автограф, чтобы он понял, что я его друг, предлагающий искренний совет, а не просто какой-то крикливый парень, протестующий против войны. Возможно, он прислушается к пехотинцу, который там побывал. Конечно, письмо должно было подождать до моего отъезда из Вьетнама, чтобы я не стал целью для возмездия. Я ещё не сошёл с ума. Если бы я отправил письмо до возвращения в Штаты, на своём следующем задании мне пришлось бы в одиночку высадиться с парашютом над Северным Вьетнамом.

На следующий день нас держали в резерве в зоне Рино. Нас не хотели снова отпускать в Фу Лой и прямо об этом сообщили. В предвкушении ничегонеделания я, когда мы утром зашли в армейский магазин, выбрал из их ограниченного ассортимента две книги в мягких обложках. Первую из них, «Бугенвиль» я

закончил в тот же день. В описанной в книге битве за этот остров во время Второй Мировой войны один из членов кабинета президента Джонсона, министр сельского хозяйства Орвилль Фримен, был ранен в рот. Это звучало ужасно неприятно и засело у меня в памяти. Я никогда не видел такого в кино.

Не желая таскать с собой лишний груз, я предложил книгу всем желающим. Сиверинг счёл необычным, что я прочитал книгу в один присест и начал называть меня «Профессор».

Наверное, я выглядел, как парень, которому нужно прозвище, даже несмотря на то, что ни одно из них ко мне не прилипло. Тайнс и Хьюиш некоторое время называли меня Ганг-Хо [90]после того, как я лазил в тот туннель. Ортиз называл меня Чу-Чу за мой растворимый напиток. Я бы предпочёл какое-нибудь крутое и мужественное прозвище, вроде «Убийца» или «Охотник». Ни одно из моих не годилось. «Ганг-Хо», «Чу-Чу» и «Профессор» звучали как имена героев из субботнего мульпликационного шоу.

В своих путешествиях в страну грёз меня называли Стрелок. На самом деле это было невозможно, потому что до сих пор я ни одного сраного раза никуда не попал. Если бы командование в Сайгоне узнало о моей доблести и решило бы использовать меня в секретных операциях, они сделали бы моё прозвище кодовым именем. Я бы стал Стрелком из Канзас-Сити, потому что там я родился. Мне хотелось быть особенным.

Одного из ротных лейтенантов перебросили в тыл. По всей вероятности он справлялся с обязанностями в поле и командир опасался, что кого-нибудь убьют. Будучи требовательным человеком, наш командир пожаловался командованию дивизии и добился, чтобы этого парня перевели в тыл. Все было проведено без огласки. Я был поражён, про это узнав. Мне никогда не приходило в голову, что офицера могут выпереть с войны.

На сцене появился новый офицер. Лейтенанту Билли Мёрфи предстояло привести в форму один из взводов, который разболтался. Некоторые парни из 1-го взвода считали, что мы большего положенного ходим в патрули и ночные засады, потому что этот другой взвод то и дело оказывается не готов или ненадёжен.

Одно из первых дел, что Мёрфи сделал — накрыл одного командира отделения за выпивкой в засаде. Вместо того, чтобы спустить всё на тормозах, он отправил сержанта под трибунал. Приговором стали шесть месяцев в тюрьме Лонг Бинь — и все во взводе поняли, что настали время приходить в чувство. Было не вполне ясно, засчитывается ли время в тюрьме в двенадцать месяцев службы во Вьетнаме, или нет.

На следующий день мы отошли на километр, или около того,

а затем начали «клеверный лист». Наш взвод без происшествий добрался до места, где джунгли примыкали к рисовым полям. Там мы обнаружили несколько однокомнатных домиков, стоящих возле неглубокого ручья. В доме, который обыскивал я, обнаружился старый автомобильный аккумулятор и несколько бутылок из-под газировки на полу, но в остальном ничего не указывало на что, в доме кто-то живёт. Сам по себе дом выглядел ухоженным, как будто кто-то им владел и пользовался им, чего не должно было быть, поскольку мы находились в запретной зоне. Никому не полагалось находиться на этой территории.

Внезапно Спенглер увидел ВК метрах в десяти слева от себя, выстрелил в него, но промахнулся. Гук кинулся наутёк, и кто-то еще выпустил пару пуль в его сторону. Теперь мы знали, что они здесь, а они знали то же самое про нас.

Мина «клаймор» взорвалась перед одним из наших взводов метрах в пятидесяти от нас. Взрывом накрыло двух или трёх джи-ай, и разгорелась перестрелка со взводом, или более, ВК. Все имеющиеся рации заработали, и наш взвод бегом выдвинулся в направлении боя. Мы пустились рысью в полный рост. По мере приближения звуки стрельбы усиливались, и отдельные пули пролетали в нашу сторону. Наше продвижение замедлялось, потому что мы начали пригибаться или падать на землю.

Когда добрались, я стал замечать части снаряжения, повсюду разбросанные по земле. Сержант Смит, укрывшийся за деревом, посмотрел на меня и сказал: «Брось свою лопатку». В его голосе явно звучало раздражение. Ситуация была сложная, более чем серьёзная и я этого ещё не понимал. А если бы понимал, то моя лопатка давно была бы брошена, и я держал бы свою винтовку наизготовку обеими руками, что я тут же и сделал.

Двигаясь вперед, мы с Джилбертом проходили мимо наших раненых, на которых страшно было смотреть. Затем нас направили вперёд, чтобы установить М-60 в промежутке между ранеными позади нас и ВК впереди. Звучало столько выстрелов и столько пуль проносилось вокруг со всех направлений, что трудно было собраться с мыслями. Листья и ветки срезало с кустов, небольшие облачка пыли вырастали на земле повсюду вокруг нас, и куски коры срывало с окружающих деревьев.

Метров через пятнадцать после раненых мы залегли на земле и зарядили пулемёт. Джилберт открыл огонь очередями по три-пять патронов по густым джунглям впереди нас. Мы ничего не видели сквозь них, просто кое-где виднелись отдельные вспышки, и листва шевелилась от летящих в нас пуль. То и дело пролетали трассеры. Одной из моих задач было вскрывать патронные ленты, соединять их вместе в одну гигантскую ленту и заправлять в

пулемёт, чтобы он не заглох. Когда я не был занят сцепкой лент и питанием пулемёта, я стрелял из своей М-16. Когда остальные парни подходили сзади, они сбрасывали возле нас свои ленты с патронами и отходили правее или левее, чтобы занять свои позиции в линии.

После того, как мы выпустили около шестисот патронов, ствол нашего пулемёта засветился красным и угрожал расплавиться. Пулемёт так раскалился, что сам поджигал патроны и стрелял даже без нажатия на спуск. Его понесло, как лошадь. Джилберт открыл казённик и выбил из него ленту. Затем он прокричал мне, что надо заменить ствол.

Чтобы слышать друг друга сквозь шум окружающей стрельбы, мы не могли разговаривать с обычного расстояния. Нам приходилось держать свои носы в трех или четырёх дюймах друг от друга, как будто мы две кинозвезды. Во время разговора пуля пролетела сквозь наши слова, прямо между нашими лицами и срезала торчащую между нами веточку. Это было страшно и отрезвляюще.

Звук пули нельзя ни с чем перепутать. Когда они пролетают у вас над ухом, они иногда громко щёлкают, очень похоже на щелчок дешёвого кожаного кнута, который в детстве родители купили вам на родео, а затем отобрали за то, что вы хлестнули им свою сестрёнку. Это звук трудно забыть.

Лёжа на земле, Джилберт рылся в своём рюкзаке в поисках запасного ствола. Снять раскалившийся было несложно — достаточно повернуть рычаг и выдернуть ствол за холодные сошки. Пулемётным расчётам выдавали пару толстых асбестовых рукавиц для этой нечастой операции. Никто их не носил. Они были неудобными, и, по-видимому, были закуплены Департаментом обороны для удовлетворения избирателей с подачи какого-нибудь генерала, который последний раз менял ствол пятьдесят лет назад, если вообще когда-нибудь это делал. Я забросил светящийся ствол в траву, которая тут же начала тлеть. Как будто в тут минуту нам не хватало копоти на лицах.

Позади меня прогремела оглушительная очередь из М-16. С такого близкого расстояния она перепугала меня до усрачки. Лопес и лейтенант Андерсон открыли огонь, стоя не более чем в пяти метрах от нас. Лопес широко улыбнулся, увидев мой испуг, и прокричал: «Не бойся, я тебя не задену!»

Недалеко от Лопеса лежал один из раненных в начале боя. Виллис лежал на спине, с закрытыми глазами, неподвижно. Тёмно-красные пузыри лезли из дыры в верхней части его груди. Ещё один парень, Гленн, тот, у которого жена погибла в автокатастрофе прямо перед его отъездом во Вьетнам, лежал

неподалёку от Виллиса. Суть его ранения была внешне непонятна, но он, казалось, был без сознания, если вообще не мёртв. Ещё немного поодаль лежал наиболее скверно выглядящий парень. Его накрыло «клаймором», который сорвал с него всю одежду. Обе его ноги были сломаны и изранены во многих местах. На груди у него виднелись порезы, и рука была явно сломана. Для белого парня он выглядел зеленоватым. Зрелище было тошнотворным. Пока Док Болдуин работал над ним, стараясь остановить кровотечение, пациент слабо корчился от боли, а затем потерял сознание, затем он снова пришёл в себя, и всё повторилось снова.

Пока Джилберт менял ствол, я выпускал магазин за магазином из своей М-16 очередями по два-три патрона. Из-за дыма видимость стала ещё хуже, чем была. Я палил по джунглям, не по отдельным целям или очертаниям. Пару раз мне показалось, что я заметил движение и выпустил туда очередь в пять или десять пуль.

Скоре пулемёт опять заработал на всю катушку. Скрючившись, я стоял на коленях лицом к Джилберту и подавал пятисотпатронную ленту, что я сцепил. Джилберт теперь стрелял помедленнее, чтобы поберечь новый ствол. Старый на самом деле не расплавился и не погнулся, что означало, что мы смогли бы использовать его дальше, когда он остынет.

Словно осьминог, что сжимается и исчезает в маленькой выемке или узкой расщелине на дне океана, я пытался сжаться и сделаться как можно меньше, надеясь исчезнуть из виду. Просто поразительно, насколько маленьким можно стать, когда по тебе стреляют, но достаточно маленьким никогда не станешь.

БАБАХ! Кусочек срикошетившей пули, ударившей в землю передо мной, отлетел, пробил мой ботинок и скрылся внутри моей ноги чуть ниже щиколотки. Он оставил маленькую ранку, которая почти не кровоточила, но очень здорово болела. Меня ранило в ногу. Боль была такой сильной, что у меня перехватило дыхание и на глазах выступили слёзы. Я застонал.

Всё время, начиная от просмотра военных фильмов и детских мечтаний до военного обучения в Джорджии и патрулей во Вьетнаме, я знал, что солдат иногда ранит или даже убивает. Всё это время я находился во власти дурацкого предположения, что хоть такое и случается, но пострадает всегда другой парень. Теперь другим парнем стал я. Это не сулило ничего хорошего.

Мой вопль «Джилберт, меня ранило!» прозвучал скорее от удивления, нежели из ожидания, что он сможет для меня что-то сделать. Конечно, он не мог услышать меня сквозь окружающую нас какофонию выстрелов и наклонился ко мне, чтобы я повторил

свои слова. Как только он это сделал, срикошетившая пуля ударила его в грудь. Она не пробила кожу, но перебила ему дыхание. Он упал на землю, приземлившись лицом вниз. Я бросился на его место за пулемётом и продолжил вести огонь.

Стрельба грохотала повсюду. Однако, казалось, что большая стрельбы по нам ведётся прямо спереди и чуть-чуть слева. Видимо, это было оттого, что в этой стороне метрах в пятнадцати от нас находился небольшой пригорок, или недоделанный муравейник. Нам приходилось стрелять по бокам от него. Там был враг, не прямо за муравейником, но где-то за ним, и он обеспечивал им некоторое прикрытие. Сначала я попытался избавиться от муравейника, разрезав его надвое длинной непрерывной пулемётной очередью. Это был просто перевод патронов. Чёртова штуковина была такой крепкой, что все мои пули лишь стряхнули с неё верхний слой пыли.

Я решил встать в полный рост и стрелять через пригорок за него. Первая очередь откачнула меня на пятки и чуть не свалила с ног. Перенеся центр тяжести вперёд, я прочесал участок за муравейником полной стопатронной лентой, а затем снова бросился на землю. Стрелять из пулемёта подобным образом, стоя в полный рост без опоры, было таким же зубодробительным делом, как долбить отбойным молотком. Мне повезло, что у меня не повылетали пломбы из зубов.

К тому времени, как я закончил стрелять стоя, Джилберт пришёл в чувство и пожелал вернуть себе пулемёт. Он выглядел слегка бледным и несколько взволнованным, как будто был шокирован отскочившей от его груди пулей на излёте. Покрутив левой рукой несколько раз, чтобы проверить, как работает его плечо, он взял пулемёт и продолжил вести огонь.

Немного правее меня пулемётчик 2-го взвода, стреляющий в одиночку, обернулся из громко закричал: «Патроны, патроны!» Я видел, как солдат позади нас бросился вперёд, держа в руках большой ком из свёрнутых пулемётных лент, остановился и был сбит с ног очередью, попавшей ему точно в солнечное сплетение. Одна из пуль, как мне показалось, была трассером. Я подумал, будет ли она светиться и гореть внутри его тела. Пулемётчик подполз осмотреть своего упавшего друга. Затем, поднявшись в полный рост, он воздел сжатые кулаки к небу и закричал: «Да будь всё проклято!» Вернувшись с патронами к своему пулемёту, он открыл ураганный огонь.

Пока всё это происходило, из боя выносили первую группу раненых. Иногда их бинты сбивались и цеплялись за растения, и давили на их раны, отчего раненые кричали от боли. Их слабые вскрики были, впрочем, совсем не такими громкими, как крики и

вопли тех, кто выносил раненых, пытаясь каждого отцепить и вытащить из зоны поражения. Отойдя назад, в чуть более безопасное место, они уже могли не тащить, а выносит раненых.

Мак-Клоски приближался к нам сзади, неся боеприпасы. Он посмотрел на меня, когда я прокричал просьбу принести ленты для М-60. Прежде, чем он успел бросить мне одну из них, пуля сломала ему левую руку и сбила его с ног. Собственно, энергия выстрела заставила его обернуться в воздухе на 360 градусов и приземлиться на спину, крича от боли.

Наш пулемёт заклинило. Джилберт отошёл вместе с ним назад, туда, где он мог разобраться с ним в более безопасном месте. Вскоре заклинило и мою М-16. Вместо того, чтобы возиться с починкой, я отшвырнул её и взял другую. Когда ещё тоже заклинило, я проделал то же самое ещё раз. Оружие валялось повсюду. Центральная часть нашей линии редела в смысле человеческих ресурсов из-за большого количества раненых, многие из которых не забрали с собой своё оружие и прочее снаряжение.

Пока я шарил в поисках оружия, моё внимание на мгновение привлёк сержант Шарп где-то позади меня. Он стоял, опустившись на правое колено, и вёл огонь из винтовки, оперевшись левым локтем на правое бедро. Когда я смотрел на него, он отложил винтовку с сторону и зажёг сигарету блестящей хромированной зажигалкой, и признательно поглядел вверх, прямо в небеса, выпуская первую струйку серо-голубого дыма. Он делал это спокойно, также же неспешно и бесстрашно, как если бы зажигал сигарету за утренним кофе. Мне это показалось необычайно странным, оказывается, американцы умеют курить при любых обстоятельствах, но в тот момент не было времени задумываться.

Ещё дальше позади Лопес кричал и махал мне рукой. Они с лейтенантом поменяли позицию и теперь находились метрах в пятнадцати или двадцати позади меня. Быстрый спринт и нырок головой вперёд — и я оказался нос к носу с Лопесом и Андерсоном, так что мы могли переговариваться, словно кинозвёзды. К счастью, осколок пули в моей ноге больше не причинял боли, даже когда я бежал. Либо так, либо я был слишком занят, чтобы обращать внимание. Лейтенант Андерсон раздавал приказы, которые Лопес транслировал по рации. В промежутках между приказами Андерсон стрелял из своей М-16. Лопес попросил меня дать ему дымовую шашку. Пока мы переговаривались, лейтенант приподнял свою каску, чтобы вытереть бровь. БАБАХ! Пуля щёлкнула у меня над ухом и попала ему в голову. Красная жижа брызнула на нас с Лопесом, на лица и

на руки. Лежащий лейтенант не издавал ни звука. Он упал вперёд, лицом на руки и лежал неподвижно.

— Медик, медик! Лейтенанта ранило! — закричал Лопес, прежде чем накрыть рану пухлым марлевым тампоном из набора первой помощи, которые мы все носили с собой. От волнения Лопес нарушил процедуру и использовал свой собственный бинт вместо бинта лейтенант, хотя нас учили так не делать. Всегда полагалось использовать бинт раненого для него самого, чтобы у всех оставались бинты. Затем, когда лейтенанта унесли, Лопес уже не смог бы воспользоваться бинтом лейтенанта, чтобы остановить кровь, если бы его самого подстрелили.

Лопес продолжал звать медика, потому что «лейтенанта ранило». Мне показалось, что он и вправду считал, что лейтенант был более ценным, чем я или любой из нас, так что любой медик поблизости должен был бросить того, над кем он работал и спешить на помощь лейтенанту. Меня это задевало. Я положил свою жёлтую дымовую шашку перед Лопесом и, словно ящерица, отполз на животе на несколько футов прочь, затем поднялся и отошёл, пригнувшись.

Вот это удача! По пути обратно на позицию и наткнулся на пулемёт, просто лежащий на земле без видимого владельца. Просто отлично. Теперь он стал моим. На самом деле, это было даже лучше, чем отлично, потому что стопатронная лента была продета в казённик, и на оружии не было видно крови.

Справа от меня, пока я двигался к линии, оказался Кордова. Он стоял, нагнувшись к какому-то солдату, с которым я не был знаком. В одной Кордова держал пистолет, в другой винтовку. Он жестикулировал вытянутыми руками, стараясь передать свою мысль второму джи-ай. Парень, к которому он обращался, выглядел так, как будто был не в себе. Он сидел, поджав под себя ноги. Его ягодицы лежали на пятках. Слёзы струились по его лицу, а из носа текли сопли. Вытирая сопли и слёзы, он размазывал по лицу грязь. Он совершенно расклеился и ревел, как ребёнок. Я не видел ни крови, ни явного ранения, ничего, что объяснило бы происходящее с ним. Возможно, он просто дошёл до предела и с ним случился нервный срыв. Не было времени изучать развитие событий, так что я выбросил эту сцену из списка вопросов и продолжил свой обратный путь, туда, откуда я вёл огонь перед тем, как меня подозвал Лопес.

Когда я вернулся на линию, ВК по-прежнему разносили территорию плотным автоматическим огнём. Смиттерс исчез. Я больше никогда его не видел. Мой самый постоянный компаньон в тот бою, пулемётчик 2-го взвода, как раз отправлялся за патронами и мы с ним встретились по пути, он шёл мне

навстречу. Вскоре после этого моя единственная оставшаяся лента для М-60 была отстреляна, и я вернулся к стрельбе из М-16. Через минуту или две пулемётчик 2-го взвода вернулся, шагая в полный рост, как будто он был Суперменом или просто пуленепробиваемым.

— Вот, бери, — сказал он, сбросив возле меня четыре стопатронные ленты и унося ещё как минимум столько же для себя.

Внезапно у меня в голове зажглась стоваттная лампочка. Почему я не бросаю по врагу гранаты? Четыре штуки висело у меня на поясе и ещё пять лежало в рюкзаке. Я чувствовал себя, как Исаак Ньютон после того, как яблоко упало ему на голову. Мысль была такой простой и великолепной, и я не мог понять, почему она не озарила меня раньше. Мне также пришло в голову, что с начала боя я не видел ни одного парня с гранатомётом. По-видимому, это было просто проявление тумана войны, когда все гранатомётчики нашего взвода оказались не там, где надо, где-то в другом месте.

Первая брошенная граната заставила меня понервничать. Я волновался, что могу случайно выронить её, или она отскочит от нависающих над головой веток деревьев. К тому же меня тревожило, что мне просто не удастся зашвырнуть гранату достаточно далеко. Беспокойство оказалось напрасным. Когда чека была выдернута, адреналин подскочил просто от страха, и малышка вылетела из моей руки, как подача Джонни Унитаса[91]. Взрыв меня успокоил, при удачном раскладе он даст результат. Остальные восемь гранат быстро последовали за первой, я мысленно разделил территорию на сектора и раскидал по ним гранаты, чтобы разделить ущерб на всех, кто там был.

Эффект оказался ощутимым. Хотя вражеский огонь и продолжался, но он убавился, и, казалось, отдалился. Рано было расслабляться, но уже можно было перевести дыхание. Затем кто-то позади меня тоже начал кидать гранаты. Работая М-60, я увидел, как одна из них проплыла у меня над головой и вправо, где взорвалась. Когда я повернулся посмотреть, кто это, я увидел, как над головой летит вторая. Смотреть, как гранаты пролетают над твоей головой, весьма неприятно. Я благодарен за то, что их было всего две, и у меня от их вида не развился нервный тик или ещё какое-нибудь заикание.

Обшаривая местность вокруг в поиск гранат, я заметил, что Мак-Клоски по-прежнему лежит там, где упал вначале. Мне трудно было это понять. Его руку сильно покалечило, но его ноги находились в полном порядке. Наверное, он дожидался Дока, чтобы вызвать врача на дом. Это был самый тупой поступок, что я

видел за весь день. К тому же это было очень опасно, потому что тучи пуль по-прежнему летели во всех направлениях. Ему следовало бы поднимать свой зад и мчаться туда, куда эвакуировали всех остальных раненых, пока ВК не наделали в нём ещё дырок просто для забавы.

Казалось, кровь у него текла сильнее, чем у остальных раненых, что я видел в тот день. Возможно, пуля рассекла артерию. Он, похоже, опровергал медицинскую аксиому, что всякое кровотечение постепенно останавливается, так или иначе. Листья вокруг него промокли. Подбежав к нему и опустившись на колени, я натурально поскользнулся на скользких окровавленных листьях и налетел на его раздробленную руку. Сильно застонав, он обругал меня, что меня взбесило. У меня и так выдался скверный день на работе, и ещё хватало, чтобы он на меня лаялся. Тем не менее, я был виноват, так что я рассыпался в извинениях и обобрал его на две ленты патронов и гранату. Гранаты у него была всего одна, что меня разочаровало.

Пулемётчик 2-го взвода уже ушёл, когда я вернулся к своему пулемёту. Теперь я был наиболее оторванным от основных сил солдатом, острием нашего подразделения. Оставшись в одиночестве, находиться там было куда страшнее.

Шарп закричал мне перебрасывать к нему всё лишнее оружие. Мы собирались вскоре отходить, чтобы авиация напалмом выжгла дерьмо из этого места. Я швырнул назад с полдюжины винтовок. Не было времени проверять, нет ли в патронниках боевых патронов, взведены ли они и стоят ли на предохранителе. Дело было опасное, и я старался кидать их таким образом, чтобы их стволы не оказывались направлены на Шарпа. Делать было нечего, и я бросал их так, что стволы смотрели на меня. Шарп перекидывал их кому-то ещё дальше. Тем временем, парни унесли Мак-Клоски. Когда оружия не осталось, и мы поднялись, чтобы уходить, Шарп прокричал, что кто-то должен остаться и обеспечить огневое прикрытие. От его слов мой желудок скрутился в узел.

— Что ж, я думаю, речь идёт обо мне, — сказал я. Это было логично, потому что оставался единственным пулемётчиком на поле боя и обладал единственным оружием, имеющим большую огневую мощь, чем кто-либо ещё, чтобы прикрыть наших солдат при отступлении.

Пока все отходили, я вернулся к месту, откуда я вёл огонь и неторопливо, методично, прочесал зону обстрела очередями из М-60 слева направо, от себя вдаль и наоборот. Я задался целью распределить пули равномерно, чтобы заставить врагов думать, что у нас тут ещё много стрелков, и патроны у нас закончатся ещё

не скоро. Шарп не уходил с остальными, а оставался метрах в десяти позади и прикрывал меня огнём из М-16. Выпустив свою последнюю пулю, я ещё пошарил в военном мусоре вокруг себя в последней тщетной надежде найти патроны. Патронов не было. У меня не оставалось никакого орудия кроме моего пистолета, я начал вытаскивать его из кобуры. Меня несколько тревожило, что характерный звук пистолетных выстрелов даст противнику понять, что мы пускаем в ход последнее, что осталось из оружия.

БАЦ! — пуля попала мне в правую сторону челюсти, прошла сквозь язык и вылетела с левой стороны лица. Удар сбил меня, заставив прокрутиться на пол-оборота влево. Мой рот онемел, уши оглохли, а в голове почернело. Стало не просто пусто, а именно черно, словно в телевизоре, который выдернули из розетки. Темнота окружила меня со всех сторон, оставив лишь маленькое круглое тусклое пятнышко света посередине экрана в моей голове, пока я летел на землю. Правую руку я выставил вперёд, чтобы смягчить падение, а мой разум улетел куда-то далеко. Преждевременное чувство радости охватило меня, пока я падал. Я знал наверняка, что моё ранение достаточно серьёзно, чтобы обеспечить мне билет на птичку свободы, летящую обратно в Большой Мир. Я понял это ещё до того, как ударился об землю. Отличный план, хорошая новость для меня. Теперь всё, что мне оставалось — дожить до конца дня.

Однако, милосердия мне ждать не приходилось, потому что по мне продолжали стрелять. Настало время умирать, так что, как всякий приличный католический мальчик, я перекрестился и начал читать молитву о раскаянии. Я отбарабанил первую часть: «О, Господи, я искренне прошу простить меня за то, что оскорбил тебя и презираю все свои прегрешения», прогудев её горлом, потому что мои губы и язык больше не работали. Через пару строк я сдался и перестал молиться. Молитвы тут были необязательны. Господь не отвергнет меня на основании моей неспособности в последнюю минуту прочесть заклинание. Так оно и было, и я почувствовал себя лучше.

«Бог помогает тем, кто помогает себе сам». Надо было подниматься и отправляться в путь. Двигаться назад, куда ушли все остальные, теперь я больше думал про себя, чем про общую картину, так что просто оставил пулемёт врагу. Это была реально дурацкая ошибка. Может быть, его подобрал кто-то другой.

Вскоре я наткнулся на Дока Болдуина. С извиняющимся видом он сказал мне, что у него закончился перевязочный материал. Лучше всего, сказал он, мне было бы попробовать дотопать до посадочной площадки. Тут он указал мне направо. Пока я шёл в сторону вертолётов, я слышал, как моя челюсть,

сломанная с обеих сторон, болтается вверх и вниз, и щелкает, словно конские копыта по городской мостовой. Звук был нутряной и тошнотворный. Подвязав подбородок своей окровавленной рубашкой, словно шарфом, я как-то закрепил челюсть, лошадиные звуки прекратились, и я почувствовал себя лучше. Я ощущал на лице онемение, но не боль, потому что ударная волна, созданная высоскоростной пулей парализовала нервы в моём лице.

По пути в поисках посадочной площадки я наткнулся на двух парней из нашего взвода. Первым меня увидел Хэсбрук. У него было прозвище Дум-Дум или Дуб-Дуб, я не знаю точно, как правильно. Его так назвали за то, что он спиливал наконечники у своих пуль, превращая их в пули «дум-дум», запрещённые Женевской конвенцией. Наверное, потому его так и прозвали. Но он мог оказаться и Дуб-Дубом, потому что умственной мощью, в отличие от огневой, он не отличался. К тому же он казался несколько странноватым. Зубы у него были размером меньше нормального, так что, когда он улыбался, было видно отчётливые зазоры между ними, словно на велосипедной шестерёнке.

Оглядев мое лицо сверху вниз с близкого расстояния, он сказал лишь «Да, что-то ты плохо выглядишь» и пошёл дальше.

В ту минуту его комментарий не задел меня ни в малейшей степени. Видимо, это оттого, что в голове у меня было пусто, и я просто слышал слова, не обрабатывая их. Спенглер, который шагал следом за Хэсбруком, остановился и закричал: «Роннау, держись за мой рюкзак и следуй за мной!», что я сделал без промедления. Была ирония в том, чтобы слышать эти слова, произнесённые пехотинцем в бою. Слова «Следуй за мной» были девизом пехоты. У морской пехоты девиз был «Semper Fidelis», то есть «Верный навеки», а у нас «Следуй за мной». Пехотинцу в бою полагалось идти впереди.

Цепляние за Спенглера работало в течение нескольких минут. Вцепившись в его рюкзак, я поставил свой мозг на круиз-контроль и слепо следовал за ним, как робот. Устав от задач, приятно было отключить окружающий мир, пусть даже на очень короткое время. Но это было также и рискованно. Когда мой разум вернулся к реальности, я обнаружил, что снова стою один, не зная, как я потерял остальных и где они теперь. Никогда впоследствии не всплыло ни единого воспоминания, подсказавшего бы мне, как я отцепился от Спенглера и всех остальных, и как они могли оставить меня одного в джунглях в тот день. Я снова потерялся. Вне сомнения, остальные не знали о моих обстоятельствах. Я теперь был пропавшим без вести. В ту минуту не было слышно никаких звуков вертолёта, чтобы навести

меня. Если бы звучала стрельба, я бы её не услышал. Звон в ушах был слишком громким. Я решил идти в том направлении, куда стоял лицом с тот момент, когда осознал, что вокруг никого нет. Возможно, я шёл в том направлении по какой-то причине, которой не помнил.

К счастью, сотрясение мозга, вызванное ударом в лицо куска свинца, летящего на скорости две тысячи миль в час, на время лишило меня ума и притупило эмоции. Это было чудесным благом. Заблудиться на вражеской территории, раненым, истекающим кровью, неспособным ни говорить, ни позвать на помощь, без еды, воды, оружия или средств связи — все это могло бы вылиться в нервное расстройство, которое привело бы меня в сумасшедший дом. Я должен был бы пребывать в ужасе, если не в панике. Однако мой мозг недостаточно исправно работал для этого. Я просто тащился вперёд, словно осёл на ферме по знакомой тропе. Я немного беспокоился насчёт того, чтобы меня нашли. Меня это немножко тревожило. Однако мой разум, к счастью, был так затуманен, что я не мог соединить все точки и осознать, что если меня найдут ВК, то они меня убьют, я могу умереть от потери крови, мои раны могут инфицироваться и что я, чёрт побери, буду делать, если моё лицо вдруг начнёт болеть. Мой разум просто пропускал мимо всё, что должно было стать самыми страшными минутами в моей жизни. Какой невероятно счастливый случай!

Трудно сказать, сколько времени я бродил в одиночестве. Когда я в некоторой степени пришёл в себя, и задумавшись, куда мне идти, я не мог понять, сколько времени я уже там хожу. Постепенно джунгли впереди поредели, и вскоре я вышел на край большой поляны, занятой фермами.

ХЛОП! Пуля щёлкнула возле моей головы. Я тут же понял, что кто-то неподалёку сзади меня и немного левее пытается меня прикончить. Это было честно. Несмотря на то, что я был ранен, я не был совершенно ни на что не годен. Нас учили «стреляй, пока он не залёг». По-видимому, их учили тому же самому. Я повернулся поглядеть, кто стреляет по мне и услышал очень громкий хлопок ещё одного выстрела из АК-47, выпущенного по мне. Он раздался из джунглей метрах в тридцати пяти от меня. Пуля щёлкнула, пролетев мимо меня. Наверное, ВК следовал за мной по кровавому следу.

Этот второй выстрел окончательно восстановил моё внимание. Я почувствовал внезапный прилив энергии и сорвался с места, словно звезда бегового спорта. Моё проворство удивило меня самого. Я мчался прочь метров сорок или пятьдесят, затем перескочил трёхфутовую насыпь и неуклюже приземлился на

правый бок, наполовину погрузившись в воду рисового поля, густо сдобренную человеческими фекалиями и навозом водяных буйволов. Она залилась мне в рот и вытекала из пулевых отверстий на лице.

Ползком передвигаясь по своей стороне насыпи, я через несколько минут наткнулся на более сухое место и нескольких наших парней. Там был Виллис, над ним всё ещё работали медики. Кровянистая жидкость вытекала из выходных отверстий на его спине, где пули или осколки прошили его насквозь. От них обмотанные вокруг тела марлевые повязки становились из белых розовыми. Все пригибались, чтобы быть ниже верхнего края насыпи. Ко мне начинал возвращаться слух. В джунглях справа от меня я слышал перемежающиеся винтовочные выстрелы и временами пулемётную очередь. Они звучали не непрерывно, как раньше в бою, а скорее эпизодически, стороны все ещё вели сражение, но уже не так интенсивно. Временами слышались взрывы гранат от М-79. Позади нас собирался садиться подлетающий вертолёт.

Моя глотка, казалось, забилась и я начал испытывать недостаток воздуха и тревогу. Мои попытки говорить давали лишь неразборчивые булькающие звуки в гортани, так что попытался выразить свои потребности, выведя слово «ложка» в мягкой грязи перед собой. Киркпатрик громко прочёл его вслух, как вопрос, секунду глядел на меня, затем дал мне белую пластиковую ложку из пайка, которая очень к случаю торчала у него из левого нагрудного кармана, словно авторучка. Я поковырялся ей у себя во рту, и выгреб оттуда пригоршню мягкой массы и синеватые комья, которые выглядели, как огромные сгустки крови. Они упали на землю, превратившись в удобрение для рисового поля. После этого мне стало легче дышать.

Киркпатрик помогал Доку Болдуину работать над Виллисом, которого грузили на носилки, которые нам ранее привёз даст-офф. Фред начал обматывать моё лицо бинтами. Внезапно какой-то парень влетел в нашу толпу и плачушим голосом закричал: «Где Виллис, ребята, где Виллис?»

Когда кто-то ответил: «Он умер, приятель», парень разразился слезами.

Прибыли самолеты, и было видно, как они кружат над полем боя. С воздуха пилоты пытались определить возможные пути, которыми враг будет отходить, и заливали их напалмом. Док потянул меня за руку и указал в сторону вертолёта, приземляющегося на рисовом поле позади, примерно в половине футбольного поля от нас. Я быстро добрался до него, запрыгнул на борт и занял место.

Когда они грузили Виллиса в вертолёт, пачка писем, что он написал домой, вывалилась из его одежды. Кордова начал собирать письма, а пилот закричал насчёт отлёта и добавил газу. Кордова ответил, направив ему в лицо пистолет и что-то прокричав. Затем он поспешно собрал все письма, пока остолбеневший пилот ждал, глядя на него и не веря своим глазам. Почту наскоро засунули Виллису в левый набедренный карман и и мы полетели. Это была безумная сцена.

Вертолёт оказался сликом из эскадрильи «Робин Гуд», не медэваком. С нами в отсеке летел командир экипажа, но у него с собой не было никаких медицинских принадлежностей, и он не попытался оказать первую помощь. Мы не делали попыток начать разговор. Мы оторвались от земли, и я почувствовал облегчение, что мы планы по выживанию продвигаются вперёд гигантскими прыжками. Прохладный ветерок в вертолёте и удобное откидное брезентовое сиденье восстанавливали мои силы.

Кровь понемногу капала у меня с подбородка и собиралась у меня на коленях. Подставив сложенную чашечкой левую руку и собрав немного, я смог пальцем написать на боковом стекле большие печатные буквы FTA. В военных кругах это была известная аббревиатура, широко используемая личным составом низших званий. FUCK THE ARMY.

С моей стороны это был просто прикол, я не намеревался выражать презрение к армии. Я вёл себя, как ребёнок. Возможно, это была попытка пообщаться. Тот день стал самым волнующим и важным днём моей жизни, хотя из-за ранения я не мог об этом поговорить и обсудить события с кем-либо. Это огорчало.

Во время полёта диалог в моей голове в немалой степени вертелся вокруг того, на что я буду похож после того, как осядет пыль. Пожалуй, мне повезло, что в вертолёте не было ни одного зеркала. Однако, несмотря на тревогу по поводу своего внешнего вида впоследствии, настроение у меня было неплохое. На высоте в пять тысяч футов я уже не так боялся, что меня убьют. К тому же, хоть пока без официального подтверждения, я все больше думал, что им придётся отправить мою тушку на починку в Штаты. Это поддерживало моё настроение. Если бы дело зависело от меня, то пилоту стоило бы пропустить военный госпиталь и направить свой вертолёт прямиком в Лонг-Бич, штат Калифорния.

В Бьен Хоа деревянная вывеска над входом в 93-й медико-эвакуационный госпиталь гласила: «В эти двери входят храбрейшие люди мира».

Изречение было приятным, но лучше чувствовать я себя не стал. Наверное, это была неуклюжая психологическая попытка

задать настроение, чтобы побудить сборище растерянных, потерявших самообладание, раненых молодых людей думать о том, чтобы выглядеть спокойными и вести себя так, как будто у них просто очередной день в офисе. Одному Богу известно, сколько истерических всплесков, нервных срывов, приступов плача и неистовых угроз раздавалось в этих стенах каждый день.

Я постепенно пришёл к выводу, что эта вывеска больше подходила для врачей, медсестёр и обслуживающего персонала, работающих в госпитале. Для них риск получить психологическую травму намного превосходил риск для жизни и здоровья, которому подвергался средний военнослужащий во Вьетнаме. В окончательном рейтинге худших мест в армии во время Вьетнамской войны персонал госпиталей занимал вторую строчку, уступая лишь полевым медикам. Полевые медики занимали первое место благодаря тому, что им приходилось работать в одиночку без помощи других врачей-профессионалов, которые разделили бы с ними психологическую ношу, и зачастую под вражеским огнём. Бронетехника стояла на третьем месте, прямо перед экипажами вертолётов. Танкисты занимали третью строчку, потому что всегда находились в одной секунде от очередной мины или гранаты. Вертолётчики могли, по крайней мере, проводить некоторое время на такой высоте, где ничто не могло сбить их с неба. Моя категория, 11-Браво, солдаты-пехотинцы, скатилась в списке на пятое место.

Внутри госпиталь оказался зоопарком. Помимо шестнадцати наших из роты «С» там были девять парней из 4-го дивизиона, пострадавших в бою где-то ещё. Разом двадцать пять парней с пулевыми и осколочными ранениями — это вагон и ещё тележка. Для начала нас всех рассортировали, измерили нам давление и осмотрели наши ранения. Я думаю, что было принято решение дать Виллису умереть или, может быть, просто посмотреть, сможет ли он протянуть до того времени, пока до него дойдут руки. На эту мысль меня натолкнуло то, что вокруг него не было никакой спешки, никто не торопился вставлять трубки или начинать переливание крови или катить его в операционную. Кто-то измерил ему кровяное давление. Затем ему под голову подсунули свернутое полотенце вместо подушки. Ещё позже кто-то укрыл его одеялом, чтобы он не мёрз. Потом одеяло натянули ему на лицо, и какие-то военные унесли его носилки прочь.

Медсестра, собиравшая мои медицинские данные, оглядела мои раны и записала что-то себе в папку. Она спросила, хочу ли я, чтобы они уведомили мою семью. Я не мог проделать подобное со своей семьёй и отказался. Мой план состоял в том, чтобы сообщить им позже, когда картина прояснится и станет менее

тревожной из-за неизвестности. Медсестра вручила мне газету, разумеется, «Старз энд страйпс», указала на койки и велела присесть и ждать своей очереди.

Как обычно, я сначала прочёл передовицы, оставив самое лучшее, спортивную страницу напоследок. К сожалению, газета была напечатана в формате журнала-таблоида. Пока я продвигался с чтением, кровь и другие капающие выделения с моего лица превращали бумагу в липкую красную кашу. Вскоре страницы начали расползаться при попытке их перелистнуть. «Доджерсам» не повезло.

Слава Богу, нижняя часть моего лица по-прежнему была онемевшей. Как будто бы я получил огромную передозировку новокаина в кабинете у дантиста. До того времени я не чувствовал ни малейшей боли от своих ран. Моя челюсть была раздроблена справа, слева был вырван кусок в полтора дюйма. Восемь зубов выбило, и ещё четыре были наполовину отколоты. Были раны сквозь язык и нижнее нёбо. В правой щеке зияло рваное выходное отверстие около двух дюймов в диаметре.

Я ничего этого не чувствовал. Если бы чувствительность моего лица вернулась бы раньше, я бы скончался. Случись парализованным нервам в лице восстановиться, пока я блуждал в одиночестве, потерявшись в джунглях, боль могла бы оказаться невыносимой. Я скрутился бы в позу эмбриона и попытался бы отключиться в надежде истечь кровью до смерти. Просто свернуться в клубок, словно мокрица и умереть. Онемение стало ещё одним даром, за который мне следовало благодарить судьбу.

Через несколько коек от меня сидел Мак-Клоски, с чистой пластиковой надувной шиной на руке. Поначалу он просто молча отдыхал. Затем какой-то неизвестный психологический раздражитель вызвал у него громкую обличительную речь, которую он излил, не обращаясь ни к кому конкретно, но ко всем сразу:

— Что это за мир, где мы живём? — кричал он, — Где люди заняты тем, что простреливают друг в друге дырочки?

Через самое короткое время двое санитаров в форме двинулись в его сторону, грозя ему пальцами и перекрикивая его со своей точки зрения, чтобы он успокоился и заткнулся. У нас и так хватало проблем в нашей комнате, чтобы он стал ещё одной. Они действовали так быстро и напористо, что можно было подумать, что они имели дело с подобными выступлениями каждый день.

Рентгенолог помахал мне, чтобы я следовал за ним. Когда я встал, что-то в правом набедренном кармане ударило меня по ноге. Когда я вытащил ручную гранату, двое санитаров кинулись

ко мне, схватили меня с обеих сторон и отобрали её. Я думаю, они посчитали, что я ещё более ненормальный, чем Мак-Клоски и собирался разыграть им настоящую сцену.

Мне сделали рентген челюсти и лица. На передней стороне левого плеча оказалось осколочное ранение, по-видимому, от разлетевшихся кусочков челюсти и зубов, но, возможно, и от фрагментов пули. Когда они уложили меня на спину, чтобы сделать рентген, я начал задыхаться, потому что моя опухшая и сломанная челюсть отвисла и завалилась на дыхательные пути. Рентген плеча отменили. Никто не заметил моего ранения в левую ногу, потому что я по-прежнему был в ботинках, покрытых засохшим слоем грязи и крови. Я сам про него забыл.

Затем последовала капельница и какой-то седативный препарат или анальгетик. Я от них тут же поплыл. Я уже почти уснул, когда почувствовал, что кто-то пропихивает пластиковую трубку через нос прямо мне в желудок. Вот ещё не хватало! Она, похоже, была толщиной с садовый шланг и на ощупь как пожарный рукав. Я начал истерически биться с этим парнем и ухитрился треснуть ему в рожу, прежде, чем отъехал от медикаментов.

Утром обнаружилось, что я лежу в ангаре с расставленными перпендикулярно стенам кроватями по обеим сторонам. Это место было морем несчастий. Четыре кровати напротив меня занимали вьетнамские дети. Их школьный автобус наехал на мину. Среди видимых ранений приходилось как минимум по одной ампутации на каждого. Двое из них перенесли двойные ампутации. У двоих глаза были скрыты бинтами. Я надеялся, что они не ослепли. Все остальные кровати занимали американские военнослужащие.

По всей вероятности, для детей я выглядел чудно, судя по тому, как они на меня смотрели, те, что могли видеть. Нижняя часть моего лица опухла и стала гораздо толще обычного. К счастью, тут тоже не было зеркал. По размышлениям, ощупав свое лицо, словно слепец, выходило, что теперь я должен был быть похож на Ричарда Никсона, с его выдающимися пухлыми щеками. Меня эта мысль отчасти напугала. Меня успокаивало наблюдение, что все остальные детали пейзажа, включая подбородок, губы и нос по-прежнему находились на своих местах. Мне не хотелось выглядеть, как сбежавший из цирка уродец. Металлическая трубка для трахеотомии торчала на передней стороне шеи.

Там можно было найти любое вообразимое ранение. Подобное обобществление увечий делалось, по-видимому, в терапевтических целях. Мы все могли глядеть на кого-то другого,

чьи раны выглядели ещё более шокирующими и оттого чувствовать себя лучше, ибо мы избежали его участи. Я не хотел бы поменяться местами ни с одним из этих детей, ни с большей частью солдат, которых мог наблюдать.

За прошедшие четыре месяца я не раз слышал, как солдаты говорили, что предпочли бы умереть, чем получить то или иное ранение. Это был обычный предмет для разговора. Я полагаю, что солдаты говорили об этом на всех войнах на протяжении, наверное, тысяч лет. Мы все привыкали к своим индивидуальным ранениям и радовались, что живы.

Мне также пришло в голову, что война — это игра для молодых, потому что армия предпочитает призывать восемнадцатилетних, а не в двадцать один год. Молодёжь более податлива, и ей легче управлять. Средний возраст американского солдата на Вьетнамской войне был девятнадцать лет. В свои двадцать я был старше большинства других, но не сильно. Я всё ещё был достаточно молод, чтобы купиться на нужные сказки, например, о своей неуязвимости и о том, что вляпается всегда кто-то другой.

Во Вторую Мировую войну средний возраст американского военнослужащего выходил более зрелым — двадцать шесть лет. От этого моя война казалась похожей на детский крестовый поход. На каждого полковника или генерала в возрасте Уэстморленда, пятьдесят три года, требовалось три отделения пехотинцев, около тридцати парней, в возрасте всего лишь восемнадцати лет, чтобы удержать средний возраст в девятнадцать. Но это было как раз то, что нужно Пентагону.

Вы можете приказать подросткам устроить атаку Пикетта на окопы, полные вражеских солдат, или оставаться за пулемётом, чтобы удерживать противника, и заверить их, что всё пройдёт благополучно. Они поверят вам, даже если фактическая ситуация явно утверждает обратное. В возрасте двадцати восьми лет люди настроены более скептически и ими нельзя так легко управлять или сбить их с толку.

За окном по правую руку от меня виднелся сетчатый забор, а за ним, метрах в тридцати, двухполосная дорога, что меня беспокоило. По дороге ездили бесчисленные гражданские машины — грузовики, мотоциклы и эти вездесущие трехколёсные веломобили, и в каждом из них ехало слишком много людей. Проходили многочисленные пешеходы, никто из них не подходил достаточно близко, чтобы доставить нам неприятности, если бы вдруг решил.

Моё расписание, похоже, состояло из сна круглые сутки, почти всей моей энергии только на это и хватало. Мой рот был

стянут проволокой, так что я не мог толком говорить. Есть было невозможно. На самом деле на приёмах пищи для меня даже не было подноса. Капельница у меня в левой руке работала непрерывно.

Медсёстры носили стандартный армейский камуфляж и выглядели шикарно. Вокруг моего наблюдательного пункта их ходило недостаточно много. Насколько я могу судить, именно они о нас и заботились. Я охотно верю, что врачи меня прооперировали, но я не помню, чтобы видел хоть одного после того первого дня. Они были, по всей вероятности, заняты где-то ещё. Медсестра, которая чаще всего бывала на моём участке, была года на три старше меня и довольно симпатичной, с короткими каштановыми волосами и мечтательными карими глазами. Она попросила меня стараться игнорировать жажду, добавив, что вскоре они смогут начать давать мне жидкости.

В один из дней она преподнесла мне «Пурпурное сердце» и сертификат, который мне прислали в госпиталь. Она пояснила, что это очень здорово, что мне следует гордиться и принесла свои поздравления. Наверняка она делала это уже много раз, но всё равно очень старалась сделать моё вручение особенным, и у неё получилось. Она заслуживала награды Американской Киноакадемии. Церемония была не слишком официальной, но я был признателен ей за усилия, думаю, даже больше, чем она могла подумать. Она даже предложила мне упаковать «Пурпурное сердце» и отправить его мне домой. Я попросил её отправить его моему другу Ларри, потому ещё не настало время моим родителям про всё узнать. Я всегда мечтал получить «Пурпурное сердце». Я считал, что это возможно, или даже весьма вероятно. Но, мысля временами реалистично, я, тем не менее, не планировал на самом деле получать какие-либо медали за храбрость и даже не представлял себе, как их получить. Впрочем, в стране Грёз я несколько раз был отмечен за героизм и даже встречался с президентом Джонсоном на церемонии вручения в Розовом саду Белого Дома.

Приехать домой с «Пурпурным сердцем» на груди было бы круто. Быть раненым в бою звучало настолько «мачо», насколько я мог вообразить. Я определённо надеялся, что это достаточно впечатлит Шарлин Вудридж. Она была очень хорошенькой девочкой примерно моего возраста и жила через пару домов от нас. Она ходила в другую школу, в школу Вильсона, так что я её почти не знал. Может быть, когда она увидит мою ленту от «Пурпурного сердца», она заметит меня или даже захочет со мной встречаться. Она была девушкой моей мечты на протяжении времени, которое казалось световыми годами.

В Стране Грёз «Пурпурное сердце» вручали мне за ранения, которые подразумевали девственно-белые бинты на голове с единственным пятном крови, размером с отпечаток большого пальца над моим левым глазом, как в кино. Другой план включал в себя ранение, требующее, чтобы рука висела на перевязи. Рука должна была быть левая, потому что я правша. К тому же не должно было быть явных увечий. Ни одна из моих ран не должна была выглядеть отталкивающей для Шарлин. Простреленное лицо и кусок челюсти, застрявший в плече, были совершенно не тем типом ранения, что я задумал.

Лейтенант из другого взвода зашёл навестить меня. Я знал его в лицо, но не по имени. Ему, по-видимому, приказали зайти ко мне, потому что мой лейтенант, Андерсон, был ранен в голову и недоступен. Так, должно быть, выглядел армейский способ выражать участие. К тому же им надо было узнать, кого из нас отправляют в Большой Мир и кого им придётся заменить.

Общение получилось односторонним. Он спросил, как у меня дела и рассказал, как поживают остальные раненые. Он сказал, что рота возвратилась на поле боя на следующий день, чтобы преследовать атаковавшую её группу, но не смогла её найти. Командование было вне себя из-за того, что мы потеряли прибор «Старлайт». Про мой брошенный пулемёт никто не вспомнил. В замаскированной стрелковой ячейке впереди и чуть левее от моей позиции, там, куда я забросил несколько гранат, нашли вьетконговского солдата с оторванной головой. Когда они нашли мёртвого ВК, Киркпатрик временно сошёл с ума и принялся пинать безголовое тело, и его пришлось оттащить. Лейтенант не упомянул, были ли обнаружены другие тела или следы крови.

Каковы шансы, что обезглавленный вьетконговец был тем самым парнем, что ранил меня в ногу? Это определённо получился бы акт идеальной справедливости. По всей вероятности, тот парень, что прострелил мне рот, успел смыться. Знал ли он, что его выстрел пронзил плоть и необратимо изменил чью-то жизнь? Вот ирония — мне предстоит всю жизнь носить на лице отметину от его пули, в виде напоминания о человеке, с которым я никогда не встречался, но запомню его на весь остаток дней.

Очень жаль, что я не мог говорить, иначе я как следует порасспросил бы лейтенанта об остальных возможных потерях ВК. Мне было любопытно, нашли ли ещё тела? Может быть, они и были, просто он про них не сказал. Может быть, их успели утащить, чтобы закопать где-то, или их сожгло напалмом. Казалось невероятным, что мы так упорно удерживали позиции и бились целый день на короткой дистанции и прихлопнули всего

лишь одного. Это была бы слишком горькая пилюля.

Через несколько минут лейтенант отбыл. Он не смотрел прямо на меня большую часть визита. Большую часть времени он провёл, потирая пальцами лоб, как будто прикрывал глаза от солнечного света, или от моего тогдашнего обличия. Он, должно быть, пришёл в замешательство, увидев, сколько нас находится в изувеченном состоянии. На самом деле, он выглядел зеленоватым, и я даже как-то опасался, как бы он не блеванул на пол возле моей кровати.

Ещё приезжал Генри Фонда. Он был один, и переходил от койки к койке, разговаривая с ранеными с глазу на глаз.

— Ну, что с тобой стряслось? — спросил он с широкой тёплой улыбкой. Я сложил пальцы правой руки пистолетом и выстрелил себе в лицо, чтобы показать ему, что случилось. Он предложил мне слова утешения и ободрения. О его дочери Джейн речь не заходила. Позже, когда он ушёл, я обеспокоился, что у него могло сложиться впечатление, что я подстрелил себя сам. Просто поразительно, как я всегда умел придумывать себе поводы для переживаний, как будто не хватало настоящих проблем.

Где-то в госпитале Чёрные Львы продолжали нести потери. Через несколько дней после боя Генри Флеминг, мой единственный за всю жизнь знакомый из штата Делавэр, к счастью, не слишком близкий, скончался от ран. Его нижняя часть живота, и, по-видимому, мочевой пузырь, оказались пробиты кусками летящего на огромной скорости металла, пулями или осколками, я не знаю, чем именно.

Врач сказал Генри, что операция прошло успешно, и вскоре он благополучно отправится домой. Генри возражал, говоря, что у него внутри что-то не в порядке, и что он умрёт, если это не долечат. Хирург ему не верил, и заверял его, что он полностью выздоровеет, и они ещё посмеются вместе над его страхами. Всё сложилось иначе.

Через пять дней без питья моя жажда стала достигать астрономических масштабов, даже несмотря на то, что моя емкость для капельницы была полна двадцать четыре часа в сутки. Физиологический раствор с добавлением декстрозы был никуда не годной заменой старому доброму стакану воды или банке газировки. Около полудня показался всё тот же высокий, пидороватый негр, везущий тележку с едой. Как обычно, у него были подносы для всех, кроме меня.

Он поджал губы и пропищал,что я опять в списке «кого не кормить», как будто это какая-то мелочь. Затем он хихикнул себе под нос и пошёл дальше со жратвой для всех остальных. В душе я чувствовал, что он не нарочно мне грубил, просто он не

задумывался о том, как со мной говорит.

Тем не менее, он меня так раздражал, что я харкнул в него, когда он повернулся спиной. Выделениям в моей трахеотомической трубке не было конца, и я случайно узнал, что если сжать губы и кашлянуть, то трубка превращается в игрушечную пушку. Страшное дело. Первый комок слизи приземлился в проходе возле тележки с подносами. Второй развалился на полпути и упал между кроватями напротив меня. Часть попала негру на спину. Что-то почувствовав, но не понимая точно, что произошло, он кинул на меня короткий вопросительный взгляд через левое плечо. Моей единственной защитой было прикрыть один глаз наполовину и наклонить голову набок, как делают собаки, когда слышат высокочастотный свист, который они могут различить, а человек — нет. Я надеялся, что мой приём придаст мне вид оглушённой кувалдой коровы на скотобойне, неспособной к осознанным действиям и, таким образом, не заслуживающей расплаты.

Когда обед закончился, все подносы вернулись в тележку, которая была отвезена в дальний конец здания и временно оставлена без внимания. Выбравшись из кровати и двигая рядом с собой свою стойку для капельницы, словно пьяного партнёра по танцам, я дотащился до тележки. Там стояло полстакана чая со льдом на одном подносе и полстакана лимонада на другом. Слив два стакана в один, я выцедил его, исполнившись ликования. Это была подлинная амброзия, нектар богов. Чудесные достоинства этого напитка не поддаются никаким попыткам их описать, и никогда в своей жизни я не смог его воспроизвести. И это несмотря на то, что изрядное количество жидкости вылилось из различных дыр в моём лице и впиталось в мою пижаму.

За стойкой медсестры главная медсестра, майор Хелен Мэки, наблюдала за мной краешком глаза. Она руководила остальными сёстрами и всегда, как мне казалось, работала дольше и упорнее, чем любая из её подчинённых. Когда чай с лимонадом потёк из моего лица, она улыбнулась и продолжала заниматься своими делами. Это навело меня на мысль, что все в порядке и мне незачем спешить на место, пока меня не накрыли.

Приободрившись, я задержался у тележки, прежде чем направиться на свое место отдыха. Прекрасно было находиться в вертикальном положении для разнообразия. Единственным пациентом, которого я узнал, был белый парень, израненный взрывом «клаймора». Его кожа уже не была такой зелёной, и он выглядел куда более здоровым, чем на поле боя, что меня обрадовало. Все четыре его конечности были в длинных белых повязках с розовыми разводами в тех местах, где кровь

просочилась сквозь гипс. Он выглядел, как огромный столбик возле парикмахерской.

Питьё изменило всё. Капельницу с меня сняли, мне начали давать жидкую пищу и вышел приказ отправить меня в госпиталь в Японию. Вскоре мою каталку уже везли по проходу в стоону двери. Всегда занятая майор Мэки работала за стойкой медсестры.

— Ну что ж, Роннау, желаю приятно провести время в Японии, — сказала она приветливо, когда я проезжал мимо. Она была ладной дамочкой. Несмотря на свою рабочую нагрузку, она знала мою фамилию. От личного обращения я почувствовал себя по-особенному.

На улице каталочный сервис закончился и я направился к вертолёту и забрался на борт. Он должен был отвезти меня на авиабазу Таншоннят, откуда гигантская летающая больница С-141 перевезла бы меня в Японию. Это был вертолётный перелёт для одного человека, отчего я почувствовал себя важной персоной. На борту находилась симпатичная девушка из Красного Креста, с короткими светлыми волосами, её прислали для сопровождения. Она держала при себе переносную вакуумную машинку, по видимости, на тот случай, если моя дыхательная трубка забьётся выделениями. Большой необходимости в машинке не было, потому что я мог как следует кашлянуть и выдуть из трубки почти всё, что угодно.

На базе Таншоннят я зашёл в ангар, где находилось втрое больше пациентов, чем в моём предыдущем госпитале, несмотря на то, что он был тех же размеров. Там стояло ровно столько же кроватей плюс ещё такое же количество кресел. Повсюду стояли или прохаживались парни, которые не могли ни сесть, ни лечь, ни заткнуться. Атмосфера была праздничной. Было очень шумно из-за смеха и разговоров. Настало время праздника. Набрав там достаточное количество раненых, чтобы заполнить самолёт, нам предстояло отправляться. Через несколько часов война для нас заканчивалась, по крайней мере, на время. Доктора в Японии должны были определить, достаточно ли мы изувечены, чтобы отправляться обратно в Штаты, или нас можно починить и вернуть в бой.

Я был настроен пообщаться, хоть и не мог полностью присоединиться к разговорам. Поверьте мне, в том помещении звучали боку примечательные истории. У одного джи-ай на костылях была вырезка из газеты, где говорилось, что операция «Джанкшен-Сити» длилась немного более месяца, но уже закончилась. Там утверждалось, что потери американцев в операции превысили триста человек убитыми и полторы тысячи

ранеными. Конечно же, сообщалось о потерях врага убитыми, ранеными, пропавшими без вести и попавшими в плен столь высоких, что потребовалась бы логарифмическая линейка, чтобы подвести итог. Насколько точными были эти цифры — отдельная история. Один дружелюбно настроенный солдат предложил мне закурить. Когда я отклонил предложение ввиду своего физического состояния, он охотно объяснил мне, как вставить сигарету в трахею и затянуться, сжав губы. Метод сработал и после недели без курева это было великолепно, даже несмотря на то, что сигарета марки «Кул» была с ментолом, а я их обычно не курю.

Впервые я подумал, что трахеостома может пригодиться, а не только доставлять неудобства. Впрочем, был небольшой повод для беспокойства. Если самолёт рухнет в воду между Вьетнамом и Японией, я утону. Эта мысль не вытеснила все остальные и не заставила меня повернуть назад, но всё же она появилась. Выросший у моря, я плавал, словно дельфин, но не тогда, когда вода заливается в дыру у меня в шее. Почему они не выдали мне пробку или резиновую затычку?

Самолёт был огромным. Там помещалось около семидесяти каталок и ещё столько же пассажирских сидений. Солдат из военно-воздушных сил указал мне мою каталку. С моей стороны это вызвало протест. Я не хотел приехать домой на носилках. Я собирался пройти на своё место и лететь, как нормальный пассажир, как будто меня вовсе не отделали. Это было чисто символически, но мне хотелось именно так. Экипаж оказался понимающим, и меня перевели в кресло без возражений. Через два часа полёта я был так вымотан, что буквально не имел сил сидеть прямо. Я застенчиво спросил у экипажа, нельзя ли мне прилечь. И опять они перевели меня без какой-либо критики и едких замечаний.

В остальном наш перелёт в страну Восходящего Солнца прошёл приятно и без происшествий. Для меня это было что-то невероятное. Получив ранение, я был вывезен с поля боя ещё до захода солнца. Теперь, через несколько дней в госпитале в зоне боевых действий, меня увозят с континента и отправляют в нейтральную страну, где безопасно. Дело просто невиданное.

Из-за такого рода вещей я за некоторое время до того пытался убедить Тайнса, Ортиса и ещё нескольких парней из нашего отделения, что с учётом всего этого, Вьетнам был несерьёзной войной в сравнении с Кореей и Второй Мировой. На самом деле, во всех наших крупных войнах появлялись свои преимущества для парня, которому в поле отстрелили задницу, преимущества, которые делали войну более сносной, чем

предыдущая. От войны за независимость до гражданской войны, Мировых войн, Кореи и Вьетнама всегда появлялись новшества в области связи, транспорта и медицины, которые облегчали участь среднестатистического бойца. Кто бы выдержал войну без регулярных посылок от мамы, без передвижных медпунктов, без общей анестезии; войну, где обычным делом были ампутации и никаких антибиотиков против неизбежного заражения ран? Это просто немыслимо.

Во Вьетнаме мы заранее знали, что если нас ранит, то мы со всей вероятностью окажемся в госпитале в течение часа и за пределами зоны боевых действий в течение нескольких дней. Нам не приходилось переносить суровые, морозные зимы. У нас всегда было полно еды и сигарет. Мы должны были воевать всего двенадцать месяцев, затем можно было всё бросить и ехать домой. Некоторые наши предшественники не бывали дома по несколько лет подряд. И в довершение всего, один или даже два раза, если мы чувствовали себя психически перегруженными или слишком боялись за себя, то можно было объявить «я в домике» и взять тайм-аут, прервать войну и взять неделю отпуска. Неделя проходила в центрах отдыха и рекреации в Австралии, Японии, Малайзии, Таиланде, на Тайване, или в нашем самом молодом штате, на Гавайях. Разве это не здорово?

Никто со мной не согласился. Просто находиться во Вьетнаме уже само по себе было тягостной ношей. Раз они оказались во Вьетнаме, то уже были несчастны и не повелись на мои радостные песни и пляски о том, что наша война — лёгкая война. Они даже не дали мне возможности упомянуть о том, что у противника не было ни авиации, ни артиллерии. Для нас это оказалось ещё одним удачным совпадением.

Наш самолёт приземлился на американской военно-воздушной базе на Хонсю, главном японском острове. Фудзияма, священная для японцев гора, приветствовала нас своим величественным снежным пиком, виднеющимся вдали. Увидеть её было неожиданным подарком. Её вид настроил меня на более позитивный лад насчёт всего происходящего. Я был уверен, что побывать в тени Фудзиямы — хорошее предзнаменование.

Непродолжительная поездка на автобусе доставила нас в казармы Кисинэ, американский военный госпиталь в Йокогаме. Моя палата находилась на пятом этаже. Мой сосед по комнате, Руди Рихтер, был сержантом из 173-ей воздушно-десантной бригады. Он сказал, что когда-то служил во Французском Иностранном легионе в Индокитае. Рихтер был гражданином Германии и вступил в нашу армию, чтобы получить американское гражданство. Мысль о не-гражданах, служащих в нашей армии

никогда не приходила мне в голову.

Руди был умным и дружелюбным, что делало его приятным соседом. Как и я, он был ранен в рот и имел на лице целый набор рваных красноречивых шрамов. Один глаз у него был выбит, и увула, эта штучка, которая висит сверху в глотке, была оторвана пулей. По-видимому, теперь она валялась где-то в джунглях. Я точно не знаю, для чего нужна увула, но от рассказа про то, как её отстрелило, меня передёрнуло.

Помимо Руди, мне там встретилось ещё немало интересных персонажей. Самым печальным случаем был Вилли-Питер, как мы его называли. Он принимал своё прозвище со здоровым чувством юмора. Большая часть его тела была обожжена взрывом гранаты с белым фосфором, которая случайно взорвалась в его бараке. Его тело было с головы до ног замотано в белые бинты, в которых он выглядел, как Борис Карлофф в фильме «Мумия»[92]. Не имея достаточно кожи, чтобы удерживать жидкости внутри, он протекал. Его постель то и дело промокала. Медперсоналу приходилось пересаживать его в кресло, пока они меняли одеяло и простыни. К тому времени, как они заканчивали, под креслом скапливалась небольшая лужица.

Вилли-Питер боролся с постоянными инфекциями. В один из дней, необычно разоткровенничавшись, одна медсестра поведала мне, что они все ожидают, что Вилли-Питер умрёт. Они думают, что рано или поздно он подхватит инфекцию, с которой не сможет справиться и тут ему придёт конец. Мне было очень грустно это слышать, и я удивился, почему же они не привезут его семью в Японию, чтобы с ним попрощаться, или не попытаются как можно скорее отправить его в Штаты. Мне не хотелось бы никогда больше не увидеть маму и папу, и я был рад, что я не оказался на его месте.

Самое необычное ранение было у чернокожего солдата, которому в лицо попали несколько кусочков горящего белого фосфора, этот случай никак не связан с ранениями Вилли-Питера. Кусочки фосфора продолжали гореть даже после того, как продырявили кожу и прожгли себе путь через мясо на его лице.

Нас всех учили, что если на кого-нибудь попал горящий белый фосфор, то надо либо потушить его водой или песком, либо выковырять его, что кто-то и сделал. Другой джи-ай взял штык и почистил лицо чернокожего солдата, словно морковку. Таким образом, он успешно очистил лицо солдата от горящего вещества и уберёг его от дальнейших ран. К несчастью, на лице у чернокожего остались множественные клубнично-красные депигментированные полосы в полдюйма шириной. Его лицо не выглядело ни как-то особо устрашающе, ни отталкивающе, но

очень странно. Просто чертовски чудно.

Самым беспокойным типом был белый паренёк примерно моих лет, его щиколотка была сломана в нескольких местах. Костоправы прооперировали его ногу и вставили в неё несколько болтов и гаек, чтобы собрать её. Потом он несколько недель передвигался в инвалидном кресле. Когда я попал в Японию, он уже ходил на костылях и готовился от них отказаться и отправляться обратно на войну.

Понятное дело, он был нервным, как кошка, насчёт своих перспектив. Несколько недель он прожил среди слепых, обожжённых и прочих, искалеченных самыми отвратительными способами, какие только можно вообразить. Свободное время он проводил за разговорами с парнями вроде меня, у которых кофе выливался из дыр в лице, когда они его пили. Он смотрел, как лужица скапливается под креслом Вилли-Питера. Для бедняги миф о собственной невидимости не просто поблёк, он полностью рухнул. Он видел достаточно, чтобы узнать, что все эти ранения были реальностью, и любое из них было возможно. Он постепенно превратился в психопата. При разговоре его реплики стали такими беспорядочными и суматошными, что временами казалось, что он заговаривается. Отправить его обратно на войну стало было для него жестоким и незаурядным наказанием. Я ещё раз проанализировал сложившуюся ситуацию и порадовался, что это кто-то другой, а не я. Со мной и так произошло немало всего за последнее время.

На мой взгляд, я никогда не был во Вьетнаме таким дёрганым, каким этот парень должен был стать после возвращения туда. Но вы никогда не сказали бы так, глядя на мои руки. Вскоре после прибытия в Японию мои ногти на руках начали принимать нормальный вид. До того момента, однако, они представляли собой жалкое зрелище. Я был заядлым нервным ногтегрызом ещё со школы. Вьетнам давал столько поводов для беспокойства, что за последние месяцы я сжевал свои ногти почти до первой фаланги. Теперь, со стянутыми проволокой челюстями, это стало невозможно, так что теперь они начинали выглядеть лучше.

Позже в тот же свой первый день в госпитале я заметил через дверь своей комнаты на пятом этаже, что большинство пациентов и персонала смотрят через окна на улицу. Протестующая японская молодёжь, числом около четырёхсот человек, маршировали вокруг госпиталя, за закрытыми воротами, кружа возле нас, словно стая барракуд. Это было захватывающе. Я до той поры ни разу не видел антивоенной демонстрации. На улице протестные песни Джоан Баэз вопили на нас из

громкоговорителей. На ходу демонстранты выкрикивали разные известные антивоенные речёвки. Самой мягкой была: «Раз-два-три-четыре-пять, на войну нам всем насрать». Ещё одну, более мелодичную, скорее пели, чем скандировали: «Раз-два-три-четыре-пять, для чего нам воевать? Пять-шесть-семь-восемь-девять, во Вьетнам мы не поедем!». Наиболее злобной была такая: «Эй, эй, Эл-Би-Джей, сколько ты убил детей?» Антиамериканские, антивоенные митинги и беспорядки в 1967 году часто происходили по всему миру, не только в Америке. Это был один из них.

Чего демонстранты не видели — того, что около двух сотен японских полицейских из подразделения по пресечению беспорядков ждали в огороженном дворе. Они носили блестящие чёрные шлемы и отрабатывали удары каратэ и броски дзюдо. Некоторые вертели в руках деревянные палки в четыре-пять футов длиной и толщиной, как дубинка американского полицейского. Для тренировки они колотили ими друг друга.

Когда группы демонстрантов проходили мимо главных ворот, они бросались вперёд и наваливались на них, пытаясь открыть, но не могли. Полиция терпела их деятельность некоторое время, час или два, затем ворота открылись и демонстранты повалили внутрь, стремительно разбегаясь во всех направлениях. Одновременно с ними полиция кинулась им навстречу. Вот это было зрелище: шестьсот человек дерутся прямо перед госпиталем, и у нас места в первом ряду. Чёрные шлемы победили. Демонстрантам надрали зад и вышибли обратно за ворота. Мы хлопали и веселились. Все посмеялись и отлично провели время.

Когда я обустроился, первым делом мне провели медицинский осмотр. Двое челюстно-лицевых хирургов обследовали меня, и использовали слова, которых я не понимал, вроде «некротический» и «афазия», чтобы обсудить моё состояние. Затем они обратились ко мне по-английски, чтобы сообщить хорошую и плохую новость.

Хорошая новость состояла в том, что моё лицо нельзя было быстро починить, так что моя командировка во Вьетнам заканчивается. АЛЛИЛУЙЯ! Я выжил. Вскоре меня должны были отправить в военный госпиталь Леттермана в Сан-Франциско. Картина прояснилась настолько, что я мог написать домой и рассказать родителям, что со мной произошло. Плохая новость заключалась в том, что моя мандибула, то есть нижняя челюсть, оказалась инфицирована и мне придётся немедленно провести ещё одну операцию, чтобы удалить омертвевшие ткани и осколки кости.

Следующее утро застало меня на каталке в предоперационном помещении, с капельницей в руке. В комнате были распашные двери на обоих концах, но не было окон. Там стояла ещё одна каталка, её занимал чрезмерно мускулистый чернокожий мужчина, который рычал, обильно потел и пытался освободиться от кожаных ремней, связывающих его. Правым локтем он ударил по стойке рядом с каталкой и сбил с него контейнер с кубиками льда, которые заплясали по плиточному полу во все стороны. От яркого света с потолка они засверкали, как бриллианты. Этот парень выглядел, как лунатик в бреду.

Высокая, стройная женщина в зелёном халате и маске вошла и сообщила, что сделает укол, чтобы помочь мне расслабиться. Её глаза тоже были зелёными, переливающегося зелёного цвета и едва виднелись над маской. На них было слишком много макияжа, с учётом ситуации, но все равно она была чрезвычайно хорошенькой. Проверив фамилию на браслете у меня на запястье, она выпустила полный шприц прозрачной жидкости в трубку моей капельницы. Затем она сказала мне попытаться заснуть. Когда я спросил насчёт парня на соседней каталке, она ответила, что у него бешенство. Мне это показалось неправильным. Прежде, чем я успел задать следующий вопрос, она ушла, даже не сообщив мне своего имени.

Вскоре после её ухода меня начали накрывать опиаты, которые она впрыснула мне в руку, и я начал отключаться. После длительного натиска на психику, стараний выжить в зоне боевых действий, чувство оцепенения и ощущение расслабленности были столь чудесны, что последнее, чего мне хотелось — провалиться в сон. Прошло немало времени с тех пор, как я чувствовал себя столь же удобно и безопасно. В другой углу комнаты на маленьком столике лежала книжка в мягкой обложке, которой я завладел, чтобы помочь себе не уснуть. Это оказалась «Иди, вещай с горы» Джеймса Болдуина[93]. Я прочёл первую строчку:

«Все говорили, что Джону, когда он вырастет, стоило бы стать священником, вслед за своим отцом».

Предложение было медленным и требовало много времени, но мне оно нравилось. Меня не беспокоило, что псих на соседней койке прогрызался сквозь свои ремни. Он пристально следил за своей работой. Временами он на мгновение отвлекался от своих пут и пытался прожечь меня взглядом, громко рыча. Настало самое лучшее время, и я собирался им насладиться.

«Все говорили, что Джону, когда он вырастет, стоило бы стать священником, вслед за своим отцом».

Теперь не имело значения, как будет выглядеть моё лицо и где в ту минуту находится весь остальной взвод. Всё в мире было

отлично. Стало нетрудно понять, почему парни в гетто употребляют эту дурь.

Чуть позже вновь появилась Зелёные Глаза и моя каталка отправилась в полёт в операционную. По дороге доктор упрекала меня за то, что я не старался уснуть. Я не обращал внимания. Все было шикарно, как в Стране Грёз. Моя война закончилась, я жив, мои ранения были лишь малой платой, парень с бешенством до меня не добрался, и я еду домой. Лучше не могло и быть. Я продолжал читать.

«Все говорили, что Джону, когда он вырастет, стоило бы стать священником, вслед за своим отцом».

ПОСТСКРИПТУМ

ЭД БЁРК уволился из армии в звании полковника. На встречах я иногда называю его «капитан», потому что с моей точки зрения это самое важное звание, что он когда-либо носил. Он занимает должность исполнительного директора Общества Первой пехотной дивизии и занимается множеством услуг и мероприятий для ветеранов 1-ой пехотной.

АРТ КОРДОВА работает в департаменте по обслуживанию инвалидов в Альбукерке. По иронии судьбы, некоторые из его клентов — ветераны Вьетнама. Арт ведёт активную общественную жизнь и весьма успешно выступал тренером в «Поп Уорнер». Мы встречаемся на ветеранских слётах и в промежутках поддерживаем контакт по телефону.

МЭНСИЛ ФЭЙРМЕН закончил свою военную карьеру и ушел в отставку в Теннесси. Когда я впервые услышал, что он приедет на слёт, моё сердце объял ужас. Я боялся, что он либо треснет мне, либо заставит отжиматься перед строем. Он оказался человеком настолько приятным, насколько можно представить. Он утверждал, что не испытывал ко мне большей неприязни, чем к любому другому, и что в его памяти я остался, на самом деле, как «нормальный боец». От него это была высочайшая похвала. Он, пожалуй, наиболее близок к званию настоящего американского героя из всех, кого мне доводилось встречать.

СТЭНЛИ ДЖИЛБЕРТ погиб в октябре 1967 года в бою близ местечка под названием Онг Тхань. Через несколько лет мне удалось установить контакт с его семьёй в Миннесоте, и я отправил им несколько увеличенных фотографий Стэна, в том числе и ту, где мы сидим на танке с именем «Завсегдатай», который мы спасли от снайперов. До сегодняшнего дня семья Стэна глубоко опечалена его гибелью. Его брат сказал мне, что они до сих пор носят траур на годовщину его гибели и на День Памяти.

ДЭН ХЬЮИШ остался инвалидом после крушения вертолёта, который был сбит. Сейчас он живёт в Хантингтон-Бич, штат Калифорния, и сохраняет бодрый настрой на слётах, которые посещает.

ЛЕЙТЕНАНТ ДЖАДСОН не присутствовал на тех слётах, где бывал я. Остальные рассказали мне, что когда после Вьетнама в армии прошли сокращения, его заставили принять понижение в звании от офицера до простого военнослужащего, чтобы остаться на службе. Впоследствии он стал священником в Алабаме.

ФРЕД КИРКПАТРИК живёт в Огайо, где он уже более

двадцати лет женат, у него две дочери. После работы торговым агентом Фред сменил курс и начал карьеру частного сыщика. Он является движущей силой во всех слётах батальона и проводит неоценимую работу для них. Он также разработал и поддерживает сайт батальона[94]. Мне всегда нравится его общество и наши долгие беседы, когда мы встречаемся.

РОНАЛЬД МЕНЕНДЕС и я встретились однажды в аэропорту Сент-Луиса. Он сказал мне, что хотел бы побольше узнать о том, что с ним было во Вьетнаме. Он добавил, что у него почти не осталось воспоминаний о службе у «Чёрных львов». Он не сказал, продолжает ли он употреблять наркотики, а я побоялся спросить.

БИЛЛИ МЁРФИ завершил военную карьеру и теперь живёт в штате Миссури. После своей командировки в качестве пехотинца у «Чёрных львов» он поступил в лётную школу и вернулся во Вьетнам в качестве пилота вертолёта. Он сказал мне, что гораздо чаще бывал под обстрелом, как пилот, чем как пехотинец.

БОБ РИВЗ пару раз чуть не купил себе участок на кладбище во время ракетных обстрелов Лай Кхе после моего отъезда. Один раз о спасся только тем, что когда начали падать ракеты, он выпрыгнул в канаву из движущегося джипа. Мы до сих пор близкие друзья и часто видимся. Он живёт в Финиксе, женат уже тридцать с чем-то лет и работает руководителем в банковской отрасли.

КРИС РОННАУ, автор этих строк, был отправлен в военный госпиталь Леттермана в Сан-Франциско. Там я получил отличную медицинскую помощь, которая включала в себя с полдюжины операций. Левая сторона моей челюсти была восстановлена с использованием одного из моих рёбер. После демобилизации я вернулся в колледж, затем поступил в медицинскую школу, и много лет занимался реаниматологией. Я разведён, у меня трое очаровательных детей, им уже за двадцать. Несколько лет назад средний спросил: «Папа, почему бы тебе не написать книгу про твою службу во Вьетнаме, чтобы мы её прочитали и узнали, как там было?»

ДЖОН СИВЕРИНГ тоже живёт в Огайо, где работает руководителем в мотоциклетной компании. Он приезжал не некоторые слёты, на те, которые оказывались достаточно близко, чтобы он мог доехать туда на своём мотоцикле.

МАРК СМИТ получил фронтовое повышение и стал офицером. Он продолжал служить в армии и впоследствии возвращался во Вьетнам с новыми командировками. В битве у Лок Нинь в 1972 году он был несколько раз ранен и попал в плен. Проведя почти год в яме в лагере для военнопленных на территории Камбоджи, он был выпущен, когда война закончилась

и всех американских пленных освободили. Сейчас он работает военным советником на правительство Таиланда и у него всегда есть в запасе хорошая история, чтобы рассказать её на слёте.

Я мало знаю об остальных людях, упомянутых в моей книге, за исключением тех, чьи имена выгравированы на стене мемориала ветеранов Вьетнама в Вашингтоне. Главное, они добрались до дома живыми.

Покрытые почётными шрамами
На коленях славы он лежат.
И, хоть они пали, они пали, словно звёзды,
Величественно стремящиеся с небес.

МЕМОРИАЛ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
Эдентон, штат Северная Каролина

notes

Примечания

1

Клуб «золотая звезда» — организация по поддержке родителей, потерявших детей на войне.

2

«Радио Сити Рокеттс» — популярная танцевальная варьете-труппа.

3

«Невада Смит» — вестерн 1966 года.

4

«Я люблю Люси» — популярный американский сериал, выходивший на телевидении с 1951 по 1957 год. Рики Рикардо — один из двух главных героев, его роль исполнял актёр Дизи Арназ.

5

«Блумингдейлс» — крупная американская сеть магазинов.

6

«Пески Иводзимы» — художественный фильм 1949 года про войну на Тихом океане. Джон Уэйн — американский актёр, известный многочисленными ролями чрезвычайно мужественных героев. Его имя стало до известной степени нарицательным.

7

Битва у Порк-Чоп-Хилл — общее название для двух крупных боёв в апреле и июле 1953 года во время войны в Корее. Из-за крупных, и, по ряду мнений, неоправданных потерь американцы называли безымянную высоту Порк-Чоп-Хилл, от английского Pork-Chop — рубленая свинина.

8

Большая Красная Единица — разговорное название 1-ой пехотной дивизии. Появилось благодаря принятому в дивизии нарукавному шеврону.

9

Тифозная Мэри — жительница Нью-Йорка Мэри Маллон (1969 — 1938), первый человек в США, признанный здоровым носителем брюшного тифа.

10

Ханой-Хилтон — ироническое название для северовьетнамской тюрьмы Хоало в Ханое для американских военнопленных.

11

«Кул-Эйд» — дешёвый растворимый напиток.

12

Первые буквы имени Willie-Peter совпадают с первыми буквами слов white phosphorus — белый фосфор.

13

«Богги» — название для неопознанных самолётов, распространённое в американской армии во Вторую Мировую войну.

14

Кабрини-Грин — район Чикаго, застроенный в 1942-1962 годах. К концу застройки он оказался полностью заселён чернокожими. Район отличался бедностью и высоким уровнем преступности, с которыми до сих пор ассоциируется его название. В 2011 году район был полностью снесён.

15

Чудо-хлеб (Wonder Bread) — марка продаваемого в США и Канаде белого хлеба.

16

Код Навахо — во время Второй Мировой войны в армии США при радиопереговорах для безопасности использовали индейцев навахо, говоривших на своём языке, непонятном для противника.

17

По-видимому, имеется в виду экспериментальный боеприпас XM576E2, признанный неудачным из-за слишком сильного разлёта дроби. Позднее в армии появился дробовой патрон M576, содержащий 20 шариков.

18

Фрамбезия — распространённое в тропических странах и весьма опасное в отсутствие лечения заболевание.

19

Боку — от французского beaucoup — «много». Слово было популярно среди американских военнослужащих во Вьетнаме.

20

«Бангалорская торпеда» — разновидность мины, используется для подготовки проходов в проволочных и минных заграждениях. Имеет вид длинной трубы, наполненной взрывчаткой.

21

Аллюзия на одну из многочисленных американских шуток про поляков: «Почему погибла польская расстрельная команда? — Потому что стояла в кружок!»

22

SNAFU — Situation Normal All Fucked Up — Ситуация нормальная, всё накрылось.

23

FUBAR — Fucked Up Beyond All Reason — Всё накрылось безо всякого повода.

24

Паёк по-английски — ration, сокращённо rat — крыса.

25

В США губернатор штата имеет право смягчать назначенное судом наказание.

26

«Чёрные ирландцы» — термин, который применяется американскими ирландцами для людей ирландского происхождения с тёмно-коричневыми или чёрными волосами, которые отличаются от стереотипа рыжеволосого ирландца.

27

Метод Палмера — метод письма, разработанный Остином Палмером на рубеже XIX-XX веков. В принципе — просто способ писать прописными буквами, не отрывая карандаша от бумаги, как учат детей в первом классе.

28

Траншейная стопа — повреждение кожи, вызванное длительным нахождением в сырости. На самом деле являет собой разновидность обморожения.

29

Альфред Э. Ньюман — герой и «лицо» детского журнала «Mad Magazine», беззаботный и принципиально неунывающий мальчик.

30

Мистер Магу — герой мультфильмов студии UPA, беспечный старичок, вокруг которого происходят всевозможные катастрофы, которых он не замечает из-за близорукости.

31

«Победа на море» — документальный телесериал компании NBC о боевых действиях на море в ходе Второй Мировой войны, выходивший в 1952-1953 годах. В сериале 26 серий, которые в 1954 году были собраны в единый фильм.

32

Джон Филип Суса (1854 — 1932) — американский композитор, известный в первую очередь своими военными маршами.

33

Станция «Янки» и станция «Дикси» — места базирования американских авианосцев в ходе вьетнамской войны, в Тонкинском заливе и дельте Меконга соответственно.

34

«Гарлем Глоубтроттерс» — американская баскетбольная выставочная команда. «Гарлем Глоубтроттерс» не участвуют в чемпионатах, а проводят показательные матчи с элементами спортивного шоу.

35

Сэд Сэк — герой комиксов сержанта Джорджа Бейкера, неумелый и неловкий солдат.

36

Битл Бейли — герой комиксов Морта Уокера, не слишком усердный, но находчивый американский солдат.

37

Бенджамин Гаррисон (1833 — 1901) был президентом в 1889-1893 годах.

38

«Брилкрим» (Brylcreem) — марка средства для укладки волос.

39

Бронзовая звезда — награда в армии США, вручаемая за военные заслуги. В случае, если награждение производится за героизм на поле боя, к ней полагается дополнительный знак в виде буквы V, это сильно повышает статус награды с девятого места по значимости до четвёртого среди прочих наград.

40

Автор служит в роте «С», а букве «С» в фонетическом алфавите НАТО соответствует кодовое слово Charlie — «Чарли».

41

Марсденское, или марстонское покрытие — металлические пластины с отверстиями, применямые для быстрой постройки временных ВПП. Название предположительно происходит от города Марстон в Северной Каролине, неподалёку от аэродрома, где покрытие было впервые произведено и испытано.

42

«Бой!» (Combat!) — американский художественный телесериал, выходивший на канале ABC в 1962-1967 годах, о боевых действия американской армии во Франции во время Второй Мировой войны.

43

«Дымящиеся стволы» (Gunsmoke) — американский вестерн-сериал, выходивший в 1952-1961 годах.

44

«Бонанза» — американский сериал, выходивший в 1959-1973 годах.

45

Поль Баньян — герой американского и канадского фольклора, великан-лесоруб.

46

Кватерхорс — порода верховых лошадей.

47

«Письмо дорогому Джону» — разговорное название письма солдату от его девушки, где написано, что она больше не будет его ждать. Такие письма зачастую начинались словами «Дорогой Джон:»

48

Бомба-бабочка — небольшая противопехотная бомба SD2, применяемая армией США в кассетных авиабомбах M28 и M29. Представляет собой копию немецкой бомбы времён Второй Мировой войны.

49

«Цитадель» — военный колледж Южной Каролины, одно из крупнейших военно-учебных заведений США.

50

«Объединённые организации обслуживания» — независимое объединение добровольных религиозных, благотворительных и других обществ по содействию вооружённым силам США. Принимает участие в организации досуга военнослужащих, прежде всего путём создания клубов.

51

В оригинале: contradict the party line publicly.

52

Президент Линдон Джонсон родился в штате Техас.

53

Трут-о-Консекуэнсес — город в штате Нью-Мексико. До 1950 года назывался Хот-Спрингс, затем название было изменено после того, как популярная радиовикторина «Truth or Consequnces» («Истина или последствия») объявила, что будет вести эфир из города, которые возьмёт себе название передачи.

54

Kissimmee — город в штате Флорида, его название на слух напоминает слова «Kissy me» «Поцелуй-ка меня».

55

«Вечернее шоу» — телевизионное ток-шоу на канале NBS, выходит с 1954 года по настоящее время. Джонни Карсон вёл шоу с 1962 по 1992 год.

56

Урсула Андресс (р.1936) — швейцарская киноактриса, пик её популярности пришёлся на 1960-е годы.

57

Уолтер Митти — герой рассказа Джеймса Тёрбера «Тайная жизнь Уолтера Митти», бестолковый мечтатель.

58

«Красавщик Джест» (Beau Geste) — фильм 1939 года по роману Персиваля Рена. Русскоязычному читателю роман может быть знаком под названием «Похороны викинга».

«Лима-Лима», то есть LL, сокращение от landline.

60

«Охота на мусор» (Scavenger Hunt) — американская игра, участники которой (команды или одиночки) должны за определенное время найти и собрать предметы из списка, не покупая их. За каждый предмет дается определенное количество очков, всем участникам дается одинаковый список предметов. Выигрывает тот, кто успеет набрать наибольшее количество очков. Каждый предмет считается только в единственном экземпляре.

61

Сержант Рок — герой комиксов компании DC Comics, крутой боец.

62

«Дримсикл» (Dreamsicle) — популярный в то время сорт мороженого.

63

«Пострелята» (Our Gang или Little Rascals) — выходившая с 1922 по 1944 годы серия короткометражных комедийных фильмов о компании малышей.

«Стерно» — продукт одноимённой компании, расфасованный в маленькие баночки загущённый денатурат, который удобно использовать для подогрева пищи в походе.

65

«Деревенщина в Беверли-Хиллс» — комедийный сериал, выходивший на телеканале CBS с 1962 по 1971 годы. В центре внимания — сельская семья, внезапно обнаружившая на своем участке залежи нефти. Джед Клампетт — один из главных героев, глава семьи.

66

«Разбойники Меррила» также подразделение «Галахад» или сборное подразделение 5307 — американское диверсионное подразделение, действовавшее во время Второй Мировой войны на Юго-Восточном театре военных действий, включающем в себя Китай, Бирму и Индию. Название «Разбойники Меррила» дано по имени командира подразделения Фрэнка Меррила. Джефф Чендлер — исполнитель роли Фрэнка Меррила в фильме «Разбойники Меррила» 1962 года.

67

Джон Джозеф Першинг (1860-1948) — генерал американской армии, участник испано-американской и первой мировой войн. В ходе Первой Мировой — командующий американскими войсками во Франции.

«Сэйфвей» — американская сеть магазинов.

69

«Хоутел-Альфа» — по фонетическому алфавиту «НО» — сокращение от haul ass.

70

«Идите и победите разок за Джиппера!» — слова американского футболиста Джорджа Джиппа по прозвище Джиппер, которые он якобы произнёс на больничной койке, обращаясь к тренеру команды Кнуту Рокне. Впоследствии, в фильме 1940 года «Кнут Рокне, настоящий американец» роль Джиппа исполнил Рональд Рейган, после чего за ним закрепилось прозвище Джиппер, а произнесённая им фраза позже использовалась, как политический слоган Рональда Рейгана.

71

Hell no, we won't go! — антивоенный и антиармейский лозунг тех лет.

72

На армейском сленге «короткими» называли тех, кому осталось мало служить.

73

Лайфер — профессиональный военный, в отличие от срочников.

Т.е. Конклин был понижен на одно звание.

75

Эдди Словик — единственный солдат американской армии, казнённый за дезертирство во время Второй Мировой войны.

76

Ливенворт — тюрьма общего режима в Канзас-Сити.

Я не очень понял, о чём речь. — прим.пер.

78

Атака Пикетта — неудачное пешее наступление южан на укреплённые позиции северян в битве при Геттисберге в ходе гражданской войны в США. Потери южан оказались столь колоссальными, что, по ряду мнений, неудача атаки предопределила поражение Юга в войне.

79

Оди Мёрфи — американский герой Второй Мировой войны, «самый награждённый солдат Америки».

80

Бой между Мохаммедом Али и Зорой Фолли состоялся 22 марта 1967 года.

81

Парад Мэйси — грандиозный парад, с 1927 года проводимый в Нью-Йорке универмагом «Мэйсис» на День Благодарения, в четвёртый четверг ноября.

82

«Африканская королева» — приключенческий фильм 1951 года.

83

Нож Боуи — большой нож, имеющий обух со скосом. Назван по имени изобретателя Джеймса Боуи.

84

Гарбанцо — семья американских цирковых актёров итальянского происхождения.

85

Цирк братьев Ринглинг — цирк, основанный в 1884 году пятью братьями Ринглинг и существующий до сих пор.

86

В США существовала традиция ставить статую индейца возле табачных магазинов.

87

Пого — герой серии комиксов художника Уолта Келли.

88

PF Flyers — популярная марка кед.

89

«Ровно в полдень» — вестерн 1952 года.

90

«Ганг-Хо» — слово, имитирующее боевой клич, примерно соответствует прозвищу «вояка».

91

Джонни Унитас (1933 — 2002) — американский футболист литовского происхождения.

«Мумия» в данном случае — фильм ужасов 1932 года.

93

Джеймс Болдуин (1924 — 1987) — чернокожий американский писатель. «Иди вещай с горы» — его первый автобиографический роман.

http://www.28thinfantry.org/